Культура и искусство древнего Хорезма

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ ИМЕНИ Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ
МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ СССР
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ ИСКУССТВА НАРОДОВ ВОСТОКА

Культура и искусство древнего Хорезма

Издательство «Наука»
Главная редакция
восточной литературы
Москва 1981

902.6
К 90

Редколлегия
М. А. ИТИНА, Ю. А. РАПОПОРТ, Н. С. СЫЧЕВА,
Б. И. ВАЙНБЕРГ

Сборник содержит статьи, посвященные различным сторонам истории и культуры древнего Хорезма и сопредельных районов Средней Азии и Казахстана. Обобщаются итоги археологических и этнографических исследований Хорезмской экспедиции Института этнографии АН СССР за 40 лет. Рассматриваются проблемы палеогеографии и первобытной археологии, итоги изучения городов древнего Хорезма и его искусства, вопросы связей с кочевым миром.

К $\frac{10602\text{-}014}{013(02)\text{-}81}$ 214-80. 0507000000

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1981.

КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО ДРЕВНЕГО ХОРЕЗМА

Утверждено к печати Институтом этнографии Академии наук СССР

Редактор *Н. А. Кукушкина*. Младший редактор *Р. М. Аветисова*. Художник *Л. Скородумов*. Художественный редактор *Э. Л. Эрман*. Технический редактор *З. С. Теплякова*. Корректор *Р. Ш. Чемерис*

ИБ № 14061

Сдано в набор 10.04.80. Подписано к печати 10.12.80. А-01961. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага типографская № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 17. Уч.-изд. л. 18,82. Тираж 3000 экз. Изд. № 4686. Тип. зак. № 237. Цена 1 р. 90 к.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва К-45, ул. Жданова, 12/1

3-я типография издательства «Наука». Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 1978 г. Институт этнографии АН СССР и Государственный музей искусства народов Востока провели научную конференцию, посвященную сорокалетию Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Этот научный коллектив, организованный и долгое время возглавлявшийся выдающимся советским ученым С. П. Толстовым (1907—1976), ведет исследования в Юго-Восточном Приаралье, там, где в низовьях Амударьи в древности и средневековье существовало Хорезмское государство. В статьях сборника в известной мере обобщаются результаты работ Хорезмской экспедиции, причем основное внимание уделено материалам, полученным после выхода последней книги С. П. Толстова и еще не освещенным в монографиях его учеников. Хронологический и тематический диапазон тем, разрабатываемых сотрудниками экспедиции и нашедших отражение в сборнике, весьма велик: первобытная археология, изучение городской цивилизации Хорезма и его искусства, археологическое картографирование, проблема связей земледельческого оазиса с кочевым миром и т. д. Затронут вопрос о древних традициях в современной культуре народов Хорезмского оазиса. Комплексный характер исследований экспедиции, постоянно проводимых в содружестве с учеными других специальностей, объясняет включение в сборник работ по палеогеографии Приаралья и Кызылкумов.

Ряд ученых, археологов и искусствоведов, работающих в других районах Средней Азии, рассказывают о новых материалах, связанных с тематикой Хорезмской экспедиции.

Мы горячо благодарим всех товарищей, которые помогли организации конференции и выставки в Государственном музее искусства народов Востока, ученых, выступивших с докладами и приславших свои работы для этой книги. К сожалению, из-за объема издания не все статьи могли быть опубликованы.

Редколлегия

М. А. Итина

ХОРЕЗМСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ — ОСНОВНЫЕ ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

В числе экспедиций, начавших в конце 30-х годов работы в Средней Азии, была организованная и многие годы руководимая членом-корреспондентом АН СССР С. П. Толстовым Хорезмская археологическая, а впоследствии археолого-этнографическая экспедиция, продолжающая свои работы и поныне. Это было время, когда перед советскими историками встала задача написания истории молодых среднеазиатских республик, когда в центре внимания востоковедов были проблемы изучения социального строя народов Востока, в частности спорных вопросов общественного строя народов домусульманской Средней Азии. Организация ряда археологических экспедиций, в том числе и Хорезмской, должна была способствовать получению новых источников для решения этих сложных исторических проблем.

Хорезмская экспедиция начала работы в 1937 г., ее исследования принесли Сергею Павловичу Толстову, автору и вдохновителю крупнейших открытий на землях древнего Хорезма, мировую славу.

Этот древний оазис в низовьях Амударьи благодаря специфическим климатическим условиям превратился в удивительный естественный музей под открытым небом, где среди песков высились стены крепостей и замков, виднелись сухие ложа древних каналов, повсюду были разбросаны обломки посуды всех времен. Пораженный всем увиденным, описывая свои первые впечатления, С. П. Толстов заключал: «Мы были у ворот древнего Хорезма, на пороге пути в неизведанное прошлое»[1]. Хорошо известно, что С. П. Толстов, Хорезмская экспедиция были далеко не первыми, кто увидел величественные развалины хорезмийских городов, крепостей и замков. Такие памятники, как Топрак-кала, Джанбас-кала, Базар-кала, Аяз-кала на правом берегу Амударьи и Гяур-кала, Шахсенем, Ярбекир, Замахшар и др. на левом берегу, упоминаются в трудах русских ученых, путешественников, военных конца XIX в.[2], пишут о них и русские географы, геологи, почвоведы, работавшие в низовьях Амударьи в начале нашего века и в конце 20-х — начале 30-х годов[3].

После революции начинают работать в Хорезме историки и археологи: в 1928—1929 гг. исследует развалины Куня-Ургенча

А. Ю. Якубовский [4], в 1934 г. на развалинах средневекового Замахшара работает М. В. Воеводский [5], в 1936—1937 гг. в районе средневековых городов Гульдурсуна и Наринджана и на оссуарном некрополе на горе Кубатау работают Я. Г. Гулямов, Т. Миргиязов, Р. Набиев [6]. Все эти работы несомненно явились ценным вкладом при воссоздании истории древнего Хорезма. Однако исследование всех этапов исторического развития такой крупной историко-культурной области, как древний Хорезм, разнообразие аспектов этих исследований и применяемые при этом комплексные методы, наконец, масштаб исследований, связанный в первую очередь с талантом С. П. Толстова — ученого, крупного организатора науки, педагога,— вот причина того, что именно Сергею Павловичу Толстову принадлежит честь открытия древнего Хорезма.

Начав с разведок, проведенных А. И. Тереножкиным [7], экспедиция с 1938 г. и поныне ведет раскопки и разведки, охватившие огромную территорию не только собственно Хорезмского оазиса в низовьях Амударьи, но и низовья Сырдарьи и прилегающие к оазисам районы пустынь Кызылкумов и Каракумов, Внутренних Кызылкумов, Центральных Каракумов и т. д. С Сергеем Павловичем работы экспедиции начинали такие известные ученые, как А. И. Тереножкин и Я. Г. Гулямов, С. А. Ершов, архитекторы В. И. Пилявский, В. А. Лавров, художник Н. П. Толстов и др.

Понять движущие силы тех процессов, которые в отдельные периоды истории Хорезмского оазиса приводили к торжеству природы над человеком, к превращению цветущих земель в пустыню, дать периодизацию истории Хорезма, попытаться ответить на вопрос об общественном строе древних хорезмийцев — вот те задачи, которые поставила перед собой Хорезмская археологическая экспедиция, «экспедиция С. П. Толстова», как ее и сейчас называют в Средней Азии, в начале своего пути. Однако успешно начатые работы были прерваны войной.

Послевоенные работы Хорезмской экспедиции по инициативе и под руководством С. П. Толстова приняли большой размах и развернулись на новой методической основе. Хорезмская экспедиция стала одной из самых крупных и наиболее современно технически оснащенных археологических экспедиций нашей страны.

Будучи убежденным сторонником комплексных методов исследований, С. П. Толстов реорганизует экспедицию в комплексную археолого-этнографическую [8]. Участие в работах экспедиции, помимо археологов и этнографов, географов, геоморфологов, почвоведов, антропологов значительно расширило рамки исследований и углубило их. С. П. Толстовым впервые в мировой археологической практике в специальных целях и в широком масштабе были применены аэрометоды [9]. Расширился круг проблем, стоящих перед экспедицией, увеличилось число воз-

можных аспектов их решения. По-прежнему важное место занимает изучение древних ирригационных систем и проблема общественного строя населения земледельческих оазисов Средней Азии. На первый план выдвигается проблема истории древних русел Амударьи и Сырдарьи — их формирования и заселения человеком. Большое внимание уделяется теперь проблеме истории кочевников и полукочевников, их взаимоотношений с населением оазисов, их исторической роли в экономической и культурной жизни страны. Очень важный аспект, являющийся сквозным для всех исследуемых эпох,— этногенетический.

В последние годы экспедиции удалось применить результаты своих исследований не только при воссоздании истории народов Средней Азии и их яркой и самобытной культуры, но и непосредственно в практике народного хозяйства. Мы имеем в виду работы, связанные с проектом переброса части стока вод сибирских рек в Среднюю Азию, практическое применение результатов работ Хорезмской экспедиции по исследованию древних ирригационных систем при новом освоении земель древнего орошения на территории Каракалпакии, а также охранные археологические работы на этих землях и на строительстве Тюямуюнского гидроузла.

За годы работы экспедиции на ее базе вырос большой коллектив квалифицированных специалистов по разным разделам археологической и этнографической науки, что обеспечило возможность исследований в широких тематических и хронологических рамках. С другой стороны, успешной разработке намеченной проблематики способствовали тесные контакты экспедиции с научными силами союзных среднеазиатских республик, среди представителей которых к тому же немало воспитанников Хорезмской эспедиции.

Итоги работ четырех довоенных лет были подведены С. П. Толстовым в монографии «Древний Хорезм»[10]. На скудном, по нынешним меркам, археологическом материале, но с использованием всех остальных видов исторических источников была дана периодизация истории Хорезма от эпохи неолита до средневековья, с некоторыми коррективами действующая и поныне.

Именно в этой книге первостепенное внимание было уделено истории хорезмийской ирригации, изучение и картографирование которой позволили С. П. Толстову уже тогда заключить, что развитие ирригационного земледелия в Хорезмском оазисе в значительной мере способствовало превращению Хорезма в античное время в государственное образование с централизованной властью. Изучение ирригационной сети позволило С. П. Толстову опровергнуть тезис о необратимом усыхании земель древнего орошения Средней Азии и установить, что историческая динамика оросительных систем определяется прежде всего социальными факторами, а не природными, что упадок искусст-

венного орошения и запустение цветущих оазисов обусловлены социальными и политическими причинами.

В книге «Древний Хорезм» С. П. Толстовым были собраны и систематизированы данные, послужившие основой для тезиса о господстве рабовладельческого уклада в Средней Азии в домусульманское время. Самым существенным является то, что в этой книге оказались фактически заложенными основные направления, по которым развивается археология Хорезма в наши дни; в ней отчетливо проявилось присущее С. П. Толстову удивительное чувство нового, благодаря чему к ее страницам исследователи будут обращаться еще не раз.

Итоги послевоенных работ Хорезмской экспедиции отражены в книге С. П. Толстова «По древним дельтам Окса и Яксарта»[11], в одиннадцати томах трудов Хорезмской экспедиции[12], в десяти выпусках материалов экспедиции[13], монографиях и статьях ее сотрудников.

Важным итогом работ экспедиции является разработка проблемы древних течений Амударьи и Сырдарьи, выработанная в ходе этих работ методика комплексных археолого-геоморфологических исследований с широким использованием аэрометодов и картографированием исторических памятников на подробной геоморфологической основе. В этих работах все эти годы принимает активное участие доктор географических наук А. С. Кесь. С этим циклом работ и этой методикой в прямой связи находится изучение истории ирригационного земледелия в этом самом северном среднеазиатском дельтовом регионе[15]. Наши картографические материалы используются ирригаторами проектных организаций и колхозами при проектировании новых оросительных систем, включающих нередко наряду с новыми системы древних каналов[16]. В связи с проектом переброса стока вод сибирских рек и будущим освоением новых больших территорий по заказу «Союзводпроекта» экспедицией выполнена археолого-геоморфологическая карта низовий Сырдарьи и Амударьи — зоны действия будущего канала, на пути которого лежат самые значительные по площади (до 5 млн. га) земли — резерв нового освоения. На карте показаны древняя гидрографическая сеть, ареалы земель древнего орошения, исторические памятники всех времен, древняя ирригационная сеть от эпохи бронзы до позднего средневековья. Карта содержит также геоморфологические характеристики природных ареалов с рекомендациями по их практическому использованию для нужд скотоводства и земледелия[17].

Помимо этой карты экспедицией в содружестве с Институтом археологии АН СССР подготовлена карта археологических памятников вдоль трассы будущего канала с подробной объяснительной запиской к ней.

При всей важности практического выхода перечисленных исследований значение их этим далеко не исчерпывается. Изуче-

ние древней гидрографической сети Южного Приаралья, ее динамики во времени, освоения человеком позволяет воссоздать историю древнего населения этой обширной историко-культурной области от эпохи неолита до позднего средневековья.

Это направление работ экспедиции позволило сделать значительный шаг вперед в изучении проблем первобытной истории. Широкий территориальный охват исследований (древние дельты Амударьи, Узбой, низовья Сырдарьи, Внутренние Кызылкумы) установил заселенность неолитическими охотниками и рыболовами дельтовых районов и районов бессточных впадин племенами, которые входили в единую кельтеминарскую этнокультурную общность [18]. Помимо раскопанной С. П. Толстовым стоянки кельтеминарской культуры Джанбас 4 [19] в непосредственной близости от нее открыта стоянка Джанбас 31 («стоянка Толстова») с сохранившимся культурным слоем, содержащим остатки сгоревшего жилища. По-видимому, этот памятник сможет служить своеобразным эталоном для северного степного неолита Средней Азии [20]. Крупными событиями последних лет явились открытие и раскопки неолитического могильника Тумек-кичиджик в южной части Присарыкамышской дельты Амударьи [21], предположительно относимого в кругу памятников кельтеминарского типа, но поздних (вторая половина III тысячелетия до н. э.). Этим же временем датируются и стоянки, обнаруженные в свое время вдоль южного коренного берега Присарыкамышской дельты [22].

К середине II тысячелетия до н. э. интенсивно осваивается человеком внутридельтовое пространство Южной Акчадарьинской дельты Амударьи. Вдоль системы ее боковых протоков расселяются тазабагъябские племена, культура которых сформировалась в результате смешения культуры пришлого срубно-андроновского населения из степей Южного Приуралья с местной суярганской, генетически восходящей к кельтеминарской. Открытие и раскопки «заповедника» этого расселения в Южной Акчадарьинской дельте, где помимо домов сохранились разветвленная арычная сеть и поля, дали огромный материал для изучения систем расселения, жилища и хозяйства населения Хорезма эпохи бронзы, позволили провести опыт социальных реконструкций [23]. Весь облик материальной культуры древних тазабагъябцев включает их в ареал культур степной бронзы Евразии, однако развитие орошаемого земледелия на плодородных почвах дельты — свидетельство прямого воздействия южных земледельческих цивилизаций на их северную периферию, проявляющееся не только в культурных заимствованиях, но, возможно, и в проникновении отдельных групп населения.

Таким образом, Южное Приаралье с его хорошо обводненными дельтовыми аллювиальными равнинами и окружающей их пустыней с хорошими сезонными пастбищами являлось регионом, этническая история населения которого представляется до-

статочно сложной, и несомненно, что в ее формировании участвовали как северный, так и южный компоненты. Это подтверждается и антропологически — наличием в краниологической серии могильника тазабагъябской культуры Кокча 3 андроновского, восточносредиземноморского и индодравидоидного расовых типов [24]. Исследование стоянок амирабадской культуры эпохи поздней бронзы на территории Акчадарьинской дельты и в низовьях Сырдарьи позволило сделать вывод, что в конце II — начале I тысячелетия до н. э. в Южном Приаралье произошло выделение групп полукочевых скотоводов из среды земледельцев-скотоводов предшествующего времени и что с этого периода на территории Хорезмского оазиса господствующим становится хозяйственно-культурный тип оседлых земледельцев и скотоводов, в то время как в низовьях Сырдарьи формируется хозяйственно-культурный тип полуоседлых скотоводов и земледельцев, который остается там традиционным на протяжении тысячелетий. Материалы амирабадского поселения Якке-Парсан 2 демонстрируют появление мастеров-ремесленников («дом литейщика»), наличие имущественной и, по-видимому, социальной дифференциации в древнехорезмийском обществе эпохи поздней бронзы [25]. Наиболее ярко эти процессы отражены в богатейших комплексах мавзолеев вождей племен того же времени некрополя Северный Тагискен (низовья Сырдарьи) [26]. Монументальность и высокий уровень сырцовой архитектуры мавзолеев Тагискена, притом что сырцовый кирпич в Хорезме раньше VI в. до н. э. не известен, наличие в погребальном инвентаре гончарной посуды, в том числе сделанной на ножном круге, некоторые типы украшений — все это документирует проникновение элементов южной земледельческой культуры на север.

С другой стороны, все эти южные элементы присутствуют в данном комплексе наряду с местной лепной посудой постандроновского облика, амирабадской посудой, бронзовыми орудиями и украшениями, связь которых с местной культурой степной бронзы несомненна. Не приходится отрицать и наличие черт сходства между культурой мавзолеев Тагискена и дындыбай-бегазинских памятников Центрального Казахстана [27]. Таким образом, однозначное решение вопроса о происхождении этого некрополя невозможно, и, пока не будут обнаружены поселения тех, кто хоронил своих покойников в мавзолеях Северного Тагискена, вопрос о его культурной принадлежности остается открытым.

Исследования Хорезмской эспедиции в Джатыасарском оазисе на протоках Пракувандарьи, начатые С. П. Толстовым и возобновленные в последние годы [28], могут пролить свет на решение проблемы Тагискена. Уже раньше отмечались черты сходства джетыасарской и тагискенской посуды, несмотря на разделявший их 800-летний интервал. Отдельные находки на городище Джеты-асар 2 могут быть датированы V—IV вв. до н. э., что

позволяет поставить вопрос о возможности отнесения даты ранних Асаров к середине I тысячелетия до н. э. Однако вне зависимости от проблемы Тагискена Джетыасарский оазис с его многослойными крупными городищами со своеобразной планировкой, выстроенными из сырцового кирпича и пахсы, с сильно развитым скотоводческим хозяйством при наличии земледелия и своеобразной культурой тоже представляется явлением достаточно сложным. Эта система укрепленных сооружений типа замков с мощными стенами с башнями и бойницами и с примыкающей, по-видимому, к ним легкой жилой застройкой, при полном отсутствии сельских поселений вокруг этих замков, на месте которых располагаются огромные погребальные поля, резко контрастирует с системой расселения сако-массагетских племен в западной части Сырдарьинской дельты на Жанадарье. Укрепленные оседлые поселения IV—II вв. до н. э. (Чирик-Рабат, Бабиш-Мулла), их сельская округа, наличие ирригационного земледелия наряду с развитым скотоводством, значительное развитие ремесел показали, что перед нами отнюдь не кочевники, как принято было считать, а народ, принадлежавший к хозяйственно-культурному типу полуоседлых скотоводов-земледельцев [29]. Эта специфика исторического развития приаральских саков связана не только с особенностями развития хозяйства на дельтовых аллювиальных равнинах, но и с весьма ощутимым воздействием хозяйства и культуры Хорезмского оазиса.

Среди открытых экспедицией сакских памятников помимо упомянутых наиболее широко известны курганные могильники VII—V вв. до н. э. Уйгарак и Южный Тагискен [30]. Материалы могильников еще раз подтвердили связи саков Приаралья со среднеазиатским и переднеазиатским миром, что проявилось в находках привозных бус и импортной посуды (типа Яз II) в погребениях Уйгарака, в роли образов льва и пантеры в памятниках изобразительного искусства Южного Тагискена и Уйгарака. Очень существенно, что последние включают саков Приаралья в ареал распространения скифо-сибирского звериного стиля.

При этом отчетливо фиксируются два момента. Во-первых, известные нам более восточные азиатские памятники дают, как правило, раннюю дату появления звериного стиля — VII (или VIII) — VI вв. до н. э. Во-вторых, сейчас уже можно говорить об отдельных культурных провинциях распространения этого стиля, причем это разделение прослеживается как на ранних, так и на более поздних материалах. Так, Тува, Алтай, Южная Сибирь и бóльшая часть территории Казахстана образуют особую провинцию, отличную от скифо-сарматской европейской и приуральской савроматской. Как бы промежуточное положение между этими двумя регионами занимают памятники звериного стиля саков Приаралья, имеющие в основном западную, савроматскую, ориентацию, но содержащие немало типично азиат-

ских черт. Примечательно, что приаральские саки, по определению Т. А. Трофимовой, имеют в своем антропологическом типе монголоидную примесь, появляющуюся не позднее V в. до н. э.[31]. Саки Приаралья могли выступать культурными посредниками между восточноазиатским миром распространения звериного стиля и юго-западными районами Азии. Высказывавшаяся ранее мысль о том, что некоторые изобразительные мотивы переднеазиатского происхождения могли через Среднюю Азию попасть в искусство Алтая и Южной Сибири скифского времени[32], в наших материалах находит свое подтверждение. При этом переднеазиатское влияние следует рассматривать не только и не столько как явление синхронное времени распространения звериного стиля, а как процесс, уходящий своими корнями в глубокую древность и связанный с влиянием древневосточных цивилизаций на их северную периферию.

Вопрос о генезисе культуры сако-массагетских племен приобретает особый интерес в свете открытий последних лет, связанных с индоиранской проблемой. Устанавливаемое ретроспективно на основе ираноязычности скифских и сакских племен индоиранское происхождение срубных и андроновских племен, культура которых генетически связана со скифской и сакской, за последние годы находит новое подтверждение[33]. Срубная культура, ранние (полтавкинские) памятники которой обнаруживают ее генетическую связь с ямной, а индоиранская принадлежность последней признана сейчас и лингвистами и археологами, также рассматривается как принадлежащая индоирацам. Гипотеза об индоиранской принадлежности андроновских племен высказывалась давно[34], но блестящее открытие в Южном Зауралье Синташтинского могильника раннеалакульского времени с конскими захоронениями и колесницами, в погребальном обряде которого помимо указанных наблюдаются черты, согласующиеся с данными письменных источников об индоиранской погребальной обрядности[35], превращает эту гипотезу в реальность. Для нас существенно то, что детали конструкции могил — канавки вдоль стен и обкладка их деревом, ямки для столбов, наличие деревянного перекрытия, выстилание его и дневной поверхности вокруг могилы травой (?) (в низовьях Сырдарьи — камышом), ритуальное разжигание огня на перекрытии, не предусматривающее его сгорания,— все эти детали находят аналогии в тагискенском и сакском погребальных обрядах. Если к тому же связать круг и квадрат в планировке мавзолеев Тагискена с квадратными и круглыми оградками андроновских погребений и предположительно увязать все это с ведийской традицией[36], то идея андроновского пласта в культуре Тагискена, генетической связи андроновской и сакской культур и индоиранского происхождения их носителей окажется подкрепленной новыми фактами.

Цикл работ, проводимых в свете проблемы взаимодействия

земледельческого населения оазиса и скотоводов его пустынной периферии осуществляется в последние годы в Присарыкамышской дельте Амударьи. Здесь раскопано несколько курганных могильников, охватывающих период от VII в. до н. э. до первых веков нашей эры [37]. В ходе этих работ была открыта куюсайская культура, представленная поселениями и могильниками и датирующаяся VII—IV вв. до н. э.[38]. Ее своеобразие заключается в том, что на раннем этапе в ней отчетливо прослеживаются два компонента: южный, представленный привозной гончарной посудой (встречена только на поселении) из юго-западных и южных районов Средней Азии, и северный, сакский в широком смысле этого слова, по-видимому, местный. Не исключено, что южная струя в куюсайской культуре своим происхождением обязана не культурным влияниям, а прямым контактам отдельных групп населения южных и северных областей.

Очень важный исторический этап — период перехода от первобытнообщинных к классовым отношениям, к сложению государственности — представлен архаической культурой Хорезма, ключевой памятник которой — городище Кюзелигыр, расположенный также на территории Присарыкамышской дельты, был исследован С. П. Толстовым; сейчас эти работы продолжены [39]. Планировка и система его фортификации, открытие на нем цитадели, существование развитого ремесленного керамического производства заставляют думать, что перед нами наиболее ранний, датирующийся VI—V вв. до н. э., хорезмийский город. Любопытно, что при раскопках жилой застройки Кюзелигыра обнаружена куюсайская лепная посуда, найдены обломок каменного алтарика на четырех ножках, фрагмент бронзового псалия с шишечкой на конце, золотая головка козла с рогами — предметов, широко известных по сакским погребальным комплексам VII—V вв. до н. э. И хотя вхождение Хорезма в систему ахеменидской государственности, по-видимому, способствовало известной стандартизации облика материальной культуры, все же местная специфика, бесспорно, проявлялась и в это и в более позднее время, и в качестве одного из ее компонентов выступала культура полукочевых скотоводов, селившихся на периферии оазиса.

Взаимопроникновение культур оазиса и степи отчетливо проявляется и позднее, в V—IV вв. до н. э. На материалах курганных групп могильника Тарым-кая наблюдается поразительное разнообразие погребального ритуала, но наряду с этим четко прослеживается растущее влияние хорезмийской зороастрийской обрядности на местную, проявляющееся в распространении курганных погребений с захоронениями оссуарного типа [40].

Исследование античных памятников на территории Хорезма — городищ, укреплений, дворцовых и храмовых комплексов, сельских поселений — дало огромный материал по хозяйственной и политической истории, истории общественной организа-

ции, культуре, религии Хорезмского государства. К IV—II вв. до н. э. относится система городов-крепостей с мощными оборонительными стенами и сложными предвратными лабиринтами, замыкающих сельскую округу. Они являлись торговыми, ремесленными и культовыми центрами [41]. К их числу относятся обследованные С. П. Толстовым Джанбас-кала и Базар-кала на правом берегу Амударьи [42], античные укрепления в основании средневековых городов Хазараспа, Садвара, Джигербента, расположенных вдоль древнего караванного пути на левом берегу Амударьи, ведущего из Хорезма на юг, укрепление Капарас и культовый центр Елхарас, расположенные на том же караванном пути. Левобережные памятники были исследованы экспедицией в связи с охранными работами на строительстве Тюямуюнского гидроузла [43]. Их исследование дало возможность отнести к более древнему периоду время существования караванного пути, хорошо известного по дорожнику Макдиси, и подтвердило гипотезу Я. Г. Гулямова о существовании античных укреплений на древнем пути из Хорезма в Бактрию и Маргиану в основании упомянутых средневековых городов [44]. Трудно переоценить значение проведенных С. П. Толстовым раскопок храма-мавзолея Кой-Крылган-кала (IV в. до н. э.— IV в. н. э.). Этот памятник, связанный, видимо, с астральным культом, дал интереснейший материал по истории архитектуры, искусства и религии Хорезма этого времени [45].

Мировую известность приобрели памятники хорезмийского искусства первых веков нашей эры, открытые С. П. Толстовым при раскопках дворца Топрак-кала [46]. Комплекс Топрак-кала — городище, дворец, Северный комплекс — на протяжении 30 лет, с перерывами, является объектом исследований. Работы, проводимые в последнее время по доследованию дворца, позволили установить последовательность этапов его сооружения, раскрыть первоначальное ядро его застройки, скрытое под поздними перестройками, по-новому осмыслить его функциональное назначение [47]. Исследования последних двух лет на Северном комплексе постепенно выявляют не менее величественный памятник, детали планировки которого, характер интерьеров и отдельные находки позволяют предположить, что он не только был синхронен дворцу, но и входил в единую систему архитектурно-планировочного решения всего комплекса Топрак-калы [48]. Раскопки городища Топрак-кала выявили интересную систему его укреплений и четыре строительных горизонта жилых построек, датирующихся III — V — началом VI в. Разделение городища на кварталы с центральной меридиональной артерией, которая делила застройку на две половины, было зафиксировано еще С. П. Толстовым. Раскопки в последние годы двух кварталов выявили наличие одного жилого и одного храмового комплексов [49]. По-видимому, каждый квартал состоял из трех-четырех замкнутых домохозяйств, а на основании анализа топраккалин-

ских документов, прочтенных С. П. Толстовым и В. А. Лившицем, можно предположить, что основой каждого домохозяйства был крупный родственный коллектив — большая семья[50]. Следует подчеркнуть, что топраккалинский хозяйственный архив дал новые доводы в пользу выдвинутой С. П. Толстовым еще в «Древнем Хорезме» гипотезы о рабовладельческой структуре хорезмийского общества эпохи античности. Важным источником по истории и экономике домусульманского Хорезма послужил нумизматический материал[51].

Исследования экспедиции в раннесредневековом Беркуткалинском оазисе[52] позволили осветить период становления феодального общества и изменения в хозяйстве и общественной организации, связанные с этим. Изучение усадеб оазиса дало возможность выявить специфику структуры большесемейной общины земледельческого населения Хорезма этого времени. Исследование материальной культуры еще раз продемонстрировало невозможность исследования культуры оазиса вне учета истории и культуры окружавшего его скотоводческого населения: культура раннесредневекового, афригидского, Хорезма сложилась в значительной степени при участии пришлых с северо-востока, из района низовий Сырдарьи, позднесакских племен.

Блестящий средневековый домонгольский Хорезм, о котором мы так много знаем благодаря уникальным трудам В. В. Бартольда, археологически изучен не столь полно. Упомянем о раскопках Хорезмской экспедиции в столице Хорезма Куня-Ургенче[53], на городищах Шемаха-кала[54], Ярбекир и Шахрлик[55], о раскопках средневекового Каваткалинского оазиса с его великолепными замками и городищем Кават-кала[56], раскопках сельских поселений в Левобережном Хорезме[57] и др. Хорезмская экспедиция исследовала левобережные средневековые города Джигербент[58], Садвар[59] и Хазарасп[60], датирующиеся IX—XI вв., а также серии средневековых караван-сараев этого и более позднего времени[61], расположенных, как и города, вдоль оживленных торговых путей, связывавших Хорезм с Мервом, Бухарой и более южными областями. Эти раскопки дали новые материалы для проблемы генезиса средневекового города, позволили увязать археологические материалы с данными письменных источников и восстановить отдельные стороны экономической и политической жизни средневекового Хорезма.

Одним из важных результатов работы последних лет является обследование зоны средневекового расселения в бассейне Жанадарьи, начатое еще С. П. Толстовым в период начала работ на сырдарьинских руслах. Это расселение достигло своего апогея, когда владения великих хорезмшахов в XII—XIII вв. охватывали и низовья Сырдарьи. Изучение развалин средневековых городов, ремесленных поселений и сельских округов вдоль русла Жанадарьи свидетельствует о большой плотности населения, высоком уровне орошаемого земледелия, значитель-

ном разнообразии сельскохозяйственных культур, развитом скотоводстве, ремесленном производстве высокого профессионального уровня [62].

Комплексное археолого-этнографическое направление исследований Хорезмской экспедиции, задуманное и осуществленное С. П. Толстовым, открыло, с одной стороны, для этнографов большие возможности ретроспективных исследований проблем этногенеза, типов хозяйства, истории общественного строя, материальной и духовной культуры, семейного быта современных народов Средней Азии; с другой стороны, перед археологами возникла возможность исторических реконструкций и исследования эволюции форм общественной организации и семьи, древних традиций национальной архитектуры, анализа древних верований с привлечением материалов по современным пережиткам доисламских верований, изучения древнейших истоков музыкальной культуры Хорезма и т. д. При этом чрезвычайно важно, что объектом археолого-этнографических исследований явилась единая историко-этнографическая область, что давало возможность проследить пути ее исторического, этнического, хозяйственного и культурного развития на протяжении тысячелетий. Плодотворные результаты дало изучение в археолого-этнографическом плане типов хозяйства. Эта проблематика была теснейшим образом связана с одним из основных направлений исследований экспедиции, о котором мы уже писали,— с изучением культуры оседло-земледельческого населения оазисов и их скотоводческой периферии, их контактов и взаимовлияний. В итоге комплексные археолого-этнографические исследования на территории дельт Амударьи и Сырдарьи дали возможность выявить традиционный для каждой из них хозяйственно-культурный тип и понять условия и причины его формирования и устойчивости [63]. Этот комплексный метод был успешно применен при исследовании туркменских поселений на левом берегу Амударьи [64], изучении туркменских позднесредневековых ирригационных систем на оз. Сарыкамыш [65], обследовании каракалпакских поселений XVIII—XIX вв. в низовьях Сырдарьи [66]. Изучение хорезмийских сельских поселений и жилища на протяжении полутора тысячелетий (с I по XIV в.) [67] дало возможность проследить его эволюцию во времени, рассмотреть вопросы землевладения и землепользования, выявить глубокие корни современной архитектуры и строительной техники народов Средней Азии. Так, например, два широко распространенных типа планировки жилищ прослеживаются на материалах сельских усадеб с VII—VIII вв. и до наших дней. Такая устойчивость планировки сельских жилищ во времени дает этнографам и археологам блестящую возможность для исследования эволюции форм семьи, большесемейной общины, в частности, а сходство сельских жилищ узбеков, туркмен и каракалпаков — еще одно свидетельство сложных и перекрещивающихся путей их этногенеза.

Специальные циклы исследований экспедиции были посвящены изучению реликтов доисламских верований, древних семейных обычаев и обрядов, своими корнями уходящих в глубокую древность[68]. Во многих случаях удалось обнаружить явные пережитки зороастризма — религии, проявление которой в погребальном обряде (оссуарные захоронения) четко зафиксировано на территории Хорезма с V—IV вв. до н. э. и вплоть до арабского завоевания[69]. О сохранении в Хорезме традиций зороастризма и в мусульманское время свидетельствует находка святилища с антропоморфным очагом на цитадели средневекового городища Джигербент[70]. Велись работы по исследованию музыкальной культуры древнего Хорезма, в основу которых были положены иконографический материал, добытый в процессе раскопок, и данные о современных среднеазиатских музыкальных инструментах и ансамблях[71]. Даже столь короткий перечень некоторых аспектов комплексных археолого-этнографических исследований экспедиции позволяет заключить, насколько оправдывает себя это направление, задуманное и внедренное С. П. Толстовым.

Хорезмская экспедиция подводит некоторые итоги своей 40-летней деятельности[72], находясь в гуще неотложных дел — сегодняшних и завтрашних. Это продолжение работ в связи с разрабатываемым проектом переброса части стока вод сибирских рек в Среднюю Азию и Казахстан, продолжение охранных археологических работ в Каракалпакии и составление свода археологических и архитектурных памятников Хорезма (с Каракалпакским филиалом АН УзССР), подготовка и проведение охранных работ в Северной Туркмении (с Институтом истории АН ТуркмССР), проведение совместных исследований по изучению истории присырдарьинских племен во второй половине I тысячелетия до н. э.— I тысячелетии н. э. (с Институтом археологии АН УзССР и Институтом истории, археологии и этнографии АН КазССР). Экспедиция подготовила два тома трудов, посвященных Топрак-кале, готовит два выпуска итогов раскопок в зоне Тюямуюнского водохранилища, монографии, посвященные каменному веку Кызылкумов, некрополю эпохи бронзы Северный Тагискен и др. Хорезмская экспедиция будет продолжать в рамках своей основной проблематики и в широких хронологических рамках исследования в области этнической и социальной истории древнего населения низовий Амударьи и Сырдарьи, исследования по истории хозяйства, материальной и духовной культуры населения этого крупного историко-культурного региона. При этом мы будем стремиться сохранить тот дух творческого горения и увлеченности любимым делом, который царил в экспедиции при Сергее Павловиче Толстове, который мы, его ученики, храним в наших сердцах и надеемся передать тем, кто придет нам на смену.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948, с. 20.

[2] См., например: А. Кун. Культура оазиса низовьев Аму-Дарьи.— Материалы для статистики Туркестанского края. Ежегодник. Вып. 4. СПб., 1876, с. 255—256; Г. Гельмерсен. Очерк геологии и физической географии Арало-Каспийской низменности.— «Горный журнал». Т. 4. 1879, с. 77; М. Н. Богданов. Очерки природы Хивинского оазиса и пустыни Кызыл-Кум. Таш., 1882, с. 14; Н. Петрусевич. Предварительный отчет об исследованиях Дарьялыка (Узбой) и местности между Аму-Дарьей и Сарыкамышем.— «Известия Кавказского Отделения РГО». Т. 5. Вып. 4. 1878, с. 252; А. И. Свинцов. Река Аму-Дарья и ее древнее соединение с Каспийским морем (Узбой).— «Известия Собрания инженеров путей сообщения». 1884, № 9—10, с. 228—229; А. М. Коншин. Разъяснение вопроса о древнем течении Аму-Дарьи по современным геологическим и физико-географическим данным. СПб., 1897.— ЗИРГО по общей географии. Т. 33. 1897, № 1, с. 105; Сборник маршрутов по Туркестанскому военному округу, составленный полк. Родионовым. Таш., 1907, с. 89.

[3] Н. А. Димо. Почвенные исследования в бассейне реки Аму-Дарьи.— *Ежегодник отдела земельных улучшений за 1913 г. Ч. 2.* Пг., 1914, с. 15—48; А. Д. Архангельский. Геологические исследования в низовьях Аму-Дарьи.— Труды Главного геологоразведочного управления ВСНХ СССР. Вып. 12. М.—Л., 1931, с. 72, 109.

[4] А. Ю. Якубовский. Развалины Ургенча. Л., 1930. Подробно о работах А. Ю. Якубовского в Хорезме см. статью Н. Н. Негматова в настоящем сборнике.

[5] M. Voyevodsky. A Summary Report of a Khwarizm Expedition.— «Bulletin of the American Institute for Iranian Art and Archaeology». Vol. 5. N. Y., 1938, № 3.

[6] J. Gulam. Otmuz izlari (Arxeologik texirislar).— «Gulistan». 1937, № 4, с. 6.

[7] Об этих работах см.: А. И. Тереножкин. Археологические разведки в Хорезме.— СА, 6, 1940.

[8] Об этнографических исследованиях экспедиции см. статью Т. А. Жданко в настоящем сборнике.

[9] С. П. Толстов, Б. В. Андрианов, Н. И. Игонин. Использование аэрометодов в археологических исследованиях.— СА. 1962, № 1.

[10] С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948.

[11] С. П. Толстов. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962.

[12] ТХАЭЭ. Т. I—III. М., 1952—1979.

[13] МХЭ. Вып. 1—10. М., 1959—1975.

[14] Низовья Амударьи, Сарыкамыш, Узбой. История формирования и заселения человеком.— МХЭ. Вып. 3. М., 1960; С. П. Толстов. По древним дельтам Окса и Яксарта.

[15] Б. В. Андрианов. Древние оросительные системы Приаралья. М., 1969. См. также статью Б. В. Андрианова в настоящем сборнике.

[16] О. Матнепесов. После шести тысяч лет.— «Совет Каракалпакстаны», 21 июня 1973 г. (на каракалп. яз.).

[17] См.: Б. В. Андрианов, М. А. Итина, А. С. Кесь. Земли древнего орошения Юго-Восточного Приаралья: их прошлое и перспективы освоения.— СЭ. 1974, № 5, с. 46 и сл.

[18] А. В. Виноградов. Неолитические памятники Хорезма.— МХЭ. Вып. 8. М., 1968; А. В. Виноградов, Э. Д. Мамедов. Первобытный Лявлякан. Этапы древнейшего заселения и освоения Внутренних Кызылкумов.— МХЭ. Вып. 10. М., 1975.

[19] С. П. Толстов. Древний Хорезм, с. 59 и сл.

[20] Об этих раскопках см. статью А. В. Виноградова в настоящем сборнике.

[21] Б. И. Вайнберг. Могильник Тумек-кичиджик в Северной Туркме-

нии.— АО 1972 г. М., 1973, с. 476; А. В. Виноградов. Работы на могильнике Тумек-кичиджик в Северной Туркмении.— АО 1973 г. М., 1974, с. 500; он же. Могильник Тумек-кичиджик в Северной Туркмении.— АО 1974 г. М., 1975, с. 520—521.

[22] Низовья Амударьи, Сарыкамыш, Узбой, с. 175—179.

[23] М. А. Итина. История степных племен Южного Приаралья (II — начало I тысячелетия до н. э.) — ТХАЭЭ. Т. 10. М., 1977.

[24] Могильник тазабагъябской культуры Кокча 3.— МХЭ. Вып. 5. М., 1960; В. В. Гинзбург, Т. А. Трофимов. Палеоантропология Средней Азии. М., 1972, с. 81—88.

[25] М. А. Итина. История степных племен Южного Приаралья, с. 210.

[26] С. П. Толстов. По древним дельтам Окса и Яксарта, с. 80—86.

[27] А. Х. Маргулан, К. А. Акишев, М. К. Кадырбаев, А. М. Оразбаев. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966, с. 160 и сл.; История Казахской ССР. Т. 1. А.-А., 1977, с. 141—148, 175—188.

[28] С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации, с. 127 и сл.; Л. М. Левина. Керамика нижней и средней Сырдарьи в I тысячелетии н. э.— ТХАЭЭ. Т. 7. М., 1971; она же. Новые исследования памятников джетыасарской культуры в Восточном Приаралье. — Ранние кочевники Средней Азии и Казахстана (тезисы докладов). Л., 1975, с. 42—46; о последних работах в Джетыасарском оазисе см. статью Л. М. Левиной в настоящем сборнике.

[29] С. П. Толстов. По древним дельтам Окса и Яксарта, с. 135—186.

[30] О. А. Вишневская. Культура сакских племен низовий Сырдарьи в VII—V вв. до н. э. (по материалам Уйгарака).— ТХАЭЭ. Т. 8. М., 1973; С. П. Толстов, М. А. Итина. Саки низовьев Сырдарьи (по материалам Тагискена).— СА. 1966, № 2, с. 151—175; О. А. Вишневская, М. А. Итина. Ранние саки Приаралья.— Проблемы скифской археологии. М., 1971, с. 197—208.

[31] В. В. Гинзбург, Т. А. Трофимов. Палеоантропология Средней Азии, с. 112.

[32] М. П. Грязнов. Связи кочевников Южной Сибири со Средней Азией и Ближним Востоком в I тысячелетии до н. э.— Материалы второго совещания археологов и этнографов Средней Азии. М.—Л., 1959, с. 138 и сл.

[33] К. Ф. Смирнов, Е. Е. Кузьмина. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. М., 1977; Б. А. Литвинский. Проблемы этнической истории Средней Азии во II тысячелетии до н. э. — Международный симпозиум по этническим проблемам древней истории Центральной Азии. Душанбе, 17—22 октября 1977 г. Тезисы докладов советских ученых. М., 1977, с. 22.

[34] С. П. Толстов. Древний Хорезм, с. 68; И. М. Дьяконов. История Мидии. М.—Л., 1956, с. 150—151.

[35] В. Ф. Генинг, Л. И. Ашихмина. Могильник эпохи бронзы на р. Синташта.— АО 1974 г. М., 1975, с. 144—147; В. Ф. Генинг. Могильник Синташта и проблема ранних индоиранских племен.— СА. 1977, № 4.

[36] См.: Л. А. Лелеков. Отражение некоторых мифологических воззрений в архитектуре восточноиранских народов в первой половине I тысячелетия до н. э.— История и культура народов Средней Азии (древность и средние века). М., 1976, с. 7 и сл.

[37] Кочевники на границах Хорезма. М., 1979 (ТХАЭЭ. Т. 11).

[38] Б. И. Вайнберг. Памятники куюсайской культуры.— Кочевники на границах Хорезма, с. 7—76.

[39] С. П. Толстов. По древним дельтам Окса и Яксарта, с. 96—104; О. А. Вишневская. Раскопки на городище Кюзели-гыр.— АО 1971 г. М., 1972, с. 533—534; она же. Раскопки городища Кюзели-гыр.— АО 1977 г. М., 1978, с. 544—545.

[40] Б. И. Вайнберг. Курганные могильники Северной Туркмении (Присарыкамышская дельта Амударьи).— Кочевники на границах Хорезма, с. 167—177; Х. Юсупов. Курганы могильников Тарым-кая I и II.— Кочевники на границах Хорезма, с. 94—100.

[41] Об античном городе Хорезма см. статью Е. Е. Неразик в настоящем сборнике.

[42] С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации, с. 113 и сл.

[43] М. А. Итина. Основные итоги работ Хорезмской экспедиции в минувшем пятилетии.— Полевые исследования Института этнографии. 1975 г. М., 1977, с. 193—202.

[44] Я. Г. Гулямов. История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней. Таш., 1957, с. 83.

[45] Кой-Крылган-кала — памятник культуры древнего Хорезма. IV в. до н. э.— IV в. н. э.— ТХАЭЭ. Т. V. М., 1967; М. Г. Воробьева. Ранние терракоты древнего Хорезма.— История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968, с. 135; см. также статью М. Г. Воробьевой в настоящем сборнике; М. С. Лапиров-Скобло. Анализ построения древним зодчим плана Кой-Крылган-калы.— Этнография и археология Средней Азии. М., 1979, с. 58—65.

[46] С. П. Толстов. По древним дельтам Окса и Яксарта, с. 204 и сл.; С. А. Трудновская. Украшения позднеантичного Хорезма по материалам раскопок Топрак-кала.— ТХАЭЭ. Т. I. М., 1952, с. 119.

[47] Подробно об этом см. статью Ю. А. Рапопорта в настоящем сборнике.

[48] Ю. А. Рапопорт, А. Н. Гертман. Работы на Топрак-кале.— АО 1976 г. М., 1977, с. 539—540; В. А. Лоховиц, Ю. А. Рапопорт. Работы в Топрак-кале — АО 1977 г. М., 1978, с. 527—528; они же. Раскопки на Топрак-кале.— АО 1978 г. М., 1979, с. 555—556.

[49] Е. Е. Неразик. Раскопки городища Топрак-кала.— КСИА АН СССР, 132, 1972, с. 23 и сл.; она же. Раскопки городища Топрак-кала. — АО 1974 г. М., 1975, с. 508—509. См. также: Городище Топрак-кала.— ТХАЭЭ. Т. 12 (в печати).

[50] Е. Е. Неразик. Сельское жилище в Хорезме (I—XIV вв.). Из истории жилища и семьи. Археолого-этнографические очерки.— ТХАЭЭ. Т. 9. 1976, с. 214.

[51] Б. И. Вайнберг. Монеты древнего Хорезма. М., 1977.

[52] С. П. Толстов. Древний Хорезм, с. 128—153; Е. Е. Неразик. Сельские поселения афригидского Хорезма (по материалам Беркуткалинского оазиса). М., 1966.

[53] С. П. Толстов. По древним дельтам Окса и Яксарта, с. 269—273.

[54] Н. Н. Вактурская. О раскопках 1948 г. на средневековом городе Шемаха-кала Туркменской ССР.— ТХАЭЭ. Т. I. М., 1952, с. 173.

[55] Н. Н. Вактурская. О средневековых городах Хорезма. — МХЭ. Вып. 7. М., 1963, с. 41.

[56] С. П. Толстов. По древним дельтам Окса и Яксарта, с. 258—260; Н. Н. Вактурская, О. А. Вишневская. Памятники Хорезма эпохи Великих Хорезмшахов (XII — начало XIII в.).— МХЭ. Вып. 7. М., 1959, с. 150.

[57] О. А. Вишневская. Археологические разведки на средневековых поселениях Левобережного Хорезма.— МХЭ. Вып. 7. М., 1959, с. 54.

[58] О. А. Вишневская. Раскопки городища Джигербент.— АО 1974 г. М., 1975, с. 522—523; она же. Раскопки Джигербента.— АО 1975 г. М., 1976, с. 544.

[59] Н. Н. Вактурская. Раскопки средневекового города Садвар. — АО 1973 г. М., 1974, с. 498—499; она же. Раскопки на городище Садвар. — АО 1974 г. М., 1975, с. 519—520; она же. Новые данные о городище Садвар.— АО 1975 г. М., 1976, с. 542.

[60] М. Г. Воробьева, М. С. Лапиров-Скобло, Е. Е. Неразик. Археологические работы в Хазараспе в 1958—1960 гг.— МХЭ. Вып. 6. М., 1963.

[61] В. А. Лоховиц. Раскопки караван-сарая Ак-Рабат.— АО 1973 г. М., 1974, с. 506—507; он же. Раскопки караван-сараев на пути из Хорезма в Бухару.— АО 1974 г. М., 1975, с. 504.

[62] С. П. Толстов. По древним дельтам Окса и Яксарта. с. 282 и сл.; Б. В. Андрианов, М. А. Итина, А. С. Кесь. Земли древнего орошения Юго-Восточного Приаралья, с. 55.

[63] М. А. Итина. История степных племен, с. 193—194; Б. В. Андрианов, М. А. Итина, А. С. Кесь. *Колебания увлажненности Арало-Каспийского региона в голоцене*. М., 1979, с. 190 и сл.

[64] С. П. Толстов. По древним дельтам Окса и Яксарта, с. 300—306; Б. В. Андрианов, Г. П. Васильева. *Покинутые туркменские поселения XIX в. в Хорезмском оазисе*.— КСИЭ. Вып. 26. М., 1958; Б. И. Вайнберг. К истории туркменских поселений XIX в. в Хорезме.— СЭ. 1959, № 5.

[65] С. П. Толстов, А. С. Кесь, Т. А. Жданко. *История средневекового Сарыкамышского озера*.— Вопросы геоморфологии и палеогеографии Азии. М., 1955, с. 37.

[66] С. П. Толстов. По древним дельтам Окса и Яксарта, с. 306—312; Т. А. Жданко. Очерки исторической этнографии каракалпаков.— Труды Института этнографии АН СССР. Т. 9. М., 1950; Б. В. Андрианов. Древние оросительные системы Приаралья.

[67] Е. Е. Неразик. Сельское жилище в Хорезме; см. также: М. Г. Воробьева. Дингильдже. Усадьба I тысячелетия до н. э. в древнем Хорезме.— МХЭ. Вып. 9. М., 1973.

[68] Г. П. Снесарев. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М., 1969.

[69] Ю. А. Рапопорт. *Из истории религии древнего Хорезма (оссуарии)*.— ТХАЭЭ. Т. 6. М., 1971.

[70] О. А. Вишневская, Ю. А. Рапопорт. Следы почитания огня в средневековом хорезмском городе.— Этнография и археология Средней Азии. М., 1979, с. 105—112.

[71] Р. Л. Садоков. Музыкальная культура древнего Хорезма. М., 1970.

[72] См. также: М. А. Итина. Проблемы археологии Хорезма (к 40-летию Хорезмской экспедиции).— СА. 1977, № 4, с. 41; она же. Основные проблемы археолого-этнографического изучения народов Средней Азии (к 40-летию Хорезмской экспедиции).— Всесоюзная сессия, посвященная итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1976—1977 гг. Тезисы докладов. Ер., 1978, с. 17; Т. А. Жданко, М. А. Итина. Сергей Павлович Толстов (1907—1976).— СЭ. 1977, № 2, с. 3.

Т. А. Жданко

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ХОРЕЗМСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ (НАРОДЫ, ПРОБЛЕМЫ, ТРУДЫ)

Организатор и руководитель Хорезмской экспедиции С. П. Толстов считал себя учеником и последователем Дмитрия Николаевича Анучина (1843—1923) [1]; он был горячим приверженцем лучших традиций анучинской школы — принципа историзма в этнографической науке и комплексного метода исследований. Знаменитую анучинскую «триаду» — археология, антропология, этнография — С. П. Толстов впоследствии развил и обогатил, привлекая к работе в экспедиции специалистов многих профессий, а к анализу археологических материалов — данные многих наук. Он восхищался мастерством и тонкостью анализа в работах Д. Н. Анучина, называя их «исследовательским шедевром» [2]; однако не меньшее впечатление оставляют и его исследования, в которых со свойственной ему широтой эрудиции обычно привлекается мощный арсенал фактов и доводов из области истории, этнографии, географии, антропологии, лингвистики, фольклора, истории архитектуры, искусства, религии и т. д.[3].

С. П. Толстов был одним из первых советских исследователей этнографии населения Хорезма: в 1928—1929 гг. он участвовал в этнографической экспедиции РАНИОН, работавшей в Куня-Ургенчском и Ходжейлинском районах. В последующие годы (1932—1934), работая в Музее народов СССР, он неоднократно выезжал в Хорезм и Каракалпакию для этнографических исследований и сбора экспонатов к создававшейся им новой экспозиции по народам Средней Азии.

Организованная им в 1937 г. Хорезмская экспедиция лишь в первые (довоенные) годы ограничивалась археологическими работами, а на следующем этапе своих изысканий (с 1945 г.) становится комплексной — археолого-этнографической. В 1945 г. был организован Каракалпакский этнографический отряд [4], в 1946 г.— два узбекских (Северный и Южный) [5], в 1948 г.— Туркменский. Круг этнографических исследований постепенно расширялся; С. П. Толстов придавал этому большое значение. «Важно отметить,— писал он,— что археологические работы развивались в неразрывной связи с работой этнографических отрядов экспедиции... Эта комплексность исследования дала нам возможность протянуть прочные нити исторической преемственности от культуры древних народов и племен Приаралья через

средневековье к современным народам Средней Азии, вскрыв самобытные истоки их богатой и яркой культуры»[6].

Этнографическая специфика населения Хорезмского оазиса давно вызывала глубокий интерес у исследователей, считавших, что особенности его географического положения в окружении пустынь способствовало консервации древних форм культуры[7]. В. В. Бартольд в своей «Истории культурной жизни Туркестана» писал, что окруженный пустынями Хорезм с его своеобразным жизненным укладом отнюдь не был изолирован — он имел издревле тесные торговые сношения с другими странами[8]. С. П. Толстов в своих трудах, посвященных историко-культурным проблемам Хорезма, также наряду с доказательствами самобытности древнехорезмийской цивилизации подчеркивал огромную роль его многовековых и широких культурных связей. Он считал, что Хорезм и Юго-Восточное Приаралье — это «связующее звено между миром североевразийских степей, гористыми странами Передней и южной части Средней Азии и североиндийской низменностью, узел скрещений восточносредиземноморских, индийских и североевразийских элементов[9].

* * *

Основными территориями, на которых вели полевые исследования этнографические отряды, были Каракалпакская АССР, Хорезмская область Узбекской ССР и Ташаузская область Туркменской ССР. Современный этнический состав населения региона характеризуется следующими данными: в Каракалпакской АССР при общей численности населения 702 тыс. каракалпаки составляют 31%, узбеки — 30,3, казахи — 26,5, туркмены — 5,3, русские — 3,6, другие национальности — около 3%.

В Хорезмской области преобладают узбеки; при общей численности населения 553,7 тыс. они составляют 92,7%, казахи — 1,6, туркмены, как и каракалпаки,— менее чем по 1%; невелика численность также и проживающих в области русских, корейцев, татар и прочих национальностей.

В Ташаузской области из общей численности населения 410,9 тыс. основную часть — 59,5% — составляют туркмены; узбеков — 29,3%, казахов — 5,8, каракалпаков — около 0,5%, имеются также русские, татары, корейцы и др.[10].

При рассмотрении всей этой территории в целом как издавна сложившейся историко-этнографической области Южного Приаралья прослеживаются две характерные черты этнического состава ее населения: во-первых, его многонациональность; во-вторых, то, что лишь каракалпаки расселены здесь своим основным массивом (в КК АССР сосредоточено 92,2% общего числа каракалпаков Советского Союза); что же касается узбеков, туркмен и казахов, то здесь проживают лишь локальные (территориальные) группы этих народов. Так, в Хорезмской обла-

сти лишь 6,6% узбеков от общей их численности в Узбекской ССР, а в Ташаузской области — 17,4% туркменского населения Туркменской ССР.

Тем не менее хорезмийские узбеки и туркмены, как и каракалпаки, генетически связаны с древними и средневековыми племенами Южного Приаралья; их этнические территории сложились здесь издавна, общность географической среды и исторических судеб сказалась на многих сходных чертах их хозяйственных навыков, на глубине взаимовлияния земледельцев оазиса с кочевниками и полукочевниками степной периферии и дельтовых областей; в глубь веков уходят исторические корни их этнокультурных контактов.

Все это обусловило необходимость вести историко-этнографические изыскания в среде каждого народа на трех уровнях: а) выявлять национальные культурно-бытовые традиции каждого из изучаемых этносов, сложившиеся в процессе их этногенеза; б) определять их «хорезмийские» особенности — черты региональной общности, возникшие в результате длительных контактов различных этносов на территории формировавшейся в течение многих веков историко-этнографической области; в) прослеживать их связи (этнические и культурные) с другими народами Среднеазиатско-Казахстанского региона, а также с Восточной Европой, Сибирью, странами Передней и Центральной Азии.

Важно отметить, что в Хорезмской экспедиции сложились благоприятные условия для взаимного ознакомления с вновь добытыми материалами археологов и этнографов. Почти все этнографы участвовали в большей или меньшей степени в археологических работах — раскопках и разведках памятников разных эпох; с другой стороны, многие археологи работали совместно с этнографами, участвуя в изучении традиционных форм хозяйства, материальной культуры (жилище, одежда, украшения и др.), прикладного искусства и т. д. Эта традиция совместной работы, общие научные интересы расширяли исторический кругозор, способствовали плодотворности научного исследования.

В дореволюционной литературе немало сведений о различных этнических группах населения низовий Амударьи — Хивинского ханства и Амударьинского отдела Сырдарьинской области (территория нынешней правобережной Каракалпакии), однако, они отрывочны и не всегда достигают уровня научной этнографической информации. В годы Советской власти до начала работ Хорезмской экспедиции узбеки Хорезма этнографами не изучались; к северным туркменам было лишь несколько поездок этнографов [11]. Более широко, уже начиная с 1926 г., этнографические работы велись среди каракалпаков [12]. Однако лишь с 1945 г. начались систематические и планомерные исследования по согласованным программам и единому методу. Наряду с общими

для всех отрядов задачами и проблемами (изучение этнического состава, выявление типов хозяйства, истории и специфики материальной и духовной культуры, традиционных социальных институтов, обычаев и обрядов, а также процесса социалистического преобразования культуры и быта) каждый отряд имел и свои аспекты изучения этих проблем, и другие направления поисков, обусловленные особенностями изучаемых этносов или научными интересами исследователей.

* * *

Каракалпакский этнографический отряд (руководитель — Т. А. Жданко) работал 12 сезонов в период 1945—1959 гг., а затем в 1966, 1969 и 1974 гг. провел еще три больших этнографических маршрута совместно с сектором этнографии Каракалпакского филиала АН УзССР со специальной задачей сбора материалов для Историко-этнографического атласа Средней Азии и Казахстана. Маршруты отряда охватили все административные районы республики и все ее разнообразные экологические зоны: Приморье и северную часть дельты Амударьи, ее западные и восточные окраины, ограниченные Устюртом и возвышенностью Бельтау с оз. Каратерень у ее подножия; бассейн Кегейли, орошающий центральную часть дельты, где расположен основной массив каракалпаков; южные правобережные и левобережные районы, где каракалпаки живут смешанно с узбекским населением; отряд работал также в рыбацких поселках на островах Южного Арала [13], в песках Кызылкум — в первых поселках вновь освоенных земель пустыни, в низовьях Сырдарьи и на Жанидарье, где жила основная часть каракалпаков в XVI—XVIII и начале XIX в. и др. В работах отряда участвовали студенты-практиканты МГУ, аспиранты-этнографы, сотрудники научных учреждений Каракалпакской АССР и студенты Каракалпакского государственного педагогического института [14].

Первоочередными задачами отряда было изучение этнической структуры каракалпаков, выявление народных исторических традиций и сбор новых историко-этнографических данных о специфике культуры каракалпаков для дальнейшей разработки сложной проблемы этногенеза этого народа, формировавшегося в среде племен, живших в древности и средневековье в обширных дельтовых областях Амударьи и Сырдарьи, на территории Приаралья, в зоне постоянных контактов с населением Средней Азии, Казахстана, Восточной Европы и отчасти Западной Сибири.

Изучение этнического состава каракалпаков, реконструкция их родо-племенного деления в дореволюционный период проводились методом ретроспективного исследования — с помощью стариков-информаторов, знатоков исторических и генеалогических преданий.

Охват маршрутами отряда в каждом районе всех основных массивов расселения этнографических (в прошлом родо-племенных) групп каракалпаков, перекрестный опрос информаторов, многочисленность полевых записей по каждому этническому подразделению обеспечили необходимую репрезентативность собранного полевого материала и позволили составить много раз проверявшуюся перед публикацией схему родо-племенной структуры каракалпаков низовий Амударьи, сложившейся в конце XIX — начале XX в.[15]. Параллельно с этой работой выявлялось расселение и составлялись этнические карты, позднее сведенные [16].

Большой комплекс легендарных генеалогий и народных преданий исследовался в этногенетическом аспекте, причем достоверность сообщений, возрастающая по мере приближения описываемых событий к концу XIX — началу XX в., проходила проверку привлечением сведений, имеющихся в научной исторической литературе. Ценным источником были и этнонимы — вся совокупность родо-племенных наименований каракалпаков. Методика использования этого материала — «историческая стратификация» этнонимов [17] — уже давно применяется этнографами для выяснения соотношения различных этнических компонентов, участвовавших в длительном процессе этногенеза народов Средней Азии, Казахстана, Южной Сибири, Урало-Поволжья и др. Этнонимы каракалпаков дают возможность установить участие в формировании этой народности целого ряда древних и средневековых этносов и выявить много этнических компонентов, общих с узбеками, казахами, киргизами и другими тюркоязычными народами [18].

Новый материал, собранный во время многолетних экспедиционных работ и тщательно изученный, а также привлечение новейших данных смежных наук — языкознания, антропологии и др.— дали возможность развить и конкретизировать те основные положения об этногенезе каракалпакского народа, которые еще в 1943—1945 гг., до организации нашего отряда, были сформулированы С. П. Толстовым на основании исторических и археологических материалов и его собственных этнографических наблюдений [19]. Его концепция легла в основу дальнейших исследований этой проблемы [20].

Однако были и другие аспекты исследований накопившихся в полевых записях отряда народных знаний и достоверных исторических фактов, извлеченных из воспоминаний информаторов и преданий. Так, многие из них в совокупности с архивными документами были использованы Б. В. Андриановым в его труде по истории формирования этнической территории каракалпаков [21], насыщенном, кроме того, историко-географическими характеристиками; основная тема рассматривается автором в тесной связи с историей гидрографических изменений в дельте Амударьи, что придает этой работе особый интерес.

Полевые записи, сделанные во время работ в отряде, дополненные последующим сбором преданий и изучением архивов, послужили источником для С. К. Камалова при написании исследования о народно-освободительной борьбе каракалпаков против хивинских ханов в XIX в. и нашли отражение в опубликованной позднее капитальной монографии «Каракалпаки в XVIII—XIX веках»[22]. Это относится и к работе Р. Косбергенова, опубликовавшего в «Трудах Хорезмской экспедиции» свое исследование о положении каракалпаков левобережья Амударьи в вассальном (с 1873 г.) Хивинском ханстве и системе их феодальной эксплуатации[23]. Ориентация на записанные им воспоминания очевидцев (власть хивинских ханов была свергнута революцией лишь в 1920 г.) дала возможность построить это исследование с использованием исторических фактов в их народной интерпретации, иногда в корне отличающейся от прежних источников — информации придворных хивинских сановников и чиновничества.

Помимо преданий и этнонимики задачам исследования проблемы происхождения каракалпаков и генезиса их своеобразного скотоводческо-земледельческого этнографического облика послужили собранные отрядом материалы, реконструирующие их хозяйственный уклад, традиционную материальную и духовную культуру. Определился хозяйственно-культурный тип этого народа как обитателей дельтовых областей крупных рек аридной зоны с неустойчивым орошаемым земледелием, базирующимся на водах озер и постоянно меняющих русла дельтовых протоков[24], со скотоводством полуоседлого типа (преобладание крупного рогатого скота) и с рыболовством на взморье, озерах и протоках дельты[25]. Юрта как основной вид жилища, особый тип арбы, приспособленной для болотистых, влажных пространств дельты, лодка для мелководных водоемов и орудия озерного рыболовства были характерными элементами материальной культуры полуоседлого народа с комплексным скотоводческо-земледельческо-рыболовным хозяйством. Подтвердилось предположение С. П. Толстова о глубоких исторических корнях этого хозяйственно-культурного типа, восходящего в Южном Приаралье, по археологическим данным, к эпохе бронзы и развивавшегося здесь позднее у сако-массагетских племен древности и у народностей средневековья[26].

Немало элементов, сопоставимых с материалом археологических раскопок Хорезмской экспедиции, обнаруживается и в одежде каракалпаков (например, женский головной убор саукеле, накидка жегде и др.)[27], в прикладном искусстве (орнамент вышивки, ковровых изделий, резьба по дереву)[28]; архаические черты культуры и быта выявляются при анализе некоторых произведений каракалпакского фольклора, верований и обрядов[29]. Однако наряду со свидетельствами связей каракалпакского этногенеза с историей племен Южного Приаралья в самобытной куль-

туре этого народа, по данным этнографии, явственно прослеживаются и обусловленные его сложными историческими судьбами более или менее древние историко-культурные контакты с Передней Азией и Кавказом [30], Поволжьем, Уралом и Западной Сибирью, и — особенно сильные и несомненные — с Казахстаном и Средней Азией. Одной из тем исследований отряда было изучение реликтов древних форм общественного строя и семейного уклада каракалпаков. Так, можно отметить проведение в 1950-х годах обследования нескольких старых поселений семейно-родственных групп — патронимий (*коше*) — по специальной анкете в целях выявления особенностей каракалпакской аульной общины [31]. Начатое отрядом изучение каракалпакской семьи было продолжено этнографом А. Бекмуратовой, посвятившей этой теме монографию и ряд статей [32]. Каракалпакские этнографы занимались также вопросами традиционной и советской семейной обрядности [33].

На протяжении всего периода своих работ отряд исследовал процессы социалистического преобразования культуры и быта сельского населения Каракалпакии. У. Х. Шалекеновым опубликовано монографическое исследование по этой теме (на материалах колхозов Чимбайского района) [34]. С 1950 г. ряд лет велись этнографические работы на землях нового освоения в Кызылкумах; в годы войны здесь методом народной стройки был прорыт новый канал с использованием русла древнего канала Кырк-кыз, существовавшего до VIII в. и разрушенного в период арабского завоевания. На землях древнего орошения — территории Беркуткалинского оазиса афригидского времени (VI—VIII вв.) — появился новый оазис с колхозными поселками, вклинившийся в глубь песков пустыни. Этнографические работы среди многонационального переселенческого населения на Кырк-кызе (узбеки, казахи, каракалпаки, туркмены) дали интересные результаты — выявили успешное использование в современных условиях традиционного хозяйственного опыта освоения пустынных земель, развитие трудового сотрудничества и культурно-бытового взаимовлияния колхозников разных национальностей и процесса формирования советского образа жизни, которому существенно способствовал отрыв переселенцев от старых мест обитания с издавна установившимся там традиционным замкнутым бытовым укладом [35].

* * *

Этнографические работы среди узбекского населения велись тремя отрядами. Организация в 1946 г. двух — североузбекского и южноузбекского отрядов была вызвана неоднородностью происхождения и этнокультурного облика узбеков Хорезма в прошлом. Часть их, обитавшая в центре и на юге оазиса, называвшая себя прежде сартами,— аборигены Хорезма, потомки древ-

них хорезмийцев, еще в раннем средневековье воспринявших тюркский язык. Они не сохраняли родо-племенного деления; земледельческие традиции этого исконного населения оазиса и истоки его материальной и духовной культуры имеют глубокие местные корни, восходя к носителям древнехорезмийской цивилизации. Другая часть узбеков Хорезма, обитавшая главным образом на севере, в дельте Амударьи, и сохранявшая в прошлом пережитки родо-племенного деления,— потомки широкой волны пришедших из Дешти-Кипчака в Среднюю Азию в XVI в. степных, кочевых и полукочевых узбекских племен; эта крупная миграция была следствием завоеваний Шейбани-хана и возникновения на землях Средней Азии, в Бухаре и Хорезме, новых государств (ханств), возглавлявшихся узбекскими династиями [36]. Более четырех столетий с тех пор жили вместе обе части тюркоязычного населения Хорезмского оазиса. Установившиеся между ними тесные контакты — экономические, культурные и бытовые — вызвали активные процессы этнической интеграции и ассимиляции; степные племена перешли к оседлости и восприняли земледельческий опыт и культуру коренного населения, последнее же, изменив свое этническое самосознание, стало именовать себя узбеками. В годы Советской власти в процессе национальной консолидации этнокультурные различия этих двух этнографических групп узбеков все более стирались, произошло их слияние в составе узбекской социалистической нации.

В то же время для историко-этнографического исследования узбекского населения было признано целесообразным организовать два отряда: один для работы в Хорезмской области УзССР, где преобладало аборигенное население; другой для полевых исследований в северо-западных, левобережных районах Каракалпакии (главным образом в Кунградском районе), где сосредоточился основной массив полукочевых в прошлом узбеков, сохранявших некоторые древние и самобытные этнокультурные черты степных племен Дешти-Кипчака.

Южноузбекский отряд (руководитель М. В. Сазонова) работал в 1946—1949 гг.[37]; одной из главных его задач было изучение этнокультурных традиций и исторической преемственности культуры коренного населения оазиса с его хорезмийскими предками. Для этого были проведены разносторонние изыскания: изучались земледельческая техника, ирригационные сооружения, в том числе столь характерный для Хорезма чигирь; своеобразная, архаического типа хорезмская арба; ремесла и ремесленные изделия, имеющие наибольшее значение для сопоставления и корреляции с археологическими материалами: гончарство, производство набоек, ювелирное производство. Много внимания уделялось своеобразным типам одежды и головных уборов, отличавшимся от одежды северных узбеков. Большой материал был собран по хорезмийскому жилищу, в особенности

еще бытовавшему в 1940-х годах типично хорезмийскому дому-усадьбе — ховли. М. В. Сазонова провела первый опыт сопоставления планировки и архитектурной конструкции ховли с раскопанными археологами средневековыми усадьбами Каватказлинского оазиса XII — начала XIII в.[38].

Чрезвычайно интересен собранный во время полевых работ материал по пережиткам большой семьи, получивший лишь частичное отражение в опубликованном научном отчете[39].

Изучению хозяйства традиционных социальных институтов узбеков Хорезма способствовала предшествовавшая полевым исследованиям работа М. В. Сазоновой в архивах над материалами по социально-экономическому строю Хивинского ханства[40], а также новый цикл исследований дореволюционных форм земледелия и животноводства, проведенных ею в 1970-х годах в связи с подготовкой соответствующих разделов «Историко-этнографического атласа Средней Азии и Казахстана»; итоги этих исследований обобщены в монографии, опубликованной в 1978 г.

Будучи в годы работы отряда научным сотрудником Государственного музея этнографии народов СССР (Ленинград), М. В. Сазонова попутно с полевыми исследованиями собирала экспонаты, пополняя коллекции этого музея.

* * *

Несколько другим был круг исследований североузбекского отряда (руководитель К. Л. Задыхина), проводившего полевые работы в период 1946—1948 гг. и в 1952 г. Собранные отрядом материалы по этнической истории и этнографическим группам узбекского населения территории левобережья дельты Амударьи и других территорий республики дали возможность реконструировать родо-племенную структуру и составить этнические карты Кунградского и Кипчакского районов КК АССР, на которых отмечена прежняя племенная принадлежность давно расселившихся в этих районах, перешедших к земледелию и оседлости и смешавшихся с коренным населением северных, так называемых аральских узбеков[41]. Обобщая сведения исторических преданий и сопоставляя их с достоверными историческими источниками, К. Л. Задыхина пришла к важному заключению о том, что узбекские племена Дешти-Кипчака на протяжении многих веков были тесно связаны с Хорезмом, их переселение не было единовременной миграцией, вызванной лишь походами Шейбани-хана; отдельные группы дештикипчакских узбекских племен переселялись в соседний Хорезм как задолго до этих войн, так и после, в процессе спонтанных миграций. «Хорезм являлся древней культурной областью и на протяжении столетий был связан тесно с кочевой степью общими экономическими, политическими и культурными интересами,— писала она.— Заселив-

шие Хорезм в XVI в. племена продолжали поддерживать связи как с узбеками, занявшими оседлые районы Средней Азии, так и с кочевыми узбеками Дешти-Кипчака, откуда шел постоянный приток новых групп узбекского населения, имевших различные племенные и родовые названия...» [42]. Этот вывод о постоянстве этнокультурных контактов Хорезма с его степной периферией полностью согласуется с археологическими данными Хорезмской экспедиции по более ранним периодам истории.

Чрезвычайно интересны и те материалы отряда, которые дают возможность проследить конкретные формы постепенной адаптации степных племен узбеков на территории оазиса — освоение ими под земледелие пустынных территорий дельты, переход от комплексного скотоводческо-земледельческого хозяйства и полукочевого быта к ирригационному земледелию и оседлости [43]; уделено было внимание и изучению юрты кочевых узбеков, еще широко бытовавшей в Кунградском районе в 1940-х годах, а также различным формам полуоседлого и оседлого жилища. Эта тема доведена была до современности (типы жилища в колхозных селениях) [44].

Значительное место в программе работ этого отряда занимало изучение пережитков ранних форм общественного строя в семье и быту. Был собран большой материал по номенклатуре родства, по сохранявшимся следам возрастного деления, по традиционным мужским собраниям — вечеринкам «зиафат» — и их церемониалу. Эта тема впоследствии дополнительно исследовалась К. Л. Задыхиной и была развита в интересной статье теоретического характера — «Пережитки возрастных классов у народов Средней Азии» [45].

Помимо этих главных направлений работы отряд систематически занимался сбором и фиксацией материалов по жилищу, одежде, пище и другим элементам бытовой культуры этой локальной группы узбекского народа [46].

* * *

Третий из отрядов Хорезмской экспедиции, изучавших этнографию узбекского населения, работал под руководством Г. П. Снесарева десять сезонов, в период 1954—1968 гг.[47]. Основным направлением работы было изучение домусульманских верований коренного населения Хорезма — южных узбеков, еще недавно именовавшегося историческим этнонимом «сарт». В этой этнической среде, генетически наиболее связанной с древними насельниками оазиса, можно было рассчитывать на бытование реликтов тех древних исконных верований, которые в VIII в. сменила новая религия — ислам. Ожидания полностью оправдались. Успеху поисков помогло и то, что эта область исследований едва ли не наиболее тесно смыкалась с археологическими работами экспедиции и ее ежегодно пополнявшимися богатейшими археологическими находками. «Благодаря трудам архео-

логов,— отмечает в одной из своих работ Г. П. Снесарев,— последнее десятилетие внесло ясность в понимание погребальной обрядности с присущими ей локальными особенностями. Богатейший материал глиняной пластики — терракотовых статуэток, керамических рельефов, а также печатей, нумизматики,— накопленный в результате раскопок хорезмийских памятников разных эпох... позволил более уверенно говорить о характере древнехорезмийского пантеона»[48]. Однако не менее богатым оказался и полевой этнографический материал, собиравшийся тщательно и систематично — из года в год, с внимательным выбором наиболее осведомленных информаторов и с тонко разработанной методикой опросов и бесед по этой сложной теме.

Исследование велось в двух направлениях: выявление в обрядах и представлениях остатков развитой религии среднеазиатской древности — зороастризма; выявление реликтов стадиально более ранних, архаических религиозных верований, сформировавшихся еще в условиях первобытнообщинного строя. Оба эти направления оказались плодотворными — отрядом был собран поистине уникальный, оригинальный и яркий материал, нашедший отражение в научных отчетах и других публикациях Г. П. Снесарева[49], а в 1969 г. обобщенный в его монографии о домусульманских верованиях у узбеков Хорезма[50]. В этой книге дан глубокий исторический и сравнительно-этнографический анализ богатейшего полевого материала, накопившегося у автора за много лет; впервые в среднеазиатской этнографии исследуется столь полно и разносторонне целый комплекс религиоведческих тем: демонология и шаманство, магия семейно-бытовой обрядности, культы плодородия в производстве и быту, культ «святых», пережитки культа животных, а также реликты зороастризма, наиболее устойчиво сохранявшиеся в погребальных обрядах. Как бы дополнением к этой монографии стала другая книга Г. П. Снесарева — «Под небом Хорезма» — научно-популярного характера. Она приобщает читателей к романтике этнографического поиска, популяризирует этнографическую науку и ее методы полевого исследования[51]. С этой главной проблемой была тесно связана вторая — роль пережитков древних социальных институтов в семье и общественной жизни. Так, впервые был собран ценный полевой материал о реликтовой форме сельской общины хорезмских узбеков (элат), сохранявшей архаические черты древних родовых традиций; в недавнем прошлом наблюдалось бытование собрания почетных лиц (совета старейшин) элата — «кенгташ»; существовали такие персонажи, как возглавлявший элат «кятхуда» — руководитель всей внутриобщинной жизни, хранитель старых традиций, вместе с наиболее авторитетными стариками — «ёшуллы» — наблюдавший за поведением и разбиравший конфликты членов элата. В женской среде элата персонажу «кятхуда» соответствовала старшая женщина — «кяйвони». На празднествах элата с тради-

ционными пиршествами — «той» — она не обслуживала гостей (эти обязанности выполняли специальные лица: у мужчин — «пейкел», у женщин — «ходим»), а выступала в роли распорядительницы, хорошо знающей обычаи и правила свадебного и других тоев[52].

На основе полевого материала удалось реконструировать многие обычаи и обряды, в которых отражались следы возрастного деления и архаического социального института ритуальных мужских собраний. Последняя тема была дополнена впоследствии полевыми материалами из других областей Узбекистана и послужила основой для большой работы Г. П. Снесарева о пережитках в Средней Азии мужских объединений, генетически связанных с мужскими союзами первобытности[53].

Результаты поиска причин, способствовавших устойчивости бытования пережитков столь древних обычаев и ритуалов в общественной жизни, привели исследователя именно к элату; замкнутость его, особый внутренний уклад, построенный на старых традициях, большое влияние консервативно настроенных стариков, создававших «общественное мнение», направленное против новых взглядов на жизнь, новых норм поведения,— все это обусловливало отрицательное идеологическое влияние прежних общинных порядков и традиций на социалистическое преобразование быта; поэтому Г. П. Снесарев ставил в печати вопрос о важности практического использования результатов историко-этнографического анализа, раскрытия сути всего комплекса материалов по доисламским верованиям в массовой научно-атеистической пропаганде и культурно-просветительной работе местных организаций, в идеологической борьбе за изживание этих архаизмов и подчеркивал актуальность этой задачи[54].

В этом плане интересен еще один цикл полевых материалов, собранных и исследованных отрядом Г. П. Снесарева,— по агиалогии Хорезма. Было обследовано более 130 мазаров (мест захоронения) хорезмийских «святых», паломничество к которым играло большую роль в общественной и духовной жизни местного населения и не вполне изжито до настоящего времени; записанные легенды и предания об этих персонажах религиозного культа были сопоставлены с историческими данными, их имена и легендарные биографии подвергнуты анализу. Это дало конкретные примеры происходившей в средневековье и в новое время сакрализации не только духовных (суфии), но и светских лиц — превращения в «святых» реально существовавших представителей правящих кругов феодального общества — ханских сподвижников и других политических деятелей. Выявление исторических и социальных причин канонизации целого ряда популярных в Хорезме «святых» (как, например, Султан Ваис, Исмамут-ата, Юсуф Хамадани, Палван Махмуд и др.), достоверные сведения об этих персонажах мусульманского культа не только позволят подойти ближе теоретически к проблеме ста-

новления религиозных культов ислама, но и помогут действенности атеистической интерпретации каждого конкретного объекта поклонения, развенчанию ореола их «святости». Новый труд Г. П. Снесарева на эту тему находится в печати.

Попутно с этими основными темами, характеризующими профиль исследований отряда, систематически велась работа по изучению расселения этнографических групп узбеков в Хорезмской области для составления этнической карты. При этом ставилась определенная задача — установить соотношение ареалов распространения узбекских диалектов Хорезма с расселением в XIX — начале XX в. сартов и основных родо-племенных групп узбеков дештикипчакского происхождения. Этот опыт этнолингвистического картографирования дал интересные результаты — совпадение ареалов территории господства огузского наречия с расселением сартов, а разных говоров кипчакского наречия — с определенными группами дештикипчакских узбеков [55]. Одним из важных аспектов этого исследования было выявление исторических этапов тюркизации древнехорезмийского населения — процесса, особенно активно протекавшего, по данным автора карты, в период огузской экспансии. «Приоритет огузских языковых особенностей в Южном Хорезме вряд ли случаен»,— пишет по этому поводу Г. П. Снесарев [56]. Однако он не исключает большой роли в этом процессе как более ранних тюркских этнических элементов, так и послеогузских волн средневековых тюркоязычных племен, проникавших из соседних степей и активно участвовавших в консолидации узбекской народности.

Этнолингвистическое картографирование было применено как метод исследования в еще одной работе, построенной на хорезмийском материале: обследование около 70 кладбищ позволило наложить на этнолингвистическую карту ареалы распространения двух типов захоронения — подземного и наземного. В результате выявилась стойкая зависимость способа захоронения от состава узбекского населения, от этногенетических факторов. Преобладание более древнего наземного (склепного) типа оказалось характерным для зоны расселения аборигенов — узбеков без родового деления [57]. В то же время опыт картографирования этого элемента духовной культуры показал, что погребальный обряд следует рассматривать как один из стойких этнических признаков, не всегда изменявшийся даже под влиянием ислама.

* * *

Туркменский отряд под руководством Г. П. Васильевой провел десять сезонов полевых работ в Северном Туркменистане в период с 1948 по 1966 г.[58]. За это время было исследовано несколько важных тем, связанных как с этнографией туркмен, так и с общехорезмийскими историко-этнографическими проблемами. Первые годы своей работы отряд занимался в основном сбором

материалов по этнической истории местного туркменского населения, изучая народные предания и воспоминания людей старших поколений, генеалогию и этнонимику. Изучение истории расселения туркмен на территории Ташаузской области дало возможность составить две детальные этнические карты — историко-этническую, реконструирующую родо-племенное расселение туркмен в начале XX в., и карту современного размещения всех основных национальностей и национальных групп[59]. Очень интересны выявленные Г. П. Васильевой при анализе исторических и генеалогических преданий следы древних этнокультурных связей некоторых групп туркмен (чоудуров, йомутов) с хорезмскими узбеками и другими народами Южного Приаралья, уходящие в раннее средневековье (огузы), а возможно, и еще более древние эпохи. Одновременно с этим циклом работ был собран и зафиксирован обширный собственно этнографический материал, характеризующий разные типы хозяйства хорезмских туркмен, некоторые их социальные институты, типы поселений и жилища, формы народной одежды, украшения, прикладное искусство и др.[60].

Отряд провел также несколько циклов исследований, непосредственно связанных с объектами археологических работ Хорезмской экспедиции. Первый из них был вызван необходимостью установить, кем была создана средневековая ирригационная система, открытая и исследованная (в 1952—1954 гг.) археологами экспедиции на склонах Сарыкамышской впадины. Своеобразие этой системы заключалось в том, что она была построена с целью подъема воды из Сарыкамышского озера на его берега; от озера поднимались на склоны длинные (местами до нескольких километров) валы-акведуки из озерного суглинка, по верхней части которых тянулись желоба с полукруглым вогнутым дном. Валы были расположены веерообразно на склонах впадины; они прерывались бассейнами-водоемами, в которых некогда находились водоподъемные сооружения для переброски озерной воды на следующую ступень акведука. Между валами сохранились планировка полей и остатки поселений — следы обваловки юрт и землянок, очаги, жернова, россыпи керамики, обломки кричы и железных предметов, много монет и др. Эти находки датировали основную часть ирригации и поселений XV—XVI вв., временем, когда озеро было еще обводнено; оно пересохло и засолилось в конце XVI в., тогда же, видимо, местность превратилась в пустыню[61]. По предположению С. П. Толстова, основанному на сведениях исторических источников, здесь в позднем средневековье обитали туркмены племенного подразделения адаклы-хызыр; о них пишет в своей «Родословной туркмен» Абул-гази, хан хивинский (1663—1687), как об основном населении пространства от окрестностей Ургенча до среднего Узбоя, отмечая, что эти туркмены были земледельцами и скотоводами. Отождествление строителей сарыкамышской иррига-

ции с адакскими[62] туркменами хызыр (хыдыр)-эли требовало дополнительных этнографических данных, выявить которые и было поручено отряду Г. П. Васильевой.

Отряд успешно выполнил это интересное задание: были обследованы (в 1954 и 1955 гг.) потомки туркмен хыдыр-эли, обнаруженные в Чарджоуской области Туркменской ССР, близ Бухары, в Каракульском оазисе и в некоторых местностях Хорезмской области (близ Гурлена). Изучение записанных у них преданий о прежних местах обитания, их традиционные занятия (в том числе гончарство и кузнечество), хозяйственные навыки озерного орошения, проявившиеся у хыдырэлинцев, живших вокруг оз. Каракуль, и целый ряд других сведений и наблюдений неопровержимо свидетельствовали о том, что нынешняя этнографическая группа туркмен хыдыр-эли — потомки обитателей Сарыкашыма и верхнего Узбоя[63], полуоседлых земледельцев и скотоводов, владевших навыками орошаемого земледелия на пересыхающих озерах и опытом строительства водоподъемных ирригационных сооружений.

Подобную же задачу имел маршрут отряда Г. П. Васильевой на побережье Каспия (1955 г.), где в урочище Куня-Огурджа, у впадения в море протока Узбоя — Абжаиба, археологи экспедиции обнаружили остатки позднесредневековых поселений. Историко-этнографические материалы, собранные в этом районе, выявили несомненную связь основной части нынешних потомков туркмен-огурджали с жителями средневекового поселения на Аджанбе и с упоминаемой в исторических источниках XIV—XVI вв. местностью Огурча (Огрыча)[64].

Не менее интересным оказалось комплексное археолого-этнографическое исследование покинутых туркменских поселений XIX в., проводившееся в 1955—1957 гг. несколькими отрядами главным образом в Куня-Ургенчском и Ленинском районах Ташаузской области. Поселенные здесь в 1830—1840-х годах хивинским правительством в низовьях оросительных каналов туркмены-йомуты неоднократно восставали; их мятежи подавлялись жестоко путем перекрытия каналов и лишения посевов воды. Разоренные туркменские земледельцы вынуждены были покидать свои селения и пересохшие поля и уходить из Хорезма или переключаться на занятие кочевым скотоводством. Целый ряд развалин таких покинутых туркменских поселений сохранился на безводных ныне каналах XIX в.— Шамурат, Сипайяб и др.— в междуречье Дарьялыка и Даудана. При изучении их развалин сочетались археологические и этнографические методы; тщательно фиксировались ирригация, крепостные сооружения и жилища, но при этом обширный археологический материал дополнялся и корректировался историко-этнографическими сведениями, собранными среди местного населения — у уроженцев и потомков прежних обитателей этих мест. Старики-информаторы помогали своими сообщениями расшифровать и «оживить» па-

мятники материальной культуры. Комплексное изучение заполняло существовавший пробел между археологическими и этнографическими материалами, давало возможность выявить преемственность и пути развития многих традиционных черт культуры населения Левобережного Хорезма [65]. В частности, это относится к туркменской народной архитектуре — обширный материал, накопившийся в результате фиксации усадеб и оседлых жилищ, позволил выявить их основные формы, систематизировать и сконструировать типологические классификации [66].

Наряду с историко-этнографической тематикой отряд Г. П. Васильевой много занимался вопросами современной культуры и быта туркменского населения Ташаузской области. Еще в 1951 г. началось стационарное изучение расположенного на северо-западе области, у подножия Устюрта, колхоза «Большевик» (ныне — колхоз им. Ашира Какабаева). Позднее работа по изучению социалистических преобразований в жизни сельского населения сосредоточилась на колхозах Ильялинского, Калининского и Тахтинского районов; в последнем велась ряд лет стационарно (в колхозе «Коммуна»). Территория Тахтинского района — центр наиболее древней оседлой земледельческой культуры туркмен-йомутов, она и наиболее монолитная (преобладание туркмен) по этническому составу населения. Помимо изучения различных сторон современного быта большое внимание уделялось этническим процессам. Результаты этого цикла исследований обобщены в монографии Г. П. Васильевой [67]. Этот труд, снабженный обстоятельным историческим очерком, широко освещает пути социалистического преобразования хозяйства, материальной культуры, семейного уклада, общественной, культурной жизни и повседневного быта туркменского сельского населения. Очень убедительны, в частности, наблюдения автора, свидетельствующие о стирании локальных этнокультурных различий между отдельными группами туркмен (прежними племенами), о сложении общетуркменских национальных форм культуры. Автор прослеживает на своем материале и интеграционные процессы — разнообразные пути сближения хорезмских туркмен с соседними народами и национальными группами.

Освещая это направление этнографических исследований среди туркмен, следует отметить также большую работу Н. П. Лобачевой, в течение ряда лет изучавшей современный быт и культуру туркмен-колхозников в колхозе им. М. Горького Турткульского района Каракалпакской АССР. Итоги этой работы опубликованы [68].

* * *

Обобщая итоги своих исследований в статьях и монографиях, посвященных целому ряду проблем и тем исторической этнографии и этнографии современности населения Приаралья,

коллектив этнографов внес существенный вклад в развитие этнографии народов Средней Азии. Положения и выводы многих из этих работ выходят за пределы региональной проблематики и имеют общетеоретическое научное значение. Новые материалы и труды нашли отражение и в ряде капитальных этнографических и исторических изданий, таких, как двухтомник «Народы Средней Азии и Казахстана» серии «Народы мира», «Очерки истории Каракалпакской АССР» и подготовляемый к изданию «Историко-этнографический атлас Средней Азии и Казахстана».

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] С. П. Толстов. Дмитрий Николаевич Анучин — этнограф. — ТИЭ АН СССР. Н. С. Т. 1. М.—Л., 1947, с. 18—21.

[2] Там же, с. 19—20.

[3] См., например, «Экскурс III — Путь корибантов» в кн.: С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, с. 282—340.

[4] В 1945 г. завершил также свою работу, начатую в годы войны, отряд под руководством Е. Э. Бломквист, изучавшей русских казаков-уральцев дельты Амударьи.

[5] В 1954 г. был организован третий узбекский этнографический отряд.

[6] С. П. Толстов. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция Академии наук СССР.— ТХАЭЭ. Т. 1. М., 1952, с. 13.

[7] См., например: К. А. Иностранцев. О домусульманской культуре Хивинского оазиса.— «Журнал Министерства народного просвещения». Н. С. Ч. 31. 1911, февраль.

[8] В. В. Бартольд. Сочинения. Т. 2. Ч. 1. М., 1963, с. 206.

[9] С. П. Толстов. Древний Хорезм, с. 341.

[10] Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. Национальный состав населения СССР. Т. 4. М., 1973, табл. 12, с. 222; табл. 12, с. 221; табл. 28, с. 314.

[11] Г. П. Васильева. Преобразование быта и этнические процессы в Северном Туркменистане. М., 1969, с. 12—13.

[12] Т. А. Жданко. Каракалпаки Хорезмского оазиса.— ТХАЭЭ. Т. 1, с. 469—471.

[13] В настоящее время в связи со снижением уровня Аральского моря эти острова соединились с материком и бригады рыболовецких колхозов переселились в другие местности.

[14] Среди первых этнографов Каракалпакии, вступивших на путь науки в Хорезмской экспедиции, следует назвать д-ра истор. наук Р. К. Косбергенова, работавшего в отряде с 1945 по 1949 г.; С. К. Камалова, много лет (с 1946 г.) принимавшего участие в полевых исследованиях, ныне академика АН УзССР, председателя Каракалпакского филиала АН УзССР; У. Х. Шалекенова, ныне д-ра истор. наук; Х. Есбергенова — заведующего сектором этнографии в Каракалпакском филиале АН УзССР, и многих других, ставших известными учеными Каракалпакии, этнографами и историками.

[15] Т. А. Жданко. Очерки исторической этнографии каракалпаков.— ТИЭ. Н. С. Т. 9. М.—Л., 1950, с. 36—37 (вклейка). См. также: ТХАЭЭ. Т. 1, с. 508—509.

[16] Сводная этническая карта расселения каракалпаков, составленная Б. В. Андрияновым и Т. А. Жданко по данным полевых материалов, опубликована в ТХАЭЭ, т. 1, с. 512—513 (вклейка).

[17] Р. Г. Кузеев. Опыт исторической стратификации родо-племенной этнонимии башкир.— «Ономастика Поволжья». III. Уфа, 1973.

[18] Т. А. Жданко. Очерки исторической этнографии каракалпаков; она же. Каракалпаки Хорезмского оазиса.— ТХАЭЭ. Т. 1, с. 507—513 и сл.

[19] С. П. Толстов. Основные проблемы этногенеза народов Средней Азии.— Советская этнография. Сборник статей. VI—VII. М.—Л., 1947; он же. К вопросу о происхождении каракалпакского народа.— КСИЭ. Вып. 2. М.—Л., 1947; он же. Города гузов (историко-этнографические этюды).— СЭ. 1947, № 3 (в последней работе частично используются материалы Каракалпакского отряда: см. с. 94—99).

[20] Т. А. Жданко. Проблема этногенеза каракалпаков.— КСИЭ. Вып. 36. М., 1961; она же. Каракалпаки.— Народы Средней Азии и Казахстана. Ч. 1. Серия «Народы мира». М., 1962, с. 410—413; она же. Предки каракалпаков в эпоху средневековья и формирование каракалпакской народности.— Очерки истории Каракалпакской АССР. Т. 1. Таш., 1964, с. 79—104, 117—133 и др.

[21] Б. В. Андрианов. Этническая территория каракалпаков в Северном Хорезме (XVIII—XIX вв.).— ТХАЭЭ. Т. 3. Материалы и исследования по этнографии каракалпаков. М., 1958, с. 7—132.

[22] С. Камалов. Народно-освободительная борьба каракалпаков против хивинских ханов в XIX в.— ТХАЭЭ. Т. 3, с. 133—206; он же. Каракалпаки в XVIII—XIX веках (к истории взаимоотношений с Россией и среднеазиатскими ханствами). Таш., 1968.

[23] Р. Косбергенов. Положение каракалпакского населения в Хивинском ханстве в XIX в.— ТХАЭЭ. Т. 3, с. 207—268.

[24] Особенности дельтового орошаемого земледелия изучались археолого-топографическим отрядом Хорезмской экспедиции. См.: Б. В. Андрианов. Изучение каракалпакской ирригации в бассейне Жаныдарьи в 1956—1957 г.— МХЭ. Вып. 4. М., 1960; он же. Древние оросительные системы Приаралья. М., 1969, с. 216—221.

[25] Т. А. Жданко. Проблема полуоседлого населения в истории Средней Азии и Казахстана.— СЭ. 1964, № 2; она же. К вопросу о хозяйственно-культурном типе полуоседлых скотоводов-земледельцев-рыболовов дельтовых областей Средней Азии.— «Этнография и археология Средней Азии». М., 1979.

[26] С. П. Толстов. К вопросу о происхождении каракалпакского народа, с. 73—74; он же. Города гузов, с. 100.

[27] Н. П. Лобачева. К истории среднеазиатского костюма (женские головные накидки).—СЭ. 1965, № 6; Т. А. Жданко. Каракалпаки Хорезмского оазиса, с. 553.

[28] Т. А. Жданко. Народное орнаментальное искусство каракалпаков.— ТХАЭЭ. Т. 3; И. В. Савицкий. Народное прикладное искусство каракалпаков. Резьба по дереву. Таш., 1965; он же. Государственный музей искусств Каракалпакской АССР. М., 1976 (альбом), табл. 31—106.

[29] Х. К. Есбергенов. К вопросу об изживании религиозных представлений и обрядов у каракалпаков (на материале погребальной обрядности). Автореф. канд. дис. М., 1963; он же. О некоторых обрядах каракалпаков. Нукус, 1964 (на каракалп. яз.); Т. А. Жданко. Каракалпакская эпическая поэма «Кырк кыз» как историко-этнографический источник.— КСИЭ. Вып. 30. М., 1958, с. 110—120.

[30] См., например: Л. С. Толстова. Исторический фольклор каракалпаков как источник для изучения этногенеза и этнокультурных связей этого народа.— «Этническая история и фольклор». М., 1977, с. 141—164; Т. А. Жданко. О близости некоторых исторических традиций у каракалпаков и башкир.— Археология и этнография Башкирии. Т. 4. Уфа, 1971, с. 161—173.

[31] См. научные отчеты Каракалпакского этнографического отряда за 1956 и 1957 гг.— МХЭ. Вып. 1. М., 1959; вып. 4. М., 1960.

[32] А. Т. Бекмуратова. Изменения в быту и семейных взаимоотношениях каракалпаков за годы Советской власти.— СЭ. 1966, № 3; она же. Быт и семья каракалпаков в прошлом и настоящем. Нукус, 1970.

[33] См. статью А. Бекмуратовой, а также (сн. 32): Х. Есбергенов, Т. Атамуратов. Традиции и их преобразование в городском быту каракалпаков. Нукус, 1975.

[34] У. Х. Шалекенов. Быт каракалпакского крестьянства Чимбайского района в прошлом и настоящем.— ТХАЭЭ. Т. 3, с. 269—370.

[35] Т. А. Жданко. Быт колхозников-переселенцев на вновь освоенных землях древнего орошения Каракалпакии.— ТХАЭЭ. Т. 2, с. 705—760; то же на каракалп. яз.: Нукус, 1955 (отд. издание).

[36] Узбекское ханство в Хорезме было образовано враждебными Шейбани-хану и отделившимися от него султанами Ильбарсом и Байбарсом. Оно стало называться Хивинским с XVII в., когда столица его была перенесена из Ургенча (Куня-Ургенча) в Хиву.

[37] После многолетнего перерыва историко-этнографические исследования в Хорезмской области под руководством М. В. Сазоновой были продолжены в 1970-х годах (сбор материалов для историко-этнографического атласа), но работы велись уже в составе Среднеазиатской экспедиции Института этнографии.

[38] М. В. Сазонова. К этнографии узбеков Южного Хорезма.— ТХАЭЭ. Т. 1. М., 1952; она же. Украшения узбеков Хорезма.— Традиционная культура народов Передней и Средней Азии.— Сб. МАЭ. 26. Л., 1970; она же. Традиционное хозяйство узбеков Южного Хорезма. Л., 1978; К. Л. Задыхина, М. В. Сазонова. Мужская одежда узбеков Хорезма конца XIX—начала XX в.— Костюм народов Средней Азии. М., 1979.

[39] М. В. Сазонова. К этнографии узбеков, с. 301—310.

[40] М. В. Сазонова. Земельные отношения в Хивинском ханстве в XIX в. (автореф. канд. дис.).— КСИЭ. М., 1969, вып. 6, с. 64—67; она же. Традиционное хозяйство узбеков Южного Хорезма.

[41] К. Л. Задыхина. Узбеки дельты Аму-Дарьи.— ТХАЭЭ. Т. 1, с. 339, 340.

[42] К. Л. Задыхина. Культура и быт узбеков Кипчакского района Каракалпакской АССР.— ТХАЭЭ. Т. 2. М., 1958, с. 763.

[43] Она же. Узбеки дельты, с. 344—348.

[44] Там же, с. 353—370.

[45] См.: Родовое общество. Материалы и исследования.— ТИЭ АН СССР. Н. С. Т. 14. М., 1951.

[46] Завершив в 1952 г. свои работы в Хорезмской экспедиции сбором материалов по современному быту узбеков Кипчакского района КК АССР, К. Л. Задыхина переключилась на экспедиционные исследования в Южном Узбекистане среди локальных групп узбеков, этнически родственных хорезмским.

[47] В полевых работах отряда постоянно принимала участие этнограф Г. С. Куртмуллаева, в некоторые годы Н. П. Лобачева, А. Н. Жилина, архитектор Ю. В. Стеблюк и др.

[48] Г. П. Снесарев. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М., 1969, с. 6.

[49] Г. П. Снесарев. Обряд жертвоприношения воде у узбеков Хорезма, генетически связанный с культом плодородия.— МХЭ. Вып. 4, 1960; он же. Большесемейные захоронения у оседлого населения Левобережного Хорезма.— КСИЭ. Вып. 33, 1960 и др.; Ю. В. Стеблюк. Исмамут-ата (к типологии погребальных сооружений у народов Средней Азии).— СЭ. 1959, № 3.

[50] Г. П. Снесарев. Реликты домусульманских верований.

[51] Г. П. Снесарев. Под небом Хорезма (Этнографические очерки). М., 1973. См. также издание этой книги на немецком языке: G. Snessarew. Unter dem Himmel von Choresm. Reisen eines Ethnologen in Mittelasien. Lpz., 1976.

[52] Г. П. Снесарев. О некоторых причинах сохранения религиозно-бытовых пережитков у узбеков Хорезма.— СЭ. 1957, № 2; он же. Материалы о первобытнообщинных пережитках в обычаях и обрядах узбеков Хорезма.— МХЭ. Вып. 4. М., 1960; Н. П. Лобачева. Свадебный обряд хорезмских узбеков.— КСИЭ. Вып. 34, 1960; А. Н. Жилина. Традиционные черты в современном жилище Хорезма.— СЭ. 1969, № 3.

[53] Г. П. Снесарев. Традиция мужских союзов в ее позднейшем варианте у народов Средней Азии.— МХЭ. Вып. 7. М., 1963.

[54] Г. П. Снесарев. О некоторых причинах сакральных религиозно-бытовых пережитков, с. 70—72. Одной из форм такой пропаганды была упоминавшаяся научно-популярная книга этого автора «Под небом Хорезма».

[55] Г. П. Снесарев. Объяснительная записка к «Карте расселения узбеков на территории Хорезмской области (конец XIX — нач. XX в.)».— Хозяйственно-культурные традиции народов Средней Азии и Казахстана. М., 1975. с. 75—94 (карты на с. 76 и 82).

[56] Г. П. Снесарев. Объяснительная записка, с. 86.

[57] Г. П. Снесарев. Опыт картографирования некоторых элементов духовной культуры в сочетании с картографированием этническим и диалектологическим.— Проблемы картографирования в языкознании и этнографии. Л., 1974. с. 240—246.

[58] С конца 1960-х годов отряд Г. П. Васильевой переключился на исследование других районов республики (главным образом юго-западных) и работал в составе Среднеазиатской экспедиции Института этнографии.

[59] Г. П. Васильева. Объяснительная записка к карте Ташаузской области. — Материалы к историко-этнографическому атласу Средней Азии и Казахстана.— ТИЭ АН СССР. Н. С. Т. 48. М.—Л., 1961; она же. Из истории туркменского населения западных районов Ташаузской области. ТИИАЭ АН ТуркмССР. Т. 7. Серия этнографическая. Аш., 1963; она же. К этнографии туркмен восточных районов Левобережного Хорезма.— МХЭ. Вып. 7. М., 1963.

[60] В 1950-х годах на территории Северного Туркменистана несколько лет параллельно с Туркменским отрядом работала этнографическая экспедиция исторического факультета МГУ под руководством Г. Е. Маркова. См.: Г. Е. Марков. Типы оседлого жилища туркмен Хорезмского оазиса.— КСИЭ. Вып. 23, 1955; он же. Из истории земледельческого хозяйства у северных туркмен в начале XX в.— ТИИАЭ АН ТуркмССР. Т. 6. Аш., 1962; он же. Очерки истории формирования северных туркмен. М., 1961.

[61] С. П. Толстов, А. С. Кесь, Т. А. Жданко. История средневекового Сарыкамышского озера.— Вопросы геоморфологии и палеогеографии Азии. М., 1955. См. также: Низовья Аму-Дарьи, Сарыкамыш, Узбой.— МХЭ. Вып. 3. М., 1960, гл. IV «Сарыкамыш».

[62] Позднесредневековая крепость Адак (ныне развалины Ак-кала) находилась на восточных окраинах Сарыкамыша, у возвышенности Бутентау, на одном из протоков Дарьялыка.

[63] Г. П. Васильева. Этнографический маршрут в центральных районах Чарджоуской области Туркменской ССР и в Бухарской области Узбекской ССР.— КСИЭ. 26. М., 1957; она же. Работы Туркменского этнографического отряда в 1954—1956 гг.— МХЭ. Вып. 1. М., 1959.

[64] Г. П. Васильева. Работы Туркменского этнографического отряда, с 178—185.

[65] Б. В. Андрианов, Г. П. Васильева. Покинутые туркменские поселения XIX века.— КСИЭ. Вып. 28. М., 1957; они же. Опыт археолого-этнографического изучения покинутых туркменских поселений XIX в.— «Известия АН ТССР». Серия общественных наук. 1957, № 2.

[66] Б. И. Вайнберг. К истории туркменских поселений XIX в. в Хорезме.— СЭ. 1959, № 5; она же. Туркменские поселения по Дарьялыку (по материалам Туркменского археолого-этнографического отряда 1957 г.).— МХЭ. Вып. 4. М., 1960.

[67] Г. П. Васильева. Преобразование быта и этнические процессы в Северном Туркменистане. М., 1969.

[68] Н. П. Лобачева. Очерки культуры и быта колхозников — освоителей Кызылкумов (по материалам колхоза им. М. Горького Турткульского района КК АССР).— Занятия и быт народов Средней Азии.— Среднеазиатский этнографический сборник. Вып. 3 (ТИЭ АН СССР. Н. С. Т. 97). Л., 1971.

С. К. Камалов

ХОРЕЗМСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ И РАЗВИТИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ В КАРАКАЛПАКИИ

Каракалпакский народ, обретший свою национальную государственность благодаря Великому Октябрю, ощущал необходимость осознания своего исторического прошлого и истоков национальной культуры. В решении этих проблем положительную роль сыграли сотрудники Историко-этнографической секции Каракалпакского комплексного научно-исследовательского института, созданного при непосредственном содействии Академии наук СССР в августе 1931 г., проделавшие огромную подготовительную работу. Сотрудники института выявляли архивные материалы, записывали легенды и сказания, касающиеся исторического прошлого, устанавливали связи с научными учреждениями. Однако полностью завершить работу по написанию истории каракалпакского народа молодые научные силы не могли.

Конференция по изучению производительных сил Каракалпакской АССР, организованная Академией наук СССР совместно с правительством автономной республики 18—25 марта 1933 г. в Ленинграде, решила ряд вопросов, связанных с развитием экономики и культуры Каракалпакии, определила основные направления научно-исследовательской работы на территории низовьев Амударьи. Новые, ответственные задачи, продиктованные вторым пятилетним планом, потребовали создания Каракалпакской комиссии при Президиуме АН СССР. Эта комиссия была организована решением Президиума АН СССР от 19 апреля 1933 г.[1]. Совместно с Институтом востоковедения и Историко-археологическим институтом комиссия, в частности, составила конкретный план работы по собиранию и подготовке к изданию материалов по истории каракалпаков. Конкретное руководство этими работами было возложено на директора Института востоковедения Академии наук СССР акад. С. Ф. Ольденбурга и заместителя директора Историко-археологического института чл.-кор. АН СССР С. Г. Томсинского. По заданию комиссии большую работу проделал видный советский историк и востоковед Павел Петрович Иванов.

В 1935 г. Институт востоковедения АН СССР опубликовал «Материалы по истории каракалпаков», куда вошли «Очерк истории каракалпаков»[2], написанный П. П. Ивановым, и другие материалы по истории и этнографии каракалпаков «Очерк...»

стал первым марксистским трудом по истории каракалпакского народа. П. П. Иванов был первым ученым, который коснулся вопросов этногенеза каракалпаков. Основное внимание в данной работе было уделено истории каракалпаков в XVIII—XIX вв.

Каракалпакская комиссия совместно с Государственной академией истории материальной культуры (ГАИМК, впоследствии Институт археологии АН СССР) составила план организации работ по изучению и охране памятников материальной культуры на территории Каракалпакской АССР. На совещании, посвященном проблемам истории и археологии Средней Азии, созванном в 1936 г. в Ленинграде Академией истории материальной культуры, были обсуждены очередные задачи в области археологии Средней Азии. После этого совещания была образована Хорезмская экспедиция. Именно этой экспедиции и ее руководителю — выдающемуся советскому ученому С. П. Толстову — было суждено сыграть исключительно важную роль в развитии исторической науки в Каракалпакии, подготовке национальных кадров исследователей-историков.

С. П. Толстов впервые попал в «древний Хорезм» — нынешнюю территорию Каракалпакской АССР — в 1929 г. Ученый настолько увлекся необычайными археологическими памятниками этого края, своеобразием быта и культуры каракалпаков, суровой красотой этой древней страны, что всю дальнейшую жизнь и научную деятельность связал с этой своеобразной областью Средней Азии — «среднеазиатским Египтом», как он ее называл[3]. В 1930-х годах он опубликовал работы, имевшие большое значение для изучения патриархально-феодальных отношений у народов Средней Азии, в том числе у каракалпаков.

Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР широко развернула свою работу на территории автономной республики. Наряду с памятниками древности и средневековья специальные археолого-этнографические отряды экспедиции изучали также и памятники нового времени — покинутые по различным причинам каракалпакские поселения XVIII—XIX вв., развалины которых расположены в зоне пустынь близ пересохших каналов.

На состоявшейся осенью 1945 г. в Нукусе выездной сессии Академии наук УзССР С. П. Толстов выступил с докладом «Основные итоги и очередные задачи изучения истории и археологии Каракалпакии и каракалпаков»[4], в котором определил задачи исследования истории нашей республики. Труды С. П. Толстова «Древний Хорезм», «По следам древнехорезмийской цивилизации» (М., 1948), «По древним дельтам Окса и Яксарта» (М., 1962) и др. внесли большой вклад в воссоздание исторического прошлого каракалпакского народа.

В возглавляемом им коллективе Хорезмской экспедиции выросла замечательная плеяда археологов и этнографов, ставших его ближайшими помощниками и продолжателями его дела. Од-

ной из них является Т. А. Жданко, с приходом которой экспедиция стала также этнографической.

Этнографический отряд Хорезмской экспедиции под руководством д-ра истор. наук. проф. Т. А. Жданко с 1945 г. по настоящее время проделал огромную работу на территории Каракалпакской АССР по исследованию истории и этнографии каракалпаков. Разработкой вопросов истории и этнографии каракалпакского народа Т. А. Жданко занимается с 1940 г. Ее исследования ценны не только как вклад в историографию каракалпаков, но и как образцовые научные труды, отличающиеся тщательно разработанной методикой собирания полевого материала и критическим анализом источников. В своих исследованиях она уделяет большое внимание теоретическим проблемам этнографии. Ею впервые поставлен и разрабатывается вопрос о роли полуоседлого населения в истории Средней Азии и Казахстана. Среди многих ее трудов по истории и этнографии каракалпакского народа особое место занимает кандидатская диссертация, изданная отдельной книгой[5]. Работа является первым фундаментальным марксистским исследованием по этнографии каракалпакского народа. На основе огромного материала, включающего полевые источники, впервые подробно проанализирована родо-племенная система каракалпаков Хорезмского оазиса в конце XIX и начале XX в., раскрыта история расселения этого народа в низовьях Амударьи. Постановка широких исследований по истории, археологии и этнографии Каракалпакии является результатом деятельности Каракалпакской комиссии АН СССР и заслугой прежде всего трех русских ученых — С. П. Толстова, П. П. Иванова, Т. А. Жданко — и Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР.

Учитывая потребности Каракалпакской АССР в научных кадрах, Президиум АН СССР еще в довоенные годы дал поручение Каракалпакской комиссии подготовить специалистов для автономной республики через аспирантуру[6]. Эта задача была успешно осуществлена только в годы послевоенных пятилеток. В этом деле огромную роль сыграла Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция. К работе экспедиции в послевоенные годы стали привлекаться студенты гуманитарных факультетов Каракалпакского пединститута. Это позволило начать планомерную подготовку историков для научно-исследовательских учреждений и высших учебных заведений автономной республики. Под руководством чл.-кор. АН СССР С. П. Толстова и проф. Т. А. Жданко на протяжении 50-х годов был подготовлен целый ряд специалистов в области истории, археологии, этнографии и в других областях общественных наук. Это дало возможность открыть в 1950 г. сектор истории в Каракалпакском институте экономики и культуры АН УзССР. Были укомплектованы историками историко-краеведческий музей и кафедры истории Каракалпакского педагогического института.

Дальнейшая подготовка кадров историков, в которой по-прежнему ведущую роль играли сотрудники Хорезмской экспедиции АН СССР, позволила при организации филиала АН УзССР в 1959 г. создать в его составе Институт истории, языка и литературы. В названном институте после секторов истории дореволюционного периода и истории советского периода был открыт сектор археологии и этнографии. Интенсивное пополнение рядов исследователей новыми учениками С. П. Толстова и его сотрудников дало возможность разделить последний в 1969 г. на два подразделения: сектор археологии и сектор этнографии.

Имеющие большое значение для историографии Каракалпакии труды были созданы коллегами и учениками С. П. Толстова. Так, многие проблемы истории ирригации Каракалпакии освещены в фундаментальном труде акад. АН УзССР Я. Г. Гулямова[7]. Ряд проблем древней и средневековой истории Каракалпакии разработан в трудах М. А. Итиной[8] и Е. Е. Неразик[9]. Расселению каракалпаков в низовьях Амударьи посвятил одну из своих работ Б. В. Андрианов. Им также исследованы остатки каракалпакских укреплений и ирригационной сети на Жанадарье[10]. Отдельные работы посвящены вопросам истории освободительного движения каракалпаков в XVIII — середине XIX в., русско-каракалпакским отношениям в XVIII—XIX вв.[11]. Вопросам присоединения Каракалпакии к России и положению левобережных каракалпаков в колониальный период посвящены работы Р. Косбергенова[12] Отдельные вопросы истории культуры и быта каракалпаков и казахов Амударьинского отдела затронуты в трудах У. Х. Шалекенова[13]. Некоторые периоды истории Каракалпакии после присоединения к России и особенно история образования и развития Каракалпакской АССР освещены в трудах чл.-кор. АН УзССР Я. М. Досумова[14]. Ряд работ по истории и этнографии каракалпаков, живущих за пределами Хорезмского оазиса, написала Л. С. Толстова[15].

Большинство секторов исторического профиля Каракалпакского филиала АН УзССР определило направление своих исследований как продолжение работы, начатой Хорезмской экспедицией. Так, при дальнейшей разработке проблем Кердера археологами Каракалпакии проведены исследования на городищах Хайван-кала, Куюк-кала, Ток-кала и Курганча[16]. На последних двух городищах велись многолетние стационарные раскопки, научные результаты которых опубликованы в отдельных монографиях[17] и сборниках[18]. Сейчас можно говорить о завершении первого этапа научного изучения поселения Курганча, признанного памятником-эталоном для культуры Кердера в целом. Разработаны вопросы его хронологии, топографии, стратиграфии, установлена внутренняя структура, определены основные этапы его сложения. Стационарные раскопки также велись на некрополе Миздахкан — важнейшем центре древнехорезмий-

ской цивилизации. Основные научные результаты комплексного изучения опубликованы [19].

Автомобильные и авиационные разведки Хорезмской экспедиции на плато Устюрт легли в основу интереснейших исследований на этой территории, которые ведут в настоящее время археологические отряды Каракалпакского филиала АН УзССР. Были проведены поисковые маршруты по исследованию восточного чинка и внутренних районов Устюрта, покрывшие значительную часть плато, ранее совершенно не затронутую археологическим изучением [20]. В итоге были выявлены качественно новые для археологии Каракалпакии памятники первобытной эпохи и кочевых племен древности и средневековья. В хронологическом отношении вновь открытые памятники охватывают огромный исторический период — от палеолита до эпохи Золотой Орды [21].

Этнографы автономной республики изучили традиционные формы хозяйства, быт и культуру каракалпаков и других народов низовьев Амударьи. Исследование семейно-бытового уклада каракалпаков позволило выявить древние истоки, на основе которых возникали различные социальные институты, показать их изменения под влиянием социалистических преобразований [22]. Опубликована коллективная работа, в которой отражены наиболее характерные черты хозяйства — как общие для Каракалпакии, так и специфические, присущие отдельным народам и их локальным группам, подчас рассеянным в разных районах республики [23]. Ученые анализируют традиционные обряды и их преобразование в результате культурной революции [24].

Важнейшим показателем развития исторической науки в Каракалпакии за годы Советской власти является издание очерков истории, а затем истории Каракалпакской АССР [25]. Создание этих фундаментальных трудов явилось итогом совместной исследовательской работы коллективов ученых Хорезмской экспедиции и исследователей Каракалпакии.

Подготовка квалифицированных кадров историков для автономной республики продолжается и поныне. Теперь эту миссию наряду с другими учеными страны выполняют ученики С. П. Толстова и Т. А. Жданко. Сегодня, когда исследования в области исторической науки в автономной республике ведутся широким фронтом и во всевозрастающих масштабах как в стенах Каракалпакского филиала АН УзССР, так и в стенах Нукусского государственного университета, когда ряды исследователей пополняются новыми специалистами, мы с благодарностью вспоминаем, что у истоков развития исторической науки в автономной республике стояла Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция и ее основатель и руководитель С. П. Толстов — замечательный советский ученый, большой друг и учитель каракалпакских ученых.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Архив АН СССР, ф. 2, оп. ба, № 1в, л. 71—73.

[2] Труды Института востоковедения. Т. 7. М.—Л., 1935, с. 91—143.

[3] С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, с. 8. См. также: М. А. Итина. Проблемы археологии Хорезма (К 40-летию Хорезмской экспедиции).— СА. 1977, № 4, с. 42.

[4] С. П. Толстов. *Основные итоги и очередные задачи изучения истории и археологии каракалпаков и Каракалпакии.* — «Бюллетень Академии наук УзССР». 1945, № 9—10.

[5] Т. А. Жданко. Очерки исторической этнографии каракалпаков. Родоплеменная структура и расселение в XIX — начале XX в. М., 1950, с. 34.

[6] Архив АН СССР, ф. 2, оп. ба, № 1в, л. 71—73. См. также: С. К. Камалов. *О документах Каракалпакской комиссии Академии наук СССР.* — «Вестник Каракалпакского филиала Академии наук УзССР». 1975, № 4, с. 85—87.

[7] Я. Г. Гулямов. История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней. Таш., 1957.

[8] М. А. Итина. История степных племен Южного Приаралья (II — начало I тысячелетия до н. э.).— ТХАЭЭ. Т. 10. М., 1977.

[9] Е. Е. Неразик. Сельское жилище в Хорезме (I—XIV вв.).— ТХАЭЭ. Т. 9. М., 1976.

[10] Б. В. Андрианов. Этническая территория каракалпаков.— ТХАЭЭ. Т. 3. М., 1958; он же. Акджагыз.— ТХАЭЭ. Т. 1. М., 1952; он же. Изучение каракалпакской ирригации в бассейне Жаны-Дарьи в 1956—1957 гг.— МХЭ. Вып. 4. М., 1960.

[11] С. Камалов. Завоевание каракалпаков хивинскими ханами в конце XVIII — начале XIX в. Нукус, 1958; он же. Народно-освободительное движение каракалпаков против хивинских ханов в середине XIX века.— ТХАЭЭ. Т. 3. М., 1958; он же. Каракалпаки в XVIII—XIX вв. Таш., 1968.

[12] Р. Косбергенов. Положение каракалпакского населения в Хивинском ханстве в конце XIX — начале XX в.— ТХАЭЭ. Т. 3. М., 1958; он же. Присоединение Каракалпакии к России. Нукус, 1972 (на каракалп. яз.).

[13] У. Х. Шалекенов. Казахи низовьев Амударьи. Таш., 1966.

[14] Я. М. Досумов. Очерки истории Каракалпакской АССР (1917—1927). Таш., 1960.

[15] Л. С. Толстова. Из истории ферганских каракалпаков (К вопросу о переселении групп каракалпаков в Ферганскую долину).— «Ученые записки Каракалпакского пединститута». Нукус, 1957; она же. Каракалпаки Ферганской долины (Историко-этнографический очерк). Нукус, 1959; она же. Каракалпаки за пределами Хорезмского оазиса в XIX — начале XX века. Нукус — Ташкент, 1963.

[16] В. Н. Ягодин. Археологические памятники Приаральской дельты Аму-Дарьи. Канд. дис. М., 1963 (рукопись).

[17] А. В. Гудкова. Ток-кала. Таш., 1964.

[18] В. Н. Ягодин. Кердерское поселение Курганча (К изучению исторической топографии и хронологии).— Вопросы антропологии и материальной культуры Кердера. Таш., 1973.

[19] В. Н. Ягодин, Т. К. Ходжайов. Некрополь древнего Миздахкана. Таш., 1970.

[20] Е. Бижанов. Археологические памятники Юго-Восточного Устюрта. Канд. дис. М., 1967 (рукопись); В. Н. Ягодин, Е. Бижанов, М. Мамбетуллаев, Н. Юсупов. Разведки на Устюрте.— АО 1972 г. М., 1973; В. Н. Ягодин, Е. Бижанов. Археологические работы на Устюрте.— АО 1973 г. М., 1974.

[21] В. Н. Ягодин. Устюрт и Приаральская дельта (Некоторые итоги археологических исследований 1971—1975 годов).— «Общественные науки в Узбекистане». 1976, № 11; Древняя и средневековая культура Юго-Восточного Устюрта. Таш., 1978.

[22] А. Т. Бекмуратова. Быт и семья каракалпаков в прошлом и настоящем. Нукус, 1970.

[23] Хозяйство Каракалпакии в XIX — начале XX века (Материалы к Историко-этнографическому атласу Средней Азии и Казахстана). Таш., 1972.

[24] Х. Есбергенов. О некоторых обрядах каракалпаков. Нукус, 1964 (на каракалп. яз.); Х. Есбергенов, Т. Атамуратов. Традиции и их преобразование в городском быту каракалпаков. Нукус, 1975.

[25] Очерки истории Каракалпакской АССР (с древнейших времен до наших дней). Т. 1, 2. Таш., 1964; История Каракалпакской АССР с древнейших времен до наших дней. Т. 1, 2. Таш., 1974.

Н. Н. Негматов

ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ ХОРЕЗМА В ТРУДАХ А. Ю. ЯКУБОВСКОГО

Имя Александра Юрьевича Якубовского, одного из крупнейших советских востоковедов, чл.-кор. АН СССР, акад. АН Таджикской ССР, неразрывно связано со становлением и развитием советской среднеазиатской исторической науки. А. Ю. Якубовский был уроженцем г. Самарканда и всю свою плодотворную научную деятельность, всю свою энергию и талант организатора посвятил делу изучения истории и культуры Востока и его среднеазиатского региона. Он очень хорошо владел историческими письменными источниками и в каждой своей работе удивительно умело переплетал письменные и археологические материалы, превращая ее в полновесное и глубокое исследование.

А. Ю. Якубовскому был присущ широкий диапазон исследований, основанных на всех исторических источниках. Многочисленные исследования различных вопросов социальной, экономической, политической, культурной и этнической истории народов Средней Азии, более конкретный интерес к проблемам сложения среднеазиатских средневековых городов и истории народных движений перемежаются в последний период его деятельности серией работ, основанных на новейших археологических материалах и посвященных материальной культуре и искусству раннего средневековья. Без этих работ ученого немыслима научная разработка истории, истории культуры и искусства народов Средней Азии.

А. Ю. Якубовский вошел в науку в 20-х годах XX в. и сразу же наметил два направления своей научной деятельности, которых потом придерживался многие годы. Это — исследование истории средневековой Руси, Золотой Орды и их взаимоотношений и истории материальной культуры Средней Азии и ее многочисленных городов. Первые свои статьи он посвящает Хиве, Самарканду, Шахрисябзу, Сыгнаку, Ургенчу и Миздахкану, т. е. городам двух крупнейших и ведущих историко-культурных областей Средней Азии — Согда и Хорезма. Его научные поездки из Ленинграда в Среднюю Азию, начавшиеся с 1926 г., продолжались почти непрерывно все последующие годы.

Первая опубликованная статья А. Ю. Якубовского была посвящена истории Хорезма. В 1923 г. в Энциклопедическом словаре Граната была помещена его большая статья «Хива»[1].

В 1929 и 1930 гг. одна за другой появляются три отдельные большие статьи А. Ю. Якубовского, посвященные трем городам: нижнесырдарьинскому Сыгнаку и хорезмийским Ургенчу и Миздахкану [2].

Эти статьи, основанные на полевых разведывательных археологических изысканиях ученого, дают полное описание развалин трех важных в историческом отношении городов Средней Азии. Хотя в этих работах превалируют сведения письменных источников и их нельзя назвать чисто археологическими, однако все они (особенно очерк, посвященный Ургенчу) явились важным этапом в развитии советской археологической науки Средней Азии. Эти работы, как и все исследования Александра Юрьевича, посвященные городам, построены по строгой системе. Сначала он приводит исчерпывающие сведения древних авторов из письменных источников, подробно и критически разбирает их, затем приводит данные об истории изучения городища и после всего этого дает подробное топографическое описание городища и его наземных памятников, сопровождая возможными историческими выводами. Эти и подобные им исследования Александра Юрьевича своей методикой и последовательностью изложения и анализа материала, без сомнения, помогли и помогают работе исследователей того или иного археологического объекта. Хорезмийскую серию статей А. Ю. Якубовского можно назвать, пожалуй, своего рода эталоном, образцом того, как следует готовиться к археологическому изучению и раскопкам среднеазиатских городов.

Многоплановую характеристику роли Хорезма и его главного города Ургенча дает А. Ю. Якубовский и в другой крупной и важной работе — «Феодальное общество Средней Азии и его торговля с Восточной Европой в X—XV вв.» [3].

В развитии Хорезма свою роль сыграли разные факторы. Два из них отмечены А. Ю. Якубовским для IX—X вв. Первый — фактор географического примыкания Хорезма к кочевой степи, что привело к особому развитию здесь ремесленной промышленности, учитывающей потребности кочевников, в частности выделку большого количества грубых хлопчатобумажных тканей специально для соседних гузской (туркменской) степи [4]. «Хорезм... экономически и политически вырос не столько благодаря торговле с Восточной Европой, сколько с кочевой туркменской или гузской степью. Во всяком случае, Ургенч — столица Северного Хорезма, тогда один из больших городов Средней Азии, главное свое богатство построил на указанной торговле с кочевниками, которые пригоняли на его базары скот, привозили шерсть, получая взамен рис, хлеб, ткани и металлические изделия» [5].

Второй из отмеченных А. Ю. Якубовским факторов — это экономические, торговые и культурные взаимоотношения Хорезма с двумя центрами Поволжья — с Итилем, столицей Ха-

зарского каганата, игравшим роль международного складочного пункта Юго-Восточной Европы, Кавказа, Ирана и Средней Азии, и с Булгаром — столицей Булгарского царства, главным складочным пунктом Северо-Восточной Европы. Освещая этот вопрос, А. Ю. Якубовский приводит почерпнутые из письменных источников интересные подробности. Так, характеризуя Итиль, который располагался на двух берегах рукава Волги, он описывает его восточный ремесленно-торговый центр, называвшийся в IX—X вв. Хазаран. Эта часть Итиля была укреплена особой стеной, в ней жило более 10 тыс. мусульман, которых обслуживали 30 мечетей, причем большинство жителей были хорезмийцами (купцы, ремесленники, разнорабочие и др.). Хорезмийцев было много и в составе гвардии хазарского хакана (по Ибн Хаукалю, 12 тыс. человек). Очень крупную роль в жизни Итиля играли купцы-хорезмийцы. Интересно, что хорезмийцы жили здесь по договору с каганом, пользовались правом строить мечети и училища, участвовать в управлении Итилем, в их руках находился везират, который, замещался, как правило, хорезмийцами (по Мас'уди). Такую роль Хорезма А. Ю. Якубовский объясняет следующим образом. «Города Хорезма, лежащие в низовьях Аму-дарьи, соседствуя с кочевой гузской (туркменской) степью, самой географической обстановкой были поставлены в условия, при которых они не могли не взять торговой инициативы в Хазарском царстве в свои руки»[6]. Что же касается Булгара, то, характеризуя этот ремесленно-торговый город и особенно его роль в торговых операциях с мусульманскими странами и участие в них «мусульманской» денежной системы, А. Ю. Якубовский заключал: «Судя по той же географической литературе, это был в полном смысле слова восточный город, только оживленными сношениями его с Востоком и в первую очередь с Средней Азией (Хорезмом) и можно определить быструю его мусульманизацию»[7]. В анализе ассортимента товаров важен один вывод ученого. Он, приводя известный список товаров у ал-Мукаддаси, ходивших между Хорезмом, Итилем и Булгаром, заключает: «Уже этого перечня вывозимых из Восточной Европы в X в. товаров достаточно, чтобы признать, что караванная торговля далеко вышла за пределы роскоши. Большое место в торговле этой занимали кожи, кора для дубления кож, скот и рабы»[8].

Археологически интересен замеченный А. Ю. Якубовским любопытный рассказ Абу-ал-Андалузи ал-Гарнати, проживавшего несколько лет в 20—30-х годах XII в. в Поволжье, согласно которому «из Булгара вывозят клыки животного, которые „подобны клыкам слона, белы как снег, вес одного из них равен двумстам манам, неизвестно от какого животного". Едва ли можно сомневаться в том, что здесь имеется в виду мамонт, на кости которого жители при полевых работах натыкались в те времена, по-видимому, неоднократно. По словам того же автора, их в

качестве материала сбывали в Хорезм, где из них делали гребешки и другие предметы, имевшие большой сбыт в кругах господствующих слоев населения»[9].

В этой же работе на основе ряда данных восточных и европейских путешественников, ученых и купцов А. Ю. Якубовский приводит подробные маршруты и протяженность торговых путей из Восточной Европы через Хорезм и Мавераннахр в Китай[10].

Многие страницы второй части этой весьма ценной работы А. Ю. Якубовский посвятил возвышению Хорезма и его столицы Ургенча в XII в., созданию крупного государства хорезмшахов и обстоятельной характеристике социально-экономического состояния Хорезма и Средней Азии в целом накануне и в период монгольского нашествия и ига. Причем он старается выявить причины, вызвавшие те или иные исторические явления. При разборе тех или иных перипетий истории Средней Азии ученого неизменно интересовала судьба Ургенча[11]. Мне представляется, что изучение истории и культуры средневекового Ургенча долгие годы было одним из любимейших занятий А. Ю. Якубовского.

Как известно, А. Ю. Якубовский много и плодотворно занимался разносторонним изучением истории Золотой Орды и ее взаимоотношениями с древней Русью, результатом чего явились ряд крупных трудов и множество отдельных статей. Уже в начале 30-х годов он посвящает столице Золотой Орды Сараю-Берке и его промышленности две важные статьи[12]. Эти статьи базировались в основном на археологическом материале старых раскопок в Сарае-Берке, хранящемся в Эрмитаже. Большой заслугой А. Ю. Якубовского в этих исследованиях является то, что он на анализе материалов из Сарая-Берке, Ургенча и Миздахкана доказал паразитический характер золотоордынского государства и что ремесленная промышленность Сарая-Берке своим развитием и процветанием обязана иноземным мастерам, главным образом хорезмийцам, эксплуатируемым золотоордынской знатью.

Эти выводы А. Ю. Якубовский развивает подробнее и в своем совместном с Б. Д. Грековым капитальном труде «Золотая Орда и ее падение»[13].

Хорезм с его главным городом Ургенчем, как составная и наикультурнейшая часть золотоордынского государства, сыграл огромную роль в развитии культуры нижневолжских городов, и особенно столиц ханства Сарая-Бату и Сарая-Берке[14]. Из ремесленно-торговых и культурных центров Средней Азии, особенно из Ургенча и Бухары, в оба Сарая приезжали ремесленники, зодчие, художники, ученые, купцы и другие представители тогдашней мусульманской интеллигенции[15]. Еще раньше в половецком войске Кончака действовали мастера метательных машин, стрелявших снарядами с горючим составом (нефтью).

Они были мусульманами — выходцами из Хорезма или Кавказа [16].

Эта роль Хорезма, как отмечает неоднократно А. Ю. Якубовский, особенно ярко проявлялась в области материальной культуры — градостроительства и архитектуры, ремесленного керамического производства. Внимательно изучив памятники материальной культуры и искусства из раскопок Сарая-Берке, археологические материалы Ургенча и сопоставив их с данными письменных источников, ученый пришел к выводу, «что искусство золотоордынских городов, и в первую очередь столиц, развивалось при прямом участии культурных сил Ургенча. Правда, в Сарае Берке работали мастера с Кавказа (в частности, армяне, что отмечено определенными надписями), из Египта, Византии и феодальной Руси, однако культурное лицо городской жизни на первых порах определяли ученые, художники, архитекторы и ремесленники Ургенча» [17]. И далее: «Сравнительное изучение памятников архитектуры Сарая Берке и Сарая Бату, с одной стороны, и Ургенча — с другой, проведенное хотя бы только на материале изразцовой декоровки... убеждает в том, что хорезмийские мастера со свойственным им блеском повторяли богатые, многокрасочные орнаменты композиции в изразцовых мозаиках, которые до сего дня украшают такое изумительное здание, как мавзолей Тюрабек-Ханым в Куня-Ургенче» [18]. Далее А. Ю. Якубовский подчеркивает, что хорезмийские мастера на новом месте создавали целые новые школы. В богатой эрмитажной коллекции изразцов из Сарая-Берке, принадлежавших разнообразным зданиям XIII—XIV вв., он видит явления типичного мусульманского феодального искусства. «Обобщенный растительный орнамент в сочетании с геометрическим плетением и арабскими надписями, выполненными декоративными почерками, игра глазурных красок (синяя, бирюзовая, белая, зеленая, желтая) в сочетании со столь характерным для Ургенча красным цветом (ангобная краска),— все это вместе с первичными для жителей городов Средней Азии и Ирана архитектурными формами переносилось в Поволжье» [19].

То же А. Ю. Якубовский отмечает в многообразном искусстве поливной керамики. «Керамика эта действительно во всей полноте как бы повторяет работу ургенчских гончарных мастерских. Здесь можно увидеть те же краски, тот же растительный по преимуществу орнамент (хотя встречаются и изображения зверей, птиц и даже людей), те же почерки арабских надписей в том же композиционном сочетании, в той же технике, что и на ургенчской посуде. Однако среди памятников искусства в Золотой Орде мы найдем много такого, что напоминает нам прекрасные произведения художественных мастерских мамлюкского Египта» [20].

А. Ю. Якубовский много и конкретно писал о роли древнего Хорезма и хорезмийцев в создании и развитии духовной куль-

туры Золотой Орды. Он пишет: «В создании литературного языка и литературной культуры Золотой Орды также большую роль сыграл Хорезм. Целый ряд художественных произведений, вышедших из Золотой Орды, обнаруживает в своем языке прямую связь с языковыми элементами Хорезма и городов нижней Сыр-дарьи, т. е. территории Ак-Орды». И далее: «Обе вышеотмеченные области (Хорезм и города нижней Сыр-дарьи) оказывали свое постоянное воздействие не только на разговорную речь, но и на еще складывающуюся золотоордынскую письменность, особенно на художественную литературу. В поволжских городах, особенно в двух Сараях, происходила в этом отношении большая работа, не говоря уже о том, что здесь был и крупный центр богословской мусульманской мысли. Письменные источники XIII—XV вв. (преимущественно арабские) приводят немало крупных имен, работавших как в той, так и в другой областях»[21].

А. Ю. Якубовский отмечал крупнейшую роль культурных центров Средней Азии, особенно Бухары и Ургенча, в распространении ислама среди тюрко-монгольской кочевой части Золотой Орды, приводил сведения о весьма почитаемом в Сарае-Берке при Узбек-хане ханаке шейха Номанаддина ал-Хорезми. Номанаддин до этого работал старшим врачом ургенчской больницы, он был образованнейшим человеком, изучал логику, диалектику и медицину. Другой хорезмиец, Алааддин Айдогды ал-Хорезми, выполнял обязанности египетского посла при дворе Узбек-хана, еще один хорезмиец, Мухаммад Ходжа ал-Хорезми, был эмиром Азова (Азак-Тана) при том же Узбек-хане в 30-х годах XIV в.[22]. А. Ю. Якубовский не обошел вниманием и подробно описывает сухопутную дорогу между Хорезмом и Сараями, говорит о способах передвижения на отдельных ее участках, причем в этом он использовал данные двух знаменитых современников Золотой Орды — Ибн Баттуты и Франческо Балдуччи Пегалотти[23].

Как отмечает крупный исследователь истории и культуры Золотой Орды Г. А. Федоров-Давыдов, «А. Ю. Якубовский основное внимание уделил золотоордынскому городу и его взаимоотношениям со степью. Его мысли о синкретичности золотоордынской культуры, об использовании золотоордынскими ханами труда подневольных мастеров, о причинах быстрого развития городов в Золотой Орде и Поволжье и их упадка являются очень важными для нашей темы. В работах А. Ю. Якубовского наметился марксистский подход к теме. Хотя ему и не довелось написать историю общественных отношений в кочевой части Золотой Орды, он тем не менее определил в значительной мере подход к этой проблеме. Ему мы обязаны представлением о кочевом обществе в Золотой Орде как обществе феодальном, использованием для его характеристики ярлыков золотоордынских ханов. В его трудах мы найдем и очерк общественного

строя в степях монгольской империи в XIII в., и описание борьбы кочевой знати и оседлой верхушки в XIII в., и проникновение монгольской знати в города в XIV в., и анализ феодальной смуты в 1360-х годах XIV в. и в XV в.»[24].

Исследования Г. А. Федорова-Давыдова подтверждают факты перевода ремесленников из Средней Азии, Руси, Кавказа, Крыма и Булгара в строящиеся золотоордынские города на нижней Волге[25]. Он же отмечает: «В сложение литературного языка Золотой Орды значительный вклад внесли деятели культуры из городов в низовьях Сыр-Дарьи. Некоторый элемент среднеазиатского тюркй был принесен выходцами из Хорезма, игравшими в Золотой Орде огромную роль»[26].

Догадка А. Ю. Якубовского о синкретичности культуры золотоордынских городов в результате дальнейших исследований Г. А. Федорова-Давыдова ставится теперь как одна из важнейших очередных проблем изучения археологии. Эта проблема сформулирована следующим образом: культура золотоордынских городов, «с одной стороны,— это культура синкретическая, культура торгово-ремесленного смешанного населения, созданная в результате градостроительной деятельности ханов и питавшаяся ресурсами, выкачиваемыми у покоренных народов, т. е. имевшая своей основой деспотическую власть золотоордынских ханов как покровителей ремесла и торговли, но лишенная местных традиций, корней. С другой стороны, это культура части половецкого населения, перешедшей в условиях Золотой Орды к оседлому городскому быту, т. е. половецкого городского населения... Половцы не имели своей оседлой культуры, которая могла бы дать основу культуре городской, а получили ее из рук согнанных ханами в степи Нижнего Поволжья пленных среднеазиатских, крымских, русских и других ремесленников»[27].

Я специально подробно остановился на мыслях А. Ю. Якубовского о взаимоотношениях Хорезма и Золотой Орды, изложил постановку проблемы изучения культуры золотоордынских городов и вклада в нее других народов в настоящее время советским исследователем Золотой Орды, Г. А. Федоровым-Давыдовым, чтобы призвать хорезмоведов включиться также в исследование этого вопроса. Хорезмоведы, располагая обильными материалами транзитной области, расположенной на путях из Средней Азии в Поволжье и Юго-Восточную Европу, думается, находятся в выгодном положении и выполнят эту задачу наилучшим образом.

Изучение истории многих городов Средней Азии, основательное владение письменными материалами и их совместный анализ с данными археологии привели А. Ю. Якубовского к серьезным занятиям по теории социально-экономического и топографического развития городов в эпоху древности и средневековья. В этом отношении особенно примечательны опублико-

ванные в 1950—1951 гг. три работы ученого — статья «Главные вопросы изучения истории развития городов Средней Азии»[28], специальные главы «Дофеодальный город в Мавераннахре в VI—VIII вв.» и раздел «Сложение феодального города в Мавераннахре IX—X вв.», помещенные в сводном коллективном труде по истории народов Узбекистана[29].

О достоинствах и некоторых недостатках этой теории Бартольда — Якубовского говорилось не раз. Здесь мне хотелось бы подчеркнуть, как хорезмийский материал послужил основой А. Ю. Якубовскому для разработки начальной характеристики среднеазиатского города поры древности. Он в первой указанной статье обобщенно проанализировал материалы раскопок Джанбас-калы и Топрак-калы, составил краткие топографо-планировочные и социальные характеристики этих городов. Он считал, что «материалы античных городов Хорезма, от Джанбас-калы до Топрак-калы, дали возможность всестороннего изучения городской жизни в рабовладельческую эпоху. Социальная, точнее, классовая структура Топрак-калы уже сейчас выступает в общих очертаниях с достаточной ясностью. Надо думать, что ближайшие раскопочные работы представят много нового материала, чтобы многосторонне осветить вопросы жизни античного города III—IV вв. Нет надобности напоминать о тех открытиях, которые были сделаны С. П. Толстовым на территории замка, а именно: о замечательной архитектуре дворцовых помещений, скульптуре, стенных росписях, архиве хорезмийских документов и т. д. Следует, однако, остановить внимание на том, что замок-жилище владетеля, в данном случае царя Хорезма, храм огня и жилые дома-массивы, являющиеся кварталами города, представляют собой такую же неотъемлемую друг от друга совокупность, «как и сама классовая структура городского общества, где жизнь свободной части населения покоится на подневольном труде рабов»[30].

А. Ю. Якубовский, сопоставляя итоги изучения античного Термеза и античного Хорезма, считал, что Хорезм дал больший материал для общей характеристики городской жизни. Решающей причиной и важным обстоятельством этого он называет «малослойность городища», то, «что на поверхности их лежал слой того периода, который археологически изучался». Он писал: «В чем успех археологических раскопок С. П. Толстова в Хорезме? Не только в правильной постановке вопросов, но и в самом характере раскапываемых объектов, в том, что среди городищ древнего Хорезма ему удалось найти такие, поверхность которых давала возможность вскрыть на большом участке планировку и памятники города в одном культурном слое, соответствующем определенной стадии развития городской жизни. Эти городища, представляющие разные стадии в развитии рабовладельческого города, от Джанбас-калы до Топрак-калы, дали в распоряжение С. П. Толстова обильный материал для

выяснения вопроса: что же собой представлял город рабовладельческой эпохи в том историческом понимании, о котором мы говорили? Сравнительно небольшие по площади городища давали возможность работникам Хорезмийской археологической экспедиции произвести археологическое изучение на значительных участках, в результате чего раскрывались планировка города вместе с комплексом жилых построек, храмов и т. д.»[31]. Таковы суждения А. Ю. Якубовского о значении хорезмийских городов в решении проблемы изучения истории и теории античных городов Средней Азии. В вопросе изучения истории и теории средневековых городов он ограничивался характеристиками лишь городов Мавераннахра.

А. Ю. Якубовский принимал активное участие в написании ряда капитальных трудов. Из этой серии его работ мне хотелось бы отметить здесь «Историю народов Узбекистана. Том 1», в которой перу ученого принадлежат 10 глав (от «Завоевания арабами Средней Азии» до «Мавераннахр и Хорасан в эпоху тимуридов (XV в.)»[32], и «Очерки истории СССР. Период феодализма. IX—XV вв.», в которых ему принадлежат разделы об истории и истории культуры Средней Азии, Закавказья, Восточной Европы и Золотой Орды[33]. В этих сводных «Историях» интересующая нас в данном случае тема Хорезма занимает вполне достойное место. Здесь А. Ю. Якубовский еще раз показывает себя хорошим знатоком Хорезма, в этих работах нашли отражение в той или иной степени многие факты хорезмийской истории эпохи раннего и развитого феодализма, причем тогда, когда Хорезм в той или иной сфере жизни выходит на видный план среднеазиатской истории, А. Ю. Якубовский обязательно это излагает подробнее и ярче. Так, интересно изложено возвышение Хорезма при хорезмшахах в предмонгольскую эпоху, с горечью описаны последствия монгольского нашествия и погромов Тимура в Хорезме, с подъемом он пишет о возрождении Ургенча как экономического, торгово-международного и культурного центра; в разных планах охарактеризован выдающийся хорезмийский ученый Абурайхон Бируни; нередко А. Ю. Якубовский не упускает возможности привести данные о памятниках материальной культуры, а во второй работе текст сопровождается также иллюстрациями памятников Хорезма (Ургенча).

Как известно, судьбы народов Средней Азии во многие периоды истории были теснейшим образом переплетены, нередко эти народы вели совместную борьбу с иноземными захватчиками и внутренними поработителями, совместно строили города, развивали экономику и культуру. На базе высокоразвитых цивилизаций ираноязычных согдийцев, хорезмийцев, бактрийцев, парфян и других народностей и племен впоследствии, в средние века, развились самобытные культурные традиции современных среднеазиатских народов. Просторы Согда, Бактрии, Парфии и Хорезма и прилегающих к ним областей были регионом форми-

рования и развития таджиков, узбеков, туркменов и каракалпаков. В этой связи глубоко справедливы следующие слова А. Ю. Якубовского, написанные им в «Истории народов Узбекистана»: «Ныне таджики и узбеки живут в Средней Азии как два народа, две социалистические нации, образуя две республики, входящие в великий Советский Союз,— Таджикскую ССР и Узбекскую ССР. Эти республики, естественно, имеют свои территории, но в прошлом... они были теснейшим образом связаны между собой... Нельзя писать историю России без Киевской Руси, хотя последняя и находилась на территории нынешней Украинской ССР. Киевская Русь, как культурное наследие и основа исторического развития, входит в состав трех братских республик: РСФСР, Украинской ССР и Белорусской ССР. Эта общность Киевской Руси только содействует братству трех народов — русского, украинского и белорусского. В такой же мере и территории Согда, понимая последний в широком смысле, входят в историю как узбекского, так и таджикского народов, ибо именно здесь зарождался наряду с Хорезмом, Парфией и Бактрией замечательный очаг крупнейшей в древности среднеазиатской цивилизации, одинаково общий и для таджиков и для узбеков»[34]. Справедливость и научная обоснованность этого положения А. Ю. Якубовского не вызывает никаких сомнений. Это важное положение исходит из идеи дружбы народов.

Темы Хорезма А. Ю. Якубовский касается в разной степени и в других, не привлеченных нами здесь работах. Однако они не меняют общей характеристики деятельности ученого в области изучения Хорезма.

Таким образом, вклад А. Ю. Якубовского в советское хорезмоведение был значительным и многоплановым: а) изучение ряда вопросов истории и культуры Хорезма эпохи средневековья; б) изучение истории и материальной культуры отдельных городов Хорезма; в) выявление роли и места Хорезма в истории и истории культуры Средней Азии и особенно окружающей кочевой степи; г) изучение Хорезма как важного транзитного центра связей Средней Азии с Поволжьем и Восточной Европой; д) выявление роли Хорезма и хорезмийцев — вольных и невольных эмигрантов в экономике и культуре Хазарского каганата, Булгарского царства и особенно Золотой Орды.

А. Ю. Якубовский был одним из первых зачинателей советского хорезмоведения, он сам вошел в науку через «Хорезмские врата» еще в 1923 г., опубликовав свою первую научную статью о Хорезме под названием «Хива», и на протяжении всей своей жизни не оставлял тему Хорезма. Причем он шел от исследования конкретных и частных тем на первых этапах своей научной деятельности к рассмотрению крупных вопросов и общей оценки роли и места Хорезма в исторических судьбах Средней Азии и государственных образований Поволжья.

А. Ю. Якубовский был хорошим другом и единомышленни-

ком в науке основателя, бессменного руководителя Хорезмской археологической экспедиции С. П. Толстова и большим доброжелателем всех хорезмоведов старшего поколения. Он радовался успехам исследователей Хорезма, свидетельством чего является его опубликованный в периодической печати восторженный отзыв о капитальном труде С. П. Толстова «Древний Хорезм»[35].

Своим ученикам, в том числе мне, А. Ю. Якубовский рекомендовал основательнее изучать работы по Хорезму, штудировать не только их содержание, но и по ним методику хорезмийских исследований.

Данным докладом о А. Ю. Якубовском и сказанными словами о двух ученых-соратниках в хорезмоведении нам, группе ученых работников из Таджикистана, которому А. Ю. Якубовский посвятил полностью последний период своей жизни, хотелось бы сердечно приветствовать наших славных хорезмоведов с 40-летием многотрудной деятельности Хорезмской экспедиции и одновременно воздать дань уважения памяти двух сыновей Москвы и Ленинграда — С. П. Толстова и А. Ю. Якубовского.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] А. Ю. Якубовский. Хива.— Энциклопедический словарь Граната. 7-е изд. Т. 45. Ч. 2, 1923, с. 218—228.

[2] А. Ю. Якубовский. Развалины Сыгнака (Сугнока). — Сообщения ГАИМК. Т. 2. Л., 1929, с. 123—159; он же. Развалины Ургенча.— Известия ГАИМК. Т. 6. Вып. 2. Л., 1930; он же. Городище Миздахкан.— ЗКВ. Т. 5. Л., 1930, с. 551—581.

[3] В кн.: Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Ч. 1. Торговля с Московским государством и международное положение Средней Азии в XVI—XVII вв. Л., 1932, с. 1—60.

[4] Там же, с. 3—4.

[5] Там же, с. 15.

[6] Там же, с. 12.

[7] Там же.

[8] Там же, с. 13.

[9] Там же, с. 30.

[10] Там же, с. 46—47.

[11] Там же, с. 35—38, 43, 57—58.

[12] А. Ю. Якубовский. К вопросу о происхождении ремесленной промышленности Сарая Берке.— Известия ГАИМК. Т. 8. Вып. 2—3. Л., 1931; он же. Столица Золотой Орды — Сарай Берке. — Государственный Эрмитаж. Серия: Феодализм на Востоке. Л., 1932.

[13] Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский. Золотая Орда и ее падение. М.—Л., 1950.

[14] Там же, с. 80, 135, 160, 170 и др.

[15] Там же, с. 30.

[16] Там же, с. 25—27.

[17] Там же, с. 171.

[18] Там же, с. 172.

[19] Там же, с. 172—173.

[20] Там же, с. 173, ср. с. 148.

[21] Там же, с. 175—176.

[22] Там же, с. 166, 168, 171—172.

[23] Там же, с. 157—159.

[24] Г. А. Федоров-Давыдов. Общественный строй Золотой Орды. М., 1973, с. 21.

[25] Там же, с. 78.

[26] Г. А. Федоров-Давыдов. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966, с. 206.

[27] Там же, с. 210.

[28] В кн.: Труды Таджикского филиала АН СССР. Т. 29. История, археология, этнография, язык и литература. Сталинабад, 1951, с. 3—17.

[29] История народов Узбекистана. Т. 1. Таш., 1950, с. 204—216, 237—245.

[30] А. Ю. Якубовский. Главные вопросы изучения истории развития городов Средней Азии, с. 8.

[31] Там же, с. 6—7.

[32] История народов Узбекистана, с. 153—407.

[33] Очерки истории СССР. Период феодализма. IX—XV вв. В двух частях. Т. 1. М., 1953, с. 476—538, 791—813; Т. 2. М., 1953, с. 411—423, 648—700.

[34] История народов Узбекистана. Т. 1. Таш., с. 12.

[35] А. Ю. Якубовский. Новый труд по истории Средней Азии.— «Культура и жизнь», 30.XI.1948, № 34; он же. Выдающееся исследование.— «Литературная газета», 16.IV.1948, № 31.

Б. В. Андрианов

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА ХОРЕЗМА

Одним из важных методов изучения памятников материальной культуры прошлого является работа по созданию археологических планов и карт. Это и поиски новых, неизвестных ранее памятников, и организация большого фактического материала, и выявление определенных историко-географических закономерностей, характеризующих размещение населения, хозяйство и культуру прежних обитателей. Работы по картографированию и систематизации археологического материала приобрели особенно большое значение на современном этапе развития археологической науки, когда археологи перешли от изучения отдельных памятников материальной культуры к решению широких историко-географических проблем и сплошному обследованию обширных территорий для создания подробных археологических карт.

Уже в первые предвоенные годы работ Хорезмской экспедиции (1939—1940) археологические топографические съемки дали возможность руководителю экспедиции С. П. Толстову решить ряд важных вопросов истории общественного строя и культуры народов Хорезма, проследить эволюцию типов сельских и городских поселений, выявить основные этапы исторической динамики зоны орошения.

В своем выступлении на общем собрании Академии наук СССР 4 июля 1946 г. С. П. Толстов подвел итоги работ Хорезмской экспедиции за первые пять полевых сезонов (1937—1940 и 1945) и наметил на предстоящие годы следующие задачи: во-первых, организацию капитальных раскопок крупных памятников античного Хорезма; во-вторых, продолжение разведок на сотни километров в глубь пустыни с использованием авиации и наземных маршрутов [1].

Осенью 1946 г. на самолетах типа ПО-2 была обследована огромная территория в низовьях Амударьи и Сырдарьи. Эти работы охватили четыре обширных района: 1) земли древнего орошения Турткульского и Шабазского районов КК АССР, где экспедиция преимущественно и вела археологические работы с 1937 г. Здесь большое внимание было уделено авиасъемкам и уточнению структуры древней ирригации бассейна Гавхорэ; 2) юго-западная часть Устюрта, где прослежена вдоль чинка система средневековых крепостей и сигнальных башен X в., а также караванные дороги, ведущие в Прикаспий и на Волгу;

3) земли древнего орошения Северо-Восточной Туркмении вдоль древнего канала Чермен-яб, а также на север, где обследовано городище Дэвкескен на мысу Устюрта, отождествленное с г. Везиром XVI в.; 4) в низовьях Сырдарьи авиамаршруты прошли от Нукуса (КК АССР) до развалин Джан-калы (Дженда), Кзыл-Орды, урочища Джеты-асар и берегов Аральского моря. Археологи зафиксировали около 200 крупных памятников разных эпох, от середины I тысячелетия до н. э. до начала XIX в. (покинутые каракалпакские и казахские поселения вдоль Жанадарьи и Кувандарьи).

С целью увеличения радиуса авиаразведочных работ была организована автогруппа, двигавшаяся по пустынным дорогам вдоль намеченного маршрута для обеспечения самолетов горючим, а также водой и продовольствием членов летной группы. Во время полетов археологи вели визуальные наблюдения, фиксируя и фотографируя новые археологические объекты; при посадках были сделаны обмеры многих памятников, шурфовка, сбор подъемного керамического материала.

Всего авиамаршрутами было покрыто около 9000 км, произведено аэрофотосъемочной камерой «Фольк» и узкопленочными фотоаппаратами несколько тысяч снимков, сделано до 60 внеаэродромных посадок на территорию памятников, открыто и обследовано свыше 250 древних городов и селений [2].

Огромные по своим масштабам авиаархеологические исследования одного полевого сезона охватили почти все районы в низовьях Амударьи и Сырдарьи, где вот уже более тридцати лет работают археологи Хорезмской экспедиции. Можно сказать, что маршруты 1946 г. как бы наметили основные контуры будущей археологической карты Хорезма и методику картографирования территории на основе аэрометодов.

Суть этой методики сводилась в то время к маршрутным визуальным разведкам больших территорий, обследуемых впервые, в комбинации с аэрофотосъемкой отдельных памятников или комплексов; маршрутным аэросъемкам, проводимым на участках, где визуальной разведкой или наземным обследованием уже обнаружена система памятников, поселений, древних дорог или каналов; детальным визуальным обследованиям и аэрофотофиксации отдельных памятников [3].

Собранный в первые годы работ Хорезмской экспедиции археолого-топографический материал позволил С. П. Толстову опубликовать в книге «Древний Хорезм» схему исторической динамики земель древнего орошения Правобережного Хорезма с выделением разновременных памятников (от неолита до X—XII вв.), а также планов полуинструментальной съемки афригидского Беркуткалинского оазиса и окрестностей средневекового замка Кават-кала [4]. Им была также опубликована в качестве приложения к книге «По следам древнехорезмийской цивилизации» (1948 г.) цветная карта Хорезма и сопредельных об-

ластей, где наряду с крупными археологическими памятниками показаны и некоторые каналы Правобережного Хорезма. В легенде карты форма значка указывала на тип памятника (города, замки и отдельные укрепления, караван-сараи, сигнальные башни, мазары, каналы), а цвет — на время жизни; названия многослойных памятников на карте были подчеркнуты соответствующим цветом. Этот принцип стал основным в картографической продукции Хорезмской экспедиции.

В самом начале 1950-х годов, когда в центре внимания советской научной общественности оказалось постановление Совета Министров СССР о строительстве Главного Туркменского канала Амударья — Красноводск, археолого-топографические работы по изучению и картографированию земель древнего орошения Хорезма и сопредельных областей получили новый, более широкий размах. Этому способствовали и многочисленные естественнонаучные изыскания (географов, геологов, почвоведов, геоботаников и др.), которые к тому времени широко развернулись на трассе предполагаемого канала. Его трасса пересекала земли древнего орошения Присарыкамышской дельты, что сделало вопросы истории орошения края и динамики древних амударьинских русел чрезвычайно актуальными [5].

В 1952 г. по инициативе С. П. Толстова в составе Хорезмской экспедиции (представлявшей в то время уже крупный коллектив научных и научно-технических сотрудников) был создан специальный археолого-топографический отряд, в задачи которого входило: изучение древней ирригации, археологические разведки и составление подробной археологической карты Приаралья на основе аэрометодов.

Эти работы проводились в тесном контакте с археологическими стационарными раскопками крупных памятников, рекогносцировочным изучением новых территорий земель древнего орошения и комплексными археолого-геоморфологическими исследованиями, которые начались с 1953 г., когда в экспедиции приняли участие сотрудники Института географии АН СССР под руководством А. С. Кесь.

К этому времени в Хорезмской экспедиции развернулись и аэрофотосъемочные работы. Стереофотограмметрист М. И. Буров (МИИГАИК) осуществил плановую аэрофотосъемку целого ряда крупных памятников Хорезма (Топрак-кала, Куня-Ургенч, Калалыгыр, Кюзелигыр и др.). Археологические объекты снимались аэрофотокамерой RMK с объективом 210 мм с высоты от 300 до 800 м [6].

Уже первые исследования археолого-топографического отряда в 1952 г. в зоне древнего канала Чермен-яб показали огромную эффективность аэрометодов при изучении древней ирригации и археологическом картографировании пустынных территорий. Благодаря природным особенностям пустыни и образованию защитных такырообразных кор на землях древнего оро-

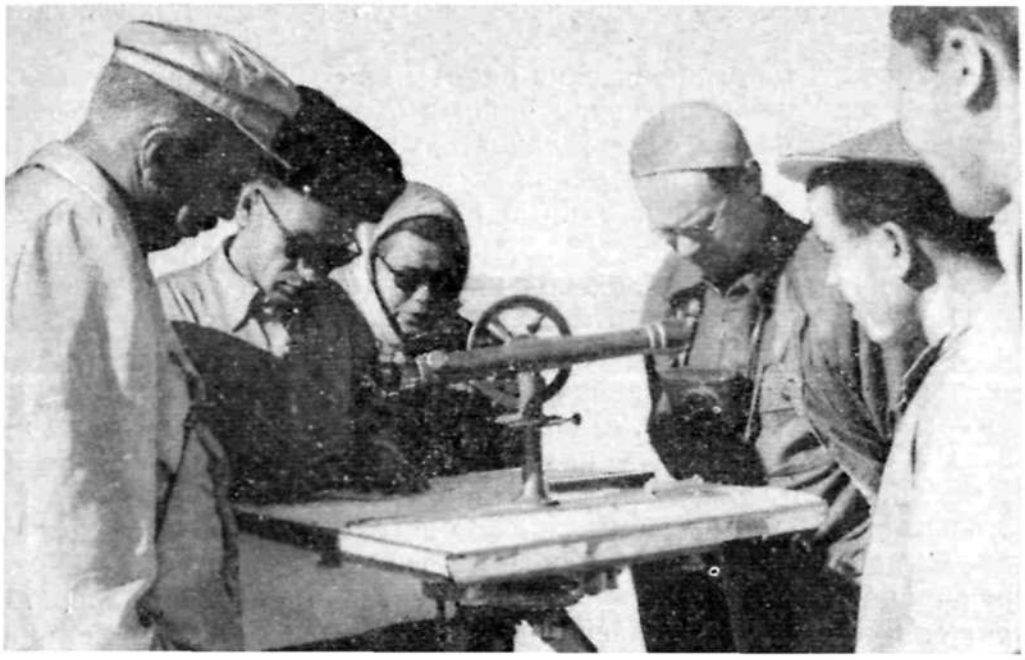

Рис. 1. Полевые археолого-топографические работы (мензульная съемка). Слева направо: С. П. Толстов, Н. И. Игонин, А. А. Юдина, Б. В. Андрианов и др.

шения хорошо сохранились остатки древней ирригации в виде двойных линий обветренных бугров каналов, причудливой сети мелких арыков, геометрических планировок полей и развалин сельских поселений самых различных исторических периодов. Все эти особенности древнего культурного ландшафта отчетливо видны на плановых аэрофотоснимках. По этим снимкам, как по страницам огромной чудесной книги, можно прочесть историю края, историю хозяйственной, земледельческой и культурной деятельности ее обитателей. Аэрофотоснимки — первоклассный источник для составления археологических карт.

С 1959 г. в Хорезмской экспедиции начал проводить плановую аэрофотосъемку археологических памятников инженер-геодезист Н. И. Игонин. Ему удалось разработать методику плановой и перспективной съемки археологических памятников и обеспечить Хорезмскую экспедицию обширным материалом[7]. Для крупных городищ и поселений были намечены три основные зоны аэрофотосъемок: от 2000 до 1000 м; от 600 до 300 м; от 300 до 130 м. Съемки большинства объектов, как правило, проводились в кратных друг другу масштабах: 1 : 2000; 1 : 4000; 1 : 6000. Наиболее крупный масштаб позволял изучать важные детали планировки древних поселений. На снимках более мелкого масштаба лучше выявлялось взаиморасположение объек-

тов, что очень важно для изучения и картографирования древней ирригации.

Археолого-топографические работы по созданию археологической карты Хорезма и сопредельных областей с самого начала были тесно связаны с деятельностью почти всех других археологических отрядов Хорезмской экспедиции, сотрудники которых вели многолетние стационарные раскопки крупных памятников Хорезма разных исторических эпох и участвовали в широких археологических разведках под непосредственным руководством С. П. Толстова. В каждый полевой сезон выбор направления главных маршрутов и района археолого-топографических работ определялся общими задачами, стоящими перед экспедицией.

Так, в 1952—1955 гг. крупные археологические раскопки античных и средневековых памятников Левобережного Хорезма (Кюзелигыр, Калалыгыр, Шах-Сенем, Куня-Ургенч и др.) сопровождались планомерным археолого-топографическим изучением древних и средневековых оросительных систем и картографированием археологических объектов на землях древнего орошения Присарыкамышской дельты. Полевое дешифрирование аэроснимков и археологическое изучение каналов позволило установить соотношение античных и средневековых частей древнего канала Чермен-яб и составить подробную археолого-топографическую карту с нанесением на нее всех крупных и мелких памятников, ирригационной сети и массивов поливных земель (разных периодов — архаического, кангюйского, кушанского и домонгольского), а также археологических поисков отряда 1952 и 1953 гг. Две крупномасштабные врезки характеризуют оросительную сеть района Куюсай-калы и древнего оазиса Шах-Сенем [8].

В 1953 г. в древнем оазисе Шах-Сенем были проведены комплексные археолого-почвенно-ботанические исследования при участии почвоведа Н. И. Базилевич и ботаника Л. Е. Родина, которые позволили реконструировать изменения природной среды в этом дельтовом районе под воздействием земледельческой деятельности населения, а затем и вековых процессов опустынивания [9].

В эти (1952—1957) годы начались широкие археологические раскопки выдающегося памятника античного Хорезма — Кой-Крылган-кала. В его окрестностях, а затем и по всей территории земель древнего орошения Правобережного Хорезма развернулись археолого-топографические исследования отряда и картографирование памятников на основе крупномасштабных аэрофотосъемочных материалов, топографических и инструментальных съемок и полевых рекогносцировочных работ. О масштабе этих работ можно судить хотя бы по тому, что за 13 полевых сезонов (1953—1964) здесь было сделано около 1650 поисков с археологическими описаниями объектов и находок, точной фиксацией их на снимках, и на археологической карте [10].

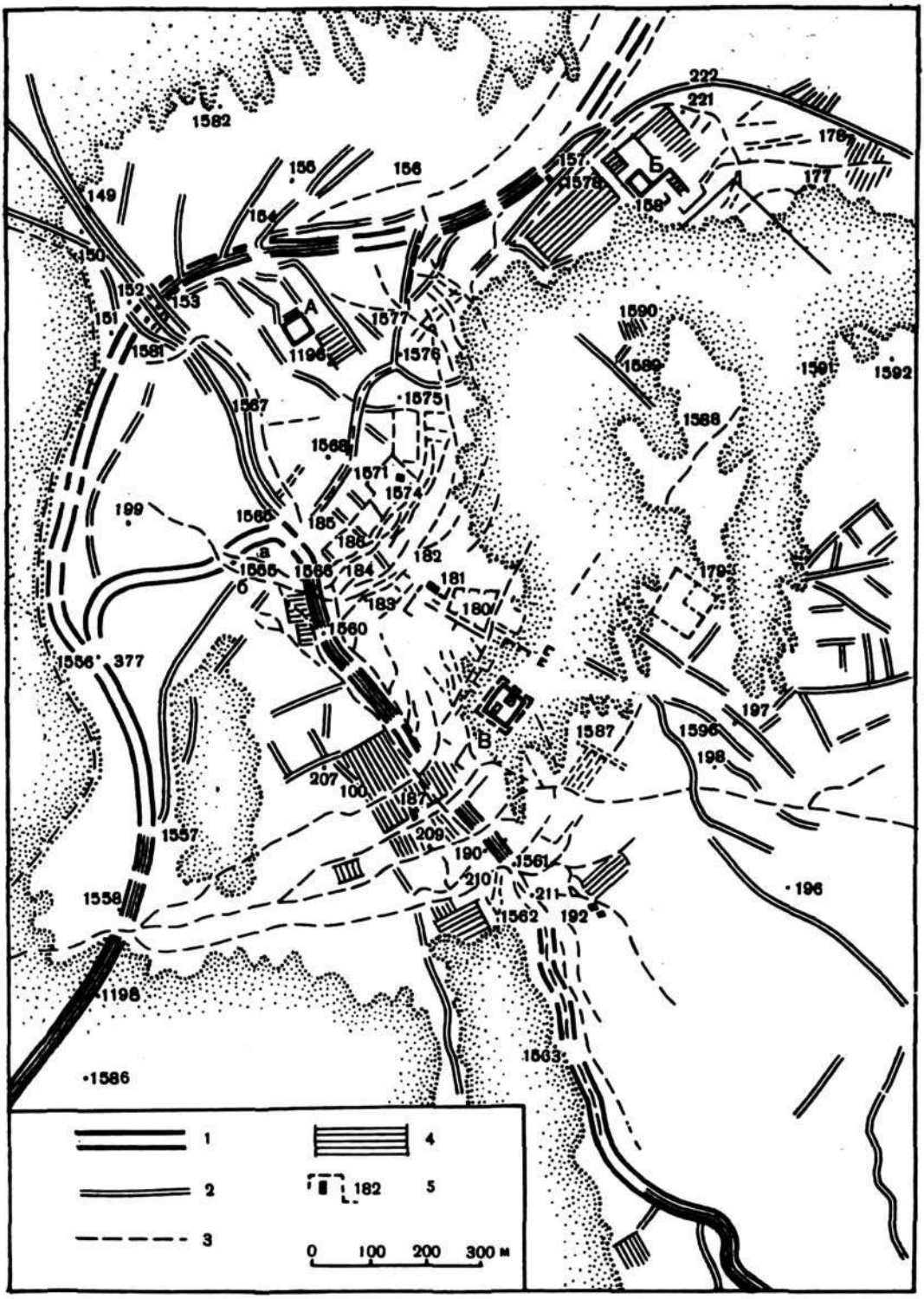

Рис. 2. Древний оазис Дингильдже:

1 — каналы архаического периода (VI—IV вв. до н. э.); 2 — каналы кангюйского и кушанского периодов (IV в. до н. э.— IV в. н. э.); 3 — каналы афригидского периода (VI—VIII вв. н. э.); 4 — древние виноградники; 5 — древние поселения и номера археологических поисков

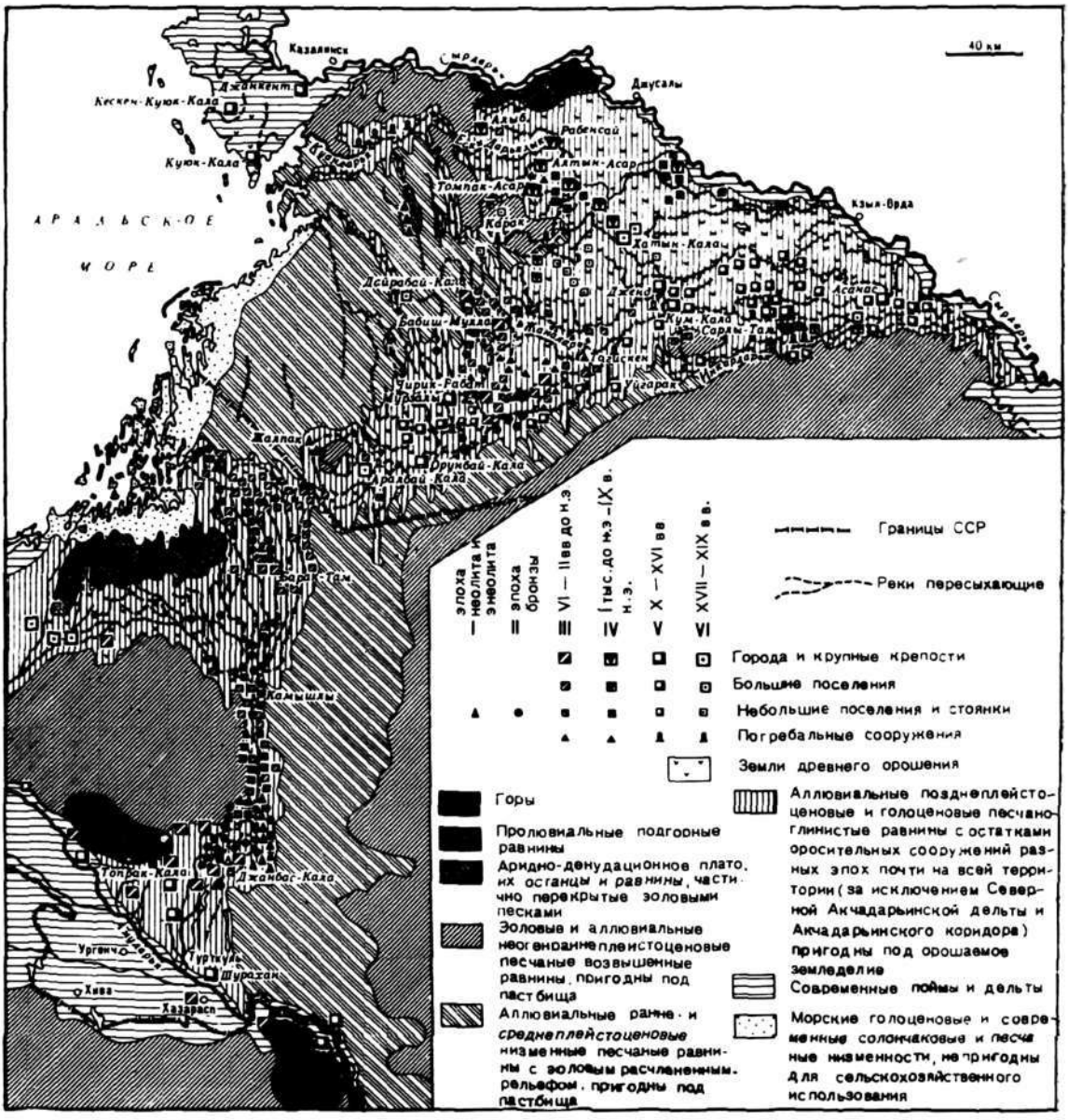

Рис. 3. Схематическая археолого-геоморфологическая карта (составлена А. С. Кесь, Б. В. Андриановым, М. А. Итиной). Опубликована по: Б. В. Андрианов, М. А. Итина, А. С. Кесь. Земли древнего орошения Юго-Восточного Приаралья: их прошлое и перспективы освоения.— СА. 1974, № 3

Маршрутные работы в окрестностях Кой-Крылган-калы и к юго-востоку от Кой-Крылган-калы в древнем оазисе Дингильдже 1953—1957 гг. позволили проследить и картографировать направления каналов (архаических, кангюйско-кушанских и афригидских). В низовьях античных систем открыты оросительные сооружения эпохи бронзы, а позже (в 1964 г.) — целый

древний оазис с остатками поселений этого времени и мелкой ирригационной сети, где отсутствовали памятники, выходящие за пределы II — нач. I тысячелетия до н. э.[11], что позволило отнести начало искусственного орошения в низовьях Амударьи почти на тысячу лет в глубь веков, а также создать документально подкрепленную археологическим материалом схему развития ирригации Хорезма. Новые материалы стали важным этапом в изучении истории орошения края после работ Я. Г. Гулямова [12].

В изучении древней ирригации и гидрографии немалую помощь Хорезмской экспедиции оказали географы и почвоведы. Так, под руководством А. С. Кесь с 1953 г. началось изучение археолого-геоморфологических траншей и шурфов в зоне первобытных поселений и каналов, а совместные археолого-геоморфологические исследования древних русел Амударьи позволили Хорезмской экспедиции подготовить к публикации монографию «Низовья Аму-Дарьи, Сарыкамыш, Узбой, История формирования и заселения» (М., 1960), иллюстрированную оригинальными картами Присарыкамышской дельты, Сарыкамыша и русла Узбоя, русла Акчадарьи (с геоморфологической и археологической нагрузкой). При составлении карт были использованы материалы археолого-топографического отряда и широких маршрутных работ Хорезмской экспедиции.

В эти годы появился и ряд других публикаций, свидетельствующих как о продвижении исследователей в глубь земель древнего орошения, так и о совершенствовании методов картографирования археологических памятников на основе аэрометодов, хронологического определения древних поселений и гидротехнических сооружений, неразрывно связанного с общим ходом археологического изучения различных отраслей материального производства прежних обитателей (керамики, стекла, украшений, изделий из металла, стрел, монет и т. п.) [13].

Если в 1950-х годах центр тяжести археологических работ Хорезмской экспедиции находился в низовьях Амударьи, то с 1956—1957 гг. он постепенно перемещается на обширные пространства древней дельты Сырдарьи и ее сухих русел (Инкардарьи, Жанадарьи и Кувандарьи), где еще в 1945—1946 гг. были обнаружены многочисленные памятники кочевых и полукочевых степных племен северо-восточной периферии античного и средневекового Хорезма.

В своем докладе на XXV Международном конгрессе востоковедов в 1960 г. С. П. Толстов отметил, что «по обилию и значительности памятников этот район отнюдь не уступает участкам пустыни, непосредственно окружающим Хорезмский оазис, тем участкам, исследование памятников которых легло в основу наших обобщений по истории древнего Хорезма первобытной, античной и раннесредневековой эпохи» [14].

В центре внимания исследователей теперь оказались вопросы

заселения и сельскохозяйственного освоения обширных территорий, динамики дельтовых протоков и судьбы древней, средневековой и поздней (каракалпакской и казахской) ирригации. На протяжении ряда лет вся территория низовьев Сырдарьи оказалась пересеченной маршрутами экспедиции.

Большую роль в этих работах сыграли авиаразведки и аэрофотосъемка. О том, как они были организованы, можно, например, судить по работам 1961 и 1962 гг., когда стационарные археологические отряды Хорезмской экспедиции вели раскопки в низовьях Сырдарьи могильников Тагискен и Уйгарак, одновременно с этим под руководством С. П. Толстова объединенный маршрутный отряд при участии археолого-топографического отряда и геоморфологического отряда А. С. Кесь провел маршрутные исследования в самых восточных районах древней левобережной сырдарьинской дельты в окрестностях средневекового городища Асанас [15].

12 сентября 1962 г. летная группа сотрудников экспедиции совершила из Нукуса полет на двух самолетах АНТ-2 на земли древнего орошения Правобережного Хорезма, где в это время шли археологические раскопки памятника эпохи поздней бронзы Якке-Парсан 2. Здесь Н. И. Игониным была проведена плановая аэрофотосъемка поселения и его окрестностей.

На следующий день отряд вылетел из Нукуса в низовье Сырдарьи, где у возвышенности Тагискен располагался лагерь экспедиции. После аэрофотосъемки могильников Тагискен и Уйгарак (открытых еще во время авиавизуальных работ в 1959 г.) самолеты отправились на восток вдоль сухих русел Жанадарьи и Инкардарьи. Во время полета была осуществлена аэрофотосъемка многих памятников асарской культуры (Алтын-асар, Рабенсай и др.), прослежены древние оросительные системы урочища Джеты-асар.

Огромное укрепление Алтын-асар неправильных трапециевидных очертаний площадью 16 га было сооружено у слияния двух дельтовых протоков. Воды этих протоков регулировались с помощью подпорных плотин и водохранилищ, остатки которых можно заметить лишь с воздуха.

Авиамаршрут прошел вдоль сухого русла Кувандарьи, где была уточнена граница между древним культурным оазисом асарского времени на севере, обширной зоной сакских поселений на юге и разделяющей их полосой каракалпакских и казахских поселений XVIII—XIX вв. вдоль р. Кувандарьи. Здесь всюду видны следы недавней оросительной сети, планировки полей, круги от некогда стоявших на глинобитных площадках юрт, глинобитные изгороди и развалины жилых построек, многочисленные группы мазаров на возвышенных местах.

Важной задачей авиационных работ был осмотр местности для уточнения направления будущих автомобильных маршрутов. Наиболее интересные археологические памятники и участки

земель древнего орошения снимались аэрофотосъемочным аппаратом.

В процессе создания археологической карты Хорезма и сопредельных областей наиболее сложной и трудоемкой операцией являлось камеральное и полевое дешифрирование плановых аэрофотоснимков. Снимки эти часто напоминают головоломную загадку из журнального раздела «часы досуга» и малопонятны неспециалисту. Но владеющему секретами дешифрирования снимок может рассказать очень многое.

На плановых аэроснимках удалось обнаружить сквозь рисунок прямолинейных каналов следы блуждающих русел и связать их с ирригационными системами разных исторических периодов. Картографирование древних русел и каналов дало возможность воссоздать весь сложный путь развития навыков орошения и установить историческую динамику орошаемых площадей. Проработанные сотрудниками археолого-топографического отряда Хорезмской экспедиции многие десятки тысяч снимков, суммированные по всей обширной территории земель древнего орошения Приаралья, в 5 млн. га, приобрели особую выразительность. Они не только рассказали историю зарождения и развития ирригационной техники, историю орошения края, заполненную многими драматическими эпизодами борьбы за воду и со стихией паводковых вод, но и дали практикам-ирригаторам материал для возрождения этих земель.

Большой размах археологических исследований на землях древнего орошения Хорезма и сопредельных областей, участие в этих работах самых разных специалистов (археологов, этнографов, геоморфологов, почвоведов, специалистов по аэрофотосъемке и аэрометодам), детальное картографирование территории на основе плановых снимков — все это способствовало тому, что археолого-топографические работы по созданию карты Хорезма приобрели немаловажное значение для практических задач народнохозяйственного освоения новых земель.

В своих публикациях 1961 г. и в докладе на заседании Президиума АН СССР 22 июня 1962 г. С. П. Толстов выступил с предложением первоочередного освоения огромного массива земель древнего орошения в низовьях Сырдарьи общей площадью 2,5 млн. га. По его мнению, новое освоение этой территории «при помощи современных технических средств может создать базу для развития зерновых культур (риса, пшеницы и др.) с интенсивным стойловым животноводством (с большим удельным весом крупного рогатого скота) и посевами... кормовых культур» [16].

Эти идеи о возрождении земель древнего орошения С. П. Толстов развил в своей книге «По древним руслам Окса и Яксарта». В качестве приложения к ней была тогда издана цветная археологическая карта Хорезма и сопредельных областей, при составлении которой были обобщены археолого-топографические

материалы Хорезмской экспедиции вплоть до 1961 г. Как и цветные карты 1948 и 1958 гг., эта карта имеет матричную легенду, где цвет (и цифровой указатель) обозначает хронологию, а форма — тип археологического памятника.

С 1971 г. по инициативе «Союзводпроекта» в связи с разработкой планов переброса части стока сибирских рек в засушливые районы Средней Азии были осуществлены широкие комплексные работы по созданию археолого-геоморфологической крупномасштабной карты земель древнего орошения междуречья Сырдарьи и Амударьи для выявления площадей, пригодных для нового освоения. В этих работах приняли участие археологи и этнографы Хорезмской экспедиции Института этнографии АН СССР, географы и геоморфологи Института географии АН СССР и частично почвоведы Института почвоведения АН КазССР [17].

В СССР уже начаты широкие изыскания и проектные работы для освоения новых территорий под орошаемое земледелие. Материалы партийных съездов и ряда пленумов ЦК КПСС содержат обширную программу организации мелиоративных работ в засушливых областях СССР. И в этих работах большим резервом земельных ресурсов являются земли древнего орошения. Составленные археологами и географами на основе аэрометодов детальные карты этих земель уже начали использоваться при планировании практических народнохозяйственных мероприятий по возрождению древних оазисов.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] С. П. Толстов. Древнехорезмийская цивилизация в свете новейших археологических открытий (1937—1945 гг.).— Общее собрание АН СССР 1—4 июля 1946 г. М.—Л., 1945, с. 255.

[2] С. П. Толстов. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция Академии наук СССР в 1946 г.— «Известия АН СССР». Серия истории и философии. Т. 4, № 2 (1947), с. 177—181.

[3] С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.—Л., 1948, с. 38—39; С. П. Толстов, М. А. Орлов. Опыт применения авиации в археологических работах Хорезмской экспедиции. — «Вестник АН СССР». М., 1948, № 6, с. 60.

[4] С. П. Толстов. Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. М., 1948, с. 46, 134, 158.

[5] Главный Туркменский канал. М., 1952, с. 18—28, 291.

[6] С. П. Толстов, Б. В. Андрианов, Н. И. Игонин. Использование аэрометодов в археологических исследованиях.— СА. 1962, № 1, с. 3—15.

[7] Н. И. Игонин. Применение аэрофотосъемки при изучении археологических памятников.— Археология и естественные науки. М., 1965, с. 257—260.

[8] См.: Б. В. Андрианов. Археолого-топографические исследования древней ирригационной сети канала Чермен-яб.— ТХАЭЭ. Т. 2. М., 1958, с. 311—328.

[9] Б. В. Андрианов, Н. И. Базилевич, Л. Е. Родин. Из истории земель древнего орошения Хорезма.— «Известия Всесоюзного географического общества». Т. 89. Вып. 6, 1957, с. 516—535.

[10] Об этом см. подробнее: Б. В. Андрианов. Древние оросительные

системы Приаралья (в связи с историей возникновения и развития орошаемого земледелия). М., 1969, с. 12—14, 94—145.

[11] Археологическое изучение этого уникального оазиса с тазабагъябскими и андроновскими поселениями, домами-землянками, арыками и полями продолжается до сих пор. См.: М. А. Итина. История степных племен Южного Приаралья (II — начало I тысячелетия до н. э.). М., 1977.

[12] Я. Г. Гулямов. История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней. Таш., 1937; С. П. Толстов и Б. В. Андрианов. Новые материалы по истории развития ирригации в Хорезме.— КСИЭ АН СССР. Вып. 26. М., 1957, с. 5—11; С. П. Толстов. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг.— ТХАЭЭ. Т. 2. М., 1958, с. 100—142.

[13] Археологическая карта Хорезма. Авторы карты С. П. Толстов и Б. В. Андрианов.— БСЭ. Т. 46, 1957; Карта работ Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. 1949—1953 гг.— ТХАЭЭ. Т. 2, с. 8—9; Карта «Древняя ирригационная система Кельтеминара».— Там же, с. 112; Б. В. Андрианов. Археолого-топографические исследования на землях древнего орошения Турткульского и Бирунийского районов Каракалпакской АССР в 1955—1956 гг. (с планом окрестностей Кават-калы).— МХЭ. Вып. 1. М., 1959, с. 143—149.

[14] С. П. Толстов. Приаральские скифы и Хорезм.— XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР. М., 1960, с. 3.

[15] С. П. Толстов, Т. А. Жданко, М. А. Итина. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1958—1961 гг.— МХЭ. Вып. 6. М., 1963, с. 32—90.

[16] С. П. Толстов. Древняя ирригационная сеть и перспективы современного орошения (По исследованиям древней дельты Сыр-дарьи).— «Вестник АН СССР». 1961, № 11, с. 64.

[17] Б. В. Андрианов, М. А. Итина, А. С. Кесь. Земли древнего орошения в низовьях Сырдарьи и задачи их освоения.— Вопросы географии. Сборник девяносто девятый. М., 1975, с. 147—156.

А. С. Кесь

АНТРОПОГЕННОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА ФОРМИРОВАНИЕ РЕЛЬЕФА АЛЛЮВИАЛЬНО-ДЕЛЬТОВЫХ РАВНИН АМУДАРЬИ

Всевозрастающее воздействие антропогенного фактора на окружающую природную среду обычно влечет за собой изменения естественных условий. Это вызывает необходимость предвидеть возможность вредных явлений и вовремя их предупреждать. Для этого необходимы знание господствующих в данных конкретных условиях современных экзогенных процессов, с одной стороны, и вид проектируемой хозяйственной деятельности — с другой. Не менее важно иметь достаточно четкие представления о прошлом осваиваемого района, как об истории формирования его современных природных условий, и прежде всего рельефа, так и об истории его заселения, истории использования его природных ресурсов в прошлом.

В результате совместных археолого-геоморфологических исследований Хорезмской экспедиции Института этнографии АН СССР и Института географии АН СССР удалось получить материалы, позволяющие судить об истории формирования и заселения низовий Амударьи и Сырдарьи. Выяснено, что природа этих районов подвергалась длительному антропогенному воздействию, следы которого достаточно четко сохранились и в рельефе, и в почвенно-растительном покрове [1].

В настоящее время, когда осуществляется и проектируется значительное расширение в этих местах орошаемого земледелия и животноводства, развивается промышленность, строятся газопроводы, проводятся дороги и т. д., необходимо иметь прогноз неизбежных изменений естественных условий и предупредить возможные вредные явления. Это особенно важно потому, что аллювиально-дельтовые равнины Амударьи находятся в зоне пустынь Средней Азии, где любые нарушения природной среды без учета ее естественного развития могут иметь серьезные нежелательные последствия. Эти равнины представлены несколькими разновозрастными поверхностями, обладающими различными типами рельефа, характерными как для массивов песков с расчлененными эоловыми формами, так и для плоских равнин, сохраняющих следы флювиальных процессов.

Формирование аллювиально-дельтовых равнин Амударьи — древний и грандиозный по своим масштабам процесс. Первоначально, когда равнины Средней Азии были еще затоплены па-

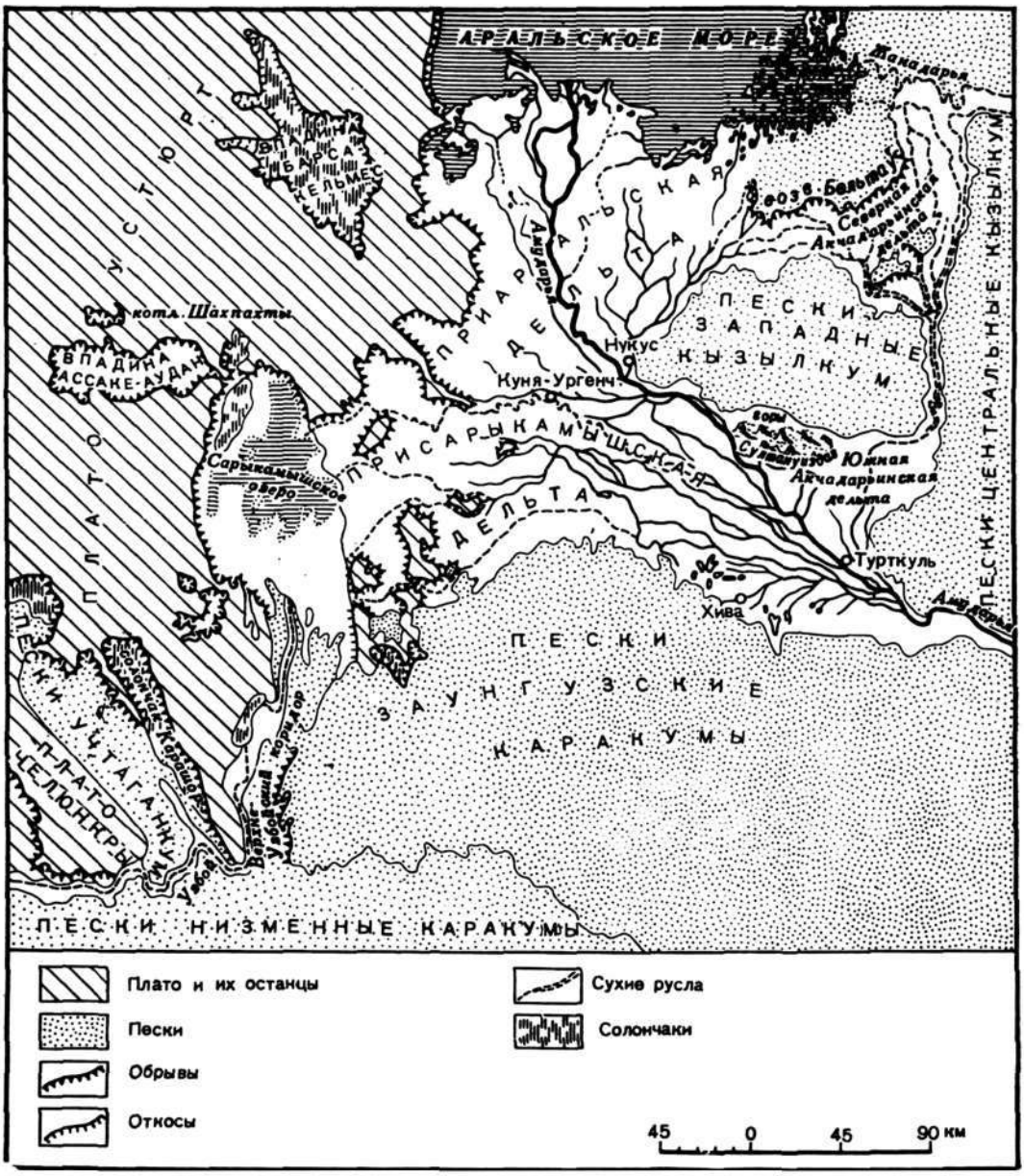

Рис. 4. Схематическая карта низовий Амударьи

леогеновым морем, этот процесс сосредоточивался на ограниченном пространстве вблизи гор. В более позднее геологическое время, в неогене, вследствие тектонических процессов среднеазиатские горы поднялись до пределов оледенений и породили крупные речные потоки, среди которых самой многоводной была палео-Амударья. По мере отступания моря на запад реки, следуя за ним, постепенно удлинялись и мигрировали по широким просторам равнин. Они выносили с гор огромные массы

рыхлых отложений, которые аккумулировались на равнинах и заполняли тектонические впадины, где достигали мощности до нескольких километров. Речные отложения, в основном песчаные, освобождаясь от воды, в условиях аридного климата Средней Азии быстро высыхали и начинали перевеваться ветром, который формировал из них разнообразный эоловый рельеф. Так были созданы песчаные пустыни Каракумы, значительные пространства Кызылкумов и некоторые другие.

В низовьях Амударьи благодаря ее способности мигрировать в позднем плейстоцене и голоцене были созданы три разновозрастные дельты: Акчадарьинская, Присарыкамышская и Приаральская (рис. 4). Они представлены сейчас плоскими, преимущественно глинистыми равнинами, так как сюда река доносила более тонкие глинистые осадки. Лишь местами здесь встречаются небольшие массивы эоловых песков. Это наиболее молодые равнины, которые еще не успели переработаться ветром и сохранили свой первичный плоскоравнинный рельеф. Они были обводнены дельтовыми протоками Амударьи еще 3—4 тысячелетия назад, и именно на них селились люди. Сохранившиеся после них многочисленные археологические памятники тщательно изучались Хорезмской экспедицией под руководством С. П. Толстова.

Длительное хозяйственное использование этих территорий значительно видоизменило их ландшафт и привело к тому, что появились новые формы микрорельефа, особые типы почв, отличающиеся от естественных, что повлекло за собой и отличия в растительном покрове.

Появившиеся здесь 6—7 тысячелетий назад первобытные люди еще слабо воздействовали на природную обстановку. Они приспосабливались к условиям окружающей среды, и воздействие их на природу носило узколокальный характер. Люди селились большей частью по окраине дельт, в песках, на берегу мелких протоков и озер. Они боялись основного русла большой и могучей реки, которая во время паводков разливалась, затопляя прилегавшую равнину, размывала берега и нередко перемещалась на новое место. Следы человека в рельефе этого периода сохранились лишь в том, что песчаные котловины межгрядовых понижений, в которых располагались стоянки, оказываются иногда относительно более глубокими. А это указывает на то, что пески здесь были разрыхленными и сильнее выдувались.

Позднее, с развитием земледелия[2], воздействие на рельеф возросло. Вначале появились примитивные короткие арычки, опять-таки лишь в непосредственной близости от небольших протоков, а затем разветвленная сеть каналов, которые становились более широкими и глубокими и уходили на десятки километров от источников воды[3]. Расширялись и площади орошавшихся полей. Со временем первичная плоскоравнинная поверхность покрылась следами бывших каналов в виде углуб-

Рис. 5. Развалины крепости античного времени, полузасыпанные барханами

лений и валов, буграми, бороздами и другими микроформами. На месте населенных пунктов, особенно городищ и крепостей, обнесенных стенами, возникли валы и бугры-депе высотою до 10—15 м, которые теперь четко выделяются на поверхности равнин. Почвы на неумеренно орошавшихся участках и из-за плохого дренажа часто засолялись и превращались в солончаки. В таких случаях, пока было много свободной земли, поля переносились на новые участки и площади солончаков росли. Увеличивались они и за счет того, что дренажные воды с полей выпускались в ближайшие понижения и испарялись, оставляя на поверхности соли. В таких местах обычно образовывались пухлые, наиболее злостные солончаки, а на менее засоленных площадях поселились солянки. В результате в Хорезмском оазисе засоленные земли прежде занимали больше половины площади. Кочевое земледелие было обусловлено также часто мигрировавшими дельтовыми протоками, вслед за которыми перемещались и люди.

Прекращение в силу тех или иных причин хозяйственного использования дельтовых равнин и их естественного и искусственного обводнения приводило к быстрому опустыниванию таких территорий. После интенсивного развития орошаемого земледелия в античное и раннесредневековое время на Акчадарьинской и Присарыкамышской дельтах, когда население ушло на более молодую Приаральскую дельту, они были опустынены. Возникшие там антропогенные формы рельефа начали перерабатываться эоловыми процессами, пустынным выветриванием и

общей денудацией, а остатки поселений, крепостей и орошавшихся полей засыпались песками (рис. 5).

Таким образом, развитие рельефа на дельтовых равнинах Амударьи пережило несколько этапов, во время которых естественное рельефообразование сменялось преобладанием воздействия на него антропогенного фактора и затем новым этапом опустынивания.

Рельеф, сформированный естественным путем Амударьей и ее протоками, представлял плоскую равнину, изрезанную многочисленными руслами и имеющую общий уклон в направлении этих русел. Вдоль русел обычно прослеживались прирусловые валы, образовавшиеся вследствие более интенсивного накопления аллювия вблизи русел. Поэтому они занимали относительно более возвышенное положение, а вправо и влево от них шли пологие склоны в сторону межрусловых понижений. Это обстоятельство было использовано первыми появившимися здесь в бронзовый век земледельцами. Они отводили воду из протоков по перпендикулярно расположенным к ним коротким арыкам, а поля располагали на склонах прирусловых валов, что и обеспечивало самотечное орошение. Так люди приспосабливались к условиям дельтового рельефа.

В I тысячелетии до н. э. Амударья направила свой сток по современному руслу, а на Акчадарьинской и Присарыкамышской дельтах русла высохли. Под воздействием эоловых процессов они были частично развеяны и перекрыты эоловыми песками, частично заполнены глинистыми наносами, сносившимися со склонов, а частично сохранялись в виде выраженных отрицательных форм рельефа. Такие русла использовались человеком для пропуска воды из Амударьи, при этом их углубляли и выпрямляли. Попутно люди начали рыть каналы по прирусловым валам, что обеспечивало их господствующее положение и, следовательно, самотечное орошение. Это был этап искусственного обводнения опустыненных древних дельт, этап изменения направления развития пустынного рельефообразования. Господствующие в пустынях эоловые процессы на обводненных пространствах и орошенных полях замедлялись или прекращались, в местах сброса ирригационных вод развивались эрозия и денудация, и там нередко возникали овраги, а на полях в результате орошения накоплялись приносимые водой илистые наносы и состав почв менялся. Следовательно, помимо создания специфических форм антропогенного рельефа изменение естественного его развития приводило к образованию форм, свойственных другим, непустынным природным условиям.

По мере роста населения и все более широкого использования опустыненных территорий антропогенное воздействие как на рельефообразование, так и на другие природные процессы проявлялось все сильнее. Появлялись все новые каналы, а вдоль них вырастали валы — результат систематической их очистки

Рис. 6. Антропогенные валы вдоль древних каналов на аллювиально-дельтовой равнине

(рис. 6). Старые каналы забрасывались, и на их месте оставались полузаплывшие рвы или высокие валы. В пустыне вокруг колодцев и по окраине оазисов, там, где на песках вытаптывалась и уничтожалась растительность, возникали массивы оголенных барханов.

В античное время и тем более в средние века люди уже достаточно активно видоизменяли и приспосабливали условия рельефа к своим потребностям. Когда основное население переместилось ближе к главному руслу Амударьи и крупным ее протокам, началась активная борьба за сохранение полей и жилищ от своенравной реки. Для укрощения паводковых разливов и наводнений вдоль русел возводились дамбы, строились плотины.

Современный этап, этап развития разнообразной техники, характеризуется особенно интенсивным расширением орошаемых площадей и использованием водных ресурсов. На аллювиально-дельтовых равнинах, в том числе давно опустыненных после использования их в средние века и в более ранние периоды, появляется сеть новых ирригационных и дренажных систем; встречающиеся невысокие массивы песков выравниваются, а надвинувшиеся на такыры барханы сгребаются на более ограниченную площадь; солончаки промываются, и на их месте создаются поля; подвижные барханные пески закрепляются растительностью. Машинная техника планирует старые каналы и валы,

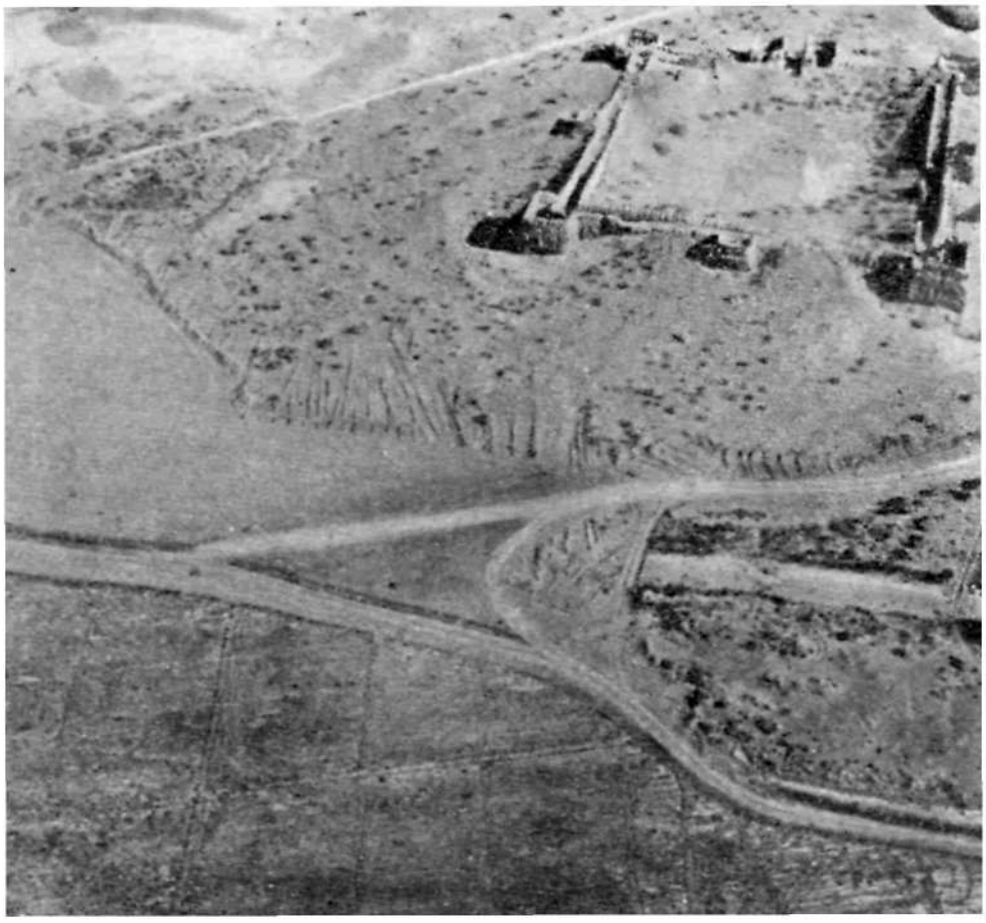

Рис. 7. Современное освоение пустынных территорий под орошаемое земледелие на Южной Акчадарьинской дельте

засыпает понижения. Все это позволило создать спивелированные на километровых пространствах хлопковые плантации (рис. 7).

Такое интенсивное преобразование пустыни происходит сейчас в Турткульском районе КК АССР на территории Южной Акчадарьинской дельты. Здесь строится сеть совхозов. Значительная часть дельты уже ими освоена, а в ближайшие годы будут орошены и остальные ее пространства. Построенные и строящиеся поселки соединены асфальтированными дорогами, и вода Амударьи по новым каналам протяженностью в десятки километров течет в глубь бывшей пустыни и там орошает поля. Одновременно создающиеся дренажные каналы в большинстве случаев заканчиваются в низинах или староречьях по окраине земель совхозов. Так образуются небольшие озера, из которых вода, к сожалению, безвозвратно уходит на испарение. В результате нового искусственного обводнения и освоения земель

Южной Акчадарьинской дельты сохранившиеся на ней многочисленные археологические памятники и особенно следы полей и поселений бронзового века будут в значительной своей части уничтожены. Это делает необходимым скорейшее и по возможности полное их изучение.

Сбросные и дренажные воды с обширных полей и других районов низовий Амударьи также сосредоточиваются в пустынных котловинах и небольших низинах по окраине оазисов и в крупных впадинах вдали от них. Так были созданы многочисленные озера, в том числе такие крупные, как Сарыкамышское. Оно возникло в результате сброса дренажных вод с полей левобережья Амударьи с площади главным образом Ташаузской и Хорезмской областей. К 1977 г. это озеро достигло площади около 2000 кв. км, и его уровень все еще продолжает подниматься. Аналогично ему недавно образовалось вблизи Сырдарьи Арнасайское озеро. Первоначально оно возникло путем сброса вод Сырдарьи во время катастрофического паводка ранней весной 1969 г., а теперь продолжает питаться дренажными водами с южнее расположенных полей. Вокруг всех этих озер растет водолюбивая растительность и поселяются различные животные. Возникновение таких своеобразных оазисов в пустыне как будто бы хорошо. Однако с этим связаны весьма неблагоприятные последствия.

Ограниченность водных ресурсов Средней Азии и Казахстана и расходование основной их части на орошение в верхнем и среднем течениях Амударьи и Сырдарьи привели к тому, что низовья этих рек начали страдать от безводья. Живые их дельты с характерными для них разливами и озерами, протоками и зарослями тростника и другой гидрофильной растительности, служившей богатым кормом для скота, почти полностью высохли. Сток Сырдарьи в Аральское море прекратился, а Амударьи — сократился в четыре раза и периодически тоже прерывается. Следствием этого явилось резкое снижение уровня Арала, который за период с 1961 по 1977 г. упал на 6 м. Особенно сильное снижение уровня происходило в начале 70-х годов, когда он падал со скоростью до 70—80 см в год. Это, очевидно, было связано с тем, что в это время помимо антропогенного фактора определенное воздействие оказал и климат. Известно, что начало 70-х годов отличалось большой сухостью.

Снижение уровня Аральского моря привело к тому, что берега его далеко отступили, особенно в восточной части, где местами дно моря оголилось на расстояние до 30—50 км. На вновь образовавшейся суше развиваются эоловые процессы и образуются солончаки. Сдувание ветром с них солей, засоленного мелкозема и перенос его на поля может снижать, а возможно, и уничтожать урожаи. Грунтовые воды понижаются, ухудшаются пастбища. Вода в Аральском море осолонилась, резко сократились нерестилища. Все это привело к уменьшению в не-

сколько раз уловов рыбы и вызвало ряд других неблагоприятных последствий. Экономически все эти потери с лихвой восполняются урожаями с орошаемых полей. Но возникающие неблагоприятные экологические изменения в денежном выражении неоценимы.

Поэтому сейчас необходимо принять меры по увеличению стока в дельты Амударьи и Сырдарьи и добиваться поступления большего количества воды в Арал. Для этого потребуется серьезная перестройка ирригационной и особенно дренажной сети. Радикальной мерой в этом отношении может быть лишь переброска части стока сибирских рек в Среднюю Азию и в Казахстан. А до этого необходимо добиться более экономного расходования воды на орошение, поступления всех дренажных и сбросных вод в Аральское море и, следовательно, ликвидации всех вновь возникших сбросных озер, из которых на испарение теряются огромные массы воды. Кроме того, необходим проект создания управляемого Арала. Возможно, что одним из путей этого явится отчленение от него заливов и создание бассейна таких размеров, чтобы испарение с его площади компенсировалось сокращенным поступлением в него воды [4].

Проведенные исследования Хорезмской экспедиции показали, что в прошлом Аральское море неоднократно уменьшалось в объеме в те периоды, когда Амударья отклонялась от него и несла воду через Сарыкамышскую впадину в Каспий [5].

Так, совместными усилиями географов и археологов Хорезмской экспедиции удалось изучить динамику развития дельтовых равнин крупнейших рек Средней Азии и историю их заселения и воздействие людей на процессы рельефообразования, а также проследить, как человек вначале пассивно приспосабливался к условиям рельефа дельтовых равнин, а потом все активнее использовал его и перестраивал, исходя из своих потребностей.

Полученные результаты исследований помогают теперь прогнозировать изменения природной среды при осуществлении грандиозных проектов по перераспределению речного стока и освоению новых обширных территорий пустынь Средней Азии и Южного Казахстана.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Низовья Аму-Дарьи, Сарыкамыш, Узбой.— МХЭ. Вып. 3. М., 1960.
[2] М. А. Итина. История степных племен Южного Приаралья.— ТХАЭЭ. Т. 10. М., 1977.
[3] Б. В. Андрианов. Древние оросительные системы Приаралья. М., 1969.
[4] М. И. Львович, И. Д. Цигельная. Управление водным балансом Аральского моря.— «Известия АН СССР». Серия географическая. М., 1978, № 1, с. 42—54.
[5] А. С. Кесь. Причины изменения уровня Арала в голоцене.— «Известия АН СССР». Серия географическая. М., 1978, № 1, с. 8—16.

Э. Мамедов

ПАЛЕОЭКОЛОГИЯ ЧЕЛОВЕКА КАМЕННОГО ВЕКА В ПУСТЫНЯХ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Палеоэкология древнего человека восстанавливается на базе общего палеогеографического анализа. Отличие ее от палеогеографии плейстоцена заключается в особом подходе к оценке прежних природных условий: климатической обстановки, обводненности территории, ее растительного потенциала и т. п. В данном случае исследователь стремится выяснить не только общий характер прежней природной среды, но и в какой мере она или ее отдельные компоненты были благоприятными или, наоборот, неблагоприятными для расселения и обитания человека.

Начало изучению палеогеографии плейстоцена среднеазиатских пустынь было положено работами В. А. Обручева [1], А. Д. Архангельского [2] и И. П. Герасимова [3]. Что же касается палеоэкологии человека, обитавшего в этой области, то первыми сведениями мы, очевидно, обязаны А. С. Кесь, на протяжении многих лет участвующей в работах Хорезмской археолого-этнографической экспедиции Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР. Опубликованный ею в 1958 г. анализ экологических факторов древнего расселения человека в пустынных районах Средней Азии до настоящего времени является прекрасным образцом подобных исследований [4].

В последние годы стало совершенно очевидным, что целый ряд проблем, касающихся не только первобытной истории, но и более поздних периодов этих территорий, не могут быть правильно поняты вне конкретной физико-географической обстановки соответствующего отрезка времени. И мы видим, что к анализу палеоэкологической обстановки все чаще обращаются сами археологи: О. Н. Бадер [5], А. В. Виноградов, Э. Д. Мамедов [6], В. М. Массон [7] и др. При этом особенно широко дискутируется вопрос о масштабе изменения природной среды, по которому, как известно, существуют два разных мнения. Обсуждение этих разногласий в данной статье вряд ли целесообразно. Следует, однако, отметить, что часто встречающаяся в литературе констатация изменений природной среды пустынных территорий «в рамках аридного климата» большей частью основана на недоразумении. Авторы подобных высказываний, как явствует из текста их работ, как правило, имеют в виду колебания в рамках пустынного и полупустынного климата, упуская из виду, что к аридным относятся также климаты степной и лесостепной зон.

К аридной зоне, например, относится и территория Куйбышевской области РСФСР.

В целом в изучении палеоэкологических условий как горной, так и равнинной частей территории Средней Азии и Казахстана благодаря коллективным усилиям археологов и палеогеографов произошел значительный прогресс. В немалой мере ему способствовали исследования, проведенные в 1965—1975 гг. Кызылкумским отрядом Хорезмской археолого-этнографической экспедиции Института этнографии и географического факультета Ташкентского государственного университета им. В. И. Ленина. К работам этого отряда постоянно привлекались специалисты самого разного профиля: географы и геологи, почвоведы и геохимики, в том числе такие известные ученые, как, например, А. Г. Гаель. Таким образом, исследования носили разносторонний, комплексный характер, причем основные усилия направлялись на выявление характера, масштаба и продолжительности плейстоценовых климатических ритмов, определявших динамику всех остальных компонентов окружавшей человека природной среды.

Эта проблема, т. е. проблема палеоклиматических и палеоэкологических реконструкций, весьма сложна, что делает необходимым рассмотрение не только конкретных результатов проведенных исследований, но и методической стороны дела, тем более что палеогеографическое значение различных реликтовых образований в аридных районах неоднократно пересматривалось и уточнялось в соответствии с новыми данными.

Известно, что трудности реконструкции плейстоценовых ландшафтов пустынь связаны главным образом с недостатком палеонтологического и палеоботанического материала, который особенно остро ощущается там, где в составе плейстоценового покрова доминируют отложения временных водотоков и эоловые образования. В аллювии пересекающих пустыни древних речных долин и наземных дельт встречаются не только разрозненные остатки растений и животных, но и достигающие полуметровой мощности торфяные прослои и скопления раковин моллюсков. Подобные находки служат прекрасным материалом для палеоэкологических и палеоклиматических реконструкций, но видовой состав их характеризует интразональные, всегда в той или иной мере консервативные, микроклиматические условия. Общеклиматические колебания могут быть выявлены путем тщательного сравнительного изучения морфологических и анатомических особенностей строения современных и древних тугайных растений. Однако материалами подобных исследований мы пока что не располагаем.

Одним из перспективных направлений палеоклиматических исследований в среднеазиатских пустынях является анализ диатомовой флоры из древних озерных осадков. Слой известкового диатомита был недавно впервые обнаружен в одной из впадин

Кызылкумов, в районе гор Ауминзатау, в основании толщи магнезито-гипсовых солончаковых отложений [8]. Известковый состав и солоноватоводный характер диатомовой флоры, исследованной А. П. Жузе, дает основание говорить о том, что в предсолончаковое время — в первой половине голоцена произошло увлажнение климата, которое, в свою очередь, привело к формированию мелких пресноводно-солоноватых водоемов.

Чтобы компенсировать отсутствие или недостаток палеонтологических и палеоботанических данных, исследователи палеоклиматов пустынь обращаются к другим показателям прошлых климатов: геоморфологическим, геологическим (литолого-фациальным), почвенно-геохимическим и археологическим. Однако и здесь существует большой круг нерешенных вопросов. Это неясность генезиса отдельных форм или элементов рельефа, конкретных условий образования некоторых типов осадков, проблема датирования наложенных геохимических явлений. Крайне запутанным оказался вопрос о палеоклиматической информативности археологических данных.

Геоморфологический метод изучения палеоклиматов пустынь почти не разработан. На протяжении уже многих лет исследователи прибегают к нему только для восстановления древних уровней озер и выяснения направления палеоветров. Однако связь высоких уровней озерных вод с крупномасштабными увлажнениями климата так в большинстве случаев и не была доказана [9], тем более остается сомнительной их корреляция с оледенениями.

Между тем выяснилась возможность гораздо более широкого применения анализа рельефа, вплоть до разработки на его основе региональных палеоклиматических схем. В процессе изучения пустынных равнин Средней Азии была разработана и применена новая методика анализа, сущность которого вкратце сводится к следующему. Рельеф среднеазиатских пустынь имеет ярусное строение, отчетливо выраженное внутри ряда крупных замкнутых впадин. Горизонтальные элементы рельефа — расположенные на разных уровнях разновозрастные равнинные поверхности — генетически связаны с эрозионно-аккумулятивной деятельностью водных потоков, сформированы ими, а вертикальные составляющие — склоны геоморфологических ступеней — созданы процессами пустынного выветривания и ветровой эрозии и фиксируют периоды полного или почти полного прекращения деятельности водных потоков. Климатическая обусловленность столь глубоких изменений в структуре рельефообразующих процессов очевидна, особенно если принять во внимание, что в течение большей части плейстоцена территория оставалась тектонически стабильной. При этом периоды оживления процессов водной эрозии и аккумуляции следует, очевидно, коррелировать с эпохами увлажнения климата, а их подавление — с развитием более засушливых условий. Последовательный анализ этих яв-

лений и позволил восстановить в общих чертах палеоклиматическую историю региона.

Из геологических индикаторов палеоклиматов наибольший интерес в настоящее время представляют пролювиальные образования, т. е. отложения временных водных потоков. К сожалению, конкретная природная обстановка формирования этих распространенных осадков до сих пор недостаточно изучена. Большинство исследователей отмечают их приуроченность к аридным областям, не уточняя, к каким именно районам этой зоны. А ведь она, как уже отмечалось, характеризуется большими внутренними различиями климатических, в том числе влажностных, условий. Лишь в немногих работах отмечается, что нормальное формирование пролювия происходит не на всей территории аридной зоны, а лишь в относительно увлажненных семиаридных районах. Указывается, что наиболее благоприятными областями для развития пролювия являются области со среднегодовым количеством осадков 150—300 мм. В более засушливых областях пролювий распространен слабо. В районах, где выпадает 300—500 мм осадков в год, преобладают аллювиальные отложения, а для предгорий еще более влажных областей пролювий вообще нехарактерен [10].

Для среднеазиатских пустынных равнин приведенные выше данные могут быть, по-видимому, уточнены, если принять во внимание, что в современной климатической обстановке — при количестве осадков около 100 мм в год — формирование пролювия происходит в ничтожных масштабах и лишь в непосредственной близости от подножия гор. Даже в очень дождливые годы, когда осадков выпадает в полтора-два раза больше по сравнению с многолетними данными, обломочный материал рассеивается вблизи гор, не достигая впадин, как это происходило в прошлом. Из этого вытекает, что наименьшая годовая сумма осадков, обеспечивавшая нормальное формирование пролювия в условиях среднеазиатских пустынь, не могла быть ниже 200—250 мм в год. Эти данные, конечно, следует принимать как ориентировочные, так как имеет значение не только среднегодовое количество атмосферных осадков, но и продолжительность дождливых сезонов и сам характер выпадения осадков — интенсивность осадков. Должна вводиться также поправка на контрастность рельефа.

Нельзя не коснуться и проблемы палеоклиматической интерпретации древних почв. Важнейшей задачей их изучения является определение зонального типа или по крайней мере класса этих почв. Однако высказывания почвоведов и геохимиков по этому поводу обычно очень осторожны и уклончивы. В значительной мере это связано с плохой сохранностью древних почвенных горизонтов или наложением на их профиль более молодых почвенных образований.

Характер широко развитых в среднеазиатских пустынях

древних почв дает основание полагать, что формирование их происходило в иных, более влажных, чем современные, климатических условиях. В отличие от почв современной эпохи почвообразования, имеющих слабо выраженные морфологические признаки: маломощность, рыхлое сложение, серый цвет, песчаный механический состав, бесструктурность, равномерное распределение по профилю химических элементов, древние почвы имеют четко выраженные свойства. Это большая мощность, относительно высокая плотность, комковатая структура, буроватая окраска, присутствие карбонатных и карбонатно-гипсовых конкреций, увеличение CO_2 карбонатов с глубиной, наличие более выветрелых минералов, относительно высокое (до 13%) содержание ила и др. (подробные данные опубликованы [11]). Однако бесспорными признаками почвообразования того или иного типа эти признаки все же не являются. Так, например, известно, что образование известковых конкреций происходит при условии выпадения не менее 250—400 и не более 700 мм осадков, что соответствует условиям зоны степей, зоны полупустынь, зоны сухих тропических степей и сухих саванн.

Как видно, проблема более точной диагностики древних почв аридных областей (и, добавим, их датировки) нуждается в дальнейшей разработке.

Рассмотренные палеогеографические признаки и другие свидетельства позволяют говорить о двух основных типах палеоклиматических и палеоэкологических обстановок, неоднократно сменявших друг друга в течение плейстоцена.

Первый тип — это сухая, пустынная палеоэкологическая обстановка, сходная в общем с современными физико-географическими условиями среднеазиатских пустынь. Эта обстановка характеризуется жестким ксеротермическим режимом (осадков около 100 мм в среднем за год, средняя температура июля +30—32°), сокращением стока транзитных вод и их частичным распадом, глубоким залеганием и большей частью высокой минерализацией грунтовых вод, малой интенсивностью почвообразования, разреженным растительным покровом, мощным развитием эоловых процессов и т. п. Следует заметить, что попытки связать все эти изменения с миграцией речных русел представляются недостаточно обоснованными. Налицо не только их миграция, но и сокращение стока. Так, сток третьей по величине реки Средней Азии — Зеравшана — уменьшился в современную эпоху по сравнению с неолитическим временем в три раза. На несоответствие обширных ирригационных систем древнего Балха, Мерва и других городов незначительному современному дебиту рек уже давно указал известный советский геолог В. И. Попов [12]. Добавим к этому, что указанные изменения далеко выходят за рамки речных долин и их дельт, охватывая громадные внутренние области пустынь.

Второй тип палеоэкологической обстановки может быть оха-

рактеризован на примере последнего, наиболее хорошо изученного плювиального периода, соответствовавшего древнему — среднему голоцену (12—4 тыс. лет назад). В это время в пустынях Средней Азии устанавливались климатические условия, сходные с условиями современной степной зоны, где осадков выпадает от 250 до 400—450 мм в год, а средняя температура июля составляет +21—23°, т. е. на 8—9° ниже современных средних июльских температур в южной части Туранской низменности. В эпоху этого увлажнения в песках среднеазиатских пустынь образовались мощные карбонатные почвы, а в профиле серо-бурых почв, развитых на пролювиальных шлейфах, сформировался плотный иллювиальный карбонатный горизонт. Произошло опреснение грунтовых и поверхностных вод и, очевидно, улучшение общей водообеспеченности территории. Значительно возрос речной сток.

Указанные типы палеоэкологических обстановок являются крайними, наиболее характерными для плейстоценовой истории среднеазиатских равнин. Несомненно, что возникали и несколько отличные от них палеоэкологические условия. Так, например, в максимум позднего вюрма в пустынях СССР существовали, по-видимому, весьма своеобразные ландшафты холодных пустынь и полупустынь. На разнообразие плейстоценовых палеоэкологических обстановок указывал зарубежный палеогеограф К. Бутцер [13], но исследования проводились им в весьма своеобразной области Средиземноморья, где в связи с региональными особенностями циркуляции атмосферы существуют и, по-видимому, существовали в прошлом особые условия. Поэтому реконструкции К. Бутцера не могут служить бесспорным эталоном для территорий внутриконтинентальных пустынь.

Хронология палеоэкологических смен представляется в настоящее время следующей: первая треть или половина раннего плейстоцена — благоприятные для расселения человека плювиальные ландшафтно-климатические условия. Такие же условия существовали в первой половине среднего плейстоцена, в середине позднего плейстоцена и в течение древнего — среднего голоцена. В остальное время, т. е. во второй половине среднего — начале позднего плейстоцена, в последней трети позднего плейстоцена и в позднеголоценовое время существовала весьма неблагоприятная для человека пустынная палеоэкологическая обстановка. Указанная последовательность событий вполне удовлетворительно коррелируется с соответствующими данными по пустыням Африки, Передней Азии, Индии.

В известной мере эта схема подтверждается и археологическими данными. Не случайны, по-видимому, относительно широкое распространение на территории Средней Азии мустьерского человека, совпавшее по времени с позднеплейстоценовым улучшением ландшафтно-климатической обстановки, и еще более широкое расселение, в том числе в глубинных районах нынеш-

них пустынь Кызылкумов и Каракумов, неолитического и энеолитического человека в период голоценового плювиала. Находит естественное объяснение и отсутствие в пустынных районах верхнепалеолитических памятников, так как в это время здесь существовала холодная пустыня.

В заключение необходимо указать, что затронутая проблема имеет в настоящее время не только научно-теоретическое, но и важное практическое значение. Исследователи аридной зоны подчеркивают, что сейчас невозможно предсказать, как скоро и в каком направлении изменятся или как долго сохранятся нынешние неблагоприятная обстановка и глобальная тенденция к опустыниванию [14]. И ответ на этот вопрос может дать лишь глубокое и тщательное исследование истории развития пустынных пространств и выяснение роли в этом процессе хозяйственной деятельности человека.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] В. А. Обручев. Закаспийская низменность.— ЗРГО по общей географии. Т. 20. Вып. 3. СПб., 1890.

[2] А. Д. Архангельский. Из геологических наблюдений в пустыне Кызылкумы.— «Известия Докучаевского почвенного комитета». № 3. СПб., 1915.

[3] П. П. Герасимов. Основные черты развития современной поверхности Турана.— Труды Института географии АН СССР. Вып. 25. М.—Л., 1937.

[4] А. С. Кесь. Природные факторы, обусловливающие расселение древнего человека в пустынях Средней Азии.— КСИЭ АН СССР. Вып. 30, 1958, с. 3—15.

[5] О. Н. Бадер. Проблема смещения ландшафтных зон в голоцене и археология.— Первобытный человек, его материальная культура и природная среда в плейстоцене и голоцене. М., 1974, с. 225—229.

[6] А. В. Виноградов, Э. Д. Мамедов. Первобытный Лявлякан. Этапы древнейшего заселения и освоения Внутренних Кызылкумов. М., 1975, с. 234—255.

[7] В. М. Массон. Древнеземледельческая культура Маргианы. — МИА. № 73. М.—Л., 1959, с. 110; Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М.—Л., 1966, с. 164.

[8] Л. М. Чиж, Т. К. Каржаув. Диатомитсодержащая порода из современных солончаковых отложений Центральных Кызылкумов.— «Узбекский геологический журнал». 1977, № 1, с. 22—24.

[9] Э. И. Равский. О соотношении оледенений и плювиалов в Северной Азии.— Четвертичный период и его история. М., 1965, с. 150.

[10] В. И. Елисеев. Закономерности образования пролювия (на примере Средней Азии и Южного Казахстана). Автореф. докт. дис. М., 1975, с. 37.

[11] А. В. Виноградов, Э. Д. Мамедов, И. Н. Степанов. О древних почвах в песках Кызылкумов.— «Почвоведение». 1969, № 2, с. 33—45.

[12] В. И. Попов. Литология кайнозойских моллас Средней Азии. Таш., 1954, с. 456.

[13] К. Бутцер. Палеоклиматическое значение стратиграфии плейстоцена в районе Средиземного моря.— Солнечная активность и изменения климата. Л., 1966, с. 211—218.

[14] В. А. Ковда. Аридизация суши, борьба с засухой и проблемы продовольствия.— «Курьер ЮНЕСКО». 1977, август, с. 34.

А. В. Виноградов

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО ПЕРИОДИЗАЦИИ И ХРОНОЛОГИИ НЕОЛИТА КЫЗЫЛКУМОВ

Исследования многослойных пещерных памятников Восточного Прикаспия дали, как известно, основные данные для периодизации и хронологии многочисленных стоянок, обнаруженных на пустынных равнинах Средней Азии и Казахстана. Хорошо известно, что последние в своем подавляющем большинстве дают лишь подъемные коллекции, не содержащие многих важных для хронологических целей категорий находок. Среди стоянок, сохранивших культурный слой, столь же редки памятники многослойные.

Однако сейчас, когда только в Кызылкумах известно шесть стоянок, сохранивших культурный слой, а на территории Казахстана их насчитывается не менее двадцати, акценты в некоторых аспектах изучения неолитической культуры, отчасти и в хронологическом плане, могут быть перенесены с многослойных пещерных памятников на открытые равнинные стоянки. Если рассматривать только неолитический материал, то следует указать, что пустынные стоянки дают сейчас наиболее богатые и наиболее полные по составу археологические комплексы. Керамика, например, известна в основном по материалам пустынных стоянок, да и кремневые серии последних во многих случаях значительно более представительны и многообразны, чем пещерные. Нельзя не заметить, что перспективы новых открытий, как показывает практика, для равнинных стоянок более значительны, чем для пещерных памятников.

В свое время была предложена трехчленная периодизация неолита Кызылкумов, базировавшаяся как на материалах известных тогда памятников со слоем (Джанбас 4, Кават 7, Дарбазакыр I, II), так и на наиболее представительных подъемных коллекциях. В основу хронологического расчленения памятников были положены некоторые закономерности эволюции кремневого инвентаря, прослеженные в основном по материалам раскопок Джебела. Самый ранний этап кызылкумского неолита был отнесен ко второй половине IV тысячелетия до н. э.[1]. Несколько позднее, основываясь на материалах исследования крупнейшего скопления неолитических памятников в районе Лявляканских озер, датировка этого этапа была несколько удревнена, и он отнесен к IV тысячелетию до н. э. в целом[2]. Следует сказать, что и тогда оставались известные разногласия в датиров-

ке как отдельных памятников, так и некоторых этапов неолита Кызылкумов. Г. Ф. Коробкова, которой впервые был поставлен вопрос о существенном удревнении кельтеминарских памятников Хорезма и близких им в культурном отношении стоянок низовьев Зеравшана, датировала ранний этап кельтеминарской культуры второй, а возможно, и первой половиной V тысячелетия до н. э.[3].

В связи с этим отмечались некоторые черты сходства раннекельтеминарских кремневых материалов с неолитом Южной Туркмении. К раннему этапу был отнесен ряд коллекций с сериями мелких симметричных трапеций (Агиспе, Саксаульская 1), близких типологически скорее слоям 5 и 5а Джебела, чем слою 4 этой пещеры, с которым Джанбас 4 и ранний этап кельтеминара в целом синхронизировался нами.

В своей недавно опубликованной работе Г. Ф. Коробкова и В. М. Массон предлагают еще более ранние даты хорезмийских кельтеминарских материалов. Стоянки раннего этапа неолита Акчадарьи (Джанбас 4 и др.) отнесены сейчас к концу VI—V тысячелетию до н. э. и синхронизируются с поздним Джейтуном[4]. Нельзя не видеть по контексту статьи, что наиболее существенным основанием для удревнения датировок послужила, видимо, предлагаемая Г. Ф. Коробковой новая, более ранняя дата комплекса материалов из слоя 4 Джебела, имеющего многочисленные и весьма существенные, на наш взгляд, типологические соответствия с материалом Джанбас 4[5]. Во всяком случае, никаких других более убедительных данных типологического плана для столь существенного удревнения стоянки Джанбас 4 не имеется. Противоречит этому и весь комплекс материалов из Кызылкумов, в том числе и результаты радиоуглеродных анализов.

Уже в результате исследований памятников Лявляканских озер стало ясно, что в Кызылкумах имеются неолитические материалы более древние, чем стоянки раннего этапа кельтеминара старой периодизации. Последним из лявляканских материалов хронологически соответствовала лишь ранняя часть материалов третьего этапа (неолит II — энеолит), отнесенного к IV—III тысячелетиям до н. э. Ему хронологически предшествовали материалы еще двух этапов: 1) мезолит — начало неолита, ранее VI тысячелетия до н. э. и 2) неолит I, VI—V тысячелетий до н. э. Последний этап был целиком отнесен к раннему неолиту и хронологически сопоставлялся с материалами слоев 5—6 Джебела, верхов Туткаула, джейтунской культуры[6]. Следует отметить, однако, что материалы этих двух ранних этапов были представлены исключительно подъемными коллекциями, что, учитывая также значительное своеобразие материальной культуры лявляканского неолита вообще, не давало возможности сколько-нибудь полно охарактеризовать ранний неолит Кызылкумов.

Существенно уточнить периодизацию неолитических памятников помогли работы на двух новых неолитических стоянках Кызылкумов — Учащи 131 и стоянке Толстова. Первая из них найдена на самом северном из староречий Зеравшана — Дарьясае, вторая — в древней Акчадарьинской дельте Амударьи.

В ранне- и среднеголоценовых аллювиальных отложениях долины Дарьясая прослежено шесть горизонтов разновозрастных маломощных оторфованных пород, отражающих последовательные этапы формирования многоярусной торфяно-глеевой почвы. Культурный слой стоянки (остатки трех наземных жилищ) приурочен к пятому, «учащинскому» горизонту, имеющему довольно широкое площадное распространение[7]. Полученный в ходе раскопок и отчасти сборов на развеянной части стоянки археологический комплекс включает помимо изделий из кремня небольшое количество керамики, изделия из кости, кости млекопитающих и рыб. Кремневая индустрия стоянки имеет ярко выраженный пластинчатый характер со значительной долей микролитизма. Среди изделий с ретушью господствуют различного типа пластины с боковыми выемками (от 40 до 60% в разных домах). Из остальных изделий наибольшую ценность в хронологическом отношении представляют геометрические микролиты — трапеции и треугольники. Трапеции составляют от 4 до 5% общего количества изделий с ретушью и являются довольно значительными в количественном отношении сериями. Всего их найдено на стоянке около сотни. Это преимущественно мелкие, симметричной формы изделия, от четверти до половины которых составляют так называемые рогатые трапеции (с выемкой в верхнем основании). Изредка встречаются изделия слабо выраженной асимметричной формы и трапеции с легкими боковыми выемками. Подавляющее большинство их обработано со спинки довольно крутой ретушью (рис. 8, *42—48*). Однако в ряде коллекций, единично или небольшими сериями, встречены изделия, обработанные противолежащей ретушью и типологически представляющие собой вытянутые трапеции ярко выраженного асимметричного типа. Они представлены двумя разновидностями: 1) асимметричные трапеции с одной длинной и другой короткой выемчатой боковой стороной, аналогичные по форме и характеру обработки одной из групп трапеций янгельской культуры (рис. 8, *36—39*)[8]; 2) трансформированные трапеции-острия, ближайшие аналогии которым также обнаруживаются в поздних памятниках янгельского типа (рис. 8, *40—41*)[9].

Найденные на стоянке треугольники — низкие, вытянутые, резко асимметричных очертаний (рис. 8, *30—35*). Процентное содержание их сильно варьирует, возможно, отчасти из-за несовершенства атрибуции; большая часть их представлена обломками. В комплексах из разных домов стоянки они составляют (вместе с обломками) от 3 до 10% числа ретушированных находок. Обычно они обработаны со стороны спинки, лишь в не-

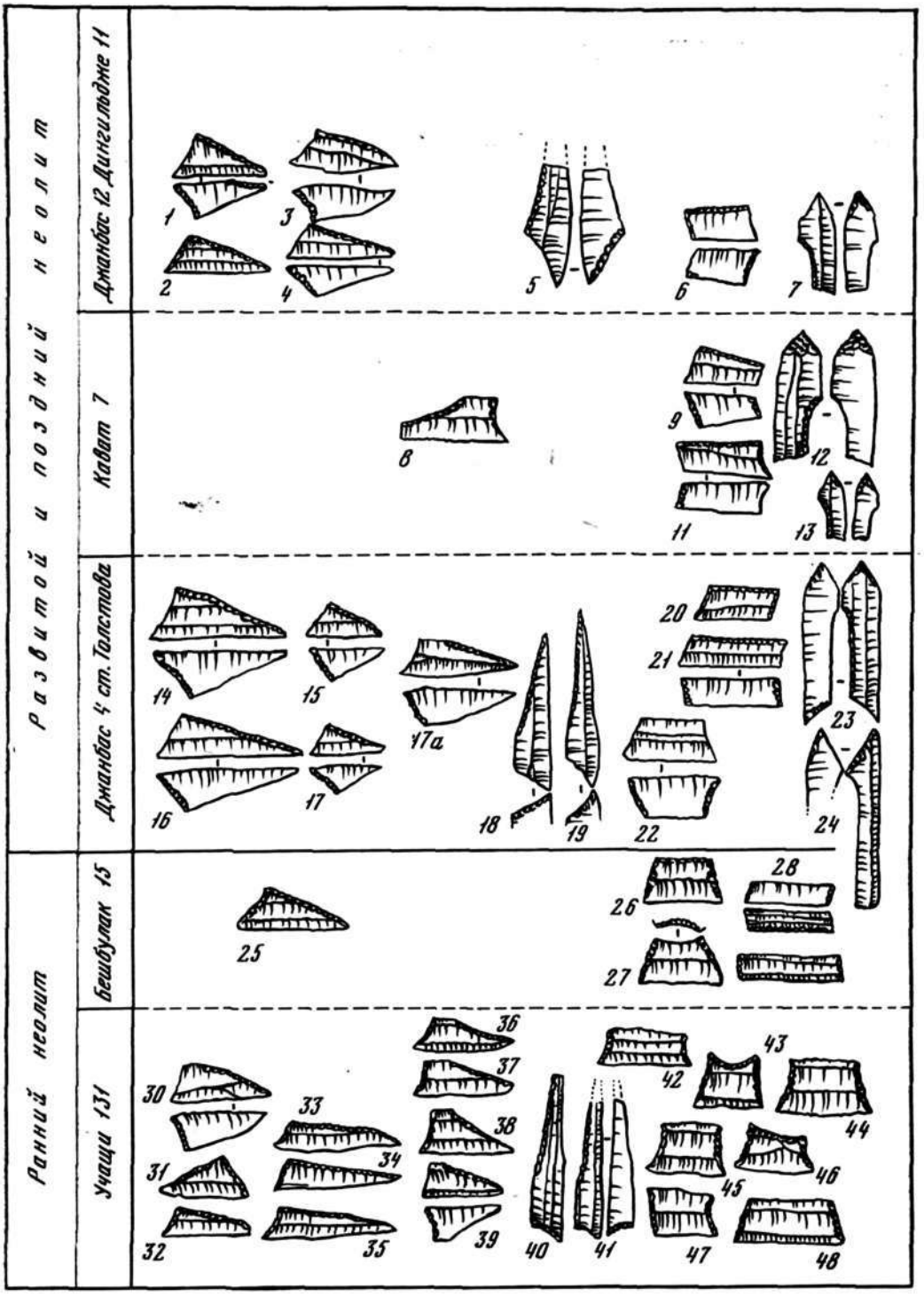

Рис. 8. Эволюция некоторых типов кремневых микролитических орудий неолита Қызылкумов:

1, 6, 7 — стоянка Джанбас 12; 2—5 — стоянка Дингильдже 11; 8—12 — стоянка Кават 7 (слой); 14 — стоянка Джанбас 4 (слой); 15—21, 23 — стоянка Толстова (слой); 22 — стоянка Джингельды 6; 24—29 — стоянка Бешбулак 15; 30—48 — стоянка Учащи (слой)

ключительно редких случаях встречается противолежащая ретушь. Наконечников стрел кельтеминарского типа на стоянке не найдено.

Культура типа Учащи 131 представлена многими десятками развеянных стоянок. Несмотря на общую однотипность их инвентаря, имеются различия в процентном соотношении отдельных типов изделий из кремня, в частности трапеций, скребков и др., что, вероятно, отражает некоторые хронологические различия в рамках раннего неолита. Не исключено, что некоторые из подъемных комплексов относятся к концу мезолита. Совершенно очевидно, что типологически это более ранний пласт неолита, чем стоянки раннего этапа Акчадарьинской дельты.

Аналогичные или близкие по инвентарю стоянки известны сейчас на большей части Кызылкумов, исключая Акчадарьинскую дельту, заселение которой произошло позднее. На поздних стоянках этого типа появляются кельтеминарские наконечники.

Хронологическое положение памятников типа Учащи 131 совершенно очевидно: это время слоев 5 и 5а Джебела, верхней части 2-го горизонта Туткаула, джейтунской культуры. Все эти комплексы достаточно обоснованно датированы VI тысячелетием до н. э. с некоторыми возможными отклонениями в ту или иную сторону. Две радиоуглеродные даты, полученные для древесных угольков из VI (верхнего) горизонта торфяно-глеевой почвы, полностью подтвердили такую датировку [10]. Поздние стоянки дарьясайского типа охватывают, видимо, и значительную часть V тысячелетия до н. э. Материалы стоянок Дарьясай и ряда других территорий Кызылкумов дают, таким образом, возможность обоснованно выделить раннеолитический — дарьясайский — этап неолита этого региона.

Сравнительный анализ материалов стоянок Лявлякана, Дарьясая и других районов Кызылкумов показывает, что уже на этом ранненеолитическом этапе наблюдаются определенные локальные различия в материальной культуре. В то же время материалы, полученные в последние годы, показывают, что ранненеолитическая культура дарьясайского типа распространена далеко за пределами Кызылкумов. Кроме пунктов, указанных нами ранее [11], аналогичные или очень близкие комплексы известны сейчас на Юго-Восточном Устюрте [12], в Северо-Восточном Приаралье [13], в Северном Афганистане [14], в Восточном Иране [15]. Единичные находки «рогатых» трапеций, часто с инвентарем иного типа, имеют еще более широкое распространение. Последние, видимо, в ряде случаев характерны и для более позднего в рамках неолита времени.

Некоторые коррективы в хронологию неолита внесены новыми исследованиями в Акчадарьинской дельте, в районе Джанбасской возвышенности. Здесь в пределах Джанбасского такыра, несколько западнее стоянки Джанбас 4, открыта и иссле-

дуется сейчас стоянка Толстова. В настоящее время полностью завершены раскопки крупного сгоревшего наземного жилища и шурфами обнаружены рядом остатки второго сооружения [16]. Культурный слой стоянки приурочен к верхней части песчаной толщи, перекрытой 1,5—2 м толщей суглинков и алевритов, и гипсометрически располагается несколько ниже, чем культурный слой Джанбас 4. Если верны закономерности, подмеченные ранее и касающиеся взаимосвязи высотного положения стоянок и их хронологической позиции [17], то следует считать, что стоянка Толстова либо одновременна Джанбас 4, либо относится к несколько более раннему времени. Состав археологической коллекции, полученной при раскопках стоянки, исключительно широк. Кроме керамики и изделий из кремня она включает большое количество костей рыб, млекопитающих, птиц, значительную по масштабам Средней Азии серию изделий из кости, украшения из кости, раковин, бирюзы. Особенно важно отметить находки разнообразных органических остатков. Помимо костей это большое количество сгоревшего дерева, камыша, древесной коры, обуглившиеся остатки косточек плодов. Материалы последних категорий, учитывая их крайнюю редкость для пустынного неолита, трудно переоценить. После завершения исследований стоянки материалы ее, бесспорно, будут представлять собой крупнейший для пустынь Средней Азии комплекс единовременных находок эпохи развитого неолита.

Керамика стоянки по процентному соотношению технических приемов орнаментики в известной мере отличается от Джанбас 4. Это обстоятельство при общем значительном сходстве керамического материала, вероятно, также указывает на некоторую разницу в их возрасте в рамках одного этапа. Сейчас мы не будем останавливаться на этом детально и обратимся к кремневому инвентарю.

В целом он, как и материал Джанбас 4, характеризуется сохранением некоторой части геометрических микролитов более ранних типов, появлением новых форм геометрических микролитов, распространением пластинчатых наконечников кельтеминарского типа. Небольшими сериями встречаются низкие асимметричные треугольники, аналогичные по форме ранненеолитическим, дарьясайским; однако почти все они сделаны противолежащей ретушью (рис. 8, *15—17*). Получают распространение изделия, близкие по форме к параллелограмму (рис. 8, *20—21*). Они обычно обработаны с трех сторон, причем обработка коротких боковых сторон также, как правило, противолежащая. Продолжают существовать и длинные трапециевидные острия (рис. 8, *18—19*). Характерно, что наряду с этим исчезают мелкие симметричные трапеции. Единичные экземпляры их характерны для отдельных подъемных коллеций этого времени, но они, как правило, атипичны и по форме, и по характеру обработки. Характеризуя в целом микролитический инвентарь

этого этапа, который по праву можно назвать джанбасским, следует, во-первых, указать на бытование геометрических микролитов нескольких типов и, во-вторых, на чрезвычайно широкое распространение противолежащей ретуши. Все отмеченные выше типы изделий геометрических форм были известны по хорезмийским стоянкам и ранее, но это были в основном несерийные находки из подъемных комплексов, которые воспринимались скорее как архаические раритеты, чем как серьезные объекты для хронологического анализа. Сейчас, после получения интересного комплекса со стоянки Толстова, становится ясно, что они могут сыграть весьма важную роль в хронологической идентификации многих материалов с территории не только Кызылкумов, но и значительно более широкого региона. Как уже отмечалось ранее Г. Ф. Коробковой, У. Исламовым и нами, комплексы типа Джанбас 4 и, добавим, стоянки Толстова из Хорезма имеют очень большое сходство и в целом синхронизируются с группой ранних стоянок Махандарьи (низовья Зеравшана) [18]. Стоянки этого типа — развитого неолита — известны в Кызылкумах повсеместно.

Полученная в 1978 г. в Лаборатории абсолютного возраста ГИН АН СССР серия радиоуглеродных дат по образцам со стоянки Толстова подтверждает хронологическую позицию памятников джанбасского этапа неолита Кызылкумов относительно более ранних материалов учащинского этапа и дает возможность скорректировать их абсолютный возраст. Из шести полученных абсолютных дат четыре укладываются в рамки IV тысячелетия до н. э., одна относится к рубежу третьей и четвертой четвертей V тысячелетия до н. э., и последняя — к первой половине III тысячелетия до н. э. Хронологический разброс, как можно видеть, весьма значителен, однако нет никаких оснований относить нижний хронологический рубеж стоянки Толстова и памятников джанбасского этапа в целом ко времени ранее рубежа V и IV тысячелетий до н. э. или конца V тысячелетия до н. э. В основном же, видимо, речь идет о IV тысячелетии до н. э., скорее всего, о его первой половине и середине.

Мы не рассматриваем здесь вопрос об абсолютных датировках позднего этапа неолита. Укажем лишь, что, основываясь на данных многих десятков подъемных коллекций как из Хорезма, так и из других районов Кызылкумов, можно сделать заключение о бытовании некоторых типов геометрических микролитов в позднем неолите. Во всяком случае, изделия по форме, близкие параллелограмму, и обломок удлиненной трапеции-острия найдены на стоянке Кават 7, а на более поздних развеянных стоянках Хорезма найдены треугольники точно такого же типа, что и на Джанбас 4 и стоянке Толстова [19]. В хронологии позднего неолита еще много неясного и спорного [20]. Однако сейчас мы не располагаем никакими новыми и существенно важными данными по этой проблеме.

Таблица

Хронология неолита Кызылкумов и некоторых сопредельных территорий Средней Азии

Тыс. до н. э.	Акчадарья	Бешбулак	Лявлякан	Низовья Зеравшана	Прибалханье	Южная Туркмения	Южный Таджикистан
III	Джингельды 6 Джанбас 11 Джанбас 5 Кават 7 Кават 5 Кават 5, Куняк 1	Бешбулак 1	Неолит II—энеолит (третий этап, Лявлякан 26 и др.)	Стоянки Восточной Аякагитминской дельты Дарбазакыр I, II Стоянки Западной Аякагитминской дельты	Джебел 3, 2 Джебел 4	Бронзовый век энеолит	Куй-Бульен Ак-Танги
IV	Джанбас 4 Стоянка Толстова	Бешбулак 2					
V		Бешбулак 14/1 Бешбулак 15	Неолит I (второй этап)				Сай-Сайед 1
VI				Дарьясайский этап (Учащи 131 и др.)	Джебел 5, 5а	Джейтунская культура	Туткаул, горизонты 1 и 2 „верх"
VII			Мезолит — неолит (первый этап)				

В таблице суммированы данные о периодизации и хронологии неолита Кызылкумов в сравнении с некоторыми хорошо датированными памятниками других районов Средней Азии.

В заключение заметим, что некоторые из указанных выше закономерностей эволюции форм кремневого инвентаря могут иметь более широкое территориальное значение, другие, наоборот, касаются только Кызылкумов. Так, уже неоднократно указывалось как на важную хронологическую веху на резкое сокращение или почти полное исчезновение серийных симметричных трапеций на фазе развитого неолита и предполагалось, что это характерно не только для Кызылкумов, но и для более восточных и более северных пустынных территорий Средней Азии и Казахстана [21]. Однако исследования в Казахстане заставляют сейчас относиться к этому с большой осторожностью. Раскопки стоянки Пеньки 2 в Павлодарской области, отнесенной не без оснований Л. А. Чалой к отнюдь не раннему в рамках неолита времени, дали крупную серию симметричных трапеций [22]. Напомним, что трапеции составляют более четырех процентов ретушированных изделий и в третьем слое Дам-Дамчешме [23].

Единичные находки асимметричных трапеций янгельского типа на стоянке Учащи 131 прямо свидетельствуют о переживании некоторого количества этих изделий, считавшихся бесспорно мезолитическими [24], в раннем неолите. В связи с этим большой интерес представляют полученные в последнее время материалы из урочища Айдабол на Устюрте [25]. Большая серия найденных по берегам обширной котловины развеянных стоянок дала трапеции не только янгельского, но и шикаевского типа (с тупым углом, образованным основанием и одной из сторон). Существенно, что на многих стоянках эти изделия сочетаются с двусторонне обработанными наконечниками стрел, а в ряде случаев — с мелкими обломками лепной керамики. Пока трудно сказать, насколько существенны эти материалы для хронологии мезонеолита: все стоянки развеяны и к тому же пока не опубликованы.

Выше уже отмечалось, что пластинчатые наконечники кельтеминарского типа не встречены на стоянках типа Учащи 131, хотя, видимо, появляются в конце раннеолитического дарьясайского этапа (некоторые стоянки Эчкиликсая, Аякагитминских дельт, Бешбулак 15 и др.). В последнее время высказывались предположения о том, что в ряде районов за пределами Кызылкумов такие наконечники характерны для самого раннего неолита и даже для мезолита. Однако все эти данные базируются в основном на подъемном материале и требуют более основательного подтверждения. В принципе же исключать такую возможность нельзя.

Наконец, нельзя не обратить внимания на северные аналогии некоторым своеобразным формам геометризированных изделий

неолита Кызылкумов. Речь идет о так называемых трапециевидных остриях и изделиях в форме, близкой к параллелограмму. Первые, как особый тип геометризированных изделий из кремня, были впервые выделены Г. Н. Матюшиным по материалам стоянки Долгий Ельник II и других памятников Южного Зауралья и рассматривались им как один из признаков мезолитического возраста последних [26]. Эти изделия совершенно аналогичны соответствующим орудиям дарьясайского и джанбасского этапов в Кызылкумах. Сравнивая эти и другие геометрические изделия Кызылкумов и Южного Зауралья, нельзя не обратить внимания и на чрезвычайно характерную для этих регионов технику обработки — противолежащей ретушью. Эта особенность, на наш взгляд, скорее этнографического, чем функционального характера. Она свойственна и культуре промежуточной территории — Устюрта и в известной мере Северного Прикаспия [27].

Приведенные выше сопоставления не могут пока служить основанием для каких-либо существенных заключений, так как касаются лишь отдельных категорий кремневого инвентаря. Публикация новых материалов как из Кызылкумов, так и с других территорий (в особеннсти из Северного Прикаспия и с Устюрта) и комплексное их сравнение позволяют, как нам представляется, получить новые важные данные как хронологического, так и культурного плана.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] А. В. Виноградов. Неолитические памятники Хорезма. — МХЭ. Вып. 8. М., 1968, с. 152.

[2] А. В. Виноградов, Э. Д. Мамедов. Первобытный Лявлякан. Этапы древнейшего освоения и заселения Внутренних Кызылкумов.— МХЭ. Вып. 10. М., 1975, с. 216, 220—225.

[3] Г. Ф. Коробкова. Орудия труда и хозяйство неолитических племен Средней Азии.— МИА. № 158. Л., 1969, с. 125, 126.

[4] Г. Ф. Коробкова, В. М. Массон. Понятие неолит и вопросы хронологии неолита Средней Азии.— КСИА АН СССР. Вып. 153. М., 1978, с. 107.

[5] А. В. Виноградов, М. А. Итина. [Рец. на:] Памятники культуры каменного и бронзового века Южного Туркменистана.— Труды ЮТАКЭ. Т. 6. Аш., 1956.— СЭ. 1959, № 1, с. 158—161; А. В. Виноградов. Неолитические памятники Хорезма, с. 145.

[6] А. В. Виноградов, Э. Д. Мамедов. Первобытный Лявлякан, с. 216—220.

[7] Н. Н. Вактурская, А. В. Виноградов, Э. Д. Мамедов. Археолого-географические исследования в районе Дарьясая.— АО 1968 г. М., 1969, с. 411, 412; А. В. Виноградов, Э. Д. Мамедов. Исследования в Юго-Западных Кызылкумах.— АО 1969 г. М., 1970, с. 400, 401; А. В. Виноградов. О распространении неолитических комплексов дарьясайского типа.— УСА. Вып. 1, 1972, с. 45—47; А. В. Виноградов, Э. Д. Мамедов, Л. Д. Сулержицкий. Первые радиоуглеродные даты для неолита Кызылкумов.— СА. 1977, № 4, с. 267—269.

[8] Г. Н. Матюшин. Мезолит Южного Урала. М., 1976, с. 162, 163, рис. 44; см. также с. 333, табл. 23, *12, 13, 17—25*; с. 350, табл. 40, *1—3* и др.

[9] Там же, с. 330, табл. 20, *2—3*.

[10] А. В. Виноградов, Э. Д. Мамедов, Л. Д. Сулержицкий. Первые радиоуглеродные даты, с. 268—269.

[11] А. В. Виноградов. О распространении ранненеолитических комплексов, с. 33.

[12] Древняя и средневековая культура Юго-Восточного Устюрта. Таш., 1978, с. 20—25.

[13] А. В. Виноградов, Е. Е. Кузьмина, В. М. Смирин. Новые первобытные памятники в Северо-Восточном Приаралье.— Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1973, с. 85—90.

[14] А. В. Виноградов. Исследования памятников каменного века в Северном Афганистане.— Древняя Бактрия. Вып. 2. М., 1979, с. 7—62.

[15] E. Huckried. Jungquartar und end-mesolithikum in der Provinz Kerman (Iran).— «Eiszeitalter und Gegenwart». 1962. Bd 12, с. 36—42, Abb. 4.

[16] А. В. Виноградов. Раскопки стоянки Джанбас 31.— АО 1976 г. М., 1977, с. 525, 526; он же. Раскопки стоянки Толстова.— АО 1977 г. М., 1978, с. 521, 522.

[17] А. С. Кесь, А. В. Виноградов, М. А. Итина. Палеогеография района возвышенности Джанбас и история его древнейшего освоения.— Земли древнего орошения и их хозяйственное освоение. М., 1969, с. 162—167; они же. К палеогеографии Акча-Дарьи.— КСИА АН СССР. Вып. 122. М., 1970, с. 110—113.

[18] Я. Г. Гулямов, У. Исламов, А. Аскаров. Первобытная культура и возникновение орошаемого земледелия в низовьях Зарафшана. Таш., 1966, с. 79—82; Г. Ф. Коробкова. Орудия труда, с. 124—125; А. В. Виноградов. Неолитические памятники Хорезма, с. 156; А. В. Виноградов, Э. Д. Мамедов. Первобытный Лявлякан, с. 265, 266.

[19] См., например: А. В. Виноградов. Неолитические памятники Хорезма, с. 95, рис. 44; с. 166, рис. 63.

[20] Дискуссионным, в частности, является вопрос о верхнем хронологическом рубеже неолита Кызылкумов. В разное время высказывались мнения об отнесении его к рубежу III и II тысячелетий до н. э., к концу III тысячелетия до н. э. (А. В. Виноградов. Неолитические памятники Хорезма, с. 152; А. В. Виноградов, Э. Д. Мамедов. Первобытный Лявлякан, с. 216), к середине III тысячелетия до н. э. (Г. Ф. Коробкова. Орудия труда, с. 126). Все эти заключения являются в известной степени умозрительными и не подкреплены фактическим материалом. Для финального этапа неолита в Кызылкумах неизвестно пока ни одной неразвеянной стоянки. Видимо, до получения новых данных следует рассматривать III тысячелетие до н. э. в целом как конец неолитической эпохи.

[21] А. В. Виноградов. О распространении ранненеолитических комплексов, с. 32—34; А. В. Виноградов, Е. Е. Кузьмина, В. М. Смирин. Новые первобытные памятники, с. 86—87; А. В. Виноградов, Э. Д. Мамедов. Первобытный Лявлякан, с. 220 и сл.

[22] Л. А. Чалая. Озерные стоянки Павлодарской области Пеньки 1, 2.— Поиски и раскопки в Казахстане. А.-А., 1972.

[23] Г. Е. Марков. Грот Дам-Дам чешме 2 в Восточном Прикаспии.— СА. 1966, № 2.

[24] Г. Н. Матюшин. Мезолит Южного Урала. М., 1976, с. 146 и сл.

[25] Как любезно сообщил автору Е. Б. Бижанов.

[26] Г. Н. Матюшин. О характере материальной культуры Южного Урала в эпоху мезолита.— СА. 1969, № 4, с. 39—42, рис. 9,*5*; он же. Мезолит Южного Урала, с. 165 и сл.

[27] А. Н. Мелентьев. Памятники сероглазовской культуры (неолит Северного Прикаспия).— КСИА АН СССР. Вып. 141. М., 1975, с. 113—114; он же. Мезолит Северного Прикаспия (памятники сероглазовской культуры).— КСИА АН СССР. Вып. 149. М., 1977, с. 103—105.

А. А. Аскаров

К ПЕРЕДАТИРОВКЕ КУЛЬТУРЫ ЗАМАНБАБА

Могильник Заманбаба, открытый Я. Г. Гулямовым в 1950 г. и раскопанный им в последующие годы, вызвал большой интерес среди исследователей среднеазиатской археологии (здесь была вскрыта 41 могила разной степени сохранности). После публикации предварительного сообщения первооткрывателя[1] на страницах журналов сразу же появились высказывания специалистов о дате и происхождении, о культурных контактах заманбабинцев с племенами как южных, так и северных областей нашей страны. Как известно, комплекс могильника Заманбаба состоял из вещей местного и привозного происхождения. К местным вещам справедливо был отнесен набор лепных сосудов различной формы и некоторая гончарная керамика (рис. 9, *2,3,5,7,8,10—16*), а к привозным — миниатюрный бокал на высокой ножке из серой глины (рис. 9, *6*) и нижняя часть биконического сосуда с темно-коричневой росписью (рис. 9, *9*).

В комплексе Заманбабы находилось большое число каменных бус различной формы (рис. 10), среди которых особую важность представляли бусы крестовидной формы. В одной могиле была найдена сильно схематизированная глиняная статуэтка женщины (рис. 9,*1*), во многих могилах имелись миниатюрные медные лопаточки (рис. 9, *4*) и большое количество листовидных кремневых наконечников стрел (рис. 10). Я. Г. Гулямов делил территорию могильника на два сектора—восточный и западный. При этом он отмечал, что в керамическом материале могил обоих секторов хотя и не наблюдается существенных отличий, все же погребения восточного сектора следует отнести к более раннему периоду существования могильника. К такому убеждению его привел тот факт, что могилы восточного сектора состоят исключительно из ямных, а в западном секторе могильника наряду с ямными появляются погребения катакомбного устройства. Кроме того, Я. Г. Гулямов отмечал, что кремневые наконечники стрел листовидной формы происходили исключительно из восточных могил, в то время как они отсутствовали в могилах западного сектора[2]. Однако детальный анализ вещей из каждой могилы обоих секторов могильника Заманбаба показал, что кремневые наконечники стрел встречаются в восьми могилах западного сектора, причем они происходят не только из ямных могил, но в четырех случаях из подбойно-катакомбных (могилы № 21,35,39,40). Я. Г. Гулямов в свое время не назвал

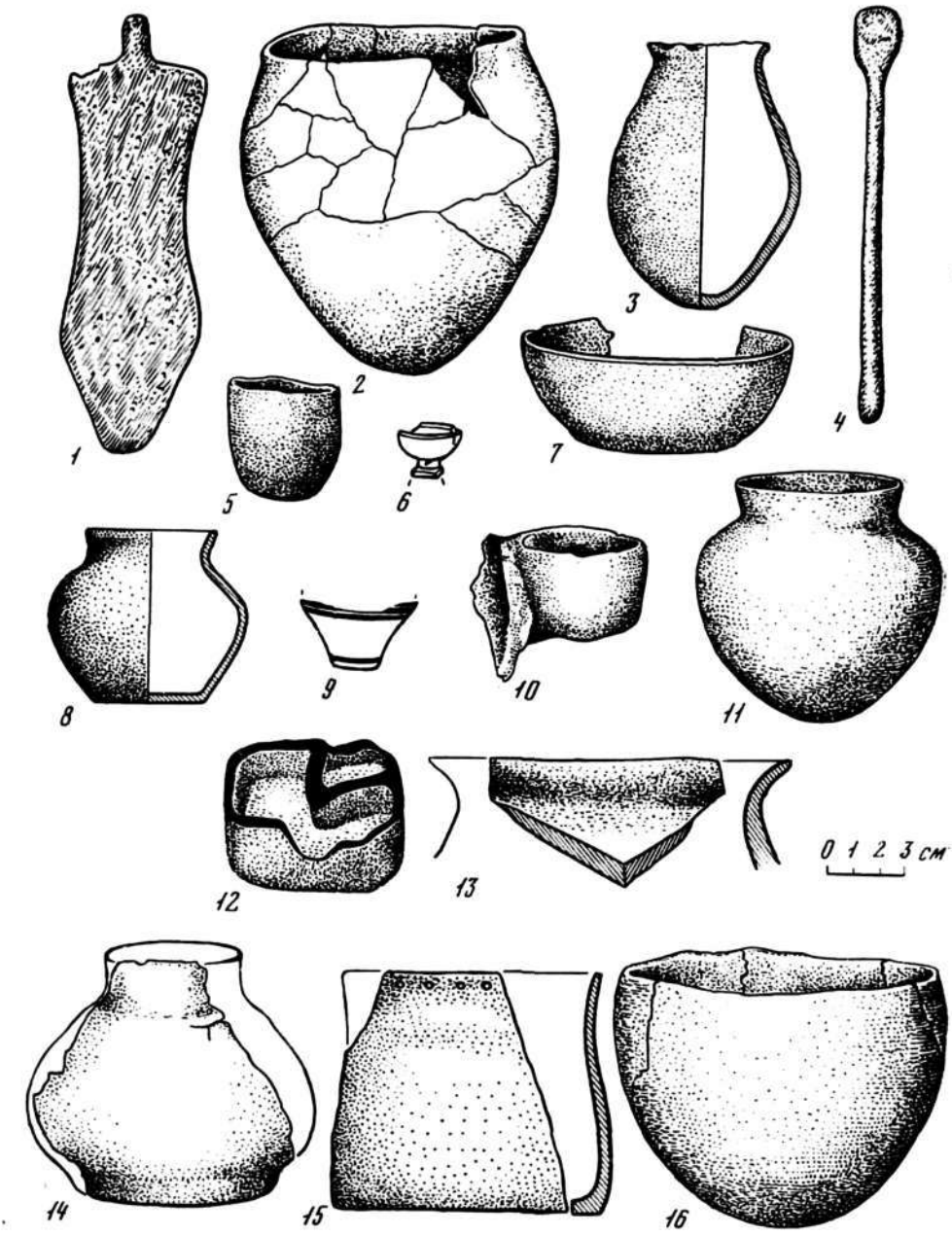

Рис. 9. Керамика, терракота и бронза Заманбаба

абсолютную дату могильника, но наличие в комплексе нескольких привозных вещей сразу же вызвало живой интерес со стороны других исследователей. Первым откликнулся В. М. Массон. Он определил керамику с росписью как донную часть биконического сосуда времени позднего Намазга IV. Отмечая наличие в комплексе Заманбабы таких вещей, как глиняная статуэтка, каменные крестовидные бусы, медные лопаточки, кубок на ножке из серой глины и других, он им находил аналогии

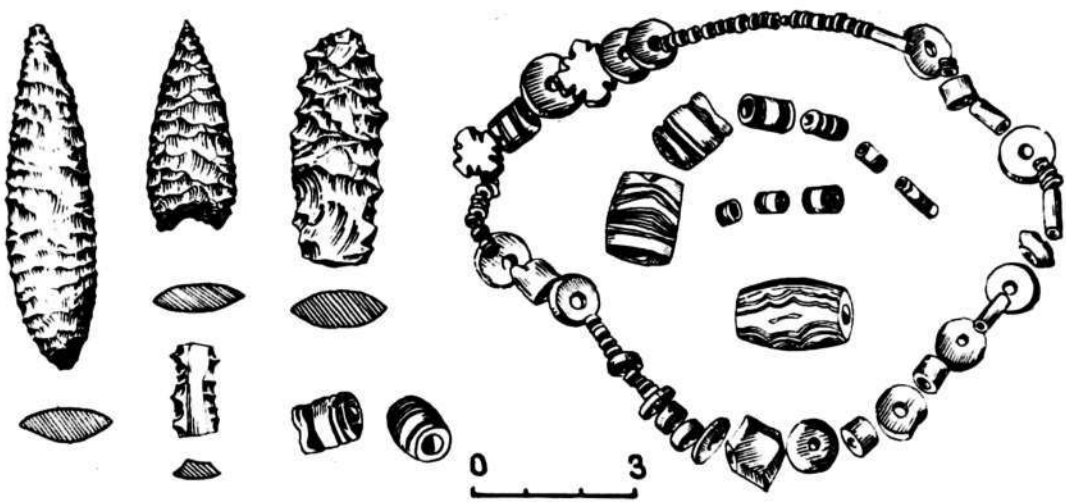

Рис. 10. Каменные изделия Заманбаба

среди материалов Гисар III, Намазга V и даже в комплексах более ранних этапов культуры Намазга. Все это позволило В. М. Массону датировать могильник Заманбаба концом III — первой третью II тысячелетия до н. э.[3].

Б. А. Латынин в статье «О южных границах ойкумены степных культур эпохи бронзы» более подробно останавливается на синхронизации могильника Заманбаба с племенами ямной и катакомбной культур Восточной Европы, также с афанасьевской и окуневской культурами енисейских степей. Тщательный анализ позволил Б. А. Латынину определить культурную принадлежность могильника Заманбаба как относящегося к кругу культур степной бронзы и датировать его (вслед за В. М. Массоном) концом III — началом II тысячелетия до н. э.[4]. Более обстоятельно, чем В. М. Массон и Б. А. Латынин, останавливалась на датировке могильника Заманбаба Е. Е. Кузьмина. Она, находя широкие аналогии керамике, бронзовым изделиям, кремневым наконечникам стрел, бусам различной формы Заманбабы в комплексах древнеземледельческого круга юга (Гисар III В—С, Намазга IV и V, Шахтепе II и III) и степных племен северных областей страны (ямная, катакомбная, полтавкинская, афанасьевская культуры), пришла к заключению, что датировка могильника Заманбаба концом III — началом II тысячелетия до н. э. отражает историческую действительность[5].

В 1961 г. недалеко от могильника, в полукилометре к востоку от оз. Заманбаба, на берегу сухого русла Гуджайли (Гурдушдарё), одного из дельтовых протоков Зеравшана, нами было открыто и исследовано поселение Заманбаба, где выявлены огромная по площади полуземлянка, два жилища легкого типа, несколько хозяйственных ям и остатки керамической печи. Раскопки этих объектов дали богатый, разнообразный, одновремен-

ный с комплексом могильника Заманбаба материал. В том же году на площади могильника было выявлено еще четыре захоронения с керамикой и кремневым инвентарем.

Детальное сравнительное изучение всех добытых материалов с поселения и могильника Заманбаба позволило нам несколько омолодить возраст культуры и датировать ее в целом первой половиной II тысячелетия до н. э.[6]. Необходимо отметить, что при омолаживании датировки культуры Заманбабы мы прежде всего опирались на материалы поселения и на те находки из могильника, которые позволили синхронизировать Заманбабу с комплексами культуры Намазга V и VI[7]. Однако установленные для культуры Заманбаба датировки — конец III — начало II тысячелетия до н. э. и даже первая половина II тысячелетия до н. э.— в свете новых данных требуют тщательного пересмотра в пользу еще большего омолаживания культуры (рис. 11).

Известно, что в 1955—1958 гг. А. М. Мандельштамом в долине Кафирнигана была исследована большая группа курганных захоронений эпохи поздней бронзы[8]. Здесь, в могильнике раннего Тулхара, вскрыто около 80 захоронений, разделенных А. М. Мандельштамом на три хронологические группы: могилы с трупосожжением, могилы типа ямы со спуском и могилы катакомбные. В могилах с трупосожжением датирующих материалов обнаружено не было, но они частично нарушаются могилами типа ямы со спуском, что позволило стратиграфически отнести погребения с трупосожжением к более раннему периоду, чем ямные погребения, которые составляют основную массу могил, в них были обнаружены лепная и гончарная керамика, много бронзовых орудий труда, предметы туалета и украшения. А. М. Мандельштам, приводя все возможные параллели, датирует могилы типа ямы со спуском XIII—IX вв. до н. э. В катакомбах были обнаружены яйцевидные лепные сосуды на кольцевидном поддоне, цилиндрические сосуды и чаши усеченно-конической формы на поддоне, датируемые им IX—VIII вв. до н. э.[9].

Поздняя дата катакомбных могил раннего Тулхара, предложенная А. М. Мандельштамом, в свете новых данных вызывает некоторые возражения. Так, катакомбное устройство могил хорошо представлено в памятниках сапаллинской культуры и в Заманбабе. Цилиндрические сосуды, синхронизируемые с керамикой времени Яз II или предшествующей стадии развития[10], находят более близкие параллели в керамике Заманбабы[11], в материалах Дашли 1 и Дашли 3[12] и на поселении Сапаллитепа[13]. Синхронизация кольцевого поддона лепных яйцевидных сосудов с кубком на поддоне времени Яз I Мургабского оазиса не могут быть веским аргументом для датировки катакомбных могил раннего Тулхара, так как кувшин на таком кольцевом поддоне был найден и в верхнем слое поселения Сапал-

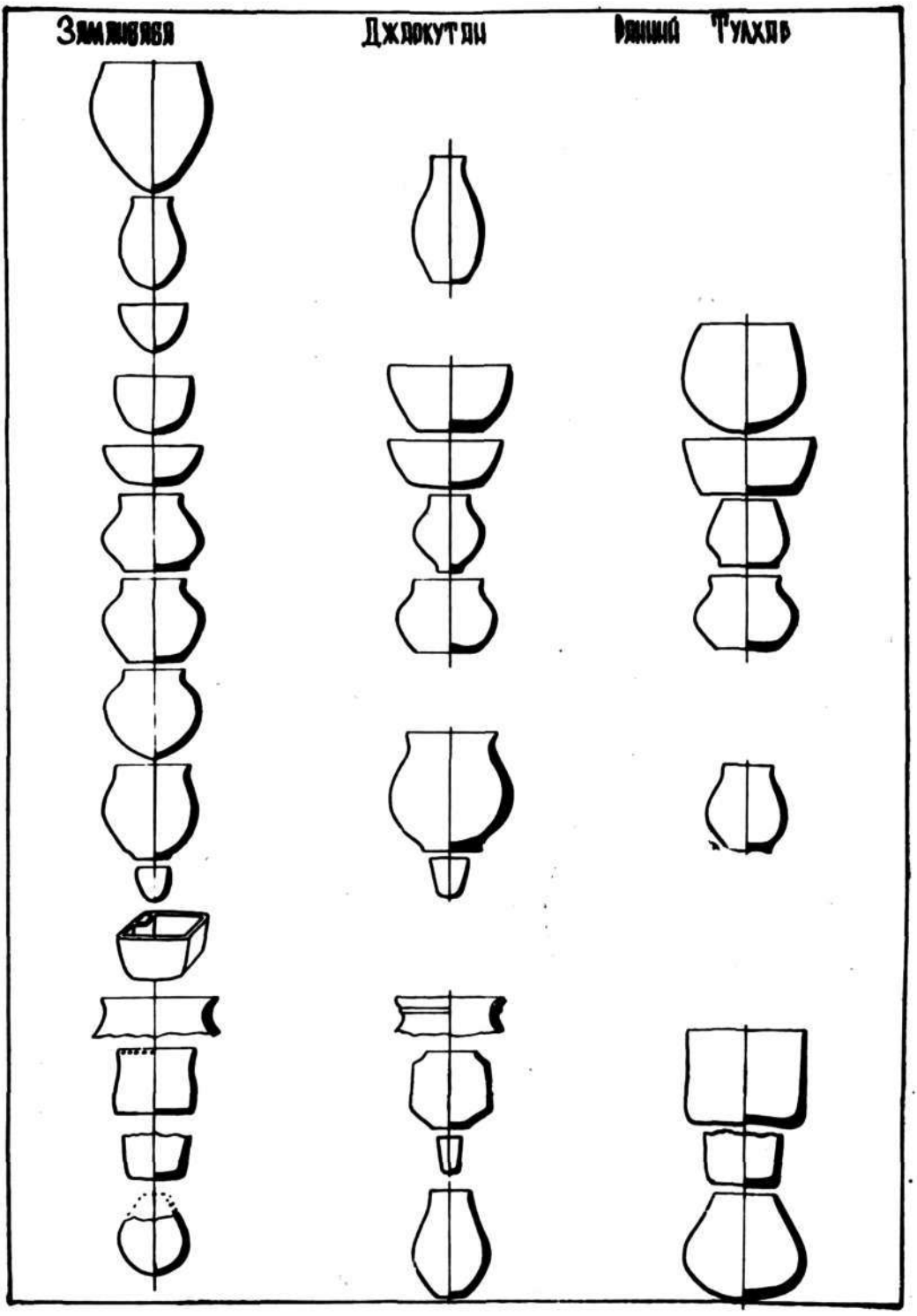

Рис. 11. Сравнительная таблица керамики Заманбаба, Джаркутана и Раннего Тулхара

литепа[14]. Единственная чаша усеченно-конической формы на поддоне из катакомбной могилы раннего Тулхара также находит аналогии в керамике могильника Джаркутан, в комплексе завершающего этапа культуры Сапалли. Таким образом, основываясь на приведенных выше данных, можно считать, что катакомбные могилы раннего Тулхара нельзя датировать временем позже X в. до н. э.

Типологические сопоставления комплекса раннетулхарского могильника с материалами Заманбабы указывают на хронологическую близость этих культур. Это особенно ярко проявляется при сопоставлении материалов могил типа ямы со спуском раннего Тулхара.

Так, в могиле № 17 Заманбабы было обнаружено круглое зеркало[15]. Более десяти экземпляров аналогичных бронзовых зеркал известны в комплексах могильника раннего Тулхара[16]. Особый интерес представляют заманбабинские миниатюрные бронзовые лопаточки с одним уплощенным и другим утолщенным концом[17]. Точно такие же лопаточки были найдены в раннетулхарском могильнике[18]. Раннетулхарские бусы[19], изготовленные из полудрагоценных камней ромбической, цилиндрической, бочонкообразной формы, ничем не отличаются от таковых из могильника Заманбаба[20]. Особенно близкие параллели между комплексами Заманбабы и раннего Тулхара намечаются при изучении керамики. Так, в керамике Заманбабы известно более 20 экземпляров плоскодонных приземистых горшков с округлым туловом[21]. Черепок этих сосудов в изломе розовый или желтый, снаружи часто кирпичного цвета, иногда попадаются такие горшки зеленовато-белого цвета. Близкие аналогии подобным лепным горшкам можно найти среди лепной керамики раннего Тулхара[22]. В керамике Заманбабы имеется целая серия лепных мисок с обжигом до кирпичного цвета[23]. Аналогичная форма мисок известна в керамике раннего Тулхара[24].

В могильнике Заманбаба в трех случаях известны цилиндрические сосуды, изготовленные на круге. По краям бортика их расположен ряд сквозных отверстий[25]. Аналогичные лепные сосуды с прямой стенкой без отверстий по краю бортика найдены и в могильнике раннего Тулхара[26].

А. М. Мандельштам в свое время говорил о влиянии на сложение культуры раннего Тулхара заманбабинской культуры[27]. При этом он четко указывал на сходство многих вещей Заманбабы и раннего Тулхара и отмечал, что катакомбное устройство могил раннего Тулхара было заимствовано от заманбабинцев. Для 60-х годов такое предположение было вполне оправданным, так как в среднеазиатском регионе катакомбное устройство могил, кроме Заманбабы, не было известно. В связи с исследованием памятников культуры Сапалли вопрос стал гораздо яснее и представилась возможность выдвинуть другую точку зрения, согласно которой ранние тулхарцы заимствовали катаком-

бы от сапаллинцев[28]. Действительно, в связи с исследованием культуры Сапалли, в которой четко представлено катакомбное устройство могил, можно допустить, что катакомба заимствована от сапаллинцев не только племенами раннего Тулхара, но и заманбабинцами. Довольно четкие и близкие параллели намечаются между комплексами поздних этапов культуры Сапалли и Заманбабы. Об одинаковом устройстве катакомбных могил обеих культур мы говорили выше. Теперь необходимо остановиться на сходстве вещей, которое свидетельствует о хронологической близости этих культур.

В комплексе керамики культуры Заманбабы представлена большая серия посуды — лепной и гончарной. Первую группу сосудов составляют грубые яйцевидные кухонные сосуды, представленные всего в трех экземплярах[29]. Е. Е. Кузьмина отмечает, что они и полусферические чаши[30] происходили исключительно из ямных могил[31]. Однако подобные сосуды были найдены и в катакомбных могилах (№ 21,22,23,35). Причем все эти сосуды — кухонные, со следами копоти на поверхности. По форме яйцевидные, сосуды находят аналогии в керамике ямной и катакомбной культур Поволжья и Северного Причерноморья, афанасьевской культуры Минусинской котловины и соответствующих слоев пещеры Джебел (2,3,4 слои). Тем не менее близкие яйцевидным сосудам и полусферическим чашам Заманбабы формы имеются и в керамике джаркутанского этапа культуры Сапалли[32]. Яйцевидные сосуды джаркутанского этапа в отличие от заманбабинских изготовлены на круге, имеют плоское дно и сравнительно узкое горло.

Наиболее значительную группу керамики Заманбабы (около 30 экземпляров) составляют плоскодонные приземистые горшки с округлым туловом, и все они относятся к категории столовой посуды[33]. Преобладающее большинство изготовлено от руки. Горшки такой же формы, изготовленные на круге, в большом количестве имеются в керамике молалинского этапа культуры Сапалли[34].

В керамике Заманбабы имеется целая серия лепных мисок с обжигом до кирпичного цвета[35]. Среди этих мисок есть экземпляры, изготовленные и на круге. Аналогичная форма мисок встречается в керамике времени Намазга VI[36] и в материалах джаркутанского этапа культуры Сапалли[37]. В могильнике Заманбаба тремя экземплярами представлены маленькие сосудики типа стаканов[38]. Аналогичные сосудики с отогнутыми краями венчика известны в керамике верхнего слоя поселения Сапаллитепа[39].

Особо важную роль в передатировке культуры Заманбабы играют прямоугольные глиняные кормушки с двумя отделениями[40]. До последнего времени такая же форма сосудов не была известна на территории Средней Азии и за ее пределами. Однако в 1975 г. В. И. Сарианиди точно такой же сосуд-кормуш-

ку показал мне в Афганистане. По всем признакам он не отличается от заманбабинских кормушек. Через день мы с ним пошли к месту находки — к тому могильнику, где была найдена прямоугольная кормушка с отделением в одном из углов. Среди разбросанной грабителями керамики могильника мы собрали еще несколько фрагментов таких же кормушек. Комплекс керамики могильника, где была найдена кормушка, в нашей хронологической шкале целиком и полностью относится к молалинскому этапу культуры Сапалли.

В керамике Заманбабы имеются два фрагмента от двух привозных сосудов, которые сыграли важную роль в датировке Заманбабы. Первый из них — так называемый фрагмент нижней половины биконического сосуда [41] с темно-коричневой росписью, второй — так называемый поддон сероглиняного сосуда [42]. Все без исключения исследователи отнесли эти сосуды ко времени Намазга IV, к слою Гисар II и III и Шахтепе II и III. Нам кажется, что фрагмент с росписью относится не ко времени Намазга IV, а, скорее всего, происходил из неизвестного нам памятника типа Саразм, где был найден такой же биконический сосуд с росписью. Саразмский биконический сосуд, по рассказу А. Исхакова, найден в культурном слое поселения Саразм, который датируется периодом не ранее конца II тысячелетия до н. э. Ошибочность определения второго фрагмента как поддон не вызывает сомнения. Е. Е. Кузьмина допускает, что такого рода серые бокалы с высокой ножкой известны и в культуре Намазга VI [43]. В действительности этот сосуд — миниатюрный сероглиняный бокал на высокой ножке, который имеет близкие параллели в керамике культуры Сапалли.

Если учесть тот факт, что керамика Заманбабы, как лепная, так и гончарная, не имеет наружных украшений, что характерно для памятников древнеземледельческого круга времени Намазга V и VI и культуры Сапалли, а также те аналогии, о которых говорилось выше, то вопрос о пересмотре абсолютной даты культуры Заманбаба в сторону ее омолаживания вполне оправдан. В пользу последнего говорят и другие материалы культуры Заманбабы. В Заманбабе было найдено много миниатюрных бронзовых лопаточек — предметов косметики. Аналогичные лопаточки широко известны в комплексах культуры Сапалли [44]. Заманбабинские круглые зеркала хотя и имеют некоторое своеобразие, но все же сходны с аналогичными зеркалами культуры Сапалли [45]. Для культуры Заманбабы характерно класть в могилу вотивные металлические предметы. Аналогичное явление наблюдается и в период молали сапаллинской культуры. Если на сапаллинском этапе каменные бусы изготовлялись главным образом из сердолика и лазурита, то на последующем этапе культуры Сапалли основным сырьем для изготовления каменных бус служили яшмовидные породы камня, особенно полосатого известняка, что характерно и для Заманба-

бы. Формы бус и техника их изготовления в Заманбабе и в Сапалли совершенно идентичные. Крестовидные бусы Заманбабы, являвшиеся одним из аргументов в пользу ранней датировки всего комплекса, встречаются и в культуре Сапалли [46], а также в могилах эпохи бронзы Дашлинского оазиса в Северном Афганистане [47].

В могилах Заманбабы представлена единственная сильно схематизированная глиняная статуэтка. Такие статуэтки встречаются со времени Намазга V; на стадии Намазга VI их почти нет или они попадаются в единичных экземплярах. Такое же явление характерно и для культуры Сапалли. Если учесть редкость таких находок в культуре Заманбабы, можно предположить, что заманбабинская статуэтка относится не к Намазга V, а, скорее всего, ко времени Намазга VI.

Кремневый инвентарь Сапалли и Заманбабы тоже является хронологически одновременным, так как формы и тщательная техника изготовления орудий не отличаются друг от друга и составляют единую линию развития. В передатировке культуры Заманбабы важную роль играет и ориентировка скелетов погребенных. Так, на раннем этапе культуры Сапалли все скелеты в основном были ориентированы головой на север, соответственно на джаркутанском — на северо-запад и северо-восток, на молалинском — на запад или на восток. В Заманбабе ориентировка более 90% скелетов оказалась на запад или на восток (и северо-восток — юго-запад), что указывает на одинаковые ориентировки скелетов Заманбабы с погребениями поздних этапов культуры Сапалли.

В свете новых приведенных нами данных складывается интересная картина, указывающая не только на хронологическую близость комплексов поздних этапов культуры Сапалли, Заманбабы и раннего Тулхара, но и на их генетическую связь. Все это позволяет более определенно говорить о южном влиянии в сложении заманбабинской культуры со стороны древнеземледельческих племен древнебактрийского региона. Ранее нами была отмечена возможность родственных связей между носителями культуры Заманбабы и южными племенами. Теперь эти нити четко и конкретно прослеживаются по материалам с памятников древнебактрийского региона типа Сапалли.

Сопоставление всего инвентаря Заманбабы с материалами памятников ямной и катакомбной культур, а также с афанасьевской, на наш взгляд, является не вполне убедительным. Так, сходство остродонных яйцевидных сосудов Заманбабы с керамикой ямной, катакомбной и афанасьевской культур всего лишь внешнее, поверхностное, тем более что вся керамика этих культур орнаментирована, тогда как на керамике Заманбабы полностью отсутствует орнамент. Катакомбное устройство могил широко известно в памятниках древнеземледельческих культур Востока, где оно гораздо древнее, чем в памятниках степной

зоны. Кормушку Заманбабы никак нельзя отождествлять как по форме, так и по назначению с курильницами катакомбной культуры.

Нам кажется, что катакомбное устройство могил заманбабинцев было заимствовано не из восточноевропейских степей, как это предполагалось ранее, а именно от сапаллинцев. Культурные и родственные связи заманбабинцев археологически более реальны с племенами бактрийского региона, чем с Восточной Европой, о чем свидетельствуют заметная роль в экономике заманбабинцев земледелия и скотоводства, применение заманбабинцами в производстве керамики гончарного круга, появление у них двухъярусных керамических печей столбовой конструкции, наличие статуэтки, привозных сосудов, форма каменных бус, бронзовых лопаточек — словом, весь археологический инвентарь Заманбабы имеет близкие аналогии с материалами памятников древнебактрийского региона.

Родственные связи заманбабинцев подтверждаются и на антропологическом материале. Т. К. Ходжайов установил, что наибольшая близость намечается между черепами Сапалли и Заманбабы, Сапалли — Гисар III С, Сапалли — верхний слой Алтын-депе, Сапалли — Чуст и т. д. Если для черепов Кара-депе, Хапуз-депе и соответствующих слоев Сиалка характерен высотный диаметр мозговой коробки, то черепа из Сапалли, Заманбабы, Алтын-депе, Гисара III С отличаются от них низким сводом черепной коробки. На эту морфологическую особенность черепов обратила в свое время внимание Т. А. Трофимова, когда изучала черепа из Заманбабы. Черепа из сапаллинского и заманбабинского круга памятников с комплексом признаков, присущих восточносредиземноморскому типу, представляют локальный вариант последнего с преобладанием довольно низкого свода черепа.

Таким образом, параллели между комплексами поздних этапов культуры Сапалли и Заманбабы становятся более реальными. Исходя из этого, можно допустить, что II тысячелетие до н. э. было периодом, когда на территории Средней Азии происходил процесс миграции племен эпохи бронзы. Земледельческие племена юга в поисках плодородных земель продвигались в северные и восточные районы. Вероятно, что часть населения — носитель культуры типа Сапалли в древней Бактрии, двигаясь по течению Амударьи, достигла плодородных долин древнебухарского оазиса, где участвовала в формировании культуры Заманбабы, а оставшаяся часть населения продолжала жить на территории древней Бактрии.

Судя по идентичности ряда форм керамики, каменных бус и бронзовых изделий культуры Сапалли и Заманбабы, можно утверждать, что между ними постоянно интенсивно развивались родственные и культурные связи. Намеченные параллели, выявленные при сопоставлении комплексов Заманбабы и поздних

этапов культуры Сапалли, Заманбабы и раннего Тулхара, Молали и раннего Тулхара, позволяют считать эти комплексы более или менее синхронными. Молалинский этап культуры Сапалли датируется 1350—1000 гг. до н. э.[48], а ранний Тулхар — XIII—IX вв. до н. э.[49]. Исходя из этих данных и учитывая наличие отдельных форм керамики более архаического облика (яйцевидные сосуды, горшки с утолщенным дном), можно предложить датировать могильник и поселение Заманбаба как единый одновременный комплекс второй четвертью II тысячелетия до н. э.[50].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Я. Г. Гулямов. Археологические работы к западу от Бухарского оазиса (Предварительный отчет о работах 1950—1953 гг.).— Труды Института истории и археологии АН УзССР. Вып. 8. Таш., 1956.

[2] Я. Г. Гулямов. Археологические работы, с. 151—152.

[3] В. М. Массон. Изучение энеолита и бронзового века Средней Азии.— СА. 1957, № 4.

[4] Б. А. Латынин. О южных границах ойкумены степных культур эпохи бронзы.— СА. 1958, № 3, с. 49—53.

[5] Е. Е. Кузьмина. Могильник Заманбаба.— СЭ. 1958, № 2, с. 24—33.

[6] Я. Г. Гулямов, У. Исламов, А. Аскаров. Первобытная культура и возникновение орошаемого земледелия в низовьях Зарафшана. Таш., 1966, с. 166.

[7] Там же, с. 163—166.

[8] А. М. Мандельштам. Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане.— МИА. 145. Л., 1968.

[9] Там же, с. 93—94, табл. XV, *2—7*.

[10] Там же, с. 93, табл. XV, *3, 4*.

[11] Я. Г. Гулямов, У. Исламов, А. Аскаров. Первобытная культура, табл. X, а, *3*; XIV а, 6; XV, *9*.

[12] В. И. Сарианиди. Исследование памятников Дашлинского оазиса.— Древняя Бактрия. Материалы Советско-Афганской экспедиции 1969—1973 гг. М., 1976, рис. 23, X, *2*; рис. 24, *13*; рис. 45, *3*.

[13] А. Аскаров. Сапаллитепа. Таш., 1973, табл. XXII, *17—18*.

[14] Там же, табл. XLVII, *13*.

[15] Я. Г. Гулямов, У. Исламов, А. Аскаров. Первобытная культура, табл. XVI, *9*.

[16] А. М. Мандельштам. Памятники эпохи бронзы, табл. VI—VII.

[17] Я. Г. Гулямов, У. Исламов, А. Аскаров. Первобытная культура, табл. XVI, *1—5, 10, 14, 18*; табл. V, *4*.

[18] А. А. Мендельштам. Памятники эпохи бронзы, табл. VIII, *3, 4*.

[19] Там же, табл. XX, XXI.

[20] Я. Г. Гулямов, У. Исламов, А. Аскаров. Первобытная культура, табл. XX.

[21] Там же, табл. XI б, *1, 2, 7*.

[22] А. А. Мендельштам. Памятники эпохи бронзы, табл. X, *2, 3, 6—8*.

[23] Я. Г. Гулямов, У. Исламов, А. Аскаров. Первобытная культура, табл. V, *7*; табл. XII, *8, 9*.

[24] А. М. Мандельштам. Памятники эпохи бронзы, табл. XII, *2, 3*; табл. VI, *1*.

[25] Я. Г. Гулямов, У. Исламов, А. Аскаров. Первобытная культура, табл. XV, *8*.

[26] А. М. Мандельштам. Памятники эпохи бронзы, табл. XI, *7*.

[27] Там же, с. 135—139.

[28] А. Аскаров. Сапаллитепа, с. 128—129.

[29] Я. Г. Гулямов, У. Исламов, А. Аскаров. Первобытная культура, табл. IX; табл. X а, *1*.

[30] Там же, табл. X б, *1*; табл. XI б, *4*.

[31] Е. Е. Кузьмина. Могильник Заманбаба, с. 25.

[32] А. Аскаров. Древнеземледельческая культура юга Узбекистана. Таш., 1977, табл. XLVII, *5, 6, 9, 10, 14*; табл. XLVIII, *11*.

[33] Там же, табл. XI б, *1, 2, 7*.

[34] Там же, табл. XI, 9, 10; табл. XII, *1, 2, 15*; табл. XVI, *6, 7, 9*.

[35] Я. Г. Гулямов, У. Исламов, А. Аскаров. Первобытная культура, табл. V, *7*; табл. XII, *8, 9*.

[36] В. М. Массон. Древнеземледельческая культура Маргианы.— МИА. № 73. М.—Л., 1959, табл. XXXIX, *2*.

[37] А. Аскаров. Древнеземледельческая культура, табл. XLVIII, *10, 12*.

[38] Я. Г. Гулямов, У. Исламов, А. Аскаров. Первобытная культура, табл. X а, *2, 4*.

[39] А. Аскаров. Древнеземледельческая культура, табл. XXII, *14—18*.

[40] Я. Г. Гулямов, У. Исламов, А. Аскаров. Первобытная культура, табл. VII, *1, 2*; табл. XIV б, *3, 5, 6*; табл. XV, *10*.

[41] Там же, табл. V, *1*.

[42] Там же, табл. V, *3*.

[43] Е. Е. Кузьмина. Могильник Заманбаба, с. 27.

[44] А. Аскаров. Древнеземледельческая культура, табл. XLI, *13—16*.

[45] Там же, табл. XXXVII, *2, 4, 7, 9—12*.

[46] Там же, табл. XLIII, 1; табл. XLIV, *1*; табл. XLIV, *2, 3*; табл. XLV, *13, 21, 23*.

[47] В. И. Сарианиди. Исследование памятников Дашлинского оазиса, табл. III.

[48] А. Аскаров. Древнеземледельческая культура, с. 105.

[49] А. М. Мандельштам. Памятники эпохи бронзы, с. 92.

[50] Эта статья находилась в печати, когда вышла в свет статья В. И. Сарианиди «К вопросу о культуре Заманбаба» (Этнография и археология Средней Азии. М., 1979, с. 23—28), также посвященная проблеме передатировки заманбабинской культуры. В. И. Сарианиди, основываясь на новых материалах из Северного Афганистана, предлагает датировать культуру Заманбаба рубежом II и I тысячелетий до н. э. *Ред.*

А. В. Оськин

СИМВОЛИКА НЕБЕСНЫХ СВЕТИЛ В ПЕТРОГЛИФАХ ВНУТРЕННИХ КЫЗЫЛКУМОВ

В результате обработки петроглифических материалов горного района Букантау нам удалось выделить неоднократно повторяющуюся композиционную ситуацию, которая заслуживает самого пристального внимания. Этот интерес обусловлен возможной оригинальной интерпретацией такого сюжета, связанной с символикой небесных светил.

Выявление этой композиции, ее смысловых связей позволяет иногда объединить ее элементы, хотя они могут быть выполнены в различной технической манере. В свою очередь, это помогает разобраться в стратиграфии многослойных изображений, а если возможно найти достаточно надежно датированные аналогии той или иной композиции, мы можем приблизиться и к ее датировке.

В урочище Уру у колодца Кырбукан среди многочисленного комплекса наскальных изображений имеется базальтовая плита, содержащая интересующие нас рисунки [1]. Это изображения жеребцов с ярко выраженными половыми признаками (рис. 12—15). Силуэты животных забиты ровной мелкоточечной ретушью с предварительно выбитым контуром фигур. Патина изображений темная, но она светлее патины основной поверхности камня.

Перед каждым животным выбита группа точек, иногда сформированная в некое подобие окружности. Точки не имеют контура и воспринимаются как нечто аморфное и случайное, мало увязывающееся с четким и конкретным рисунком, расположенным рядом. Патина точек та же, что и патина на изображениях жеребцов. Как сами рисунки, так и точки на поверхности камня заглублены весьма незначительно — здесь снята лишь корка пустынного загара.

У родника Бохали на базальтовых выходах скопировано изображение бактриана, у которого ноги и горбы соединены в кольцо. Между горбами и ногами фигуры выбиты группы точек (рис. 16). В этом же комплексе имеется схематичная фигура верблюда с соединенными ногами и группой точек между горбами (рис. 17).

С похожей композиционной ситуацией мы встречаемся в Ойбохансае. Здесь скопирована силуэтная пара противостоящих друг другу бактрианов-самцов. У правой фигуры между ногами

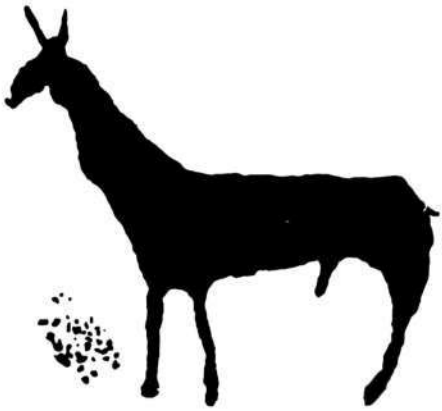

Рис. 12. Колодец Кырбукан, дайка 1, камень № 16. Фигура 2

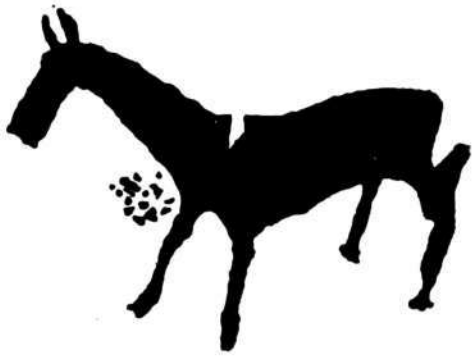

Рис. 13. То же. Фигура 11

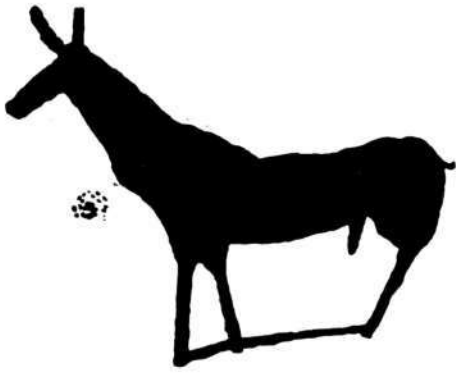

Рис. 14. То же. Фигура 13

Рис. 15. То же. Фигура 15

под изображением полового признака самца выбита группа точек (рис. 18).

В данной публикации мы не можем привести аналогичных примеров из Букантау во всей их полноте. Подобные композиционные построения отмечены нами у колодцев Косем, Чиили[2], Кырбукан. Встретились мы с ними в композициях Уру, Аркара и др. Эти находки позволяют предполагать, что данные комбинации в нашем изобразительном материале — явление не случайное и они содержат в себе определенную тематическую нагрузку. Иными словами, перед нами какой-то пиктографический текст, определяющийся постоянными иконографическими признаками. Что это за материал, о чем он мог повествовать, мы не знаем. Можно лишь констатировать несомненную связь между изображением животного и знаком в виде группы точек. Мы не ставим своей задачей расшифровку смысла подобных композиций в целом. Нам важно установить возможную семантику самого знака (группы точек), что, на наш взгляд, в отдельных случаях представляется возможным. Наиболее вероятной в этих

Рис. 16. Родник Бохали. Фигура двугорбого верблюда

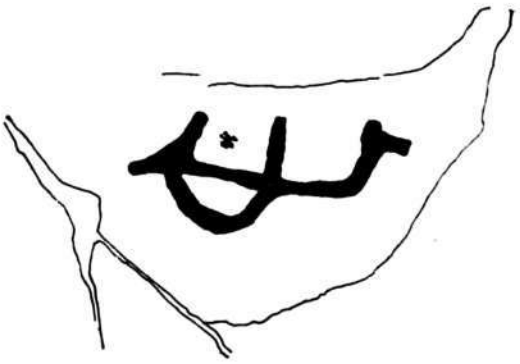

Рис. 17. То же. Схематическая фигура верблюда

Рис. 18. Родник Бохали, урочище Ойбохансай. Пара самцов-бактрианов

композициях может служить трактовка группы точек как символа небесного светила. Луны или солнца — это вопрос особый. Можно предполагать, что в смысловой нагрузке изображений одним из компонентов являются космогонические представления создателей этих рисунков.

Для подтверждения наших наблюдений необходимо обратиться к знакам, которые уже давно признаны солярными символами. Прежде всего следует остановиться на знаках креста либо креста в круге, во множестве представленных на скалах Букантау. В кызылкумских материалах имеются такие знаки, выбитые отдельно, и серия фигур, в которых крест или крест в круге составляют в общем контуре единую композицию, например, с фигурой животного.

На одном из камней Кырбукана среди отдельно выполненных фигур животных и крестов имеются два изображения животных, у одного из которых на спине выбита стойка, увенчанная крестом в круге (рис. 19). Второе изображение — фигура жи-

Рис. 19. Колодец Кырбукан, дайка 1, камень № 20. Фигура 8.

Рис. 20. То же. Фигура 16

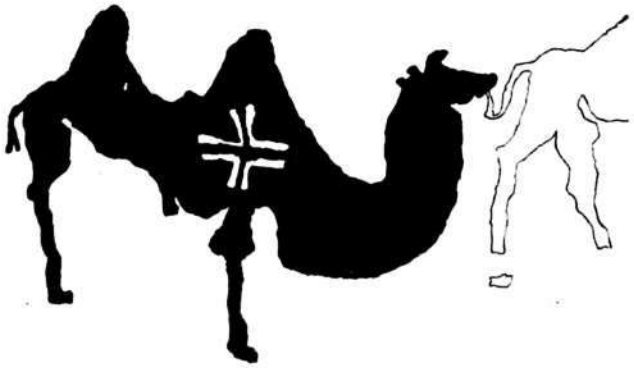

Рис. 21. Родник Бохали, урочище Аркар. Фигура двугорбого верблюда

вотного, у которого подобная «стойка» с крестом в круге опускается от шеи вниз (рис. 20) [3]. В урочище Аркар нами выявлено изображение верблюда-самца, на теле которого выбит крест (рис. 21). Этот рисунок интересен прежде всего тем, что фигуру креста составляет нетронутая поверхность камня на фоне выбитого силуэта бактриана. Изображение дает нам пример несомненно одновременного исполнения двух фигур — фигуры креста и фигуры животного. Отмеченные композиции и техника их выполнения позволяют предположить, что фигура животного с группой точек — лишь вариант той же схемы.

В литературе широко известны изображения животных, выполненные в едином композиционном построении с символом небесного светила. Например, мифическая небесная корова с солнечным диском между рогами из древнего Египта или галопирующая лошадь на солнечном диске из Айдашинской пещеры, использованные А. П. Окладниковым и А. И. Мартыновым для анализа солярной символики на томских писаницах [4]. На мате-

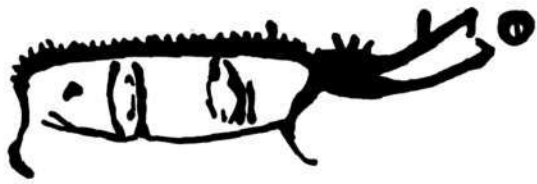

Рис. 22. Село Шишкино. Чудовище, проглатывающее светило

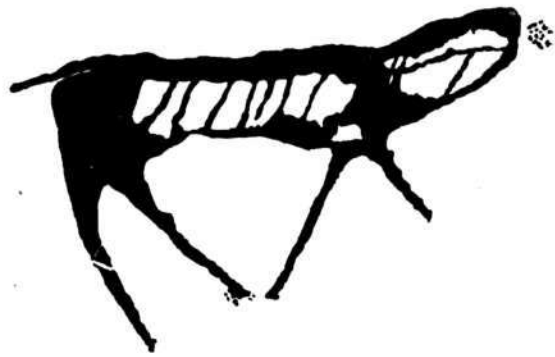

Рис. 23. Колодец Кырбукан, дайка 1, камень № 15. Фигура 1

риалах петроглифов Кызылкумов, как представляется, можно расширить рамки круга этого сюжета, введя в научный оборот иные графические выражения подобной символики. Можно предполагать, что в определенных случаях и отдельная группа точек является символом небесного светила. Затруднение состоит в том, что мы пока не можем сказать, какой это символ: солярный или лунарный. В этом плане интересна позиция А. П. Окладникова в связи с находкой в Шишкино изображения чудовища, перед мордой которого круг с вертикальной чертой (рис. 22) [5]. В популярной работе о петроглифах Сибири этот знак А. П. Окладников осторожно относит к солярно-лунарной символике, отдавая все же некоторое предпочтение идее связи с культом солнца [6]. Возможно, осторожность исследователя вызвана вертикальной чертой, так как знак солнца мы привыкли видеть в виде сплошного диска либо в виде каких-то иных начертательных символов, широко распространенных в древнем искусстве,— розетки, точки с лучами, креста и т. п. Вертикальная черта в круге из Шишкино напоминает нам о полумесяце. Широко распространившийся в эпоху бронзы сюжет дракона, проглатывающего солнце, который нашел свое отражение на шишкинских скалах, был известен и древним жителям Кызылкумов. У колодца Кырбукан на гребне гранитной гряды выбита подобная композиция [7]. Самое примечательное в ней то, что вместо круга перед мордой чудовища выбита группа точек (рис. 23).

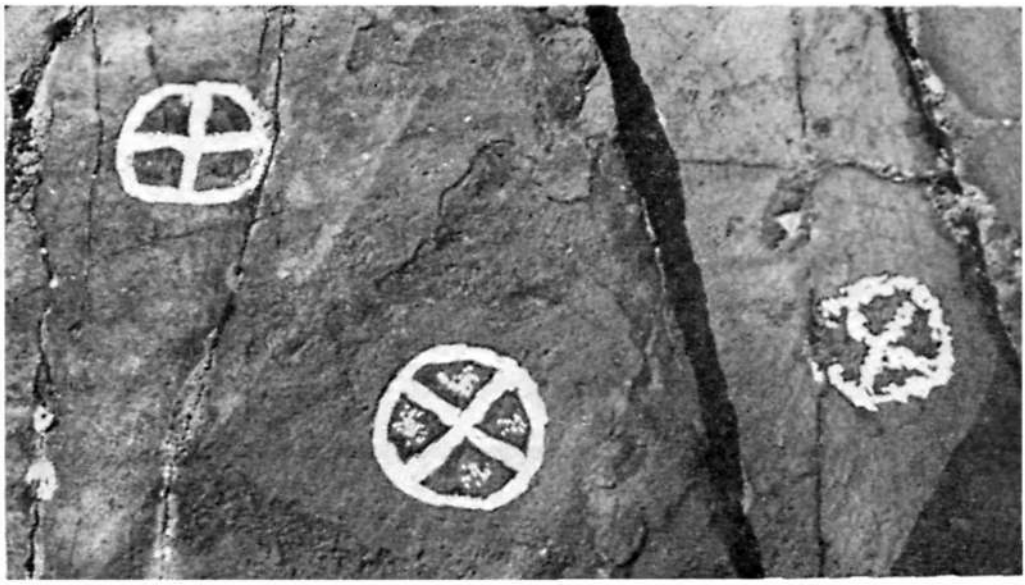

Рис. 24. Колодец Аркар, *нижний ярус. Группа солярных знаков*

В этих двух близких композициях нам удается проследить взаимозаменяемость графических элементов в однотипных изобразительных сюжетах, бытовавших в различных регионах. Наряду с этим следует упомянуть еще об одной находке из Букантау, в урочище Аркар. В одном из образцов фигуры креста в круге между его лучами выбиты группы точек (рис. 24). Этот элемент в комплексе со всеми приведенными нами изображениями позволяет нам с еще большей вероятностью предполагать, что группа точек в определенном иконографическом контексте может являть собой именно солярный символ.

Это наблюдение, возможно, подтверждается еще одним примером. Среди петроглифов Кызылкумов удалось выявить повторяющуюся композицию, которая, как мы полагаем, была связана с древним примитивным картографированием при помощи пиктограммы[8]. Часто в графических вариантах данного сюжета солярный символ выступает в виде группы точек. По-видимому, этот графический прием был характерен для данного региона. Находка последнего полевого сезона дала еще один пример взаимозаменяемости фигур солярной символики. В характерной иконографической схеме (стопа человека+солярный знак) группа точек заменена фигурой креста (рис. 25). Возможным кажется, что эта композиция имеет иную смысловую нагрузку, нежели пиктограммы, связанные с картографированием. Но схема, традиционная для наскальных изображений Внутренних Кызылкумов, проявляет себя и здесь с достаточной очевидностью. Мы не касаемся сейчас смысла новой композиции. В данном случае важно лишь еще раз подчеркнуть какие-то

Рис. 25. Колодец Аркар, нижний ярус. Композиция фигуры животного, креста и стопы человека

строгие, общепринятые и общепонятные нормы в творчестве древних художников Кызылкумов. Что касается датировки последней находки, то ее можно предложить лишь очень условно. Прямых аналогий ей нет. Своеобразно здесь композиционное построение — запрокинутая голова животного с поворотом назад и какая-то пиктограмма над его спиной и человеческая стопа. Недостаточно понятная сама по себе композиция все же заставляет нас вспомнить печати из Мохенджо-Даро и Передней Азии. Фигуры различны, но принципиальная схема композиции одинакова — животное, над спиной которого какие-то знаки. Интересны в плане сравнения и печати II тысячелетия до н. э. из Южной Туркмении [9].

Для нас важно было установить смысл знака в виде группы точек. Все приведенные материалы как будто не противоречат нашим выводам о том, что в рамках определенного изобразительного контекста группу точек можно интерпретировать как солярный символ. В то же время надо особо подчеркнуть, что это можно делать только в определенных ситуациях, так как значение групп точек может быть необычайно широким.

Рис. 26. Бугор Каратюбе. Композиция из ножниц и группы точек

Рис. 27. Каратюбе 3. Композиция из знаков и сабель

Во многих случаях они могут образоваться просто в результате камнепада, и фиксировать их следует с большой осмотрительностью. В тех случаях, когда они выбиты с очевидной преднамеренностью, точки могут содержать в себе и какую-то иную смысловую нагрузку. Например, в отдельных случаях это может быть отметка типа «я здесь был» или что-то в этом роде. Точки могут обозначать какую-то множественность, например животных [10]. Этот случай, приведенный С. В. Ивановым из тад-

жикских этнографических материалов, находит себе аналогию в поздних петроглифах Хорезма. Среди наскальных изображений Каратюбе, открытых в 1940 г. С. П. Толстовым [11], нам недавно удалось выявить новые рисунки. Интересна одна композиция. На скале процарапано изображение раскрытых ножниц и перед ними выбиты точки (рис. 26). Смысл ее достаточно понятен, учитывая, что стрижка овец всегда занимала одно из важных мест в хозяйстве народов Средней Азии. Датировать это изображение можно по петроглифам соседнего памятника Каратюбе-3 [12]. На одной из плит Каратюбе-3 вырезаны восточного типа сабли (рис. 27), которые могут быть условно датированы XVI—XVIII вв.[13]. По-видимому, этим же временем следует датировать и композицию с ножницами.

Подведем итог. Можно предполагать, что в определенных ситуациях знак в виде группы точек являлся символом дневного небесного светила. Предполагаемое осмысление отдельных знаков (групп точек) и некоторых композиций в петроглифах Кызылкумов позволяет заглянуть в мир представлений древних жителей Букантау. Особенно интересна фигура верблюда из Бохали (рис. 16). По-видимому, не будет большой ошибкой считать, что в образе бактриана с сомкнутыми в кольцо ногами и горбами представлена трехчленная структура мира. Верхний мир — верхнее солнце между горбами. Нижний мир — нижнее солнце в ногах у животного. Само животное — мир действительности. Трехчленная схема мира широко известна. В нашем случае важно подчеркнуть нерасчлененность в графике понятия солнца настоящего мира и мира потустороннего. Здесь мы, возможно, наблюдаем одинаковое выражение одного и того же элемента (солнца) в принципиально различных категориях: солнце мира живых и солнце мира мертвых. Различия выражены лишь в размещении символа — верхнее солнце и нижнее солнце. Может быть, та же идея скрыта в различном размещении креста в круге в двух фигурах животных из Кырбукана. Фигура животного со стойкой вверх (рис. 19) расположена на плоскости камня выше фигуры с подвеской креста в круге (рис. 20).

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] А. В. Оськин. Петроглифы Букантау. — «Природа». 1976, № 10, рис. на с. 88.

[2] А. В. Оськин. Исследование петроглифов во Внутренних Кызылкумах. Полевые исследования Института этнографии 1974 г. М., 1975, с. 104, рис. 1.

[3] А. В. Оськин. Петроглифы Букантау. Новое в этнографии и антропологии (Итоги полевых работ Института этнографии в 1973 г.). М., 1975, с. 34.

[4] А. П. Окладников, А. И. Мартынов. Сокровища томских писаниц. М., 1972, с. 221.

[5] А. П. Окладников, В. Д. Запорожская. Ленские писаницы. М.—Л., 1959, с. 58, табл. XXVI, рис. 608.

[6] А. П. Окладников. Олень золотые рога. М.—Л., 1974, с. 82.

[7] А. В. Оськин. Петроглифы Букантау. Новое в этнографии, с. 40.

[8] А. В. Оськин. К анализу символики зигзагообразных фигур в петроглифах Внутренних Кызылкумов. Всесоюзная сессия полевых этнографических и антропологических исследований 1976—1977 гг. Тезисы докладов. Ер., 1978, с. 213; он же. К вопросу о семантике одного сюжета в петроглифах Букантау.— Этнография и археология Средней Азии. М., 1979, с. 138—143.

[9] В. И. Сарианиди. В поисках страны Маргуш.— «Природа». 1976, № 9, с. 97, 98.

[10] С. В. Иванов. К вопросу об изучении стенных росписей горных таджиков.— КСИЭ АН СССР. Т. 11, 1947, с. 83.

[11] С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.—Л., 1948, с. 82.

[12] А. В. Оськин. Петроглифы Каратюбе-3.— АО 1976 г. М., 1977, с. 537.

[13] Приношу большую благодарность за определение изображений Э. Г. Аствацатурян и М. В. Горелику.

Б. И. Вайнберг

СКОТОВОДЧЕСКИЕ ПЛЕМЕНА В ДРЕВНЕМ ХОРЕЗМЕ

Географическое положение Хорезма обусловило особые отношения этого оазиса с кочевыми племенами и объединениями окружающих пустынь и полупустынь. С. П. Толстов в своих трудах показал, что Хорезм был частью сако-массагетского мира Средней Азии. Проблема взаимоотношения древнего Хорезма с кочевниками всегда занимала большое место в научных исследованиях С. П. Толстова и работах Хорезмской экспедиции [1]. Проблема «Хорезм и кочевники» имеет много аспектов, исследованных с разной полнотой. Многолетние исследования Хорезмской экспедиции в низовьях Сырдарьи [2], а также работы последних 7—8 лет вдоль Узбоя и в Закаспии, проводимые Х. Юсуповым [3], подтвердили своеобразие культуры соседних с Хорезмом кочевых и полукочевых племен, находившихся в различные исторические периоды в тесных культурных, а возможно, и политических контактах с древним Хорезмом. Аналогичные материалы дают и раскопки последних лет на Устюрте, проводившиеся В. Н. Ягодиным [4]. Проблема эта требует дальнейшего исследования, как и накопления нового материала. Для истории собственно Хорезма большой интерес представляет изучение памятников, оставленных скотоводческими (кочевыми, полукочевыми и оседлыми) племенами непосредственно в пределах Хорезмского оазиса.

С 1965 г. в пределах Левобережного Хорезма на территории Присарыкамышской дельты Амударьи велись исследования курганных могильников (раскопки могильников проводили: на Ясыгыре — О. А. Вишневская, на Тузгыре — В. А. Лоховиц, на Тумек-кичиджике и Тарым-кая — Б. И. Вайнберг, на Шахсенемском гыре — Б. И. Вайнберг, Х. Юсупов, Д. Дурдыев) [5]. В 1971 г. проводились разведочные раскопки крупного поселения раннего железного века Куюсай-2. Более поздние поселения куюсайской культуры у подножия Тарым-кая обследовались в 1974 г. Результаты этих работ опубликованы [6]. Здесь будут отмечены лишь общие, наиболее существенные итоги этих работ.

Заселение Присарыкамышской дельты Амударьи началось в эпоху неолита. В эпоху бронзы, вероятно в силу недостаточного обводнения, население не осваивало этот район.

С VII в. до н. э. начинается новый этап освоения ее, связанный с появлением здесь нового населения, оставившего памят-

ники куюсайской культуры (поселения и курганные могильники). Судя по материалам поселения Куюсай-2 (VII—VI вв. до н. э.), это были скотоводы, разводившие преимущественно крупный рогатый скот и лошадей, имевшие оседлые поселения, где зафиксировано развитие местного ремесленного производства (металлургия, гончарство, обработка кости, камня и т. д.). Поселения располагались непосредственно на берегах обводненных русел, ирригационные сооружения не обнаружены[7].

С VI в. до н. э. начался новый этап в хозяйственном освоении этой территории. Появились ирригационные сооружения, началось строительство крепостей, на смену каркасному строительству пришла сырцовая архитектура, широкое распространение получил гончарный круг; несмотря на большую роль земледелия в хозяйстве этой эпохи (кюзелигырская культура Хорезма), преобладание в стаде кюзелигырцев крупного рогатого скота, лошадей и верблюдов дало основание С. П. Толстову сделать вывод о господстве и в это время типа полукочевого скотоводства[8].

Летом 1977 г. в ближайших окрестностях Кюзелигыра автором была обнаружена скотоводческая стоянка кюзелигырцев в большой песчаной котловине, а на возвышенности Ясыгыр — неукрепленное кюзелигырское поселение на северном мысу (вне зоны ирригации) — памятник, по типу характерный тоже для скотоводов.

До начала IV в. до н. э. в пределах Присарыкамышской дельты сохраняется, очевидно, оседлое и полукочевое скотоводческое население. Интересный в этом отношении материал получен в связи с разведочными работами между возвышенностями Тарым-кая и Канга-гыром. Здесь обнаружено большое число поселений на берегах действовавших русел, не связанных с ирригацией. Без раскопок можно отметить лишь своеобразие строительной техники (большое количество камня и шлаков в стенах) и значительный процент лепной (куюсайской по облику) посуды. Представляется, что именно в связи с активным включением населения западных окраин Хорезмского оазиса вообще в систему хорезмийской государственности и культуры, что нашло свое отражение и в преобладании оссуарного обряда захоронения в курганных погребениях рубежа V—IV вв. до н. э., была заложена в этом районе крупная крепость Канга-кала, ставшая до IV в. н. э. несомненным центром этого скотоводческого по преимуществу района. Канга-кала расположена на возвышенности против более древнего укрепленного поселения местного населения — крепости Канга 2 (около V в. до н. э.) — и связана с системой действовавших протоков древних русел. Сколько-нибудь значительного ирригационного строительства в окрестностях крепости не обнаружено[9].

Значительные территории на западе Присарыкамышской дельты детально еще не обследованы, что не исключает появ-

ления здесь новых памятников кочевого и полукочевого населения.

На смену курганным могильникам куюсайской культуры, являющимся наиболее древними курганными памятниками в этом районе, приходят курганы с захоронениями в подбоях.

Пока открыт лишь один могильник с курганными захоронениями в подбоях с северной ориентировкой погребенного, предварительная датировка которого по раскопанным погребениям может быть определена IV—II или III—II вв. до н. э. (на юго-западном мысу возвышенности в могильнике Тарым-кая I). Не исключено, что это первая группа кочевого населения, появившаяся в Левобережном Хорезме, но исследование этого памятника еще впереди. Неясна сейчас и территория распространения подобных памятников.

Территория, освоенная земледельцами в IV—III вв. до н. э. в Левобережном Хорезме, охватывала лишь узкие полосы оазисов вдоль каналов, проходивших у русел Туныдарьи, Южного и Северного Даудана. Возможно, что в это время начали осваиваться и земли в зоне самого северного протока Присарыкамышской дельты — Дарьялыка, где создавались небольшие оазисы на каналах, выведенных из Дарьялыка у действовавших протоков этого русла (оазис у Девкескена или Курган-калы).

Большая часть Присарыкамышской дельты, еще значительно обводненной в это время, вряд ли пустовала. Некоторые косвенные данные об освоении ее скотоводами имеются уже и сейчас. В юго-западной группе могильника Тузгыр были обнаружены курганы с погребениями IV—II вв. до н. э.[10]. Вероятно, к этому же или более раннему времени относятся курганы южной группы Тузгыра с трупосожжениями [11].

Границы Хорезмского оазиса на западе (в исследуемом районе) с IV в. до н. э. довольно четко определяются по пограничным крепостям, расположенным на возвышенностях. Если перечислить их с юга на север — это уже упоминавшаяся Канга-кала, Бутентау I и II и, очевидно, ранний Дев-кескен. Все эти крепости существовали, как правило, и до конца античности (до IV в. н. э.) [12].

Все отмеченные выше, как, впрочем, и более поздние, памятники скотоводческого населения в Присарыкамышской дельте расположены, таким образом, внутри Хорезмского оазиса и в пределах древнехорезмийского государства, в связи с чем они представляют особый интерес.

Ко II—I вв. до н. э.— первым векам нашей эры относится новая и самая многочисленная группа памятников в Присарыкамышской дельте. Это курганы с погребениями в подбоях (под западной стенкой) и катакомбах с южной ориентировкой погребенного. Наиболее ранние погребения открыты в могильнике Тумек-кичиджик [13]. По времени с ними смыкаются погребения в юго-западной и западной группе могильника Тузгыр [14]. Новые

обширные курганные могильники этого типа обнаружены и в 1977 г. на возвышенности между Калалыгыр I и II уже в восточной части Присарыкамышской дельты (практически в нескольких километрах к югу от крепости Куня-Уаз, крупного центра античного Левобережного Хорезма). Для этой новой серии подбойно-катакомбных захоронений характерно кроме общих особенностей погребального обряда наличие костей барана в погребении, что помимо ритуала может указывать и на специфику хозяйственной деятельности этой группы населения. Если для наиболее ранних погребений из могильника Тумек-кичиджик характерна своеобразная группа чуждой Хорезму гончарной посуды, то позднее в погребениях присутствует обычная хорезмийская гончарная посуда. Никаких следов оседлых поселений вблизи могильников обнаружено не было, хотя велись интенсивные поиски их. Как уже отмечалось, ряд курганных могильников этого времени в восточной части дельты (могильники Ясыгыр I, II, III) расположены в 5—6 км от ближайших земледельческих поселений в полосе пустыни между двумя древними одновременными им оазисами. Передвижение скота на зимние пастбища в пески Заунгузских Каракумов могло происходить только через земледельческий оазис вдоль Чермен-яба. Это указывает на весьма добрососедские отношения скотоводов и земледельцев.

Наиболее удаленные от земледельческих оазисов могильники Тумек-кичиджик и Тузгыр находятся от них всего на расстоянии 15 км (крепости Шах-Сенем, Тузгыр и Акчагелин). Нет каких-либо оснований связывать отмеченные курганные могильники с оседлым земледельческим населением, так как для последнего характерен оссуарный обряд захоронения. Оссуарные могильники известны в этой зоне на развалинах Калалыгыр 1, Калалыгыр 2, около Гяур-калы и в ряде других мест. А кроме того, для наиболее ранних подбойно-катакомбных погребений характерна нехорезмийская керамика.

Интересный материал в этой же связи был получен в 1977 г. при обследовании окрестностей крепости Куюсай-кала (на возвышенности). В непосредственном соседстве у стен крепости были обнаружены остатки разрушенного оссуарного могильника и двух курганных могильников, что, вероятно, отражало смешанный характер населения крепости.

Скорее всего, мы должны констатировать, что к первым векам нашей эры у скотоводческого населения, поселившегося в пределах левобережной части Хорезмского оазиса, во-первых, установились прочные экономические отношения с населением соседних земледельческих оазисов и, во-вторых, что оно было включено в систему хорезмийской государственности. Отсутствие поселений у этой группы скотоводов, вероятное преобладание в стаде мелкого рогатого скота могут указывать на кочевой образ жизни. Вместе с тем следует учесть, что природные

ресурсы Присарыкамышской дельты в период даже самого минимального обводнения ее были достаточны для круглогодичного выпаса скота лишь в ее пределах, и что обводненное или заболоченное Сарыкамышское озеро препятствовало перекочевкам в западном (и северо-западном и юго-западном) направлении. Судя по наличию слоев первых веков нашей эры, в таких памятниках, как Канга-кала, Бутентау-кала I и II, Каладжик-баба и Курган-кала, обеспечивавшихся водой только из естественных русел и расположенных на периферии дельты, в это время русла Дарьялыка и Кангадарьи, бесспорно, были обводнены и давали сток в Сарыкамышское озеро. Кроме того, сами эти обводненные русла могли служить препятствием для перекочевок за пределы дельты. В этой связи небезынтересно отметить, что специальное обследование края плато Устюрт у чинка на участке от Девкескена до мыса Чалбурун, проводившееся в 1970 г. совместным отрядом археологов Института истории им. Ш. Батырова АН Туркменской ССР (Х. Юсупов, Д. Дурдыев) и Хорезмской экспедиции АН СССР, не выявило в этом районе курганных могильников. К северу от Дарьялыка известен лишь могильник Чаш-тепе, относящийся к более позднему времени и весьма разительно отличающийся от других курганных могильников Присарыкамышской дельты.

Таким образом, можно предположить, что весь цикл перекочевок в это время мог сводиться к передвижениям в пределах западной части Присарыкамышской дельты (восточные районы в основном были освоены земледельческим населением), охватывавшей площади примерно 80×80 км. Если признать район расположения известных ныне могильников Тузгыр и Тумеккичиджик как место зимовок, то радиус максимальных перекочевок не мог превышать 40—50 км. Никаких данных о каком-либо развитии земледелия у этих племен мы не имеем. Скорее всего, и надобности в этом не было, так как при наличии очень близкого соседства земледельческих оазисов (15—20 км) и тесных экономических связей разделение хозяйственных функций между скотоводами и земледельцами давало больший эффект. Именно в это время в оазисе к югу от Тузгыра (в районе Тузгыр-кала 2) получает широкое распространение гончарное производство. Развалины гончарных печей встречаются во многих сельских поселениях [15]. Учитывая окраинное расположение оазиса, этот факт можно объяснить лишь в связи с экономическими взаимоотношениями с кочевым населением — ремесленное производство перемещалось к окраинам оазиса, чтобы приблизиться к потребителю. В конце кушанской эпохи и особенно в кушано-афригидский период аналогичные поселения с большим количеством гончарных печей были распространены в окрестностях Гяур-калы I и II на Чермен-ябе [16].

Вероятнее всего, следствием тесных и постоянных контактов кочевников и земледельцев в это время являются случаи

захоронения очищенных от мягких тканей костей в некоторых курганных погребениях (могильники Ясыгыр, Тумек-кичиджик и, очевидно, Тузгыр), свидетельствующие об обрядовом и религиозном синкретизме. О малой подвижности скотоводов в Присарыкамышской дельте свидетельствуют и неоднократные захоронения в ряде курганов.

Но вместе с тем мы не должны забывать, что в пределах Присарыкамышской дельты в VII—IV вв. до н. э. были местные группы оседлых или полуоседлых скотоводческих племен; может быть, дальнейшие работы в этом районе выявят аналогичные памятники более позднего времени. Во всяком случае, следует подчеркнуть, что у нас пока нет оснований считать, что скотоводческие племена в Западном Хорезме в первые века нашей эры были этнически однородны.

Курганные могильники IV—V вв. изучены много хуже. Несколько погребений этого времени с различающимися обрядами захоронений (трупосожжение, подбой с северо-восточной ориентировкой погребенного, яма с нишей для сосуда и северо-западной ориентировкой погребения и др.) были раскопаны в юго-восточной части могильника на Шахсенемском гыре [17]. Могильник этот расположен у края возвышенности, ближайшего к крепости Шах-Сенем (расстояние менее ~1 км), гончарная керамика из погребений — обычная хорезмийская. Городище Шах-Сенем, как известно, имеет слои этого времени [18]. Такая территориальная близость синхронных памятников скотоводческого и земледельческого населения, вероятно, свидетельствует о продвижении скотоводов непосредственно в оазисы и, может быть, о частичном оседании их на землю. Для решения этой весьма интересной проблемы большие перспективы сулит Шахсенемский курганный некрополь.

Вероятно, аналогичный процесс можно констатировать на примере комплекса на возвышенности Мангыр. Крепость, имеющая слои только кушанского и кушано-афригидского времени, включена в систему стен, ограждающих значительные курганные группы, расположенные прямо у стен памятника и в некотором удалении от них. Ряд крупных курганов и погребальных сооружений расположены за пределами отмеченных оград, но в непосредственной близости от крепости. Раскопки одного из мелких курганов в этом комплексе, к сожалению, не дали никакого инвентаря.

Конструктивное единство всех построек комплекса дает основание предполагать хотя бы частичную синхронность захоронений в курганах и культурных слоев на крепости. Следует подчеркнуть, что весь этот комплекс базируется на естественном русле — Северном Даудане. Вместе с тем обильный керамический материал из развеянных слоев, лежащий на поверхности крепости, идентичен обычному комплексу керамики, известному по синхронным памятникам Левобережного Хорезма (например,

верхние слои Куня-Уаза, поселения у Гяур-калы на Чермен-ябе и т. д.).

Факты проникновения кочевого населения в оазисы Левобережного Хорезма отмечались и ранее по материалам из Куня-Уаза [19], Канга-калы [20] и поселений IV—V вв. к югу от Турпак-калы [21].

К первой половине — середине I тысячелетия н. э., судя по разведочным раскопкам, относится могильник Чаш-тепе или какая-то часть его [22]. Этот могильник отличается грандиозностью своих сооружений и курганов, расположен он на северной периферии Присарыкамышской дельты, ближайший к нему античный памятник — крепость Дав-кескен. Если принять во внимание данные этнографии, свидетельствующие, что кочевники, зимовавшие у чинков Устюрта на окраине Хорезма, перекочевали далеко на север через Устюрт к Эмбе [23], и вместе с тем археологические материалы, показывающие, что на территории Казахстана, например, традиционные пути перекочевок в связи со сменой сезонных пастбищ складываются уже в начале железного века [24], то, вероятно, нужно сделать вывод о том, что Чаш-тепе — могильник кочевников, хозяйственная территория которых в основном располагалась за пределами Присарыкамышской дельты.

После V в. н. э. территория Присарыкамышской дельты запустевает на несколько веков. Здесь нет не только курганных могильников скотоводов, но и поселений земледельцев. Причины этого еще неясны. Особо следует отметить, что в Левобережном Хорезме получил распространение архаический тип поселения — поселение или крепость-убежище на возвышенности, сходные с отмечаемыми античными источниками «скалами»-убежищами [25] и дожившие в кочевой среде до позднего средневековья [26]. Уже говорилось о крепости-убежище Канга-2 (около V в. до н. э.) и поселении-убежище куюсайцев на юго-западном мысу Тарым-кая (рубеж V—IV вв. до н. э.). Несомненно, к этому же типу относится и крепость Бутентау I, хотя по керамическому материалу она не отличается как будто бы от обычных хорезмийских памятников. Представляется, что наличие подобных памятников именно в Левобережном Хорезме связано с его хозяйственной спецификой — наличием скотоводческих племен на западной периферии Хорезма.

Проблема разделения труда между земледельцами и скотоводами в Хорезме требует еще своей разработки. Кроме отмеченных выше фактов следует обратить внимание на постепенное увеличение удельного веса мелкого рогатого скота в стаде, отмеченное В. И. Цалкиным по материалам памятников Хорезма (например, Кой-Крылган-кала и Топрак-кала) [27]. Это обстоятельство, может быть, находит объяснение в связи со специализацией скотоводческого хозяйства и активным развитием обмена между скотоводами и земледельцами в Хорезме.

Природные возможности Правобережного Хорезма были иными. Там в пределах оазиса не было таких крупных пастбищных зон, иными были и условия обводнения. И хотя выделение скотоводческих групп населения фиксируется уже по материалам эпохи бронзы и раннего железа [28], для более позднего времени мы не имеем (пока, во всяком случае) бесспорных памятников скотоводческих племен на этой территории, хотя некоторые данные о материальной культуре первых веков нашей эры свидетельствуют об оседании и здесь кочевых племен — я имею в виду комплекс лепной светлоангобированной керамики, ярко выявленный в материалах с Кой-Крылган-калы и характерный для синхронных памятников преимущественно Правобережного Хорезма [29].

Определение этнической принадлежности разных групп отмеченных племен скотоводов довольно затруднительно из-за малого количества материалов по многим группам памятников и недостатка палеоантропологических данных.

В связи с характеристикой куюсайской культуры я высказала мнение о принадлежности ее к кругу сакских культур в широком смысле этого понятия. Исследование двух могильников этой культуры заставило обратить внимание на существенные отличия куюсайского погребального обряда от собственно сакского (прежде всего отсутствие «скифской триады»). Вполне возможно, что куюсайцы — это группа ираноязычных скотоводческих племен, уже продвинувшаяся к VII в. до н. э. к северным границам Ирана и переселившаяся оттуда в Хорезм в середине VII в. до н. э.

Несколько раскопанных курганов с захоронениями в подбоях с северной ориентировкой в могильнике Тарым-кая I обращают на себя внимание в связи со сходством обряда захоронения с кушанским (по материалам А. М. Мандельштама) [30]. Отсутствие сходных памятников в других могильниках Хорезма и севера Средней Азии вообще требует серьезного исследования и своего объяснения.

Уже в связи с исследованием вопроса о происхождении династии древнего Хорезма, чеканившей монету, я высказала предположение о связи наиболее массовой группы курганных могильников с захоронениями в подбоях и катакомбах с южной ориентировкой с юечжийской группой племен, отличной от кушан и принадлежавшей к сарматскому кругу племен (в широком смысле этого понятия) [31]. В последней своей статье А. М. Мандельштам высказал мнение, близкое к моему заключению о наличии восточной группы сарматских племен, но он связывает их лишь с одной категорией памятников — катакомбами с южной ориентировкой [32]. Раскопки могильников в древнем Хорезме показывают, что катакомбы этого типа всегда встречаются только в сочетании с подбоями с южной ориентировкой и нигде и в других районах Средней Азии не выделяют-

ся в отдельные могильники, так что рассматривать их тоже нужно вместе.

Данных о проникновении в Хорезм племен с Сырдарьи по материалам курганных могильников практически нет. Предварительно такие материалы (керамические) дает могильник Чаштепе, но этого материала очень мало [33].

Таким образом, западная периферия Хорезма предстает перед нами по имеющимся материалам как постоянный район расселения скотоводческих племен, тесно связанных с оседлым земледельческим населением Хорезма. Именно эти племена и могли обеспечивать постоянную охрану границ Хорезмского оазиса от набегов соседних кочевников. Аналогичную картину можно отметить и для позднесредневекового Хорезма по материалам письменных источников и археологии.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, с. 20—27, 202 и сл., 211 и сл.; он же. По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948, с. 37—62, 91 и сл.; он же. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962, с. 77 и сл., 96 и сл., 136 и сл., 273 и сл.

[2] С. П. Толстов. По древним дельтам Окса и Яксарта, с. 77—88, 136—204, 273—294.

[3] Х. Юсупов. Археологические работы в предгорьях Северо-Западного Копет-Дага и между Сарыкамышем и Кизыл-Арватом.— Каракумские древности. Вып. 4. Аш., 1972, с. 122—127; он же. Результаты археологических работ в Северо-Западной Туркмении весной 1971 г.— Каракумские древности. Вып. 5. Аш., 1977, с. 111—133; он же. Результаты археологических работ в Северо-Западной Туркмении весной 1972 г.— Каракумские древности. Вып. 6. Аш., 1977, с. 22—28; он же. Результаты археологических работ в Северо-Западной Туркмении весной 1973 г.— Каракумские древности. Вып. 7. Аш., 1978, с. 49—74; он же. Курганные памятники вдоль верхнего Узбоя.— Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 г. в СССР. Таш., 1973, с. 118—119; он же. Новые археологические материалы Верхнего Узбоя.— Каракумские древности. Вып. 8. Аш., 1979, с. 6—26.

[4] Древняя и средневековая культура Юго-Восточного Устюрта. Гл. 3. Таш., 1978.

[5] Подробнее историю исследования памятников и библиографию работ см.: Б. И. Вайнберг. Курганные могильники Северной Туркмении.— Кочевники на границах Хорезма (ТХАЭЭ. Т. 11). М., 1979, с. 167—177.

[6] Б. И. Вайнберг. Новая культура раннего железного века в Левобережном Хорезме.— АО 1971 г. М., 1972, с. 530—531; она же. Могильник Тумек-кичиджик в Северной Туркмении.— АО 1972 г. М., 1973, с. 475—476; она же. Новые памятники куюсайской культуры в Северной Туркмении.— АО 1974 г. М., 1975, с. 518; она же. Куюсайская культура раннего железного века в Присарыкамышской дельте Амударьи.— УСА. Вып. 3. Л., 1975, с. 42 и сл.; она же. Памятник раннего железного века в Северной Туркмении.— Каракумские древности. Вып. 5. Аш., 1977, с. 25 и сл.; она же. Памятники куюсайской культуры.— Кочевники на границах Хорезма, с. 7—76.

[7] Б. И. Вайнберг. Памятники куюсайской культуры.— Кочевники на границах Хорезма, с. 7—27.

[8] С. П. Толстов. По древним дельтам Окса и Яксарта, с. 104.

[9] Б. В. Андрианов. Древние оросительные системы Приаралья. М., 1969, с. 151 и сл., рис. 42, Д.

[10] С. А. Трудновская. Ранние погребения юго-западной курганной группы могильника Туз-гыр.— Кочевники на границах Хорезма, с. 101—110.

[11] Б. И. Вайнберг. Курганные могильники, с. 167 и сл.

[12] С. П. Толстов. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг.— ТХАЭЭ. Т. 2. М., 1958, с. 70 и сл., 81 и сл.

[13] В. А. Лоховиц. Подбойно-катакомбные и коллективные погребения курганного могильника Тумек-кичиджик.— Кочевники на границах Хорезма, с. 134—150.

[14] Кочевники на границах Хорезма, с. 111—133.

[15] Общее обследование этого района производилось в 1970 г. совместным отрядом Института истории АН ТуркмССР и Хорезмской экспедиции с участием автора. Специально сельские поселения этого района изучала Е. Е. Неразик. См. Е. Е. Неразик. Сельское жилище в Хорезме (I—XIV вв.).— ТХАЭЭ. Т. 9. М., 1976, с. 17 и сл.

[16] Материалы обследования 1968 г., проводившегося автором в составе архитектурно-археологического отряда Хорезмской экспедиции (начальник отряда М. С. Лапиров-Скобло); см. также: Е. Е. Неразик. Сельское жилище в Хорезме, с. 17.

[17] Х. Юсупов. Курганы Шахсенем-кыра.— История и археология Средней Азии. Аш., 1978, с. 128—137.

[18] С. П. Толстов. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1949—1953 гг., с. 219 и сл.; Ю. А. Рапопорт. Раскопки городища Шах-Сенем в 1952 г.— ТХАЭЭ. Т. 2. М., 1959, с. 397 и сл.

[19] С. П. Толстов. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, с. 216—218; Е. Е. Неразик. Археологическое обследование городища Куня-Уаз в 1952.— ТХАЭЭ. Т. 2. М., 1958, с. 367 и сл.; она же. Сельские поселения афригидского Хорезма. М., 1966, с. 122 и сл.

[20] С. П. Толстов. По древним дельтам Окса и Яксарта, с. 230 и сл.

[21] С. П. Толстов. Работы Хорезмской экспедиции.— АО 1969 г. М., 1970, с. 400; Е. Е. Неразик. Сельское жилище, с. 48 и сл.

[22] Е. Е. Неразик. Сельские поселения афригидского Хорезма, с. 124; Ю. А. Рапопорт, С. А. Трудновская. Могильник Чаш-тепе.— Кочевники на границах Хорезма, с. 151—166.

[23] Особенности сельского хозяйства Адаевского уезда. Л., 1929, с. 87; Г. П. Васильева. Итоги работ Туркменского отряда Хорезмской экспедиции за 1948 г.— ТХАЭЭ. Т. 1. М., 1952, с. 453.

[24] К. А. Акишев. К проблеме происхождения номадизма в аридной зоне древнего Казахстана.— Поиски и раскопки в Казахстане. А.-А., 1972, с. 31 и сл.

[25] См., например: Страбон, XI, XI, 4; Арриан, IV, 18, 21, 28 и др.

[26] См. по этому поводу: История Туркменской ССР. Т. 1. Кн. 1. Аш., 1957, с. 382.

[27] В. И. Цалкин. Древнее животноводство племен Восточной Европы и Средней Азии. М., 1966, с. 150—151.

[28] М. А. Итина. История степных племен Южного Приаралья (II — начало I тысячелетия до н. э.).— ТХАЭЭ. Т. 10. М., 1977, с. 167—172, 185 и сл.

[29] Кой-Крылган-кала — памятник культуры древнего Хорезма IV в. до н. э.— IV в. н. э.— ТХАЭЭ. Т. 5. М., 1967, с. 122—126, 130.

[30] А. М. Мандельштам. Кочевники на пути в Индию.— МИА. № 136. М.—Л., 1966, с. 80 и сл.

[31] Б. И. Вайнберг. Монеты древнего Хорезма. М., 1977, с. 73—77.

[32] А. М. Мандельштам. Об одном археологическом аспекте кушанской проблемы.— Проблемы советской археологии. М., 1978, с. 139—141.

[33] Е. Е. Неразик. Сельские поселения афригидского Хорезма, с. 124—125.

Х. Ю. Юсупов

ПАМЯТНИКИ ДРЕВНИХ КОЧЕВНИКОВ ЗАУЗБОЙСКОГО ПЛАТО (ЧОЛИНКЫР)

В 50-х годах сотрудниками Хорезмской археолого-этнографической экспедиции Института этнографии АН СССР было положено начало систематическому исследованию археологических памятников вдоль русла Узбоя.

Наряду с обследованием поселений, караван-сараев и крепости (Игды-кала), относящихся к древнему и средневековому периодам, был собран интересный материал с развеянных первобытных стоянок, датированный исследователями IV—III тысячелетиями до н. э. В результате изучения кремневого инвентаря были выделены верхнеузбойская (локальный вариант кельтеминарской) и нижнеузбойская культуры, синхронные по времени [1].

Новые сборы последних лет, давшие интересный и многочисленный материал, с известных ранее и вновь открытых стоянок (материалы с верхнего Узбоя получены в 1976 г.[2], с нижнего — в 1977 г.), типологический, морфологический и трасеологический анализы его, а также аналогии с материалами из слоев памятников Прикаспия (Джебел, Дам-Дам-чешме) позволили отодвинуть время заселения как верхнего, так и нижнего Узбоя в ранний неолит, финальный мезолит. Этой точки зрения, отразившейся в отчете А. Ф. Ганялина, придерживался А. А. Марущенко, характеризуя кремневый материал, собранный в 1952 г. между урочищами Куртышбаба и Джамал-Тоголак[3]. Разделяют ее и П. И. Борисковский[4] — на основании сбора кремневого инвентаря геологами В. В. Шумовым и Н. П. Лупповым — и Г. Ф. Коробкова — в результате предварительной обработки неопубликованного материала 1977 г.[5].

В последние годы вдоль верхнего Узбоя на участке от урочища Чырышлы до урочища Гаррыгечид выявлены в большом количестве погребальные склепы и курганные памятники, датируемые в пределах IV в. до н. э.— IV в. н. э.

В предлагаемом сообщении речь идет о результатах работ в полевые сезоны 1976—1977 гг., когда объектом исследования стали памятники на среднем Узбое, на отдельно выступающих возвышенностях на плато Чолинкыр (Ханалы и Ялкым).

Возвышенность Ханалы расположена западнее Дордуля, имеет удлиненно-овальный вид и вытянута по направлению юго-запад — северо-восток. Одиночные или парные «курганы», представляющие наземные склепы (семейные или родовые усыпаль-

ницы), открыты на самых высоких точках возвышенности. Здесь раскопано 12 таких сооружений, называемых нами по традиции курганами.

Курган № 1 расположен на самой северо-восточной оконечности возвышенности, на ровной поверхности в ее юго-западной части. Диаметр круглой в плане насыпи — 10 м, высота — около 0,50 м. В северной и южной части насыпи обнаружены кучи камней. Разбор куч камней и расчистка земли ничего не дали.

Курган № 2, расположенный примерно в 100 м западнее кургана № 1,— это всхолмление диаметром 8 м, высотой около 1 м. Поверхность его сплошь усыпана камнями, а в северной части воздвигнут знак — тур. После расчистки завала камней в центре насыпи выявлена погребальная камера, трапециевидная в плане, ориентированная по линии север — юг, размерами 1×1,25×1,50×2,40 м, стены сохранились на высоту до 1 м, толщина их около 1,5 м. Внутри камеры по всему полу разбросаны костяки восьми погребенных очень плохой сохранности. В разных участках камеры подобраны обломки от сероглиняного лепного горшочка, пряслице из стенки кругового сосуда, серьги из бронзы с утолщенными несомкнутыми концами.

Курган № 3 расположен в 30 м южнее кургана № 2. Это небольшая округлая насыпь диаметром около 4 м, высотой 0,20 м. При расчистке не выявлено ни планировки, ни находок.

Курган № 4 расположен на небольшом останце в понижении между северо-восточным и юго-западным массивами этой возвышенности. Диаметр округлой в плане курганной насыпи — 6 м, высота — около 1 м. В центре насыпи — западина, оконтуривающая верх погребальной камеры. Раскопанная прямоугольная в плане камера ориентирована длинной осью по линии север — юг. Размеры камеры 1,65×2,50, высота сохранившихся стен — 1,40 м, толщина — 1,30 м. Стены камеры имеют кверху напуск. По всему полу камеры разбросаны плохой сохранности кости и черепа от трех скелетов. Сопровождающий инвентарь очень беден. Найдены пряслица из известняка, несколько маленьких бусин желтого цвета, обломки сероглиняного лепного горшка-костехранилища, по форме и фактуре аналогичного сосудам из курганных памятников Дордуля.

Курган № 5 расположен на небольшой сопке, находящейся в понижении между возвышенностями. Насыпь в плане круглая, диаметром 7 м, высотой около 1 м.

В центре насыпи выявлена прямоугольная камера, ориентированная почти на север — юг, размерами 1,30×1,50×2,15× ×2,35 м, высота стен — около 1 м, толщина — 1,50 м. Стены камеры сложены из крупных плит с напуском кверху. Вдоль восточной стены камеры лежит погребенный в вытянутом положении на спине, головой на юг. Правая рука сохранилась полностью и вытянута вдоль туловища, а левая частично потрево-

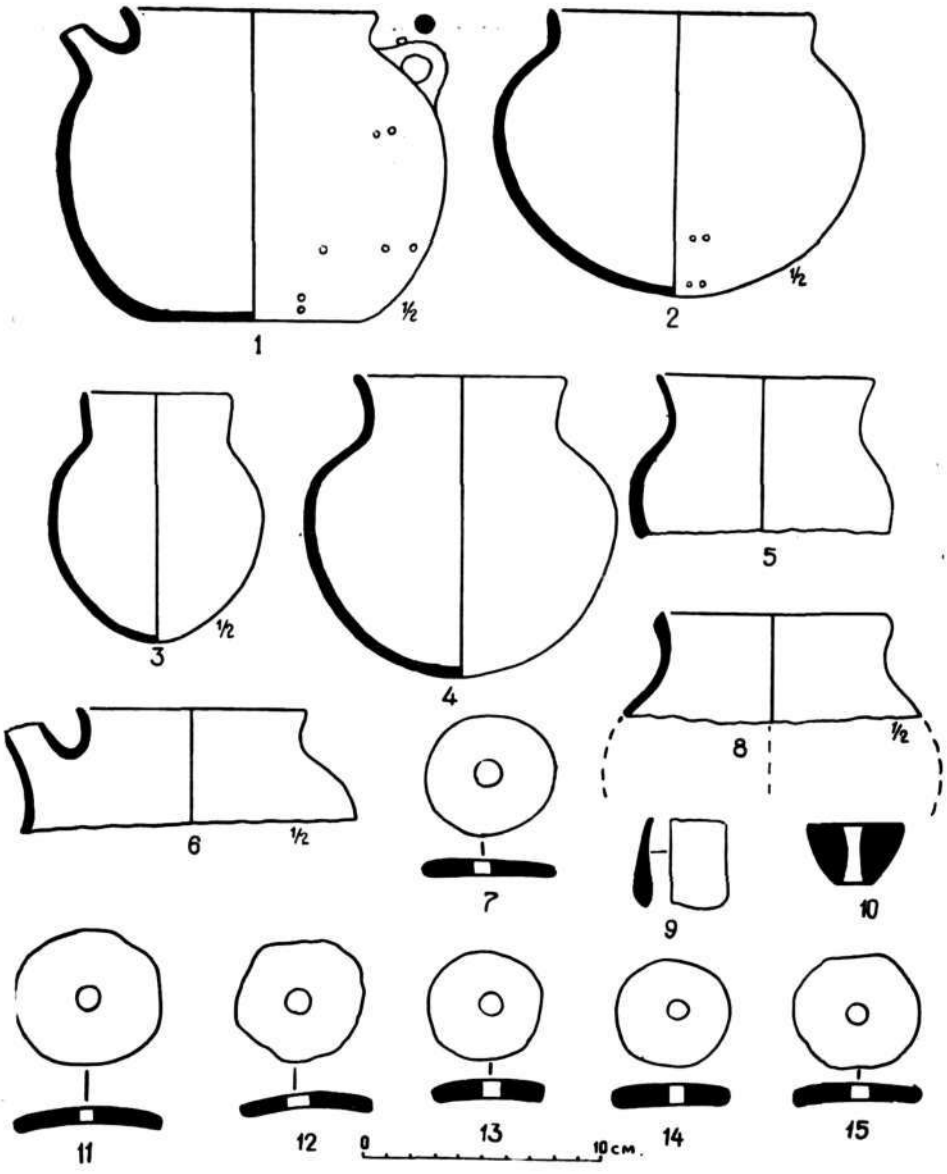

Рис. 28. Керамика из курганных памятников Ханалы

жена грызунами. Длина костяка — около 1,70 м. С левой стороны головы поставлен деревянный сосудик, плохой сохранности. Вдоль западной стены также лежал погребенный в вытянутом положении на спине, головой на юг. Правая половина костяка потревожена грызунами. Бедренные кости второго погребенного были перекрещены; череп лежал на левой стороне, нижняя челюсть находилась за теменем. Между позвоночником и черепом лежал круглодонный сероглиняный горшочек с раздутым туловом, ярко выраженной шейкой и слегка отогнутым простым венчиком (рис. 28, *3*). Поверхность сосуда покрыта жидким кремовым ангобом. В северо-западном углу камеры найден ко-

стяк третьего погребения, позвонки которого лежали в анатомическом порядке.

Курган № 6 расположен примерно в 500 м юго-западнее кургана № 5, на восточной части южной половины Ханалы-кыра. Насыпь представляет собой округло-овальное в плане всхолмление диаметром около 5 м, высотой около 0,5 м. В центре всхолмления выявлена прямоугольного плана камера, ориентированная длинной осью на север — юг, с небольшим отклонением. Размеры камеры — 2×2,50 м, высота стен — 0,70 м. В слое в 40—45 см от пола камеры вперемешку с землей и камнями разбросаны костяки десяти погребенных (на разных уровнях). Среди костяков найдены пряслице из стенки лепного сосуда (рис. 28, *12*) и каменное пряслице (рис. 28, *13*), обломок точильного камня (рис. 28, *9*), бронзовые серьги с утолщенными несомкнутыми концами, серьги меньшего размера, одна сердоликовая бусина и четыре бусины из стеклянной пасты. Обломками представлен лепной горшок среднего размера.

Курган № 7 расположен в 1 км юго-западнее кургана № 6 на юго-западной оконечности уплощенного кыра. Курган представляет собой овальное всхолмление диаметром около 6 м, высотой около 1 м. В центре всхолмления собраны крупные плиты, видимо, от разрушенного тура. Поверхность всхолмления сплошь покрыта наклонно и плашмя лежащими плитами. В юго-восточном углу всхолмления выступает завал камней длиной 3,50 м, высотой около 0,50 м — видимо, лестница. В центре всхолмления выявлена подпрямоугольная камера, ориентированная почти на север — юг, боковые стены слегка расширяются у основания. Размеры камеры — 1,25×1,50×2,15×2 м, высота — 1 м (кладка стен состоит из 9 камней, кверху с напуском), толщина стен — 1,50 м. По всей камере на разных уровнях найдены фрагменты костяков трех погребенных и сероглиняный лепной круглодонный горшок с раздутым туловом, покатыми плечиками с ярко выраженной шейкой, слегка отогнутым простым венчиком. В тесте есть примеси, белые вкрапления.

Курган № 8 расположен в 20 м к северу от кургана № 7. Насыпь представляет собой каменное всхолмление, округло-овальное в плане диаметром около 7 м, высотой более 1 м, сплошь покрытое крупными плитами ракушечника. В центре насыпи собрана куча камней в виде тура. В центре всхолмления выявлена прямоугольная камера, сооруженная плашмя поставленными плитами с напуском кверху. Боковые стены у основания камеры слегка расширяются. Размеры камеры—1,55×2,25 м, высота сохранившихся стен — 1,30 м, толщина стен — около 2 м. В слое около 1 м толщиной от пола разбросаны кости 15 погребенных. На ряде участков кости и черепа собраны в кучи. Среди костей найден сероглиняный круглодонный лепной горшок, внутри которого оказались кости двух скелетов, черепа лежали рядом. Второй сосуд — плоскодонный горшок со слегка

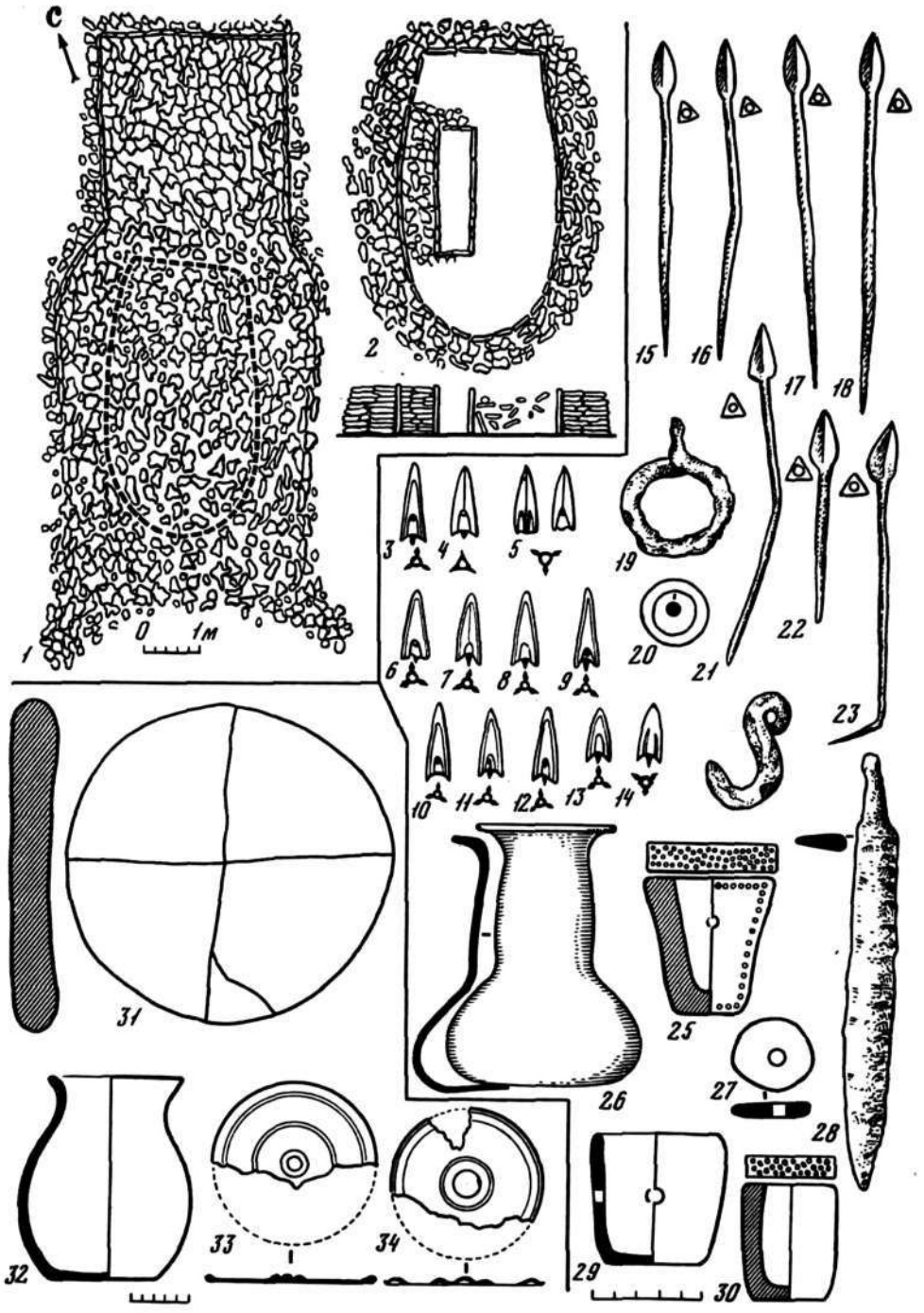

Рис. 29. Ханалыкыр:

1—2 — план и разрез кургана № 10; 3—34.— Инвентарь из погребений

отогнутым венчиком, на одном из плечиков имеется ручка, круглая в сечении, а на противоположной стороне — цилиндрический носик (рис. 28, *1*), в верхней части ручки пуговка — налеп. Сосуд несколько раз ремонтировался, о чем говорят парные отверстия в стенках сосуда. Сосуд изготовлен на гончарном круге, тесто в изломе красновато-кремовое[6]. Внутри сосуда находились кости одного скелета. Третий лепной сероглиняный сосуд представлен фрагментами, имел слегка отогнутый венчик. На плечике обломка сохранился слив (носик). Обломок очень плохой сохранности. Четвертый сосудик — сероглиняный, круглодонный горшок, внутри которого оказались кости одного скелета. Рядом с этим сосудом лежали два черепа. Удалось восстановить стеклянный сосудик (рис. 28, *26*). Найдены серьги и кольцо из бронзовой проволоки.

Курган № 9 расположен на юго-западной окраине кыра. Курганная насыпь диаметром 8 м, высотой 0,5 м. В центре насыпи выявлена прямоугольная в плане камера размерами 1,50×2,30×0,50×2 м. По полу камеры разбросаны костяки семи погребенных. Сопровождающий инвентарь — сильно фрагментированные обломки сероглиняных лепных или круговых красновато-кремового цвета сосудов.

Еще два кургана расположены примерно в 100 м северо-восточнее кургана № 9, рядом с тригонометрическим знаком.

Курган № 10, юго-восточный из этих двух, имеет насыпь удлиненно-овальной формы, ориентированную по длинной оси на север — юг. В ходе очистки была выявлена кладка, юго-восточный и юго-западный углы которой образуют «ласточкин хвост». В северной части обнаружена дополнительная постройка, примыкающая к камере кургана (рис. 29, *1*).

Камера, овальная в плане, сооружена из уложенных плашмя плит, облицованных изнутри плитами, поставленными ребром, которые вкопаны в материк на 5—10 см. Размер камеры по длинной оси — 5 м, в широкой части (восток — запад) — 3 м. Северная прямая стена — 2 м. Высота сохранившихся стен — 1,10 м, толщина стен — более 1 м. У западной стены, внутри камеры, была обнаружена поздняя постройка (камера в камере, сооруженная, видимо, топографами, случайно потревожившими часть камеры). Внутри ее обнаружены три черепа и несколько костей. Под этим сооружением и в остальной части камеры, не тронутой поздними посетителями, находился сопровождающий инвентарь вместе с останками 15 погребенных (взрослых и детей) и кости овцы.

Верхняя кладка, выступающая за пределы контура камеры, служила, видимо, в качестве дахмы, где могли оставлять до полного очищения костей (зверями или птицами) тела покойника, или имела ритуальное назначение, связанное с проводами покойника.

Сопровождающий инвентарь представлен плоскодонным

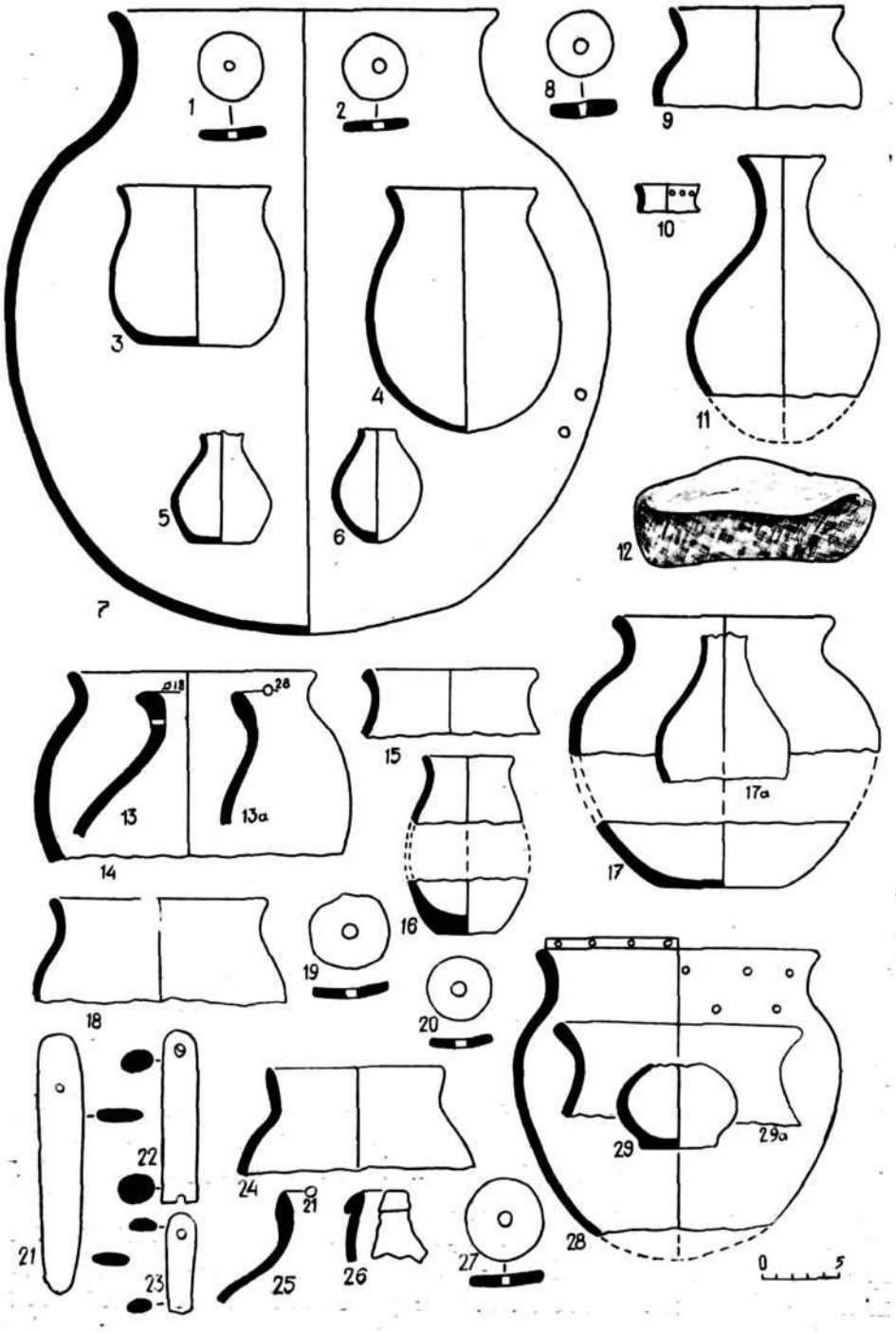

Рис. 30. Глиняные и каменные изделия из курганов на возвышенности Ялкым

светлоглиняным горшком со слегка отогнутым округлым с краев венчиком, покатыми плечиками (рис. 29, *32*). Сосуд изготовлен на гончарном круге. Тесто в изломе хорошего качества с примесью песка. Мелкими фрагментами представлены несколько круговых и лепных сосудов; найдены также известняковый диск (рис. 29, *31*) неизвестного назначения, зеленоватого цвета, 8 бронзовых трехлопастных наконечников стрел со скрытой втулкой (рис. 29, *3—14*), с опущенными жальцами, 7 железных трехгранных наконечников стрел (рис. 29, *15—23*) с длинными черешками[7], железный колчанный крючок (рис. 29, *24*), железное кольцо-пряжка с выступающим острием (рис. 29, *19*), вторая железная пряжка, меньшего размера (рис. 29, *20*), железный нож (рис. 29, *28*), обломок железного меча, часть которого была извлечена наружу и основательно разрушена (сохранившиеся фрагменты длиной 10 и 20 см), бронзовое зеркало (рис. 29, *33*), тонкая бронзовая круглая пластинка, радиально-выпуклая с одной стороны, видимо украшение (рис. 29, *34*), несколько бронзовых проволок, кремневое кресало и несколько бус разной формы из разного камня. Железные и бронзовые[8] наконечники стрел аналогичны наконечникам из курганных памятников Поволжья и Урала, датированных IV—II вв. до н. э. Эта датировка не противоречит остальному сопровождающему материалу и конструкции камеры. По внешнему виду кладки с выступающими углами в виде «ласточкиного хвоста» (?), сопровождающему инвентарю и ритуалу курган № 10 подобен кургану, раскопанному в районе Акяйла в 1974 г.

Курган № 11 расположен в 30 м северо-западнее кургана № 10. В плане это округло-овальная насыпь диаметром 9 м, высотой около 1 м. В центре его выявлена прямоугольная в плане камера размерами 1,20×1,50×2,30×2,20 м, высотой 1 м, толщина стен — 2,50 м. По всему полу камеры разбросаны костяки 10 погребенных и черепа. Сопровождающий инвентарь представлен всего одним пряслицем из стенки кругового сосуда (рис. 28, *11*).

Курган № 12 расположен на самой юго-западной части Ханалыкыр. Овальная в плане насыпь его ориентирована на север — юг (диаметр в этом направлении — 8 м, восток — запад — 6 м, высота насыпи — около 1 м). В центре кургана выявлена прямоугольная в плане камера, сооруженная из уложенных плашмя плит, длинной осью ориентированная почти по линии север — юг. Размеры камеры — 1,70×2,25, высота стен — 1,10 м, толщина — 1,90 м. По всей камере разбросаны останки шести погребений. Сопровождающим инвентарем курган беден, найдены обломки всего двух (лепного и кругового) сосудов очень плохой сохранности.

Все раскопанные курганы Ханалыкыра, кроме кургана № 10, по внешнему виду одинаковые, они имеют каменные насыпи, от-

личающиеся только размерами: это округлые, округло-овальные каменные всхолмления диаметром 4—10 м, высотой 0,50—1,20 м. В большинстве случаев в центре всхолмления выявлена прямоугольная, подпрямоугольная или трапециевидная камера, сооруженная из плашмя уложенных плит всухую, с перевязкой, чаще всего с напуском кверху.

Все курганы ограблены, оставшийся же сопровождающий инвентарь и останки покойников разрознены. Глиняные и стеклянные сосуды, украшения и сама конструкция камер позволяют ориентировочно датировать их последними веками до нашей эры и IV в. н. э.

Из этой группы по конструкции камеры и сопровождающему инвентарю выделяется курган № 10, датированный IV—II вв. до н. э.

Возвышенность Ялкым расположена на запад-юго-запад от Ханалы, между спусками к Узбою — Давали и Арбат-ёл. На этой возвышенности раскопано шесть курганов.

Курган № 1 — юго-восточный в группе из трех курганов, расположенной на юго-восточной оконечности возвышенности Ялкым. Каменная насыпь его представляла собой круглое в плане, еле заметное всхолмление диаметром 8 м, высотой 0,50 м. В центре насыпи выявлена круглая в плане камера, стены которой сложены из плашмя уложенных плит, облицованных четырьмя рядами поставленных на ребро плит; диаметр камеры — 4 м, высота — 0,50 м, толщина стен — около 2 м.

По всему полу камеры разбросаны кости и черепа плохой сохранности, принадлежащие десяти погребенным. В северо-западной части у стены камеры обнаружен закопанный до плечиков в твердый материк[9] сероглиняный горшок (рис. 30, *7*) с шаровидным туловом, покатыми плечиками, слегка отогнутым простым венчиком[10]. Внутри сосуд заполнен костями одного скелета, кости и череп очень плохой сохранности. В центре, на полу камеры, найдены шесть бронзовых трехлопастных втульчатых наконечников стрел, красноглиняный миниатюрный приземистый кувшинчик без венчика (рис. 30, *5*) и второй, гончарный, кремового теста, со слегка отогнутым простым венчиком, покатыми плечиками и раздутым туловом (отсутствует донная часть; рис. 30, *11*), пряслица из стенки сосуда и камня (рис. 30, *1—2*) и бусы.

В юго-западном и юго-восточном секторах найдены обломки гончарного сосуда. В юго-западном секторе — обломки сероглиняного горшочка, бронзовая восьмеркообразная пряжка с выступающим крючком и пуговками и большой оселок (рис. 30, *21*). В восточном секторе — кремневое кресало, маленький оселок (рис. 30, *23*) и несколько обломков железного предмета.

Курган № 2, самый северный из трех в группе, имеет округлую в плане каменную насыпь диаметром 7 м, высотой около 0,50 м. В центре собрана куча камней высотой около 1 м, види-

мо, разрушенный знак — тур. В завале обнаружена часть каменной скульптуры коня (голова и шея). Под каменным завалом выявлена подпрямоугольная камера, ориентированная длинной осью по линии север — юг. Размер камеры по оси север — юг — 2,20 м, восток — запад — 1,50 м, высота — 0,90 м, толщина стен — около 2 м. В камере обнаружен один погребенный, кости плохой сохранности. Сопровождающий инвентарь — миниатюрный каменный сосудик (рис. 30, *6*).

Курган № 3 расположен в 30 м западнее кургана № 1, имеет округлые в плане очертания насыпи, диаметр которой 7 м, высота около 0,30 м. Поверхность насыпи щебнистая, задернована, встречаются обломки плит. Местами видны края ребром поставленных плит. Расчистка выявила круглую в плане камеру, стены которой сложены из поставленных ребром небольших плит, вкопанных в материк. Диаметр круга — 4,5 м, внутри него был сплошной завал из камней. В центре круга под каменной кладкой выявлена яма, прямоугольная в плане, размерами 0,80×1,40 м, глубиной 0,20—0,25 м, ориентированная по линии восток — запад. В яме были найдены несколько разрозненных костей покойника (ребра, зубы, фаланги и позвонки). В центре ямы на дне найден двухлопастный черешковый бронзовый наконечник стрелы.

Курган № 4 расположен примерно в 1 км на запад-северо-запад от вышеописанных курганов и представляет собой овальное в плане всхолмление диаметром по линии север — юг 8 м, восток — запад — 10 м.

В западной половине насыпи выявлена прямоугольная в плане камера, сооруженная из плашмя уложенных плит, ориентированная по линии север — юг. Размеры стен камеры: северной — 1,60 м, восточной — 2,30 м, южной — 2 м и западной — 2,20 м, сохранившаяся высота — 0,90 м, толщина стен — 1,50 м. По всей площади камеры на разных уровнях были найдены обломки крупного сероглиняного сосуда — костехранилища, аналогичного по форме и фактуре горшкам из Дордульских курганов. Найдены мелкие обломки красноглиняного кругового сосуда (рис. 30, *26*). Кроме того, были найдены кремневое кресало и серьга из бронзовой проволоки и разрозненные кости очень плохой сохранности от четырех погребенных.

Перпендикулярно к восточной стене кургана пристроена еще одна камера, прямоугольная в плане, размеры которой 1×1,70 м, высота сохранившейся кладки — 1,50 м. Камера оказалась пустой, найден всего один зуб.

Ниже пола камеры обнаружены обломки костей крупного рогатого скота, лисы и альчик джейрана.

Курган № 5 расположен в 2 км юго-западнее кургана № 4, наверху выступающего мыса плато Чолинкыра. Каменная насыпь в плане круглая, диаметром 12 м, высотой более 1 м. В центре всхолмления сооружен большой знак тура. По склону

всхолмления видны ребром и плашмя лежащие плиты, оконтуривающие верх камеры.

В центре под завалом выявлено монументальное каменное сооружение — камера со стенами из плашмя уложенных крупных необработанных плит, подпрямоугольная в плане, со слегка расширенными у основания боковыми стенами, ориентированная почти точно по линии север — юг. Размеры камеры: южная стена — 1,90 м, западная — 2,65 м, северная — 2,20 м, восточная — 2,70 м. Стены сохранились на высоту 1,20 м (кладка 12 камней), толщина стен — около 3 м.

Внутри камера заполнена крупными плитами и землей. В слое над полом (около 0,50 м толщиной) вперемешку с землей разбросаны разрозненные кости и черепа 20 погребенных (детские и взрослые). Среди черепов есть деформированные (двойная кольцевая деформация). Все они очень плохой сохранности. У северной стены камеры перегородкой из камня выделены два сектора, в одном из них (в северо-восточном углу) были обнаружены один погребенный и каменное пряслице (рис. 30, *8*), а в северо-западном углу (в секторе побольше) были найдены четыре скелета и черепа, несколько бусин, серьга из бронзовой проволоки и кремневые кресала. На одной из бусин — ковровый орнамент современных туркмен, находящий аналогии в керамике времени Намазга.

Примерно в 1 км западнее от кургана № 5 и около 300 м южнее от Ялкыма расположен парный курган. Раскопан западный из них.

Курган № 6 имеет округлую в плане небольшую каменную насыпь, диаметр которой 8 м, высота — 0,50 м. Поверхность всхолмления сплошь завалена некрупными плитами. При расчистке их и задернованной земли четко прослеживался верх камеры, прямоугольной в плане, сооруженной из плашмя положенных плит с проходом в южной стене. Размеры камеры — 2,20×3 м, ширина прохода 0,65 м, длина прохода — 1,45 м. Высота стен — 0,65 м, толщина — 1,50 м, облицовочные плиты, поставленные на ребро, вкопаны в твердый материк на 5—10 см, некоторые плиты поставлены на материке и закреплены небольшими плитами-подпорками, вкопанными в материк. Внутри камера заполнена крупными и мелкими плитами с землей, вперемежку с ними выявлены останки четырех погребенных, кости овцы и инвентарь, который включает бронзовый трехлопастный втульчатый наконечник стрелы, два кремневых кресала, бронзовый браслет, пряслица из стенки керамического сосуда (рис. 30, *19*), обломки бронзовых предметов, оселок (рис. 30, *22*), два железных ножа и несколько бусин. Археологически целым представлен сероглиняный круглодонный горшок, по венчику, горлу и плечикам которого в три ряда горизонтально нанесен пуансонный орнамент (рис. 30, *28*). Второй лепной горшок имеет слегка отогнутый венчик, покатые плечики, округлое туло-

во, плоское дно (рис. 30, *16*), в тесте в большом количестве примеси древесины, обжиг костровый. Миниатюрный плоскодонный сосудик имеет раздутое тулово, горло и венчик не сохранились (рис. 30, *29*), тесто его в изломе зеленовато-голубоватого цвета. Встречено еще несколько обломков сероглиняных лепных [11] и круговых красноглиняных и кремового цвета сосудов.

Еще три кургана расположены на участке между Ялкым и Ханалы у южного обрыва Чолинкыра к западу (2) и востоку (1) от спуска Давали.

Курган № 7, самый западный из трех, имеет округло-овальную в плане каменную насыпь диаметром по линии север — юг 6,6 м, восток — запад — 5 м. В северо-западной части насыпи выявлен прямоугольный в плане каменный ящик, ориентированный почти точно по линии север — юг, размеры которого: южная стена — 1 м, восточная — 2,40 м и западная — 2,30 м. Высота стен — 0,70 м, толщина — более 1 м. Камера сооружена из плашмя уложенных плит, изнутри облицована поставленными на ребро плитами. В юго-восточном углу камеры наклонно поставлена небольшая плита, вблизи которой лежал сероглиняный лепной сосуд с плоским дном, слегка округлым простым венчиком, широкой шейкой (рис. 30, *3*). Погребенный не обнаружен.

Курган № 8 расположен в 50 м восточнее кургана № 7 и представляет по внешнему виду небольшой каменный завал, овальный в плане. Диаметр насыпи по линии север — юг — 1 м, запад — восток — 1,50 м. Под этим каменным завалом выявлена небольшая яма, овальная в плане, размерами: север — юг — 1,50 м. восток — запад — 0,50 м, глубиной около 1 м. В юго-западном углу ямы на боку лежал круглодонный лепной горшочек с округлым туловом, слегка расширяющимся простым венчиком (рис. 30, *4*). Сосуд снаружи покрыт жидким коричневым ангобом (?). Найдено несколько мелких бусин (бисер). И здесь погребенный не обнаружен.

Курган № 9 расположен в 2 км восточнее спуска, к северу от колодца Давали, на одном из выступающих мысов Чолинкыра. Курганная насыпь представляет собой еле заметное каменное всхолмление, округло-овальное в плане, диаметром по линии север — юг 4 м, восток — запад — 3,50 м. Сразу среди камней насыпи находились кости и черепа. В центральной части всхолмления выявлена трапециевидная в плане камера, сохранившаяся на высоту 0,25—0,30 м, толщина стен — около 0,50 м. Камера заполнена завалом камней и костяками шести погребенных (3 детей и 3 взрослых), все очень плохой сохранности. Среди костяков — кости овцы и альчик.

Сопровождающий инвентарь: глиняное пряслице из стенки кругового сосуда, обломок бронзового предмета, несколько стеклянных бусин разнообразной формы, каменная подвеска и бусы из коралла. Среди камней был найден кремневый отщеп.

Из раскопанных курганов курган № 3 по конструкции, ри-

туалу и имеющемуся наконечнику отличается от раньше раскопанных каменных и земляных курганов. Видимо, по времени он предшествует ранее раскопанным курганам и ориентировочно датируется VII—V вв. до н. э. Курганы № 1 и 6 (Ялкым), отличающиеся по конструкции, сходны (между собой) по сопровождающему инвентарю, а именно по бронзовым трехлопастным наконечникам стрел, и датируются IV—II вв. до н. э. Остальные курганы можно отнести к последним векам до нашей эры — первым векам нашей эры.

Обследованные курганные памятники Чолинкыра, с одной стороны, дополняют сведения о материальной культуре древних насельников этого района, с другой — помогают разрешить важный вопрос о времени обживания низовьев Амударьи (Узбоя), т. е. свидетельствуют об освоении этого района древними кочевниками, что, в свою очередь, свидетельствует о функционировании Узбоя в античное время.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] С. П. Толстов. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг.— ТХАЭЭ. Т. 2. М., 1958, с. 38—56; Низовья Амударьи, Сарыкамыш, Узбой (история формирования и заселения).— МХЭ. Вып. 3. М., 1960, с. 292—293, 314; М. А. Итина. Памятники первобытной культуры Верхнего Узбоя.— ТХАЭЭ. Т. 2, с. 259—310.

[2] Г. Ф. Коробкова, Х. Юсупов. Открытие новых стоянок каменного века на Верхнем Узбое.— «Известия АН ТуркмССР». Серия общественных наук. 1976, № 5, с. 19—26 и 1977, № 5, с. 82—96; они же. Хозяйство неолитических племен Верхнего Узбоя.— Там же. 1977, № 5, с. 82—96.

[3] Отчет А. Ф. Ганялина хранится в Архиве Отдела археологии Института истории им. Ш. Батырова АН ТуркмССР, ф. 2, д. 1.

[4] П. И. Борисковский. Палеолитические местонахождения в Туркмении.— КСИИМК. Вып. 18. Л., 1947, с. 3—8.

[5] Материалы 1977 г. с Актамских стоянок находятся в Отделе археологии Института истории им. Ш. Батырова АН ТуркмССР.

[6] Этот сосуд по форме и фактуре находит себе параллели в керамических материалах из курганных памятников Дордуля, которые, в свою очередь, отождествлены с южнотуркменистанским парфянским материалом, датированным последними веками до нашей эры — первыми веками нашей эры.

[7] Такие наконечники на территории Западной Туркмении до сих пор не отмечались; что же касается бронзовых наконечников стрел, они представлены во многих крупных и мелких античных памятниках и курганах.

[8] Бронзовые наконечники стрел также находят аналогии во многих курганных памятниках Заузбойского плато.

[9] Диаметр ямы — 0,60 м, глубина — 0,40 м.

[10] Этот сосуд, близкий по форме крупным горшкам — костехранилищам курганных памятников Заузбойского плато, резко отличается от них по фактуре.

[11] Среди лепных сосудов имеется обломок венчика от миниатюрного сосуда с пуансонным орнаментом (рис. 3, *10*).

К. А. Акишев, А. К. Акишев

К ИНТЕРПРЕТАЦИИ СИМВОЛИКИ ИССЫКСКОГО ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА

...Соединись с отцами, соединись с Ямой,
С жертвоприношениями и (добрыми) деяниями
на высшем небе!
Оставив (все) греховное, снова возвращайся
домой!
...Соединись с телом в цветущем состоянии!

(Рв X, 14—18)

Большинство изделий в «скифском зверином стиле» происходят из погребений. Они использовались и при жизни владельцев, и в ритуале проводов на тот свет. В погребальном обряде они приобретали особый смысл.

Курган Иссык[1] — это захоронение вождя. Для племени смерть вождя была событием более значимым, чем смерть простолюдина. Умирал человек, наделенный царственностью, харизмой власти, воплощающий единство коллектива. Такое единство отождествлялось с мировой гармонией. Все регалии вождя символически выражали эту идею, знакомую, по-видимому, всем скифо-сакским племенам. Со смертью вождя наступала дисгармония и в мире, и в обществе. Наступал хаос. Хаос ликвидировало новое воцарение. В преемника власти переходила бессмертная субстанция былого вождя, ассоциировавшаяся с космосом.

Обряд проводов властителя на тот свет, очевидно, был магическим ритуалом, направленным на преодоление беспорядка в мире, т. е. имел космогонический характер. Мифы о космогонии оживали и в погребальном обряде. Этот обряд (который мог ассоциироваться с рождением) был, можно думать, прелюдией к утверждению нового владыки.

Итак, смысл всего облачения иссыкского «золотого человека» можно попытаться определить, исходя из того, что понимали под смертью и рождением саки, как они представляли возвращение элементов царственности и бессмертия к новому владыке и обществу.

Леви-Стросс пишет, что погребальный обряд обычно рассматривается как преодоление оппозиции между смертью и жизнью, причем смерть оценивается как явление, необходимое для нормального существования и воспроизводства общества[2]. Гибель, убийство открывали цепь перерождений.

В древнеиндоиранских религиях рождение понималось как соединение в новую форму, в человеческое существо — микрокосм различных элементов «жизненности». Особенно была популярна идея прорастания, перекликавшаяся с концепцией мирового дерева и древа жизни [3]. В Авесте, например, термин для обозначения души или физической формы urvan связывается с urvar — растение; в Яште 13, 22 говорится, что все живое приводится к существованию силой размножения и религией фравахр. В «Бундахишне» (Bund, I, 41) сперма (tōhm) называется «семенем огня», таким образом, зачатие сопоставляется с действием космогонического огня — огня, в котором рождается и исчезает весь мир [4]. Видимая, телесная форма человека — aδvēnak — в зороастризме считается солнечной. Л. Кэмпбелл и Ю. А. Рапопорт [5] исследовали представления о зарождении и гибели человеческого существа в зороастрийских сочинениях и пришли к сходным выводам о том, что истоки зороастрийской эсхатологии очень древние. Корнями они уходят в индоиранские верования.

По «Большому Бундахишну» (GB, 3, 11—12), зарождение тела проходит пять стадий. На первой стадии образуется фравахр (ср. перс. fravahr) — нечто предшествующее арте — протоарта [6]. На второй стадии развития появляется адвенак (aδvēnak) — форма или вид души [7]; на третьей возникает душа (ruvān) [8]; на четвертой — дыхание (ǰān) [9], связанное с ветром (vāt); на пятой — тело (*tan*) [10]. Соотношение этих понятий и терминов из Авесты таково:

Авеста	fravaši	urvan	boadhō	daēna	ahu
Бундахишн	fravahr	aδvēnak	ruvān	ǰān	tan

Таким образом, основная форма тела (aδvēnak) связывается с идеей прорастания и мировым деревом [11] и с солнцем; фравахр — с прорастанием и артой; душа — с ветром; тело — с землей; сперма соотносится с огнем; все элементы живого человеческого тела [12] уподобляются космогоническим принципам вселенной. Микрокосм отождествляется со стихиями космоса, организация живого существа связывается с древом жизни. Слияние стихий воедино — это рождение [13]. В астрологии «Бундахишна» даже зодиакальный цикл ассоциируется с ростом человека.

Смерть — состояние противоположное жизни — логически расценивалась как обратное, как уход этих элементов в космос: тело (tan) уходит в землю; дыхание (ǰān) — в ветер, воздух; душа (ruvān) соединяется с фравахр, находящийся у Ахура-Мазды; форма (aδvēnak) соединяется с солнцем [14].

Представления, типологически или историко-культурно сходные с этим, как полагает Ю. А. Рапопорт, существовали у многих среднеазиатских народов с древности и до нового времени [15], например у массагетов, саков, каспиев. Думается, что похожие представления о смерти были и у саков Семиречья.

Ю. А. Рапопорт дал подробный анализ зороастрийского обряда погребения, при котором тело умершего выставляли в дахме для растерзания зверями. Пожирающие труп птицы и собаки, как нам представляется, были и символами неба, земли и воды, т. е. трех сфер мира. Собака, в частности, связывалась с водой, с хтоническим миром, с богиней Анахитой и, возможно, с другими богами (Митрой, Йимой). Параллели этому обряду, отражающие желание сохранить субстанцию умершего в обществе и представления о метемпсихозе, очень широки [16]. Как показано, с этим же обрядом перекликается каннибализм, зафиксированный, например, в хеттских текстах [17] и в сообщениях античных историков и географов (Геродот I, 216).

Расформирование тела происходило по космологической схеме мирового дерева. Звери-поглотители, может быть, некогда тотемные, здесь олицетворяли сферы мира и природные стихии, в которые уходили частицы сущности умершего. На существование таких верований указывают в скифо-сакском искусстве изображения полиморфных, убивающих и пожирающих зверей, которые совмещают в себе символы всех структур мира. Хтоническая зона в космографии также совмещала признаки всех трех сфер мира. В ней происходило расформирование живого существа на составляющие элементы. Эти элементы, таким образом, не исчезали бесследно, а циркулировали в космосе и могли переходить в другие существа. Вероятно, этот процесс считался абсолютно необходимым, обеспечивающим воспроизводство жизни и коллектива. Проклятие с пожеланием пресечения рода у всех народов было страшнейшим [18]. Душа умершего обязательно должна была сохраниться в обществе. Обычай воздвижения кенотафов связан с этим же поверьем.

Коллектив, к которому принадлежал умерший, почитал его как предка. Интересно, что в зороастризме считается, что фравахр попадает к Ахура-Мазде, а адвенак — к солнцу. Почитание этого божества и культ этого светила были общенародными; культ обожествленных праотцев, предков-фравашай сливался с поклонением богу-творцу и солнцу.

Иссыкский вождь, можно предполагать, в представлениях саков, после смерти переходил к обожествленным праотцам. Мы писали о возможности отождествления его при жизни с богом, похожим на Митру или Йиму. Митра фигурирует как судья в царстве мертвых, а Йима (этот бог чрезвычайно похож на солярного Сиявуша) после смерти становится царем загробного царства. Вероятно, что сакский вождь, обожествленный при жизни, посмертно также отождествлялся с этими богами, а его регалии означали инвеституру на том свете. Не исключено, что существовало генетическое сходство культа предков и эсхатологии саков Семиречья с зороастрийской эсхатологией Хорезма кангюйского и афригидского времени и с митраистским учением о метемпсихозе. Ю. А. Рапопорт, исследовавший семан-

тику оссуарных изображений, полагает, что у зороастрийцев умершие могли изображаться в облике богов (Анахиты, Митры, Сиявуша) [19]. Если допустить, что сходные верования были и у саков, то станет понятным, почему «золотой человек» похоронен в своей церемониальной одежде, в кулахе-короне и со всеми инвеститурными атрибутами солнечного бога. Бог-первоцарь Йима со смертью вовсе не утрачивал божественности. Он перемещался в другую сферу мира, на тот свет, где продолжал править мертвыми. В Науруз иранцы празднуют воскресение Джемшида, который тем самым выступает как умирающий и воскресающий бог. Его культ в Согде и Хорезме перекликался с культом Сиявуша.

Не был ли для саков их новый вождь воскресшим божеством? Богом, вернувшимся с того света? Но где находился «тот свет»?

Проводы на тот свет у индоиранцев, как, впрочем, и у многих других народов мира, считались переходом души в новое состояние, в новое качество. Умерший покидал «этот» и уходил на «тот свет». Погребальный обряд был призван обеспечить переход — путь души к новому обиталищу. В дорогу умершего снабжали всем необходимым: оружием, пищей, одеждой. В фольклорной традиции разных народов наблюдается терминологическое сходство погребального обряда и свадьбы [20]. Оба обряда находятся в соответствии со схемой «смерть — возрождение».

Иссыкский костюм — «свадебный» для ритуала «венчания на царство» — становится погребальной одеждой в ритуале «венчания на смерть». Можно предположить, что уход вождя в иной мир осмысливался как брак с хтоническим божеством. И свадебный обряд, и символика погребального обряда обычно связаны с представлениями о мироустройстве. Иссыкский костюм несет зооморфные символы, отражающие представления о вожде как о посреднике между сферами мира и социальными группами. После его смерти их значение в соответствии с новым контекстом изменялось: теперь эти символы означали перемещение вождя в иной мир и расформирование его существа в стихиях космоса. Хтонический мир обычно противопоставляется миру живых. Он находится в противоположной сфере — на небесах или под землей. Под землей, как считалось чаще всего, и происходило расформирование существа на «составные элементы» [21].

В погребальном гимне Рв X, 14, 16, 18 могила сравнивается с домом в земле, который строит бог загробного царства Яма. Здесь душа проводит некоторое время, чтобы затем подняться на небо предков. В Рв VI, 120 ясно показано, что место души — в вышине: «Попав к родне, да не упаду я вниз из (их) мира!»

Типологические параллели представлению о передвижении души вверх, на небо, известны достаточно широко, и с ними

связаны подчас очень характерные символические атрибуты, которые помещали в погребении, чтобы помочь душе в ее пути вверх. Так, у ваханцев в качестве носилок для покойника служила лестница [22]. Носилки-лестницы — довольно обычный атрибут погребальных обрядов Южного Казахстана. Здесь их врывают в могильный холм вертикально. По-видимому, лестница некогда была связана именно с представлением о подъеме вверх, на небо и с символикой мирового дерева.

Зороастрийцы считали, что после смерти душа поднимается к свету. Верили, что душа сидит в изголовье тела три дня и три ночи, а на четвертый день она достигает высокого моста Вознаграждающего (Чинват) [23]. Первый шаг она делает на небеса благих мыслей, второй — на небеса благих слов, третий — на небеса благих деяний. С четвертым шагом она достигает Бесконечного света. Затем спасители приготавливают хауму. Выпив ее, душа воскресает [24]. Мост, по которому души переправлялись в иной мир, помещался у мировой горы, в центре мира, откуда было легче всего попасть в любую сферу космоса — на небо или в подземный мир. Соответственно гробницы часто воздвигались на возвышенных местах и у гор. Гробницы Ахеменидов были вырублены в обрыве скалы в Накш-и Рустеме, зороастрийские дахмы часто сооружались на холмах. Посмертное воздаяние по заслугам в зороастризме не считалось делом злых сил и Ангро-Майнью, как можно было бы ожидать [25]. Закон вознаграждения по заслугам был установлен богом созидания Ахура-Маздой и отчасти Митрой, который со своими спутниками судил души на мосту Чинват. Р. Гиршман полагает, что такая догматика была развита у иранцев уже в эпоху бронзы. Изображения на луристанских «жезлах» он интерпретировал на основе авестийской эсхатологии [26].

Рай и ад у зороастрийцев характеризовались антонимичными именами: небеса в современном персидском языке — «лучшее» предназначение для артовцев-праведных (behesht), а ад — «плохое» (для друджей) существование (dūzakh). Или соответственно: царство света и царство мрака (Ясна 49, 5; 51, 2; 51, 9); Дом благого разума, Дом песни и Дом плохого разума, Дом лжи [27].

В целом представления о загробной жизни связывались с мировым деревом и Древом жизни [28]. Если в зороастризме эта связь реконструируется, то в Рв она вполне отчетлива: «Под дерево с прекрасными листьями, /Где пьет с богами Яма/, Туда наш отец, глава рода, /устремляется к предкам» (Рв, X).

Моделирующую роль пространства, его организацию в погребальном обряде Иссыка можно представить следующим образом. Обряд охватывал весь подвластный вождю народ. Его территория, следовательно, охватывала весь «космос» саков Семиречья.

Интересно, что организация пространства в обряде похорон

Рис. 31. Разрез насыпи кургана «Иссык» по линии север—юг

индоиранских царей во многом совпадала с пространством космогонического ритуала типа ашвамедхи, в котором инсценировались смерть и возрождение царя. Скифского царя попросту возили по всей Скифии (Геродот, IV, 71). Где бы ни появлялся его труп, уложенный, вероятно, в погребальную колесницу, моделировавшую космос, народ выражал свою скорбь и горе. Скифы ранили себя, протыкали руки стрелами, плакали. Эти, довольно обычные для погребальных обрядов разных народов аффекторные действия, видимо, получали идеологическое осмысление. Они инсценировали хаос, разрушение мира, нагрянувшее со смертью человека, который выражал его единство.

Можно смело утверждать, что иссыкского вождя так же хоронила вся его страна, население которой (какая-то группировка саков Семиречья) своим поведением при обряде выражало дисгармонию в обществе.

Могила была устроена в предгорьях. Это зона, откуда начинался хозяйственный год саков, подъем вверх к благодатным летникам. Особенности рельефа осмысливались в глобальных мифологических антиномиях: горы — долы, земля — вода (курганы расположены у р. Иссык). Это было священное место в стране, осмысляемое как центр мира. Тянь-шаньские вершины были воплощением мифических мировых гор, соединяющих землю с небом.

Вырытая яма — чрево Земли — была моделью подземного, хтонического мира типа вары, которую устроил Йима, чтобы спасти творения от зимы. Сюда уходила какая-то часть существа умершего вождя. Воздвигнутая насыпь (рис. 31) — аналог мировой горы — соединяла в кургане небо и подземный мир[29]. Граница кургана защищала мертвого от всего вредоносного, что было за ней. И наоборот, живые были отгорожены от мертвого.

Погребальная конструкция — клеть, ориентированная по странам света,— была построена по принципу янтры — сакральной модели космоса (рис. 32). Соответствующие представления универсальны. Они были распространены и в скифо-сакском мире[30] и, вероятно, нашли своеобразное преломление в формах хорезмийских зороастрийских оссуариев в виде замка и башни. Бесшатырские срубы, два из которых оказались сожженными, а под одним (курган 5) была система подземных ходов, вызывают в памяти описание «смоляного дома» Махабхараты, в котором Дурьодхана хотел сжечь Пандавов. Однако братья раз-

гадали замысел Кауравов и бежали из дома через подземный ход. В образе смоляного дома видят отголосок древнего индоиранского обряда кремации в постройке-янтаре [31].

Бесшатырские срубы и иссыкская клеть могли изображать настоящие жилища [32]. Любопытно, что система размещения инвентаря и тела в Иссыке сопоставима с интерьером юрты или сруба (дукене) у казахов Алтая. В центре сруба обычно был очаг. Напротив входа было почетное место для гостей. Слева располагались имущество и провизия, справа — место, где спал хозяин [33].

В Иссыке посуда расположена в головах (глиняная и металлическая) и справа (подносы, черпаки и миски из дерева) от погребенного. Тело лежит в левой (северной) стороне могилы. В разных системах символических классификаций эта сторона считается «женской». Такое «обратное» перераспределение внутри могилы, возможно, связано с погребальной магией, для которой очень характерны действия, противоположные обычным [34]. Действительно, иссыкский акинак положен слева от покойного, а судя по известным изображениям саков (и по системе крепления реально обнаруженного в могиле кинжала), его носили справа; меч найден правее костяка, а крепили мечи слева.

Погребальный инвентарь подобран в соответствии с «ритмом три», который был сакральным. Посуда изготовлена из трех разных материалов (дерево, керамика, металл). Из каждого материала сделано по три вида посуды. В погребении занято три части пространства (западная, северная и южная). Покойный лежит головой на запад. Характерно, что у индоиранцев эта сторона часто связывается с низом и хтоническим миром в тернарной модели. Он лежит лицом вверх, может быть для того, чтобы, встав, оказаться лицом к востоку [35]. Не исключено, что эта особенность обряда связана с идеей воскрешения. В одну из чаш погребения были положены золотые пластины в виде когтей птицы. Вероятно, когда-то там находился напиток, может быть наркотический. Отметим, что употребление хаумы, в поверьях древних иранцев, и приводило к воскрешению души.

Хварна вождя, символизируемая изображениями на его одежде, вместе с элементами его сущности расформировалась в стихиях мира. Может быть, новый вождь и воплощал воскресшего (родившегося) бога, в котором комбинировались все части хварны. Создание новых регалий символически должно было уравниваться с космогонией.

Прежний вождь уходил на вечные пастбища предков, где находились благодетели семей, общин, племен и стран, «благие, могучие, священные фравашай праведных в металлических шлемах, с металлическим оружием... с металлическими щитами» (Яшт XIII, 45) [36].

Возведенный курган становился особым символом единства народа, своеобразным центром страны и мира саков. Вокруг

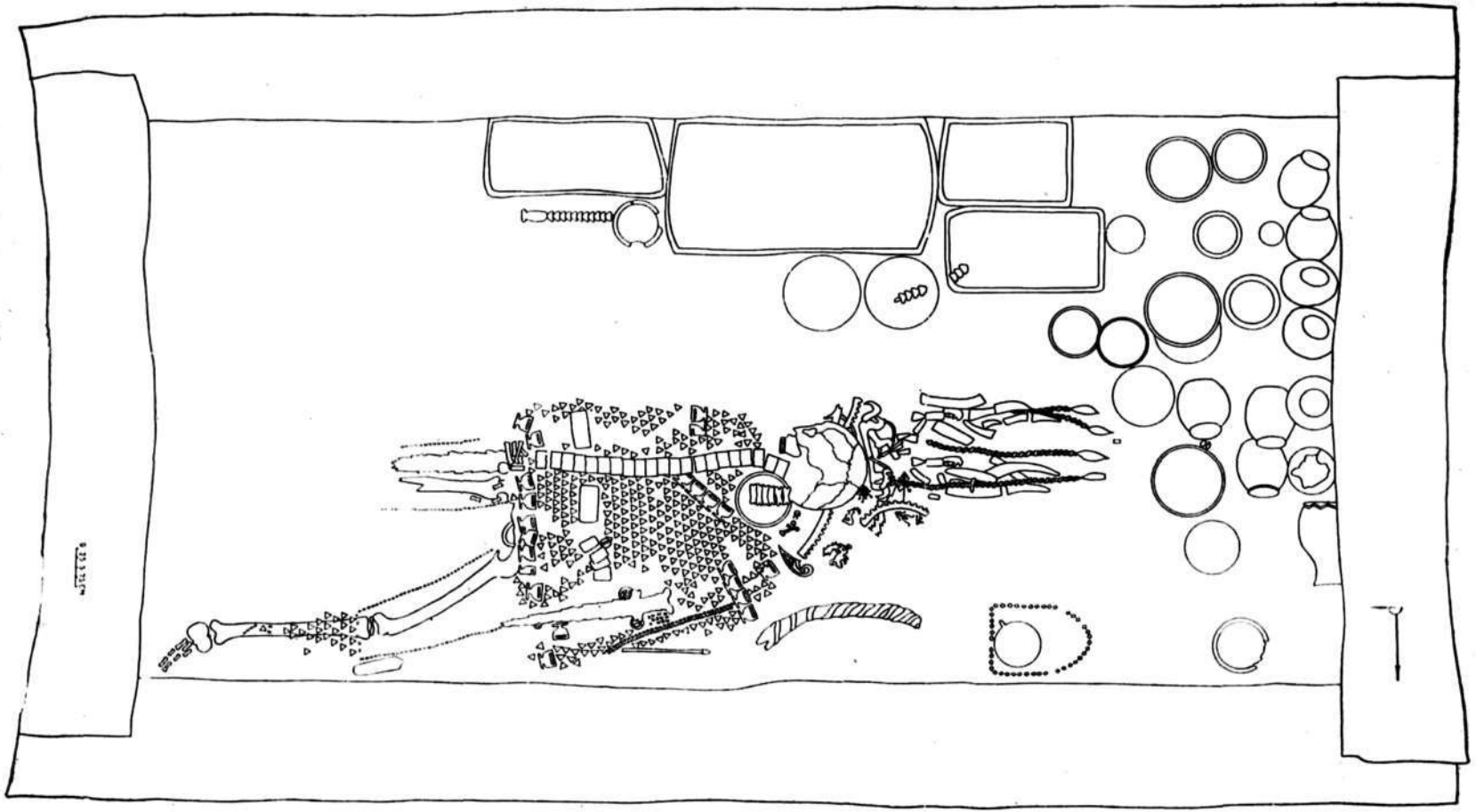

Рис. 32. План погребения под курганом «Иссык»

курганов вождей проходили ритуалы почитания предков. Слова скифа Иданфирса, адресованные Дарию, что персы узнают, как могут сражаться скифы, если враг попытается найти и разрушить могилы их предков[37], показывают, что курганы были величайшей святыней, символом единства скифского мира. Разрушение царского кургана воспринималось как величайшее несчастье, и никогда разграбление не могло быть дело рук соплеменников. Этот вывод следует распространить и на курган Иссык, главное погребение которого, несомненно, было разграблено врагами.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] К. А. Акишев. Курган Иссык. М., 1978.

[2] К. Леви-Стросс. Структура мифов.— «Вопросы философии». 1970, № 7, с. 152—164.

[3] Ср. представления о дереве как обиталище душ умерших: Э. Тэйлор. Первобытная культура. М., 1939, с. 394—401; Г. П. Снесарев. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М., 1969, с. 196, 202; Г. Шурц. История первобытной культуры. СПб., 1910, с. 790. У казахов, например, в погребальных плачах покойник иногда сравнивается с тополем, его смерть — с переломом дерева; см.: А. А. Диваев. Киргизские причитания по покойнику, записанные и переведенные А. А. Диваевым.— Памятники народного творчества. Казань, 1898, с. 13.

[4] L. A. Campbell. Mithraic Iconography and Ideology. Leiden, 1968, с. 59—65; R. C. Zaehner. The Dawn and Twilight of Zoroastrianism.— History of Religion. L., 1961, с. 268—276, 302—321; H. W. Bailey. Zoroastrian problems in the Ninth-century books. Ox., 1943, с. 79—115.

[5] L. A. Campbell. Mithraic Iconography; Ю. А. Рапопорт. Из истории религии древнего Хорезма. М., 1971.

[6] L. A. Campbell. Mithraic Iconography, с. 64.

[7] Это понятие схоже с концепцией «пуруши» в ведах и брахманах и аналогичным образом связывается с мировым деревом.

[8] В Авесте: boadhō — «восприимчивость» тела (bōd) (Яшт 13, 147, 155; Ясна 26, 4), т. е. «понятливость», «видение», «слышание», «знание» и т. п.

[9] В Авесте: daēna (ср. перс. dēn) — «религия», «активность разума».

[10] В Авесте: ahu.

[11] Текст «Бундахишна» в целом соотносится с концепцией мирового дерева; см. В. Н. Топоров. Еще раз об и.-е. *Budh—*bheudh.— Этимология 1976. М., 1978, с. 135—152.

[12] Существовала и аналогичная концепция происхождения тела животных.

[13] Ср. GB XXX, 6, — ср.: Ю. А. Рапопорт. Из истории религии, с. 34—35.

[14] H. W. Bailey. Zoroastrian problems, с. 79—115; R. C. Zaehner. The Dawn, с. 268—279; L. A. Campbell. Mithraic Iconography, с. 59.

[15] Ю. А. Рапопорт. Из истории религии, с. 36—37 и др.

[16] Ср.: Н. Н. Велецкая. Языческая символика славянских архаических ритуалов. М., 1978. Связь метемпсихоза с образом мирового дерева ощущается, например, в сказке о жизни Кащея, упрятанной в различных животных (обычно в стандартном наборе соответственно «трилоке»: птица—заяц—яйцо, падающее в воду) и в дереве на острове в океане; ср. также концепцию дхармакая в буддизме.

[17] Луна, упавшая с неба. Древняя литература Малой Азии. Перевод, вступит. ст. и коммент. Вяч. Вс. Иванова. М., 1977, с. 87.

[18] Ср. у киргизов проклятие: «Пусть твой род не достигнет и ста, а если и достигнет, то да не доживет до осени» — и благопожелание: «Пусть конец

твоей нитки (рода-А) удлинится» (С. М. Абрамзон. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л., 1971, с. 282—283; Т. Д. Баялиева. Доисламские верования и их пережитки у киргизов. Фрунзе, 1972, с. 12—15); ср. в Бехистунской надписи: «...ты, который впоследствии будешь царем, оберегай хорошо род этих людей», «...пусть Ахурамазда будет тебе другом и пусть твой род будет многочисленным, да будешь ты многолетен...» (М. А. Дандамаев. Иран при первых Ахеменидах. М., 1963, с. 262—270).

[19] Ю. А. Рапопорт. Из истории религии, с. 120.

[20] В. К. Соколова. Об историко-этнографическом значении народной поэтической образности (образ свадьбы — смерти в славянском фольклоре).— Фольклор и этнография. Связи фольклора с древними представлениями и обрядами. Л., 1977, с. 188—195; А. К. Байбурин, Г. А. Левинтон. К описанию организации пространства в восточнославянской свадьбе.— Русский народный свадебный обряд. Л., 1978.

[21] С. Ю. Неклюдов. О функционально-семантической природе знака в повествовательном фольклоре.— Семиотика и художественное творчество. М., 1977, с. 193—228.

[22] Ваханский язык. 1976, с. 230.

[23] Сходные верования были и у осетин; см.: Ж. Дюмезиль. Осетинский эпос и мифология. М., 1976, с. 77—78.

[24] L. A. Campbell. Mithraic Iconography, с. 361—362.

[25] E. Herzfeld. Zoroaster and His World. Princeton, 1947, с. 313.

[26] R. Ghirshman. Perse. Proto-iraniens, Medes, Achemenides. P., 1963, с. 44—47.

[27] R. C. Zaehner. The Dawn, с. 56—57; Ю. А. Рапопорт. Из истории религии, с. 29.

[28] L. A. Campbell. Mithraic Iconography, с. 129.

[29] Можно обнаружить множество типологических параллелей; см.: В. Н. Топоров. О структуре «Царя Эдипа» Софокла.— Славянское и балканское языкознание. М., 1977, с. 214, 219, примеч. 12; ср. в Корее и Китае: Н. А. Виноградова. Проблема структуры и зарождение поэтической символики в искусстве древнего Китая II тыс. до н. э.— «Научные сообщения ГМИНВ». Вып. 9. М., 1977, с. 20—28, 97, 101; Д. Д. Елисеев. Корейская средневековая литература пхэсоль (некоторые проблемы происхождения и жанра). М., 1968, с. 125. Буддийские реликварии символизировали гору Меру: Г. Г. Стратанович. Добуддийские верования народов Западного Индокитая.— КСИЭ АН СССР. 36. 1962, с. 62—63.

[30] На примере тагискенских мавзолеев; см.: Л. А. Лелеков. Отражение некоторых мифологических воззрений в архитектуре восточноиранских народов в первой половине I тысячелетия до н. э.— История и культура народов Средней Азии (древность и средние века). М., 1976, с. 7—19. Ср.: Шатапатха Брахмана, XIII, 8, 1, 7. Следует заметить, что и целый ряд зороастрийских оссуариев (в частности, «башнеобразные») могут быть связаны с символикой Вары или Чакры, т. е. священной космограммы.

[31] Л. А. Лелеков. Отражение некоторых мифологических воззрений в архитектуре восточноиранских народов, с. 7—18.

[32] Погребальные сооружения «бейт» у казахов обычно копируют жилища; см.: С. И. Руденко. Очерк быта северовосточных казахов.— Казаки. Л., 1930, с. 1—73, 32—36, 50—54.

[33] Там же.

[34] Ср. в мифе об исчезновении Телепинуса. Он уходит, надев сапоги неправильно.— Луна, упавшая с неба, с. 55.

[35] Ср.: Э. Тэйлор. Первобытная культура, с. 506.

[36] Цит. по: И. С. Брагинский. Из истории персидской и таджикской литератур. Избранные работы. М., 1972, с. 76—77.

[37] Геродот, IV, 127. Приступая к активным действиям, скифы послали Дарию «живую космограмму» (лягушка — вода, низ; мышь — земля, середина; птица — небо, верх и 5 стрел), символизировавшую «скифский мир» и его защищенность со всех сторон. Персы «расшифровали» смысл дара метафорически (Геродот, IV, 131—134).

А. В. Гудкова, Ю. П. Манылов

МОГИЛЬНИК У ГОРОДИЩА БАЗАР-КАЛА

Весной 1967 г. при осмотре окрестностей древнехорезмийского городища Базар-кала в Турткульском районе Каракалпакской АССР обнаружен грунтовый могильник, где было зафиксировано 20 погребений [1] (рис. 33 и 34). Осенью того же года на могильнике вскрыто еще три погребения [2], а в 1968 г.— еще семь [3]. Передвижение барханных песков не позволило четко связать планы разных лет раскопок [4].

Могильник находится примерно в 120—160 м к востоку от городища Базар-кала, в зоне разрушающихся такыров, среди барханных песков. Погребения оказались на поверхности в результате процессов дефляции, так что судить о наличии над ними каких-либо наземных сооружений невозможно.

Плохая сохранность костей и краниологических материалов исключает возможность антропологических определений.

Для могильника характерен обряд трупоположения. Умерших хоронили, вероятно, в неглубоких ямах и засыпали землей. О наличии над погребениями насыпей или каких-либо других сооружений судить невозможно. Довольно трудно также допустить, что могильник был курганным, а насыпи оказались целиком смытыми, так как могилы расположены слишком близко друг к другу. Все данные о погребениях сведены в таблицу.

У погребенных преобладает вытянутая поза на спине, иногда с поворотом головы в сторону. Реже встречаются захоронения на спине в позе всадника (погребения 7, 15). Костяк чаще лежит черепом на юг (погребения 4, 7, 11, 13, 15, 18, 21, 23—26, 29), реже — на север или с незначительным отклонением на северо-северо-восток (погребения 1, 16, 19, 27, 28).

Захоронения содержат довольно скромный погребальный инвентарь, состоящий в основном из украшений и посуды (рис. 35, 36). В девяти погребениях (2, 4, 7, 11, 12, 18, 23, 24, 29) обнаружено по одному сосуду, в трех (1, 6, 21) — по два сосуда и в одном (28) — три. Они почти все стояли в головах.

В восьми захоронениях посуда отсутствовала. Гончарные сосуды преобладают. Найдено всего три лепных сосуда.

Наконечник стрелы найден в одном захоронении. Кости жертвенного животного отмечены в четырех случаях (погребения 6, 15, 20, 21), в трех из них они лежали вместе с железным ножом.

Встречаются погребения совсем без инвентаря (13 и 27).

Найденный погребальный инвентарь довольно однообразен

и не дает оснований для выводов об имущественной дифференциации погребенных.

Кувшины представлены двумя формами. В погребении 1 найден гончарный красноангобированный кувшин (рис. 36, *2*) с одной круглой в сечении ручкой, поднимающейся над устьем, и рельефным валиком на плечиках. Глиняное тесто сосуда с мелким белым отощителем тщательно отмучено. Черепок красный, хорошего обжига. Сосуд по облику сближается с античной хорезмийской посудой, тяготея больше к сосудам нижнего слоя Кой-Крылган-калы. Однако четких аналогий он себе не находит, так как среди хорезмийских кувшинов поднятая над устьем ручка редка; она свойственна только кувшинам с львиноголовыми ручками, датируемым IV—III вв. до н. э.[5], но пропорции и некоторые детали формы базаркалинского кувшина другие.

В погребении 6 найден гончарный красноангобированный кувшинчик без ручки (рис. 36, *5*). Сосуд сделан из отмученной глины, прекрасно обожжен, ярко-красного цвета. На тулове у дна видны следы подрезки ножом по вертикали. Он может принадлежать к античной хорезмийской посуде, но четких аналогий себе в ее формах не находит.

Бокалы (кубки) представлены двумя формами: на ножке и с усеченно-конической нижней частью. Целый кубок на низкой ножке происходит из погребения 11 (рис. 36, *1*), а фрагменты такого же сосуда найдены в погребении 18. Кубок плавной округло-цилиндрической формы, с резко профилированной низкой ножкой, с острым выступом внутри ее полости. Сосуд сделан из отмученного теста, хорошо обожжен и покрыт красным ангобом.

Такие сосуды в различных вариантах формы широко распространены на памятниках античного Хорезма[6] и в сопредельных областях — от Северной Индии до Хорезма — и не являются принадлежностью каких-либо узких керамических комплексов или археологических культур. Базаркалинский кубок относительно близок сосудам из курганов VIII, 19, II, 4 Тулхарского могильника, у которых, однако, на тулове есть углубленные линии и уступы[7]. По А. М. Мандельштаму, период бытования бокалов этой группы — время, предшествующее середине I в. до н. э.[8].

С. К. Кабанов датирует бокалы на ножке III—II вв. до н. э. и наиболее ранней считает приземистую форму[9] с устойчивой ножкой, с которой наиболее сопоставим рассматриваемый сосуд. В Хорезме по материалам Кой-Крылган-калы наблюдается такая же эволюция этих сосудов от более приземистых и устойчивых к более вытянутым и менее устойчивым с усложнением профилировки ножки[10]. Рассматриваемый кубок может быть датирован IV—III вв. до н. э.

Бокалы или кубки другого типа в виде чаши вытянутых пропорций с массивной нижней частью в форме перевернутого усе-

Номер погребения	Описание могильной ямы	Положение скелета, ориентировка его	Инвентарь в погребении	Примечание	Номера рисунков
1	Овальная, 2,06×0,73 *м*	Вытянутое, правая нога согнута в колене; северо-восток, лицом к западу	Гончарный кувшин в ногах, лепная чаша в ногах	—	34, *1*; 36, 2, *7*
2	Яма не прослежена	Костяк не сохранился	Гончарная чаша	—	36, *10*
4	То же	Вытянутое, на спине; юго-запад	Возле черепа — красноглиняный сосуд	Детское погребение, сосуд не сохранился	34, *4*
5	То же	Захоронение разрозненных костей одного человека, череп лежал отдельно	—	—	—
6	То же	Вытянутое, на спине, лицом вверх; левая рука и нога согнуты, головой на восток	У левого плеча — кости жертвенного животного (мелкий рогатый скот), железный нож, у левой руки—гончарный кувшинчик и чаша	—	34, *6*; 35, *11*; 36, *5*, *12*
7	То же	Вытянутое, на спине, ноги — ромбом; юго-юго-запад	У головы — бокал	Погребение подростка	34, *7*
11	Овальная, 1,9×0,6 (?) м	Вытянутое, на спине, головой на юго-юго-запад, лицом на восток	У головы — гончарный кубок на ножке	—	34, *11*; 36, *1*
12	Погребение разрушено	—	Нижняя часть бокала	—	—
13	Яма не прослежена	Вытянутое, на спине; юг, лицом на восток	Инвентарь отсутствует	—	34, *13*
15	То же	Вытянутое, на спине, ноги — ромбом, головой на юг	У головы — кости мелкого рогатого скота и обломки железного ножа	—	34, *15*; 35, *10*

16	То же	Вытянутое, на спине, костяк частично поврежден, головой на северо-северо-восток	На шее погребенного — три низки стеклянных бус (101 экз.), у черепа — медные серьги со стеклянными вставками	Детское захоронение. Под нижней челюстью лежал зуб взрослого человека	34, *16*; 35, *8*, *9*
18	Овальная, 1,8×0,6 м, глубина—0,25 м от современной поверхности	Вытянутое, на спине, лицом вверх; юго-юго-запад	Слева у головы — гончарный кубок на ножке	Сосуд плохой сохранности	34, *18*
19	Овальная, 1,7×0,6 м	Вытянутое, на спине, лицом вверх, северо-северо-восток	У левого плеча — кубок, на запястье левой руки — браслет из железных и бронзовых бус	—	34, *19*; 35, *14—20*; 36, *6*
20	Яма не прослежена	Анатомический порядок нарушен	Инвентарь отсутствует, встречены кости мелкого рогатого скота	Погребение взрослого человека	—
21	Овальная, 2,3×1 м	Вытянутое, на спине, левая рука и нога откинуты в сторону	У черепа — две гончарные чаши, ребра животного и железный нож, у кисти левой руки — железная пряжка	—	34, *21*
22	Скопление костей и керамики на площади 5,7×3,1 м	Обряд погребения не ясен	—	Очень плохая сохранность	—
23	Разрушенное погребение	Фрагменты черепной коробки и нижней челюсти дают основание считать ориентацию южной	Лепная круглодонная чаша	—	36, *8*
24	Яма не прослежена	Вытянутое, на спине; южная ориентировка	У изголовья — гончарный бокал (сохранилась верхняя часть)	Лицевая часть черепа отсутствует	34, *24*

Продолжение

Номер погребения	Описание могильной ямы	Положение скелета, ориентировка его	Инвентарь в погребении	Примечание	Номера рисунков
25	То же	Вытянутое, на спине; южная ориентировка	Около тазовых костей — бронзовый наконечник стрелы, четыре стеклянные бусины, у запястья левой руки — фрагменты бронзового браслета	Костяк сильно разрушен	34, *25*; 35, *1*, *22*
26	Сильно разрушенное погребение	Сохранились в анатомическом порядке кости левой половины костяка; южная ориентировка	Около тазовых костей — два бронзовых перстня, у шейных позвонков — фрагмент железной булавки и две стеклянные бусины	—	35, *5*, *6*, *13*, *24*, *25*
27	Яма не прослежена	Вытянутое, на спине, головой на северо-восток	Инвентарь отсутствует	Череп разрушен, отсутствуют кости левой руки	34, *27*
28	То же	Вытянутое, на спине, головой на север	У виска — две бронзовые подвески, у правой ключицы — два керамических пряслица, на запястье левой руки — железный браслет, в головах — три сосуда и полая костяная трубочка	—	34; *28*; 35, *2—4*, *12*; 36, *9*, *11*; 35, *7*
29	То же	В анатомическом порядке сохранились лишь часть грудной клетки и левая рука, вытянутое, на спине, головой на юг	У головы — фрагменты нижней части гончарного бокала усеченно-конической формы	Погребение сильно разрушено	34, *29*

Погребения 3, 8, 9, 10, 14, 17 полностью разрушены. В погребении 8 найдена стеклянная бусина (рис. 35, 21).

ченного конуса и с непропорционально малым диаметром для сравнительно с устьем найдены в погребениях 7, 12, 19 (рис. 36, *6*), 28 (рис. 36, *11*), 24. Они довольно близки по размерам, сделаны из хорошего глиняного теста, прекрасно обожжены. Бокал из погребения 19 снаружи и внутри сплошь покрыт темно-красным ангобом. Такие сосуды обычны на раннеантичных хорезмийских памятниках (нижний горизонт Кой-Крылган-калы [11], нижний горизонт Ток-калы [12] и ряд других памятников) [13] и датируются раннекангюйским временем [14].

Чаши представлены лепными и гончарными экземплярами. Лепная чаша из погребения 1 округлой формы с выделенным плоским дном изготовлена из грубого теста с шамотом и, возможно, соломой и обожжена на костре (рис. 36, *7*). Четких аналогий в керамике Хорезма она себе не находит, но похожа на сосуды из могильника Уйгарак [15]. Форма, однако, столь маловыразительна, что подыскание аналогий не представляется перспективным.

Чаша из погребения 23 полусферическая, круглодонная, края немного склонены внутрь, изготовлена из плохо промешанной глины. От крупных примесей наружная поверхность выглядит шероховатой и бугристой. Сосуд покрыт снаружи светлым ангобом (рис. 36, *8*). Обжиг неравномерный. Аналогичные чаши найдены на поселении середины I тысячелетия до н. э. Дингильдже [16]. Близкие по форме чаши, но несколько иных очертаний известны в наслоениях нижнего горизонта Кой-Крылган-калы и датируются М. Г. Воробьевой IV—III вв. до н. э. [17].

Гончарные чаши происходят из погребений 2 и 6. Первая (рис. 36, *10*) — глубокая, округлой формы, из тонкого глиняного теста с песком, обожжена не совсем равномерно и покрыта внутри красным ангобом. Вторая (рис. 36, *12*) — открытая, усеченно-конической формы, тесто несколько огрубленное; чрезмерный горновой обжиг придал сосуду равномерную темную, черновато-серую окраску. Поверхность покрыта ангобом. В древности чаша была надколота и отремонтирована. Обе чаши по форме сближаются с найденными в усадьбе близ Дингильдже [18].

Горшочек лепной выделки (рис. 36, *9*) происходит из погребения 28. Он приземистой формы, венчик слегка отогнут наружу в виде раструба и имеет на наклонной площадочке легкую вогнутость. Под венчиком на концах перпендикулярных диаметров расположены сквозные отверстия.

К керамическим изделиям относятся два пряслица, найденные в погребении 28. Одно изи них сделано из толстой стенки гончарного сосуда, второе вылеплено специально (рис. 35, *12*).

Металлические изделия в инвентаре довольно разнообразны. Оружие представлено единственным бронзовым двухлопастным со скрытой втулкой наконечником стрелы (рис. 35, *1*) из погребения 25. Его длина — 3,6 см. Одна лопасть с острым концом опущена ниже втулки, чего нельзя определенно сказать о вто-

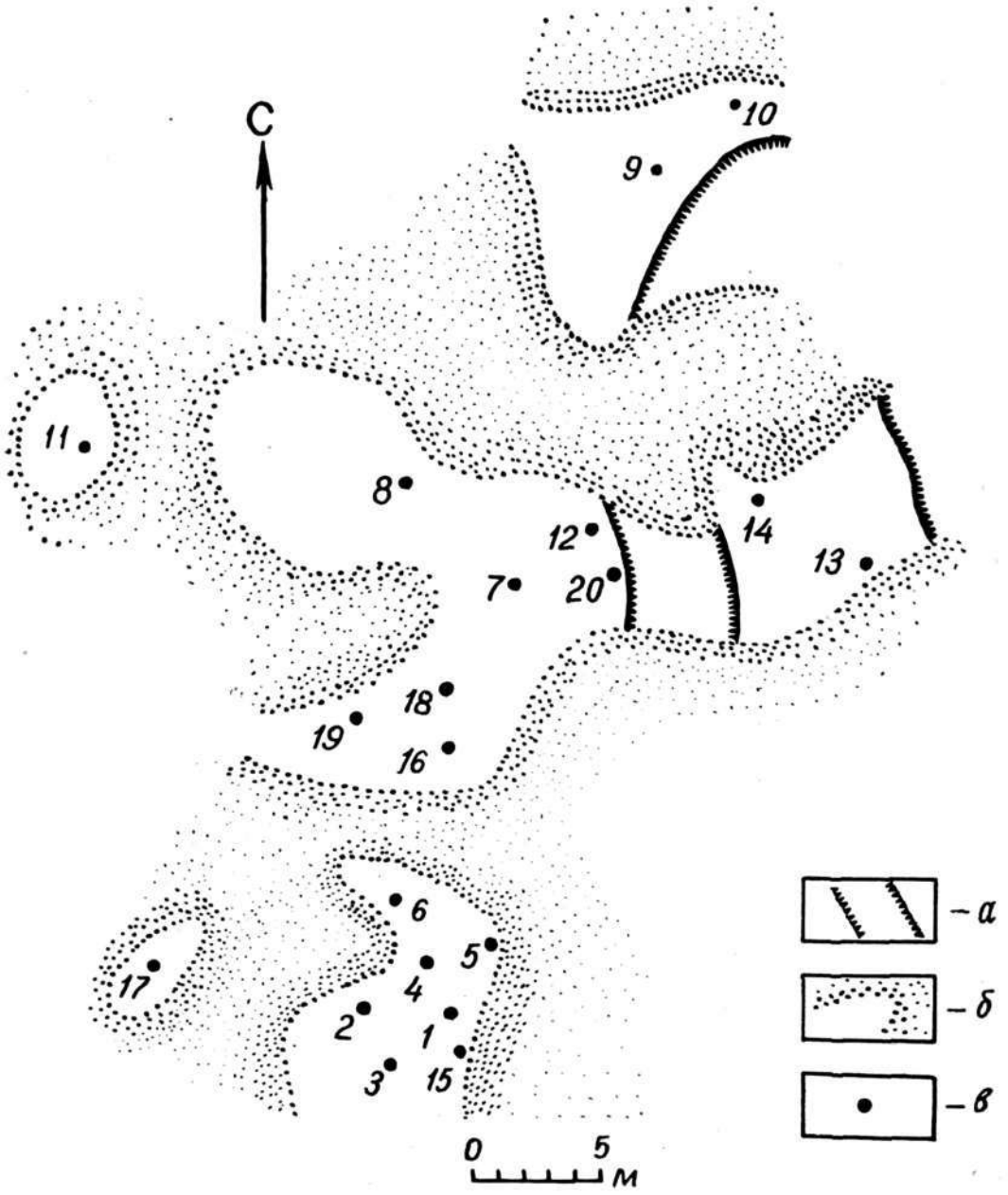

Рис. 33. Схематический план могильника близ Базар-кала (раскопки 1967 г.). Цифрами обозначены погребения:

а — разрушенные участки такыра; б — барханы; в — погребение

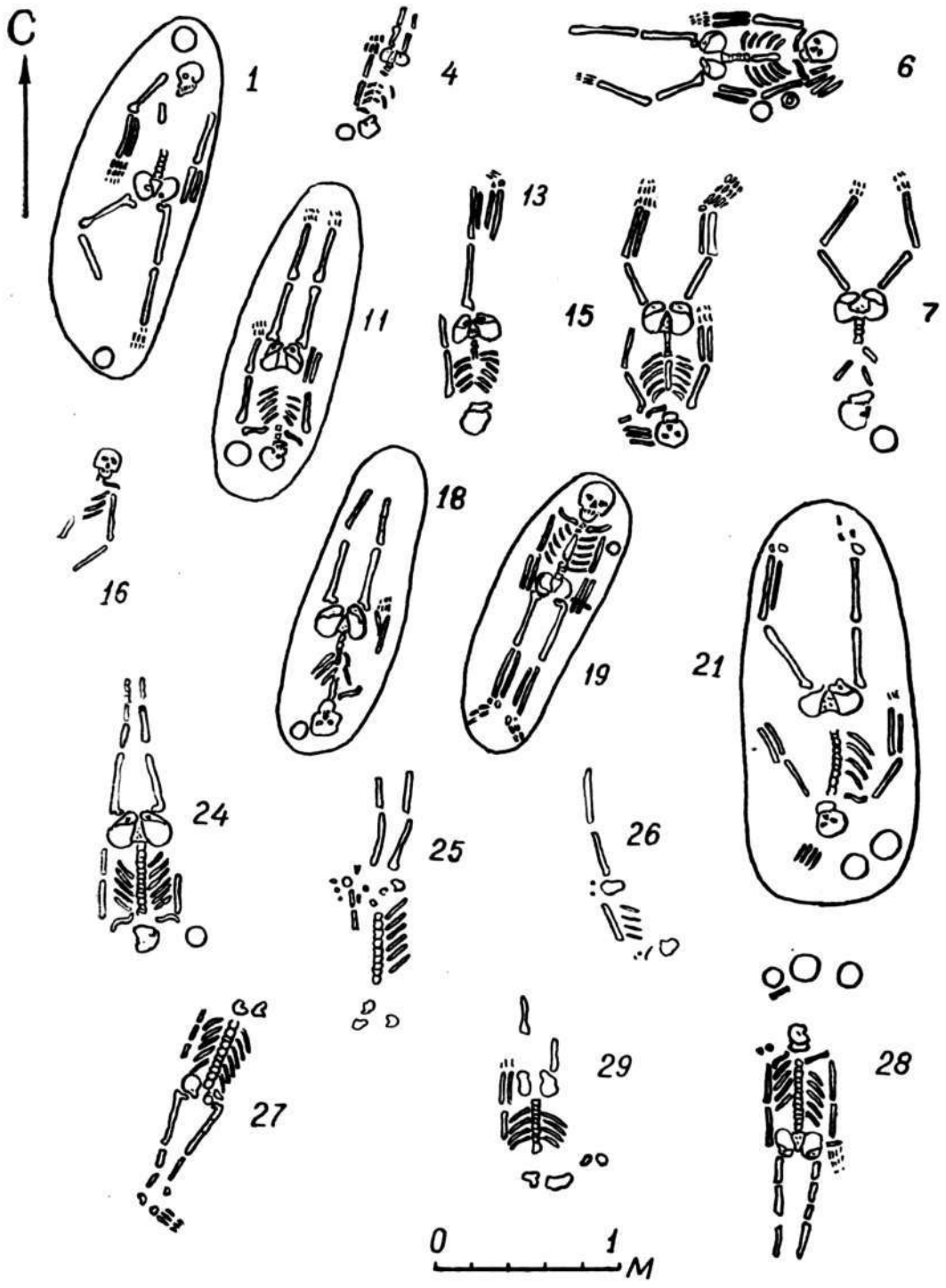

Рис. 34. Могильник около городища Базар-кала. Планы погребений

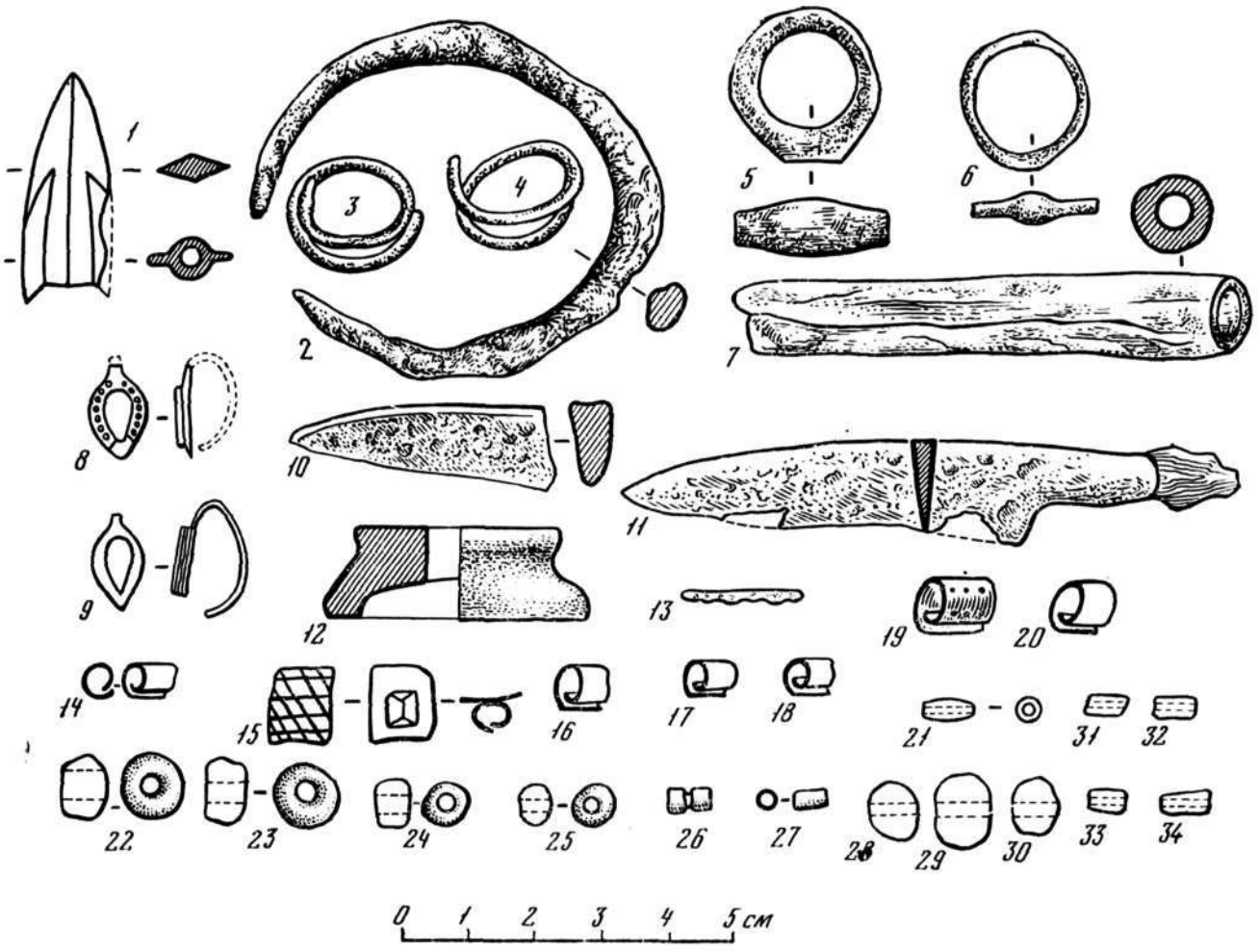

Рис. 35. Могильник близ городища Базар-кала. Погребальный инвентарь

1, 3—6, 8—9, 14—18, 20 — бронза; 2, 10, 11, 13, 19 — железо; 12 — обожженная глина; 21—34 — стекло

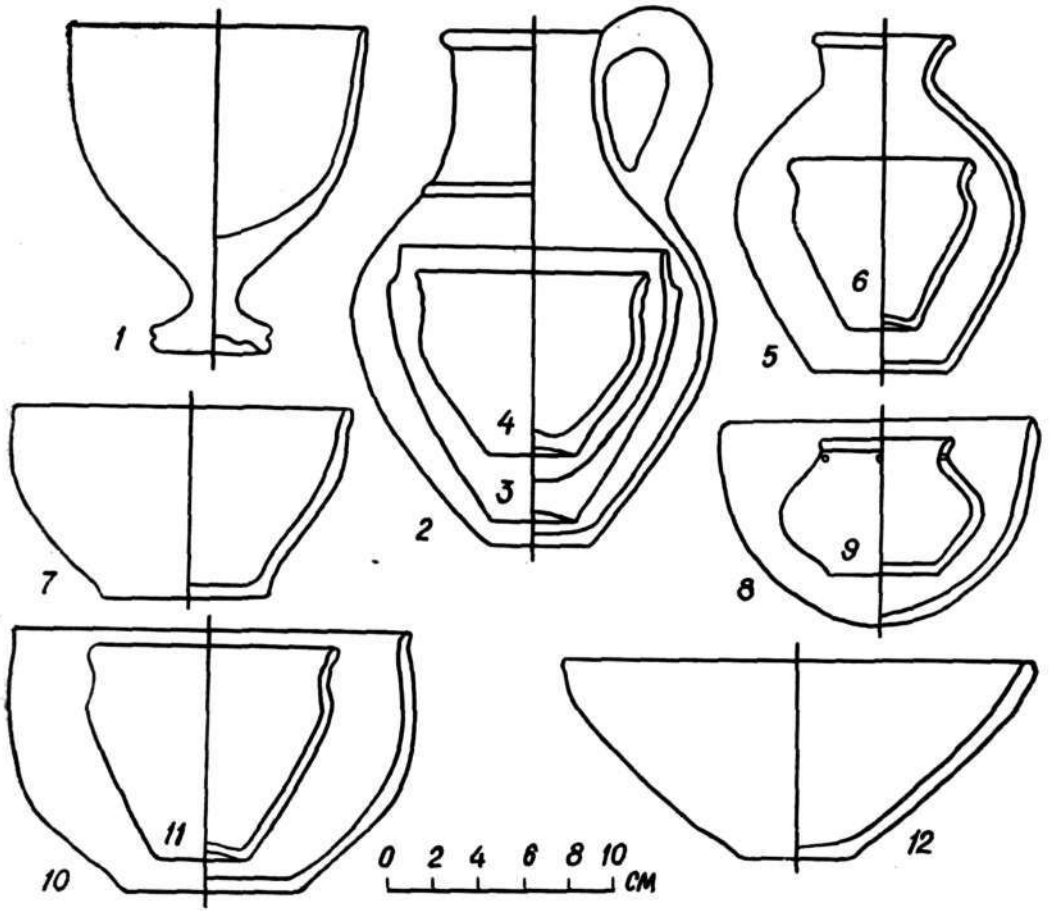

Рис. 36. Керамика из грунтовых могильников Хорезма:

1, 2, 5—12 — могильник близ Базар-кала; 3 — погребение близ Кой-Крылган-кала; 4 — погребение около Куня-Уаза

рой лопасти из-за выемки на ней; боек уплощенно-ромбической формы. Грань на бойке переходит в жилку на втулке. Точных аналогий ему неизвестно. Данный наконечник типологически нужно сравнивать с двухлопастными наконечниками стрел с опущенными ниже втулки лопастями, бытовавшими в VI в. до н. э.[19].

Орудия труда представлены только железными ножами. Они найдены в погребениях 6 и 15 (рис. 35, *10, 11*). Длина целого ножа 9,5 см; у него слегка выгнутая спинка, прямое лезвие и уступ при переходе к короткому черенку, на котором видны следы деревянной рукоятки, крепившейся железной заклепкой. В поперечном разрезе нож клиновидный. Ему можно найти довольно широкий круг аналогий. Однако ни для датировки памятника, ни для определения его культурной принадлежности они практически ничего не дают.

Все остальные металлические изделия представляют собой украшения из железа и бронзы. Два железных браслета с не-

сомкнутыми концами найдены в погребениях 25 и 28. Первый состоит из четырех фрагментов, второй — целый. Диаметр браслета (погребение 25) — 5,5—6 см. Браслет из погребения 28 отличается от него более острыми концами, возможно, благодаря лучшей сохранности. Его диаметр — 5,5—6,3 см, толщина — 7 мм (рис. 35, *2*), в сечении овальный.

Несомкнутые железные браслеты бытуют в течение длительного времени на большой территории. В сакских курганах Уйгарака они датируются VII—VI вв. до н. э.[20]. На Памире (Харгуш II, курган 3) аналогичные браслеты встречены в комплексе V—III вв. до н. э.[21]. Железные браслеты были найдены А. Н. Бернштамом в курганах, датирующихся V—IV вв. до н. э.[22]. В евразийских степях такие браслеты появляются на рубеже V—IV вв. до н. э.[23], но бытуют и в более позднее время — в IV—II вв. до н. э.[24]. Все это показывает, что твердой даты могильника эти браслеты дать не могут.

Совершенно особняком стоит браслет из погребения 19. Он найден на запястье левой руки и представляет собой низку железных и бронзовых бус.

Подвески найдены двух типов. Первый (рис. 35, *3, 4*) происходит из погребения 28 и представляет собой спираль в полтора оборота из бронзовой проволоки толщиной 2 мм. Диаметр подвесок — 2—2,1 см. Такие подвески, или височные кольца, тоже широко распространены. Наиболее древние экземпляры встречены на Яз-депе[25]. В Хорезме они найдены на усадьбе Дингильдже (середина I тысячелетия до н. э.)[26]. У савроматов они начинают распространяться с начала V в. до н. э.[27] и продолжают бытовать в Приуралье и Поволжье вплоть до III—II вв. до н. э.[28]. На Восточном Памире (Памирская 1) они найдены в кургане, который датирован V—IV вв. до н. э.[29]. Известны они и в курганах V—III и IV—III вв. до н. э.[30].

К. Ф. Смирнов считает, что спиралевидные височные кольца с заходящими друг за друга концами происходят из Средней Азии и должны относиться к очень раннему времени[31]. Наиболее позднее бытование аналогичных подвесок отмечено в долине р. Или в памятниках III в. до н. э.— I в. н. э.[32], а также в могильнике Тумек-кичиджик в Северной Туркмении, где они датируются последними веками до нашей эры — I в. н. э.[33].

Своеобразны серьги второго типа (рис. 35, *8, 9*), сохранившиеся парой в погребении 16. Они бронзовые, сердцевидной формы. Дужка из тонкой проволочки припаяна к основе щитка. На тонкий щиток, несколько отступая от его края, напаяна сердцевидная оправа, в которой закреплен той же формы стеклянный глазок, сейчас непрозрачный, зеленоватый. Вокруг оправы по краю щитка на одной серьге имеется зернь. Сходная по форме серьга происходит из погребения 73 могильника Туп-хона. К сожалению, ее рисунок не издан[34]. М. М. Дьяконов считает эту серьгу близкой к сарматским украшениям, хотя аналогий ей

и не приводит. В могильнике Туп-хона эта серьга происходит из погребения того типа, который на основе находок монет датируется I в. до н. э.— I в. н. э.[35].

Два бронзовых перстня найдены в погребении 26 (рис. 35, *5, 6*). Они сходны, только один массивнее другого. Щитки овальной формы, как простое уширение пластинчатой шинки. О наличии на них изображений судить нельзя. Плохая сохранность не позволила подвергнуть их чистке. Аналогичные перстни известны в Хорезме на городище Кой-Крылган-кала[36] и в подъемном материале с комплекса городищ Аяз-кала[37]. Форма перстней настолько проста, что их вряд ли можно отнести к числу четко датируемых украшений.

Железная булавка (?) из погребения 26 сохранилась плохо (рис. 35, *13*).

В погребении 28 найдена костяная трубочка плохой сохранности без явных следов обработки. Ее длина — 7,9 см, диаметр — 1,3 см (рис. 35, *7*).

Бусы являются довольно распространенной находкой. Стеклянные обнаружены в погребениях 8 (1 экз.), 16 (3 низки, всего 101 шт.), 25 (4 экз.), 26 (2 экз.). Бусина из погребения 8 — из мутного желтого стекла (рис. 35, *21*). Форма в продольном сечении близка к овалу. Длина — 11 мм, максимальный диаметр — 6 мм. Бусы из погребения 16 можно классифицировать следующим образом: цилиндрические (2 экз.), изготовленные из голубого прозрачного стекла, длина — 4—5 мм, диаметр — 3—3,5 мм (рис. 35, *27*); двухчастная бусина из бесцветного (?) стекла (1 экз.), длина — 7 мм, диаметр 3,5 мм (рис. 35, *26*); цилиндрические, из белого (?) стекла (11 экз.), длина — 4—6 мм, диаметр — 3—3,5 мм (рис. 35, *33—34*); цилиндрическая, из темного стекла (1 экз.), длина — 7 мм, диаметр — 5 мм; удлиненно-цилиндрическая, из темно-голубого стекла (1 экз.), длина — 8 мм, диаметр — 3,5 мм; удлиненно-цилиндрическая, из желтого стекла (1 экз.), длина — 5,5 мм, диаметр — 2,5 мм; биконусовидная, из стекла неопределенного цвета (1 экз.), длина — 7 мм, максимальный диаметр — 5 мм; эллипсоидально-сегментированной (бочковидной) формы, из стекла темного и желтого цвета (2 экз.), длина — 7—9 мм, диаметр — 5—6 мм; грубошаровидные, сплюснутые с боков, из стекла голубого, желтого и белого (35 экз.), длина их — от 3 до 8 мм, диаметр — 4—12 мм (рис. 35, *28—30*); мелкие, цилиндрические, из голубого прозрачного стекла (46 экз.), длина — 4—6 мм, диаметр — 4—5 мм.

Большая часть бус так сильно иризована, что трудно судить о цвете и степени прозрачности стекла, а в ряде случаев и о первоначальной форме бусин.

Бусы из погребения 25 (рис. 35, *22—23*), 4 экз., и погребения 26 (рис. 35, *24—25*), 2 экз., сделаны из прозрачного стекла с внутренней позолотой. Они цилиндрической формы, со слегка округленными углами. Их диаметр — от 6—7 до 10—11 мм, дли-

на — 7—8 мм. Диаметр отверстия — 3—4 мм. Бусы с внутренней позолотой бытуют в течение длительного времени на значительной территории. В Хорезме они найдены на городище Кой-Крылган-кала в слоях первых веков нашей эры[38]. Собранные на городище Базар-кала относятся к I в. до н. э.[39]. Бусы с позолотой, несколько иной формы найдены на городище Чирик-рабат в круглом (IV—III вв. до н. э.) [40] и квадратном (III—II вв. до н. э.) погребальных сооружениях[41]. На Памире в кургане 10 Джергетальского могильника встречена пронизка из позолоченного стекла[42]. Б. А. Литвинский называет ее бусиной и относит к IV—III вв. до н. э.[43]. В Поволжье бусы с внутренней позолотой появляются на рубеже IV—III вв. до н. э.[44]. В III—I вв. до н. э. они получают широкое распространение на Северном Кавказе[45] и в Приуралье[46].

Бусы из металла, железные и бронзовые, встречены только один раз в составе наборного браслета из погребения 19: он состоял из 11 железных и бронзовых бусин и одной бронзовой пронизки со щитком (рис. 35, *14—20*). Бусы все цилиндрические. Размеры железных: длина — 5—8 мм, диаметр — 7—8 мм; размеры бронзовых: длина — 4,5—6 мм, диаметр — 5—6 мм. Бронзовые бусины сделаны сворачиванием полоски металла без последующего запаивания. Вероятно, так же были изготовлены и железные. Бронзовая пронизка имеет плоский прямоугольный щиток с косыми насечками на нем. Он припаян к бронзовому колечку со сведенными концами.

Аналогии железным бусам нам неизвестны. Бронзовые находят себе параллель прежде всего в грунтовом погребении подростка возле Кой-Крылган-калы. Кроме Хорезма они известны на Памире (Памирская 1, курганы 1, 13) [47], где изготовлены в той же технике и датируются V—IV вв. до н. э.[48]. Из всего проанализированного инвентаря VI вв. до н. э. можно датировать лишь наконечник стрелы. К VI—V вв. до н. э. можно отнести железные браслеты, спиралевидные подвески, но они не принадлежат к числу четко датируемых вещей.

К V в. до н. э. можно отнести сосуды (рис. 36, *8, 10, 12*), близкие по форме дингильджинским. Бокаловидные сосуды (рис. 36, *3, 4, 6, 11*) составляют хорошую группу, которую можно, видимо, датировать не позже начала IV в. до н. э.

Подводя итоги анализу вещей с точки зрения датировки могильника у городища Базар-кала, приходится констатировать, что дата его определяется весьма широко. Наиболее хронологическое схождение вещей, поддающихся более или менее четкой датировке, приходится на IV—III или V—III вв. до н. э.

Подыскание аналогий погребальному обряду по материалам анализируемого могильника оказалось весьма затруднительным. По характеру обряда резко выделяется погребение 22. Оно совершено частично в соответствии с зороастрийской традицией захоронения очищенных костей. Для нашего могильника это вы-

глядит исключением. Плохая сохранность погребения 5 не позволяет считать его совершенным в соответствии с зороастрийской погребальной обрядностью.

В Хорезме известны единичные случаи грунтовых захоронений античного времени.

В 1951 г. в 400—500 м к юго-востоку от Кой-Крылган-калы, на такыре, найдено погребение с трупоположением, очевидно, в грунтовой яме [49]. Погребение сильно разрушено, контуры ямы не читаются. Сосуды, стоявшие в могиле, оказались на поверхности. Подросток лежал в вытянутом положении на спине, головой на северо-восток. Погребальный инвентарь состоял из красноангобированного гончарного бокала (рис. 36, *3*), низки трубчатых бронзовых бус на шее и двух железных колец на руках. В 1,5—2 м от погребения находилась еще одна, тоже разрушенная, могила.

В 1963 г. в Беркуткалинском оазисе, к северо-западу от замка 37, обнаружен грунтовый могильник начала нашей эры [50], сопоставленный исследователем с могильником возле замка 10, обозначенным на плане Беркуткалинского оазиса, снятым С. П. Толстовым [51]. В этом же оазисе южнее замка 36, на такыре, прослеживались разрушенные грунтовые погребения с трупоположением и сосудами. Здесь найдена полусферическая чаша желтоватого цвета. Возле крепости Большой Кырк-кыз, на такыре, было обнаружено погребение с трупоположением [52].

В 1970 г. Левобережным отрядом Хорезмской экспедиции в окрестностях городища Куня-Уаз были отмечены грунтовые захоронения с трупоположением. В одном из них найден гончарный красноангобированный бокал, выходящий на поверхность (рис. 36, *4*). Раскопки могильника не производились.

Важно отметить, что следов курганов ни в одном из описанных случаев не отмечено.

Таким образом, есть основания считать, что грунтовые могильники с трупоположением для Хорезма античного времени — явление не исключительное и не случайное. Но мы о них очень мало знаем, так как они в основном не исследованы.

Вопросы этнической принадлежности могильника остаются во многом неясными.

Преобладание гончарной посуды в погребениях, находящей себе близкие аналогии в хорезмийской керамике, позволяет утверждать, что материальная культура населения, оставившего могильник, находилась под сильным влиянием Хорезма.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Раскопки сотрудника Каракалпакского филиала АН УзССР А. В. Гудковой. Материалы хранятся в Государственном музее искусств Каракалпакской АССР.

[2] Раскопки сотрудника Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР М. Г. Воробьевой. Материалы хранятся в фондах экспедиции.

Авторы пользуются случаем выразить искреннюю признательность М. Г. Воробьевой за возможность использования неопубликованных материалов.

[3] Раскопки сотрудника Государственного музея искусств Каракалпакской АССР Ю. М. Манылова. Материалы хранятся в фондах музея.

[4] Погребения, открытые в 1967 г., идут под номерами 1—20; погребения, раскопанные М. Г. Воробьевой, обозначены номерами 21, 22; захоронениям, зафиксированным в 1968 г., даны номера 23—29.

[5] М. Г. Воробьева. Изображение львов на ручках сосудов из Хорезма.— КСИЭ. Вып. 30, 1958, с. 46.

[6] Кой-Крылган-кала — памятник культуры древнего Хорезма IV в. до н. э.— IV в. н. э.— ТХАЭЭ. Т. 5. М., 1967, с. 102, 103, 317, табл. IV; М. Г. Воробьева. Керамика Хорезма античного периода.— ТХАЭЭ. Т. 4. М., 1959.

[7] С. К. Кабанов. Ареал и эволюция двух древних керамических форм.— СА. 1964, № 3, с. 79—87; А. М. Мандельштам. Кочевники на пути в Индию.— МИА. № 136, М.—Л., 1966, с. 92—95.

[8] А. М. Мандельштам. Кочевники на пути в Индию, с. 157—159.

[9] С. К. Кабанов. Ареал и эволюция двух древних керамических форм, с. 85.

[10] Кой-Крылган-кала, с. 110, 121.

[11] Там же, с. 110.

[12] А. В. Гудкова. Ток-кала. Таш., 1964, с. 19, рис. 5, *16*.

[13] М. Г. Воробьева. Керамика Хорезма античного периода, с. 113.

[14] Там же, с. 114.

[15] О. А. Вишневская. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII—V вв. до н. э.— ТХАЭЭ. Т. 8. М., 1973, табл. XI, *1*; XXII, *13*.

[16] М. Г. Воробьева. Дингильдже. Усадьба середины I тысячелетия до н. э. в древнем Хорезме. М., 1973, с. 141, рис. 42, *11*, *13*.

[17] Кой-Крылган-кала, с. 102, 117, табл. VI, *14*.

[18] М. Г. Воробьева. Дингильдже, рис. 38.

[19] К. Ф. Смирнов. Вооружение савроматов.— МИА. № 101. М., 1961, с. 114, рис. 15, В-1.

[20] О. А. Вишневская. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи, с. 81—82; табл. IX, *1*.

[21] Б. А. Литвинский. Древние кочевники «Крыши мира». М., 1972, с. 29, 58; табл. 20.

[22] А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая.— МИА. № 26. М.—Л., 1952, с. 289, рис. 140, *3*.

[23] К. Ф. Смирнов, В. Г. Петренко. Савроматы Поволжья и Южного Приуралья.— САИ. Вып. Д 1—9. М., 1963, табл. 25, 41, 42.

[24] В. Г. Петренко. Правобережье среднего Приднепровья в V—III вв. до н. э.— САИ. Вып. Д 1—4. М., 1967, табл. 22, *18*; К. Ф. Смирнов. Савроматы. М., 1964, рис. 45, *2в*; 46, *1б*; 71, *21*; М. Г. Мошкова. Памятники прохоровской культуры.— САИ. Вып. Д 1—10. М., 1963, с. 43, табл. 24, *1*.

[25] В. И. Массон. Древнеземледельческая культура Маргианы.— МИА. № 73. М.—Л., 1959, табл. XXXIII, *6*; XXXIV, *17*.

[26] М. Г. Воробьева. Дингильдже, с. 162—164, рис. 46, *12*.

[27] К. Ф. Смирнов. Савроматы, с. 143, рис. 26, *3б*; 39, *2а*; 40, *2е*; 45, *2б*; 48, *2з*; К. Ф. Смирнов, В. Г. Петренко. Савроматы Поволжья и Южного Приуралья, табл. 25, *13—16*.

[28] М. Г. Мошкова. Памятники прохоровской культуры, с. 44, табл. 29, *1—4*, *7*, *12—28*.

[29] А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки, с. 289.

[30] Б. А. Литвинский. Древние кочевники «Крыши мира», с. 29, 59, 60.

[31] К. Ф. Смирнов. Савроматы, с. 143.

[32] К. А. Акишев, Г. А. Кушаев. Древняя культура саков и усуней реки Али. А.-А., 1963, с. 179, 189.

[33] Б. И. Вайнберг. Могильник Тумек-кичиджик в Северной Туркмении.— АО 1972 г. М., 1973, с. 477.

[34] М. М. Дьяконов. Работы Кафирниганского отряда.— МИА. № 15. М.—Л., 1950, с. 171.

[35] Там же, с. 160, 171, 176.

[36] Кой-Крылган-кала, с. 155, табл. XVIII, *3*.

[37] С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, с. 110, рис. 45.

[38] Кой-Крылган-кала, с. 152, табл. XVII, *23—25*.

[39] И. В. Пташникова. Бусы древнего и раннесредневекового Хорезма.— ТХАЭЭ. Т. 1. М., 1952, с. 111, табл. IV, *1*.

[40] С. А. Трудновская. Круглое погребальное сооружение на городище Чирик-рабат.— МХЭ. Вып. 6. М., 1963, табл. 9, *29, 31, 32*.

[41] В. А. Лоховиц. Раскопки квадратного погребального сооружения на городище Чирик-рабат.— МХЭ. Вып. 6, с. 219.

[42] А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки, с. 31.

[43] Б. А. Литвинский. Древние кочевники «Крыши мира», с. 75.

[44] К. Ф. Смирнов. Савроматы, с. 151.

[45] В. Б. Виноградов. Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Грозный, 1963, с. 47.

[46] М. Г. Мошкова. Памятники прохоровской культуры, с. 45. табл. между с. 300 и 301, № 23.

[47] А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки, с. 288, 299, 314, табл. между с. 300 и 301, № 23.

[48] Там же, с. 325; Б. А. Литвинский. Древние кочевники «Крыши мира», с. 28.

[49] Погребение обнаружено художником Хорезмской археолого-этнографической экспедиции И. В. Савицким. См.: Кой-Крылган-кала. с. 230. Сведения о погребальном инвентаре получены также от И. В. Савицкого, за что авторы выражают ему свою признательность.

[50] Е. Е. Неразик. Сельские поселения афригидского Хорезма. М., 1966, с. 9.

[51] С. П. Толстов. Древний Хорезм, рис. 76.

[52] О двух последних фактах нам сообщила Е. Е. Неразик, за что авторы приносят ей глубокую благодарность.

Л. М. Левина

СРЕДНЕАЗИАТСКИЕ СВЯЗИ ДЖЕТЫАСАРСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ Н. Э.

В настоящее время широко развернулись работы по изучению присырдарьинских памятников. Уже более 10 лет существует огромная Отрарская экспедиция АН КазССР, проводящая не только очень большие работы на самом городище Отрар, но и планомерные широкие исследования всего оазиса; много лет ведутся работы Ташкентской экспедицией АН УзССР, исследовавшей не один десяток могильников и городищ в Ташкентском оазисе; возобновила работы в Джетыасарском урочище Хорезмская экспедиция ИЭ АН СССР. Углубленное изучение культур нижней и средней Сырдарьи поднимает множество проблем, среди которых одними из главных остаются проблемы дальнейшего уточнения периодизации и хронологии. Однако весьма сильный консерватизм материалов как джетыасарской, так и отрарско-каратауской и каунчинской культур, их известный внешний архаизм чрезвычайно затрудняют решение этих вопросов.

В свете этой проблематики представляется важным выявление контактов джетыасарской и среднесырдарьинских культур (отрарско-каратауской и каунчинской).

Более трех десятилетий назад Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция ИЭ АН СССР начала работы в районе левобережья современной нижней Сырдарьи, в бассейне одного из старых русел Сырдарьи — Кувандарьи, в обширном равнинном районе, пересеченном многочисленными разветвлениями сухих русел Пракувандарьи и ее протоков.

Открытые здесь сильно укрепленные джетыасарские городища с мощными культурными напластованиями сразу же привлекли пристальное внимание С. П. Толстова, который и в дальнейшем уделял им много места в своих трудах. Первое описание культуры и классификация ее памятников даны были С. П. Толстовым еще в 1948 г.[1]. Дальнейшие работы экспедиции позволили уточнить первоначальную периодизацию и внести в нее некоторые коррективы. Так, например, исследования джетыасарской материальной культуры дали возможность выделить пока не менее трех крупных этапов в ее развитии и определить верхнюю границу существования ее в этом районе (IX в.) [2].

В настоящее время экспедиция возобновила работу в Джетыасарском урочище. Уже первые раскопки установили комплексный характер хозяйства джетыасарцев, в котором земледелие, базирующееся на использовании естественных протоков, сочеталось с широким распространением рыболовства, охоты и оседлым скотоводством.

Для джетыасарской материальной культуры характерны необычайная устойчивость и внешняя архаичность.

Узловой проблемой в изучении этой весьма своеобразной культуры является вопрос о времени ее появления на территории Джетыасарского урочища. Решение этой сложной задачи (учитывая мощность наслоений джетыасарских городищ и особый консерватизм ее материальной культуры), безусловно, пролило бы свет и на проблему происхождения носителей джетыасарской культуры, помогло бы в определении их этнической принадлежности. Мы еще далеки от решения этой задачи, но уже сейчас можем предположить, что массивы большинства джетыасарских городищ были воздвигнуты на территории урочища не позднее чем во второй половине или даже середине I тысячелетия до н. э.

Джетыасарская культура частично освещена в работах С. П. Толстова и сотрудников экспедиции[3], здесь отметим лишь, что на первых этапах ее существования для нее характерно наличие мощнейших (возможно, двух-трехэтажных), сильно укрепленных крепостей, расположенных в непосредственной близости от русел и окруженных курганными могильниками. Никакой сельской округи в виде неукрепленных поселений здесь не было.

Далекие западные и восточные связи джетыасарцев требуют специального исследования. Остановимся лишь на среднеазиатских связях джетыасарской культуры не позднее середины I тысячелетия н. э.

Своеобразие джетыасарской культуры выражается не только во внешнем архаическом облике ее материальной культуры (в частности, керамики), резко отличной от других среднеазиатских культур, в ее архитектуре, планировках, но и в характере ее взаимоотношений с соседями — резкой обособленности от одних, территориально близких ей культур и одновременно тесной связи с другими. Так, например, на определенном отрезке времени территориально наиболее близкими соседями джетыасарцев были носители чирикрабатской культуры. Хотя места расселения носителей этих двух культур не разделены никакими серьезными водными или другими преградами, никаких следов контактов с джетыасарцами пока не зафиксировано ни на обследованных ста пятидесяти сельских поселениях чирикрабатской культуры, ни на подвергшихся раскопкам четырех городищах (Чирикрабат, Бабиш-Мулла 1, Баланды 1, Сенгиркала). Те несколько черепков, которые найдены в слоях «Большого

дома» Бабиш-Мулла 1 и в одном из погребальных комплексов Чирик-рабата и которые могут принадлежать не более чем трем сосудам близкого джетыасарским облика, составляют исключение и скорее могут свидетельствовать лишь об эпизодическом торговом или каком-либо ином контакте. В то же время мы видим свидетельства теснейших взаимных контактов джетыасарской и среднесырдарьинских культур (отрарско-каратауской и каунчинской).

Джетыасарская и среднесырдарьинские культуры имели немало общих черт: одинаковое обязательное расположение городищ непосредственно вблизи естественного водного источника на высоких берегах рек или протоков, наличие мощного культурного слоя на городищах, окружение последних курганными могильниками и, наконец, один и тот же характерный набор посуды с близкой технологией ее изготовления. Эти общие для указанных трех присырдарьинских культур черты, вероятно, в какой-то степени могут быть объяснены одинаковым типом хозяйства, в значительной степени обусловленного спецификой физико-географических условий. Как для джетыасарской, так и для среднесырдарьинских культур основным направлением хозяйства было богарно-лиманное земледелие, сочетающееся с оседлым отгонным скотоводством. При наличии этих общих черт в указанных трех присырдарьинских культурах каждая из них обладает достаточным количеством специфических индивидуальных признаков. Для керамических комплексов каждой из них свойственны характерные пропорции и формы сосудов, приемы отделки и орнаментации, сохраняющиеся на всем протяжении существования данной культуры. При этом определенные временные и другие изменения касались лишь отдельных деталей формы, элементов орнаментации. Однако и эти детали и элементы на характерных для каждой культуры предметах помогают определить не только сам факт контактов, но и их хронологические рамки. Более того, именно эти теснейшие культурные контакты джетыасарской и среднесырдарьинских культур помогли нам в свое время выделить хронологические этапы внутри этих культур, прежде всего отделить этап Каунчи I от Каунчи II. Речь идет именно о культурных, а не о торговых связях или контактах. В материалах памятников одной из рассматриваемых трех присырдарьинских культур не просто находим отдельные предметы быта, характерные для другой присырдарьинской культуры (например, в джетыасарской культуре отрарско-каратауские сосуды и наоборот), но прежде всего отмечаем на массовом бытовом материале одной культуры элементы и черты, чрезвычайно характерные для другой. Эти факты свидетельствуют о глубине и длительности связей между джетыасарской и среднесырдарьинскими культурами.

Когда же возникли эти связи и где была основная территория этих долговременных и тесных контактов?

Последние работы Хорезмской экспедиции на территории Джетыасарского урочища позволяют говорить о том, что контакты эти уходят в глубь I тысячелетия до н. э. (возможно, это последние века до нашей эры).

В материалах джетыасарской культуры, датируемых не позднее II в., присутствует значительное число форм и элементов, характерных для среднесырдарьинских культур (вероятно, прежде всего отрарско-каратауских).

Несколько иначе обстоит дело с отрарско-каратауской культурой. И в этом районе, как и в Джетыасарском урочище, материалы раннего этапа этой культуры (предварительная датировка его от I в. до н. э. до конца III в. н. э.) были получены лишь в последнее время. Однако уже сейчас можно констатировать наличие в них небольшого числа характерных джетыасарских элементов.

Так, на северных склонах Каратау, в материалах городища первых веков нашей эры Ак-тобе, близ Баба-ата, были кувшины с парными сливами по краю, валики, опоясывающие горло, определенные формы фляг со сливами по краю и др. Джетыасарскую керамику в комплексе городища Тик-Турмас отмечали исследователи этого городища [4]. Отдельные сосуды и детали, характерные для джетыасарской керамики, встречаем и на таких городищах Отрарского оазиса, как Ордакент, Ак-тоган, Келин-тобе и ряд других [5].

В то же время в каунчинской культуре Ташкентского оазиса на первом этапе ее развития предметов и элементов, характерных для джетыасарской культуры, мы не имеем. В настоящее время и в этом районе известно лишь небольшое число памятников каунчинской культуры первого этапа (кстати, все они тяготеют к правому берегу Сырдарьи и располагались или непосредственно на Сырдарье, или в дельтах ее крупных правых притоков [6]), но в них пока не обнаружено никаких джетыасарских предметов или элементов.

Таким образом, для времени не позднее III в. отмечается широкое распространение среднесырдарьинских (вероятно, прежде всего отрарско-каратауских) форм и элементов в памятниках джетыасарской культуры, в то время как в отрарско-каратауской мы видим лишь единичные находки отдельных джетыасарских форм и элементов в основном в материалах городищ, расположенных на северной, западной и северо-западной окраине региона, при одновременном полном отсутствии каких-либо джетыасарских черт в материалах ранних каунчинских памятников Ташкентского оазиса.

Нам кажется возможным в настоящий момент высказать предположение, что территорией длительных тесных контактов джетыасарской и среднесырдарьинских культур, местом, где происходило первоначальное органическое слияние некоторых характерных для каждой культуры элементов, изначально была

северо-западная окраина ареала отрарско-каратауской культуры.

Положение резко меняется в конце первого и начале второго этапов существования среднесырдарьинских культур, т. е. в конце III — начале IV в. н. э.

Значительно сокращается число среднесырдарьинских элементов в материалах джетыасарских городищ и, наоборот, повсеместно отмечается большое число джетыасарских форм и элементов в материалах как отрарско-каратауской, так и каунчинской культур. Характерные джетыасарские формы кружек, кувшинов со сферическим туловом, крутыми плечиками, четко отделенными от прямого высокого горла, со своеобразным отогнутым наружу венчиком и другие, наряду с такими элементами, как различные варианты горизонтального рифления на горле кувшинов — среднесырдарьинских по пропорциям и отделке, типично джетыасарское лощение, аналогичный джетыасарскому прорезной геометрический орнамент на плечиках и тулове сосудов, округлой формы слив на краю сосуда или цилиндрического носика, столь типичного для каунчинской культуры,— все эти формы и элементы чрезвычайно широко распространяются в памятниках среднесырдарьинских культур (прежде всего каунчинской) на рубеже первого и второго ее этапов. Наряду с отмеченными выше многочисленными джетыасарскими формами и элементами, особенно заметными в материалах городищ каунчинской культуры, расположенных в непосредственной близости правого, высокого берега Сырдарьи (например, Шаушукум-тобе, Ахмад-тепе, Канка и др.) [7], в Ташкентском оазисе широко распространяются также новые типы погребальных сооружений, нехарактерные для каунчинской культуры первого этапа. Это грунтовые и подбойные захоронения, подземные и полуподземные склепы. Наблюдаются изменения и в погребальном обряде каунчинцев — уменьшается количество коллективных захоронений в типичных по конструкции каунчинских катакомбах, в погребальном инвентаре появляется оружие. Все эти новые черты в погребальном обряде и в материальной культуре затем широко распространились по всей территории Ташкентского оазиса. Именно в этот период (на рубеже первого и второго этапов) для каунчинской культуры отмечается повсеместное возникновение городищ, особенно в центральном и юго-восточных районах Ташкентского оазиса [8].

Возможным объяснением этих явлений может служить движение значительной массы джетыасарского населения, уже основательно смешавшегося с населением отрарско-каратауского оазиса, вверх по Сырдарье, в районы расположения родственной им каунчинской культуры. Первопричин этого движения могло быть несколько. В III—IV вв. в самом Джетыасарском урочище прекращается жизнь на некоторых городищах. Возможно, это было связано с затуханием части русел (что хорошо

прослеживается в юго-западной части урочища), в то же время это могло произойти и в связи с проникновением в низовья Сырдарьи новых масс населения с востока (или северо-востока), что вызвало в дальнейшем появление хорошо заметных новых элементов в джетыасарской культуре.

Гораздо больший разнобой в погребальном инвентаре, большее количество джетыасарских элементов в керамике, отмечаемое на каунчинских памятниках, расположенных на самой Сырдарье или в непосредственной близости от нее, по сравнению с каунчинскими памятниками глубинных районов Ташкентского оазиса свидетельствует о том, что именно по правому, высокому берегу Сырдарьи продвигалась, очевидно, уже заметно культурно растворившаяся среди отрарско-каратауского населения часть джетыасарцев, увлекая за собой местное каунчинское население.

Факт культурного влияния каунчинцев на соседние районы Ферганы, Согда, Усрушаны и более южные районы, а также и отдаленные районы Бухарского оазиса (городища Сеталак и Қызыл-Кир, могильник Хазара) [9] уже отмечался в литературе, в частности и нами. Так как эти вопросы выходят за рамки поставленной задачи, я не буду здесь подробно останавливаться на этих фактах. Скажу лишь, что если, например, в центральных и восточных частях Ферганской долины каунчинские предметы являются эпизодическими (находки на БФК, кружка с зооморфной ручкой из Гайрат-тепе из слоя III—V вв.) [10], то в могильниках и поселениях западных и особенно северо-западных районов Ферганы они составляют подавляющее большинство в материальных комплексах исследованных памятников [11]. Сказанное относится и к погребальным памятникам прежде всего типа курумов и мугхона [12], и к поселениям этого же района, таким, как Қзыл-тепе (Тудаи-Қалон) [13]. Хочется подчеркнуть также, что детальный анализ материалов данных памятников подводит к выводу, что период появления и распространения каунчинской керамики в районах Западной Ферганы был не ранее конца первого и начала второго ее этапа, т. е. конца III—IV в. При этом на поселении Қзыл-тепе (Тудаи-Қалон) расположенном на правом берегу Сырдарьи ощущаются и джетыасарские элементы.

Таким образом, среднеазиатские связи джетыасарской культуры в первой половине I тысячелетия н. э. сосредоточены в присырдарьинских районах. Однако здесь они видны достаточно отчетливо и через территории расселения носителей отрарско-каратауской и каунчинской культур прослеживаются далеко на юг и юго-восток. Бесспорные джетыасарские черты фиксируются в юго-западных районах Ферганы (Тудаи-Қалон). В западных же районах, где хорошо прослеживаются каунчинские элементы, джетыасарские уже незаметны.

В настоящий момент речь идет о таких контактах присырдарьинских культур, чьи материалы в стратиграфической колон-

ке лежат намного ниже тех материалов, по которым можно судить и о тюркском и о согдийском культурных влияниях на присырдарьинские районы средней и нижней Сырдарьи.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948, с. 125—140.

[2] Л. М. Левина. Керамика нижней и средней Сырдарьи в I тысячелетии н. э. Автореф. канд. дис. М., 1967, с. 6; она же. Керамика нижней и средней Сырдарьи в I тысячелетии н. э.— ТХАЭЭ. Т. 7. М., 1971, с. 10—86, 241.

[3] С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации, с. 125—140; он же. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция в 1948 г.— «Известия АН СССР». Серия истории и философии. 1949, № 3, с. 246—254; он же. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР (1945—1948 гг.).— ТХАЭЭ. Т. 1. М., 1952, с. 16—29; он же. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция в 1949 г.— «Известия АН СССР». Серия истории и философии. 1950, № 6, с. 521—531; он же. Археологические работы Хорезмской экспедиции в 1951 г.— СА. 19, 1954, с. 258—262; он же. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг.— ТХАЭЭ. Т. 2. М., 1958, с. 235—252; он же. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962, с. 186—198; Л. М. Левина. Керамика нижней и средней Сырдарьи, с. 10—89, 225—242.

[4] Т. Н. Сенигова. Поселение Ак-тобе.— ТИИАЭ АН КазССР. Т. 14, А.-А., 1962, с. 73; Л. И. Рempель. Археологические памятники в далеких низовьях Таласа.— ТИИАЭ АН КазССР. Т. 1. А.-А., 1956, с. 61—72.

[5] К. А. Акишев, К. М. Байпаков, Л. Б. Ерзакович. Древний Отрар. А.-А., 1972, с. 146, рис. 111, *4, 9, 20, 23*; с. 153; Л. М. Левина. Керамика нижней и средней Сырдарьи, с. 201—206.

[6] Ю. Ф. Буряков, М. Р. Касымов, О. М. Ростовцев. Археологические памятники Ташкентской области. Таш., 1973, с. 50—51, 56, 58; Ю. Ф. Буряков. *Историческая топография Ташкентского оазиса*. Таш., 1975, с. 186.

[7] См. также материалы таких городищ отрарско-каратауского района, как Кос-тобе, Келин-тобе, Ботай-тобе, Кок-тобе и др. См.: К. А. Акишев, К. М. Байпаков, Л. Б. Ерзакович. Древний Отрар, с. 127, 132—133, 146—147, 150—151 и др.; Л. М. Левина. Керамика нижней и средней Сырдарьи, с. 205 (Абыз-тобе). Для Ташкентского оазиса см:. Ю. Ф. Буряков. Историческая топография, с. 130—131 (Намудлыг); он же. Археологические материалы по истории Тункета и Абрлыга.— «Материалы по истории Узбекистана». Таш., 1966, с. 76—96; Ю. Ф. Буряков, Г. Дадабев. Памятники античного времени в Ташкентском оазисе.— ИМКУ. Вып. 10. Таш., 1973, с. 38—51; А. Г. Максимова, М. С. Мерщиев, Б. И. Вайнберг, Л. М. Левина. Древности Чардары. А-А., 1968, с. 107, 154, рис. 22, *13, 17*; Л. М. Левина. Керамика, с. 142 (рис. 50, *1—20, 30—32*; с. 151, рис. 52, *21, 22*) и др.; К. Абдуллаев. Археологическое изучение городища Канка (1968—1972).— ИМКУ. Вып. 12. Таш., 1975, с. 135.

[8] Ю. Ф. Буряков. Историческая топография Ташкентского оазиса, с. 13, 28, 34, 40, 41, 50, 54, 189, 190 и др.

[9] Б. Ураков. Керамические комплексы позднеантичных памятников Кызыл-Кыр 1 и Сеталак 1.— ИМКУ. Вып. 12. Таш., 1975, с. 91—97; О. В. Обельченко. Курганы около сел. Хазара.— ИМКУ. Вып. 4. Таш., 1963, с. 57—65.

[10] Т. Г. Оболдуева. Отчет о работе первого отряда археологической экспедиции на строительстве БФК.— ТИИА АН УзССР. Т. 4. Таш., 1951, т. 1, *1, 8*; табл. II, *6*; табл. IX, *8*; В. И. Козенкова. Гайрат-тепе.— СА. 1964, № 3, с. 232, рис. 6, *4*, с. 235.

[11] Н. Г. Горбунова. О локальных особенностях в культуре древней Ферганы.— СА. 1970, № 1, с. 74—86.

[12] М. Э. Воронец. Археологические исследования Института истории и археологии и Музея истории УзССР на территории Ферганы.— Труды Музея истории УзССР. Вып. 2. Таш., 1954, с. 53—85; С. С. Сорокин. Некоторые вопросы происхождения керамики катакомбных могил Ферганы.— СА. 20, 1954, с. 136; он же. Среднеазиатские подбойные и катакомбные захоронения как памятник местной культуры.— СА. 24, 1956, с. 97—117; Б. А. Литвинский. Курганы и курумы Западной Ферганы. М., 1972; он же. Керамика из могильников Западной Ферганы. М., 1973, табл. 1, *12*; 2; 3; 6; 7; 11; 28; 34; 35.

[13] Е. Д. Салтовская. О раскопках античных поселений в районе Аштa.— ТИИ АН ТаджССР. Т. 31. Душ., с. 163—166; она же. Раскопки на Кзыл-тепе в 1960 г.— ТИИ АН ТаджССР. Т. 34. Вып. 8, 1962, Душ.; она же. Раскопки на Тудаи-Калон в 1961 г.— ТИИ АН ТаджССР. Т. 42. Душ., 1964, с. 45—52; она же. О резных костяных предметах первых веков нашей эры из Аштa.— «Известия АН ТаджССР». Вып. 2(52). Душ., 1968, с. 107; она же. О некоторых археологических памятниках и находках в Аштском районе.— Материальная культура Таджикистана. Душ., 1968, с. 142—161.

Н. Г. Горбунова

ДРЕВНИЙ ФЕРГАНСКИЙ КОСМЕТИЧЕСКИЙ ПРИБОР

В могилах и на поселениях Ферганы постоянно встречаются небольшие каменные стерженьки, заостренные с одной или с обоих концов, часто с отверстием в тупом конце. Вместе с ними неоднократно находили кусочки графита с ложбинкой на одной стороне. Причем ложбинка обычно бывает заполирована до блеска от трения каменной палочки, на одном из концов которой видны иногда и следы графита. Эти стерженьки служили для подкраски глаз. Носят они название «сурьматаш» и известны у населения Памира вплоть до наших дней [1].

О них уже неоднократно писали [2], наиболее полная сводка содержится в недавно вышедшей книге Б. А. Литвинского, где собраны сведения почти обо всех находках и приводится библиография [3]. В связи с этим в данной статье эти сведения будут только дополнены, но в прилагаемой карте отражены все учтенные находки. Б. А. Литвинский предлагает также типологию сурьматашей, которая кажется несколько дробной. Можно было бы ограничиться предложенными им двумя отделами (односторонние стерженьки и двусторонние) и в первом ограничиться двумя типами — без отверстия для подвешивания и с отверстием, исключив отдельные экземпляры необычных форм, что, как будет видно ниже, дает более наглядную картину. В данной статье вопрос о сурьматашах рассматривается с точки зрения происхождения этого косметического прибора и его ареала.

Наиболее ранние из сурьматашей найдены в женских погребениях ферганских могильников актамского типа (VI—III вв. до н. э.). Это тоненькие, заостренные с одного конца стерженьки длиной 5—8 см, в сечении могут быть круглыми, уплощенными, подквадратными толщиной менее 1 см (рис. 37, *1* и *2*). Куски графита мелкие (рис. 1, *6*). Общее число находок свыше 30 экземпляров [4]. Миниатюрный сурьматаш с отверстием встречен только один — в могильнике Дашти-Ашт [5]. За пределами Ферганы для этого времени известны единичные находки в Алайской долине [6] и в могильнике Кайнар-Булак в Чуйской долине [7]; в последнем случае форма неясна. Не исключено, что отдельные экземпляры еще будут найдены в смежных с Ферганской долиной районах.

Для следующего периода, перед рубежом нашей эры, переходного в смысле культуры в древней Фергане, мы знаем мало

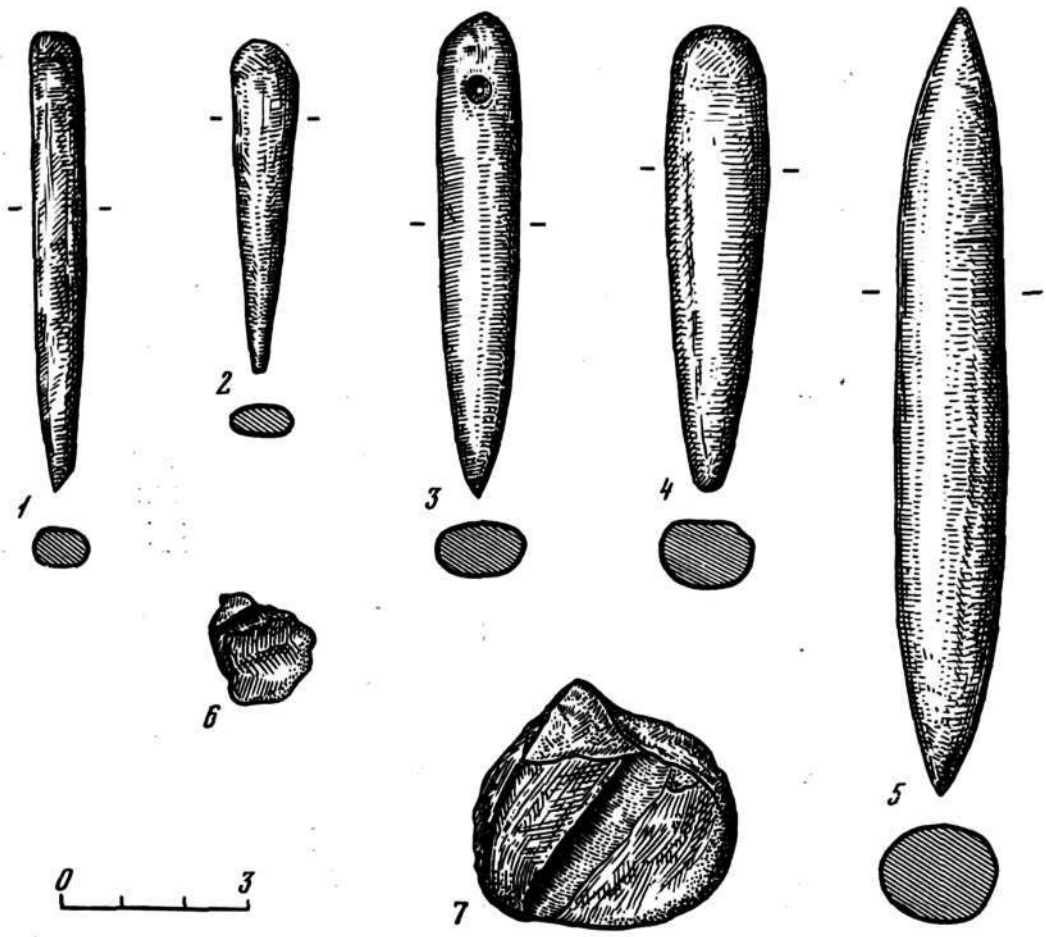

Рис. 37. Типы сурьматашей:

1, 2, 6 — VI—III вв. до н. э.; 3–7 — I пол. I тысячелетия н. э. (3 — I тип, 4 — II тип, 5 — III тип)

памятников. К этому или несколько более позднему времени относятся сурьматаш с городища Шурабашат[8] и стерженьки из каменных ящиков у сел Багджой Наманганской области (форма неясна)[9].

Иные сурьматаши распространены в Фергане в первой половине I тысячелетия н. э. Можно выделить три основных типа: 1) крупные, до 10 см длиной и до 1 см толщиной, с заостренным одним концом и отверстием в другом (рис. 37, *3*) (типы 1, 2 и 3, по Б. А. Литвинскому); 2) подобные, но без отверстия (рис. 37, *4*) (входят в тип 1, 2 у Б. А. Литвинского); 3) крупные веретенообразные сурьматаши, достигающие 12—13 см в длину (рис. 37, *5*) (тип. II, 1а, по Б. А. Литвинскому). Следует добавить, что среди первых двух типов встречаются и более мелкие, но они единичны и пока не выделяются в обособленную группу. Более существенно, что крупные сурьматаши не встречаются среди ранних, VI—III вв. до н. э. Все типы встречаются

по всей долине, но в разных количественных соотношениях. Так, из 63 учтенных сурьматашей нашего 1-го типа 60 найдено в западной части долины, тогда как из 60 экземпляров, 2-го и 3-го типов 23 найдено в западной части, а остальные — в Восточной Фергане [10], т. е. сурьматаши с отверстием более характерны для западных районов долины, тогда как без отверстия — для восточных. (К сожалению, мы не располагаем сведениями о количестве и типах сурьматашей в таком крупном могильнике западной Ферганы, как Карабулакский. Там были, видимо, как те, так и другие.)

За пределами Ферганы для этого времени сурьматаши известны в памятниках Алая, Чаткала, Ташкентского оазиса, долины Кетмень-тюбе и Таласской долины [11]. Опубликованных данных недостаточно для количественного учета находок, но определенно можно говорить о том, что сурьматаши с отверстием — обычная находка во всех перечисленных районах и на поселениях и в могильниках, тогда как 2-й и 3-й типы, как справедливо отмечал И. Кожомбердыев, характерны лишь для Ферганы, а точнее — для восточных ее районов. За пределами очерченного ареала — Фергана — Алай — Ташкент — Чаткал — Кетмень-тюбе — Талас — для этого времени отмечены единичные находки в погребениях в Южном Таджикистане [12]. По поводу Восточного Туркестана вопрос следует пока оставить открытым [13].

В Индии, как справедливо отмечает Б. А. Литвинский [14], был распространен обычай подводить глаза сурьмой, но для этого употреблялись иные косметические приборы (бронза, кость). Там нет ни каменных сурьматашей, ни графита.

Следует отметить, что сурьматаши отнсятся к числу находок, о которых не всегда упоминают в публикациях. Но даже если впоследствии выявятся еще отдельные находки в различных местах Средней Азии и за ее пределами, это не изменит четко наметившегося ареала для первой половины I тысячелетия н. э.

Для эпохи раннего средневековья известны находки сурьматашей с отверстиями в Уструшане, Согде, курганах Иссык-Куля, т. е. они распространяются несколько шире, но количество их сокращается, в том числе и в пределах указанного выше ареала. Попадаются они и в более поздних памятниках, причем, насколько можно судить, 1-го типа, с отверстием. В наше время у жителей Западного Памира встречается и тот и другой тип, что в данном случае связано с манерой ношения — на груди или в специальном косметическом мешочке.

Из приведенного обзора следует, что наиболее древние сурьматаши с графитом зафиксированы в Фергане, где, по-видимому, и возник косметический прибор такого типа, хотя сам обычай подкрашивать глаза действительно очень древний. Но в данном случае речь идет о типе прибора, а не об истоках этого обычая.

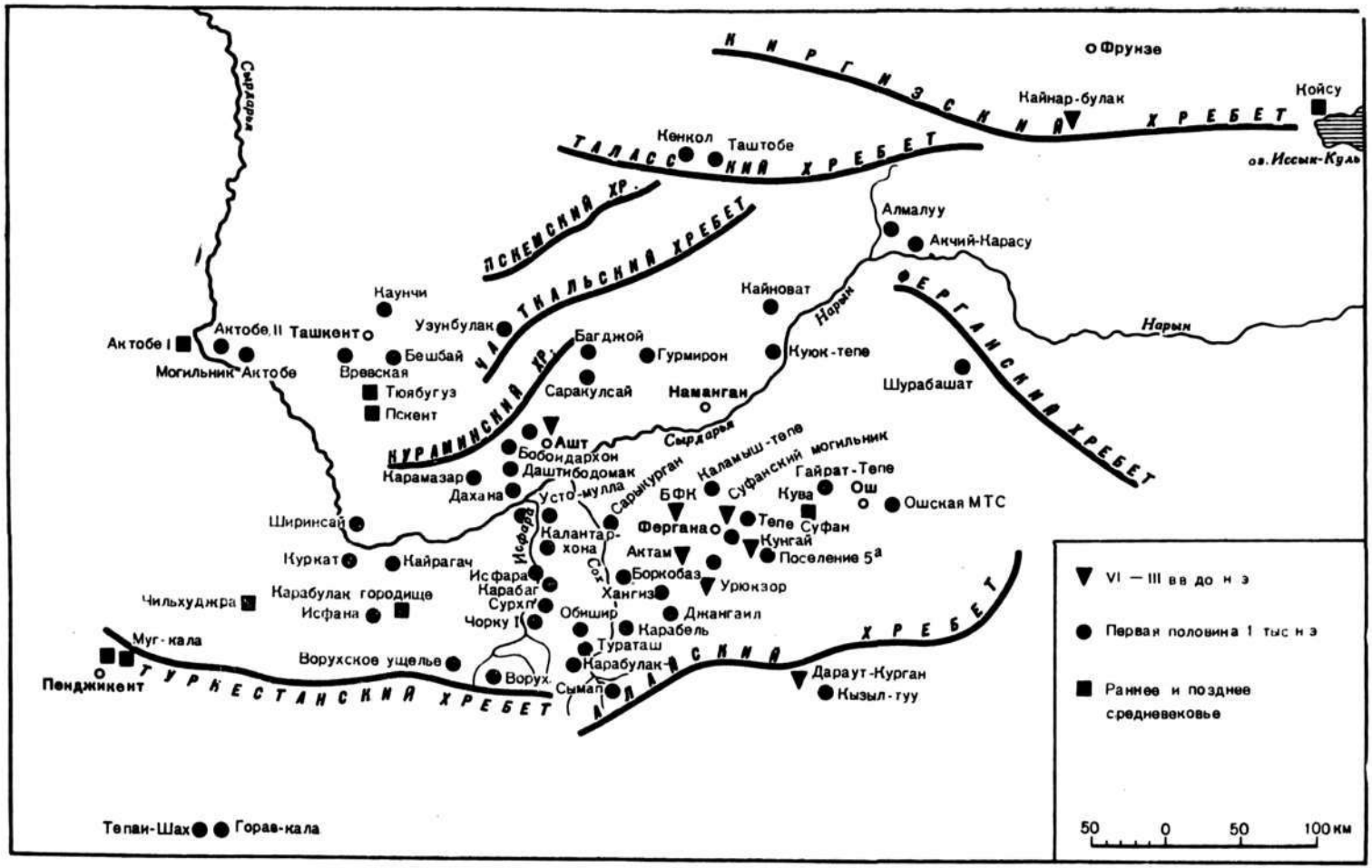

Рис. 38. Ареал сурьматашей

Причиной появления такого туалетного прибора в Фергане явились, видимо, открытые месторождения графита на северных склонах Туркестанского хребта, всего в 20 км от кишлака Ворух Исфаринского района [15]. Кроме этого, в Средней Азии есть еще лишь одно месторождение в районе хребта Нур-ата [16], которое, очевидно, в древности не было известно. Графит из Туркестанского хребта, таким образом, явился как причиной появления прибора, так и предметом экспорта для древних ферганцев. Возможно, что именно это обстоятельство способствовало и сохранению сурьматаша у горцев Западного Памира.

Этот косметический прибор, являясь характерным палеоэтнографическим признаком культуры ферганцев, из Ферганы попадает в соседние районы, однако только в зону распространения каунчинской и родственной ей отрарско-каратауской культуры. Возможно, это свидетельствует не только о культурных связях, но в какой-то степени и об этнографической близости населения всех этих районов. Различие же в типах сурьматашей, в свою очередь, свидетельствует, возможно, и о каких-то палеоэтнографических различиях в культуре этого населения. Можно говорить о западноферганском или каунчинском типе (1-й тип) и восточноферганском (2-й и 3-й типы). Распространение же сурьматашей в эпоху раннего средневековья за пределы очерченного ареала связано с контактами скорее каунчинской, нежели ферганской культуры.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Н. Н. Ершов. О каменных палочках и их аналогиях у таджиков.— ДАН Таджикской ССР. Вып. 3. Сталинабад, 1952; М. А. Андреев. Таджики долины Хуф. Вып. 2. Сталинабад, 1958, с. 253.

[2] С. С. Сорокин. Боркорбазский могильник (Южная Фергана, бассейн р. Сох).— ТГЭ. Т. 5. Л., 1961, с. 148; И. Кожомбердиев. Катакомбные памятники Таласской долины.— Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе, 1963, с. 70.

[3] Б. А. Литвинский. Орудия труда и утварь из могильников Западной Ферганы. М., 1978, с. 127—132.

[4] Помимо упомянутых Б. А. Литвинским могильников Ак-там, Кунгай, Суфан, найдены в погребениях раннего Аштского могильника (Е. Д. Салтовская. О раскопках могильника VI—IV вв. до н. э. в Северо-Западной Фергане.— АРТ. Вып. 12 (1972). Душ., 1976, с. 53) и раннего Урюкзорского (не опубликовано).

[5] Е. Д. Салтовская. О раскопках могильников Ашт и Дашти-Ашт в 1973 г.— АРТ. Вып. 13 (1973). Душ., 1977, с. 57, рис. 1, 5.

[6] А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая.— МИА. 26. М.—Л., 1952, с. 196, рис. 79, *4*, с. 206. Предположение Б. А. Литвинского о том, что этот стержень был не сурьматашем, а палочкой для деления пробора (Б. А. Литвинский. Орудия труда, с. 132), вряд ли вероятно, так как весь комплекс находок из этого кургана аналогичен Актамским.

[7] И. Кожомбердиев. Работы в Кум-Арыке.— АО 1975 г. М., 1976, с. 576.

[8] Ю. А. Заднепровский. Древнеземледельческая культура Ферганы.— МИА. № 118. М.—Л., 1962, с. 143, рис. 33, *3* и табл. XVI, 5.

[9] М. Э. Воронец. Археологические исследования Института истории и археологии и Музея истории АН УзССР на территории Ферганы в 1950—1951 гг.— ТМИ УзССР. Вып. 2. Таш., 1954, с. 63.

[10] Помимо приведенных у Б. А. Литвинского: поселение 5[а], Куюк-тепе, Каламыш-тепе, Сары-Курган — не опубликованы; В. И. Козенкова. Гайрат-тепе.— СА. 1964, № 3, с. 223, рис. 4, *15*; Э. Кадыров. К хронологии могильника Обишир в Южной Фергане.— ОНУ. 1974, № 1, с. 68, рисунок; Е. Д. Салтовская. О раскопках могильников, с. 50.

[11] Помимо приведенных у Б. А. Литвинского: Н. Н. Негматов, А. И. Билялов, А. К. Мирбабаев. Открытия скальных склепов у сел. Куркат.— АО 1974 г. М., 1975, с. 541; А. Г. Максимова, М. С. Мерщиев, Б. И. Вайнберг, Л. М. Левина. Древности Чардары. А.-А., 1968, с. 172 и 201, табл. XI, рис. 11; А. К. Абетеков, П. П. Гаврюшенко, Е. З. Заурова, П. П. Кожемяко, И. К. Кожомбердиев, М. Б. Юнусалиев. Археологические работы в Киргизии.— АО 1967 г. М., 1968, с. 359.

[12] Б. А. Литвинский. Орудия труда и утварь, с. 131. По сведениям, полученным от Б. А. Литвинского, в Тепаи шах найдено $^1/_2$ сурьматаша в погребении некрополя. Форма не очень ясна.

[13] Упоминание С. С. Сорокиным, а вслед за ним Б. А. Литвинским сурьматашей из фондов отдела Востока Эрмитажа (инв. № КУ 401 и КУ 403) из собрания Березовского 1905—1906 гг., по сообщению хранителя коллекции Н. В. Дьяконовой, могло попасть в коллекцию случайно. И хотя они числятся, как и вся коллекция, происходящими из района Кучи, место находки их и дата неизвестны. Похожий на сурьматаш стерженек, опубликованный Монтелем (G. Montell. Sven Heding's Archeological Collections from Khotan. II.— BMFEA. № 10. Stockholm, 1938, с. 97, 108, pl. III, *2*), имеет гравированный орнамент и, возможно, действительно является амулетом. Кроме того, место находки его и время также неясны. В обширных публикациях А. Стейна сурьматашей нет, хотя находки их в Восточном Туркестане, конечно, вполне возможны.

[14] Б. А. Литвинский. Орудия и утварь, с. 132—133.

[15] Б. А. Литвинский. Орудия и утварь, с. 171, примеч. 19; Неметаллические ископаемые СССР. Т. 5. М.—Л., 1941, с. 190.

[16] Неметаллические ископаемые, с. 190.

М. Г. Воробьева

ХОРЕЗМИЙСКИЕ ТЕРРАКОТЫ

Начало изучению древнехорезмийских терракот было положено С. П. Толстовым в его капитальном труде «Древний Хорезм». Основное внимание С. П. Толстова было направлено на выявление возможности истолкования материалов по древнехорезмийской коропластике как источника для изучения историко-культурных связей Хорезма с другими областями, этногенеза хорезмийцев, истории их религии и некоторых других проблем [1]. На крайне незначительном в то время материале С. П. Толстову удалось сделать интересные выводы и наблюдения, значение которых для истории культуры древнего Хорезма трудно переоценить. По существу, почти все проблемы, которые встают при исследовании терракот, в той или иной связи и более или менее основательно уже затрагивались С. П. Толстовым. Однако со времени выхода в свет книги «Древний Хорезм» прошло тридцать лет. За это время материал по коропластике древнего Хорезма увеличился во много раз, благодаря чему стало возможным пополнить наши представления о распространенных в Хорезме античного периода антропоморфных и зооморфных образах, запечатленных в коропластике, уточнить датировку некоторых типов терракот и до известной степени расширить наше представление об искусстве хорезмийцев ранней поры их истории, пока все еще бедной другими источниками. Кроме того, по мере накопления материала стало возможным осветить отдельные вопросы, которые ранее из-за недостатка данных нельзя было даже поставить. Основные выводы и наблюдения С. П. Толстова не устарели и в настоящее время благодаря широкому привлечению сравнительных материалов, позволивших исследователю значительно обогатить довольно скудные данные и выявить ряд общих закономерностей, правильность которых подтверждается новыми находками.

После выхода в свет книги «Древний Хорезм» С. П. Толстов касался данной темы в своих исследованиях лишь попутно и обычно в связи с другими данными, полученными в результате раскопок. Однако непрерывно пополняющаяся коллекция древнехорезмийских терракот требует дальнейшего, более подробного их исследования, поскольку эти изделия привлекают все больше внимания со стороны исследователей культуры и искусства народов Средней Азии [2].

Охарактеризовать все учтенные в настоящее время типы терракотовых изделий Хорезма в краткой статье невозможно. Сейчас в коллекциях Хорезмской экспедиции и разных музеев Советского Союза насчитывается около тысячи фрагментов различных изделий древних мастеров, среди которых не так уж много изделий собственно коропластов, поскольку к работе последних следует относить изготовление оригинальных предметов и матриц (калыбов). Следующий же этап работ — дальнейшее тиражирование самих изделий — выполнялся гончарами в мастерских для изготовления глиняной посуды, о чем свидетельствуют полученные при раскопках гончарных мастерских бракованные статуэтки в выбросах брака керамики у гончарных печей и обнаруженные даже в самих печах. Далеко не все найденные фрагменты хорошей сохранности, однако благодаря большому количеству их и сравнительно ограниченному набору антропоморфных и зооморфных персонажей тип изображений в большинстве случаев довольно легко восстанавливается.

Антропоморфных изображений, относящихся только к античному периоду, сейчас насчитывается около 380 фрагментов, из них более 250 женских персонажей, более 115 мужских и несколько детских головок (точные цифры не приводятся, так как уже сейчас, после новых работ, коллекция терракот вновь пополнилась, но еще не обработан собранный материал). Остальные фрагменты распределяются между довольно многочисленными изображениями животных, главным образом коней, вылепленных от руки, в противоположность оттиснутым в односторонней форме антропоморфным фигуркам. В коллекцию входят и оттиснутые в форме рельефные сюжетные и орнаментальные композиции на плоской стороне вьючных фляг (или баклаг), налепы на ручках кувшинов, выполненные в виде головы льва, протомы животных на концах керамических ритонов, очажные подставки, украшенные головами коней, и другие терракотовые изделия. Изображения на сосудах, очажных подставках и в некоторых других случаях играли, видимо, роль оберегов, и сейчас еще по традиции бытующих среди населения отдельных районов Средней Азии; правда, часто первоначальный смысл этих изображений утрачен. Кроме перечисленных предметов в Хорезме найдено довольно много керамических оссуариев, среди которых есть фигурные и статуарные; они исследованы Ю. А. Рапопортом [3] и при подсчетах мной не учитывались.

Терракотовые статуэтки и другие изделия художественного ремесла появились в Хорезме в IV в. до н. э. и были распространены в основном до IV в. н. э. включительно, причем к концу периода их существования уменьшилось разнообразие тематики и ухудшилось в массе качество выработки изделий. Начиная, видимо, с конца III в. н. э. антропоморфные терракотовые фигурки постепенно заменялись гипсовыми, первоначально изготовлявшимися в калыбах для производства терракот,

отчего некоторые типы тех и других совпадали. Однако вскоре терракоты почти полностью исчезли, и среди материалов, относящихся к раннему средневековью, терракотовые фигурки единичны. Впрочем, эта же участь, видимо, постигла и гипсовые изображения; во всяком случае, при раскопках раннесредневековых поселений их не находят. Зооморфные же фигурки ручной выработки продолжали существовать и в развитом средневековье. Однако средневековые изделия составляют самостоятельную тему исследования, а поэтому они, как и оссуарии, не учитывались.

Далеко не все виды вырабатывавшихся около 800 лет терракотовых изделий сохранялись в течение всего этого времени. Среди фигурок существовали типы, характерные только для раннего античного периода, другие появились лишь в кушанское время. Фигурки животных менялись меньше, но и среди них с течением времени одни исчезали, другие появлялись. То же относится и к художественно оформленным сосудам. Так, например, рельефы на флягах, головы львов на ручках кувшинов, ритоны с протомой животного на конце были характерны для раннего периода[4], а среди изделий кушанского времени в Хорезме они практически не встречаются, хотя известно несколько предметов, выработанных в подражание раннеантичным, но они отличаются от последних и по составу глиняной массы, и по стилю изображений. Так, найдено два фрагмента фляг с рельефами и несколько обломанных ручек кувшинов с попытками изобразить личину льва вверху; однако львиные морды настолько схематичны и огрублены, что в них с трудом распознаются прототипы[5].

Как упоминалось выше, терракотовые изображения людей и животных появились в Хорезме в начале IV в. до н. э. До этого времени они здесь не выделывались, если не считать двух женских статуэток и нескольких фигурок животных времени эпохи бронзы, о чем уже приходилось писать в другой связи[6].

Чтобы не возвращаться к вопросу об основании для этой даты, напомню, что находки наиболее ранних типов терракот в слое в основном связаны с раскопками Кой-Крылган-калы, где они залегали в разных местах наслоений, относящихся к первому строительному периоду нижнего горизонта, совместно с характерной керамикой, появившейся еще в конце V в. до н. э. и окончательно сложившейся к рубежу V—IV вв. до н. э. Комплексы этой керамики в большинстве случаев в определенном наборе[7] известны теперь на многих памятниках Хорезма; встречаются вместе с ней и терракоты того же типа, что и найденные в нижнем горизонте Кой-Крылган-калы.

В тех же напластованиях кроме керамики найдены и другие, правда немногочисленные, предметы, нижняя дата которых отнесена к началу IV в. до н. э.[8]. Эта же дата (точнее, 400 г. до н. э.) совершенно независимо была предложена И. Н. Весе-

ловским для времени начала строительства центрального здания Кой-Крылган-калы, закладка которого как культового сооружения, по древневосточному обычаю и в Хорезме, видимо, должна была производиться в зависимости от сколько-нибудь значимой в практике древних жрецов-астрономов звезды (в данном случае от очень почитаемой на Востоке звезды первой величины — Фамальгаута, связывавшегося, кроме того, с культом воды) [9].

В пользу той же даты свидетельствуют также надписи на керамике из Кой-Крылган-калы, среди которых есть предположительно датированные IV в. до н. э., и особенно надпись на тыльной стороне одной из женских фигур (голова отбита) с того же памятника [10], несколько более поздней, чем найденные в наслоениях нижнего строительного периода, что определяется и по стилистическим и по стратиграфическим данным (найдена в яме, пробившей пандус нижнего строительного периода, в полу, относящемся ко второму строительному периоду). Последняя надпись процарапана на красноангобированной поверхности статуэтки после обжига, а возможно, и после того, как голова фигурки была отбита, поскольку автор надписи (не гончар, а один из владельцев) удостоверил женский образ поверженной богини.

В. А. Лившиц отнес надпись к началу или середине III в. до н. э.[11]. Все сказанное о ней выше позволяет отодвинуть время изготовления самой фигурки ближе к IV в. до н. э., и, следовательно, наиболее ранний слой, залегавший на Кой-Крылган-кале ниже того, в котором найдена эта статуэтка, попадает в пределы IV в. до н. э., что согласуется с датировкой этого слоя по остальным материалам.

Кроме того, хорезмийские красноангобированные сосуды, аналогичные найденным в нижнем горизонте Кой-Крылган-калы, обнаружены в савроматских землях, в частности в кургане 2 группы Близнецы и в Мечетсайских курганах, самостоятельно датированных IV в. до н. э. по предметам вооружения и другим материалам [12].

Таким образом, различные независимые данные позволяют считать предложенную для наиболее раннего слоя на Кой-Крылган-кале дату — IV в. до н. э.— надежной, из чего вытекает и датировка найденных там терракот Хорезма тем же, IV в. до н. э.

Итак, вернемся к тому, что в начале IV в. до н. э. в Хорезме появились терракотовые изображения, среди которых не последнее место занимали антропоморфные фигурки.

Появились они как бы внезапно и предстали сразу в нескольких обличьях, причем среди них были не только женские, но и мужские персонажи; им сопутствовали сравнительно немногочисленные изображения животных.

Время возникновения ремесленного производства терракот

в Хорезме приблизительно совпадает с выходом Хорезма из состава державы Ахеменидов и временем интенсивного развития страны, охватывавшего и крупное ирригационное строительство, связанное с переносом головных сооружений магистральных каналов на главное русло Амударьи [13], и усиленное крепостное строительство, а также развитие ремесел, городской жизни и сооружение крупных храмовых центров, примером чему может служить Кой-Крылган-кала.

Видимо, к этому времени оформились представления хорезмийцев о их богах и возникла необходимость показать их зримо, в определенных образах, что и было запечатлено в терракотовых изображениях, этих небольших идольчиках массового изготовления.

Антропоморфные и зооморфные изображения в подавляющем большинстве можно связывать, вероятно, с теми или иными культовыми представлениями древних хорезмийцев, в чем убеждает тот факт, что однотипные изображения, идентичные в деталях, были распространены на широкой территории и найдены на памятниках Право- и Левобережного Хорезма.

Внезапность появления терракотовых фигурок вообще, а особенно антропоморфных,— вопрос важный и интересный, требующий специального рассмотрения. Поэтому коротко, не претендуя на сколько-нибудь исчерпывающее привлечение возможных данных, связанных с этой проблемой, остановлюсь на некоторых предпосылках, сделавших возможным распространение столь законченных образов божеств в Хорезме.

Следует обратить внимание на то, что наряду со статуэтками на всей территории Хорезма распространились художественно оформленные сосуды, связанные, видимо, с представлениями о животных-оберегах, наделенных сверхъестественными силами. Эти сосуды, бесспорно, делались в подражание металлическим, в том числе серебряным и золотым, широко распространенным на древнем Востоке. Богатые коллекции металлических сосудов начала I тысячелетия до н. э. происходят с территории Мидии и Ирана. Известно, что наиболее широко металлические сосуды были распространены в VI—IV вв. до н. э., когда они достигли южнорусских степей, появились на Кавказе и в Средней Азии, в частности оказались в составе Амударьинского клада [14].

Традиционны в древневосточном искусстве монументальные рельефы и росписи на стенах дворцов с сюжетными сценами и часто с тщательной разработкой деталей, а также печати, в основном с композициями мифологического содержания, и многие другие предметы роскоши и прикладного искусства. На вопросе о том, какими путями осваивалось и как перерабатывалось иранцами это богатство, уже не раз останавливались исследователи [15]. Интересно другое. На предметах коропластики древнего Хорезма можно заметить черты, не только сближающие искусство Хорезма с иранским, но и восходящие к более

древнему и территориально значительно удаленному искусству Месопотамии, возможно традиционно сохранявшемуся среди населения покоренных Ахеменидами областей. В частности, можно указать на сходство между некоторыми изображениями на хорезмийских флягах и барельефами, украшавшими вавилонские керамические плитки начала II тысячелетия до н. э.[16]. Пока неизвестны промежуточные звенья, но, вероятно, они должны были существовать. Есть на хорезмийских флягах и излюбленный древневосточный мотив древа жизни с предстоящими в геральдической позе газелями или ланями.

Как видно по приведенным примерам — а их при желании можно умножить,— в художественно оформленной керамике Хорезма заметно влияние древневосточного искусства, традиционного или в иранской переработке, распространившегося во время правления Ахеменидов. Наиболее ранние фигурки тоже отражают некоторые древневосточные мотивы. Известное сходство в типе лица и прическе можно усмотреть между хорезмийскими терракотами и изображениями из Ниппура[17], а по одежде один из наиболее ранних типов хорезмийских терракот — женский персонаж с трилистником, в длинном складчатом платье и подобранными наподобие фижм концами накидки, стянутой у талии, даже учитывая разнохарактерность памятников, можно сопоставить с женскими изображениями на саркофаге царя Ахирама из Библа[18]; цветы лотоса в руках главных персонажей саркофага сходны с трилистником в руках сопоставляемой фигурки из Хорезма.

Некоторые аналогии образу хорезмийской богини с трилистником (сохранилось два изображения с уцелевшим цветком) можно усмотреть и среди произведений искусства, найденных на территории Средней Азии. Так, женская фигура в длинном складчатом платье и спускающемся с головы покрывале, с крупными, обрамляющими лицо буклями, с цветком в форме трилистника в руке изображена на одной из золотых пластинок из Амударьинского клада; с трилистником изображены золотая фигурка в складчатом платье и короне (так называемая «царица») и сидящие женские фигурки на печатях оттуда же. Однако форма цветка там другая, хотя в общем облике и угадывается некоторое сходство.

Не вдаваясь в дальнейшие сопоставления этого типа хорезмийских терракот, отмечу, что существовал он короткое время и не был широко распространен. Из семи фрагментов шесть найдено в Левобережном Хорезме на трех памятниках, из которых два — Калалыгыр II и гончарое производство, располагавшееся на заброшенном к тому времени городище Кюзелигыр,— находятся невдалеке друг от друга, и не исключено, что в кюзелигырской мастерской делались терракоты, найденные при раскопках Калалыгыра II; один экземпляр найден при раскопках Хазараспа. Еще один, предположительно восходя-

щий к тому же типу, но по манере выполнения деталей одежды, видимо, более поздний, происходит из окрестностей Кой-Крылган-калы. Дальнейшего развития данный тип не имел.

Размер статьи не позволяет охарактеризовать все типы антропоморфных хорезмийских терракот, поэтому остановлюсь на появившемся приблизительно в это же время наиболее распространенном образе женского божества, условно обозначенного как «богиня с шарфом». Образ ее по ряду признаков — поза, положение рук, общий тип лица, прическа, детали одежды — тоже в конечном счете восходит к типам переднеазиатским, но в общем облике и основной одежде, видимо, отражены местные хорезмийские черты, устойчиво сохранявшиеся долгое время, изменяясь лишь в деталях.

Прототипом «богини с шарфом» могли служить изображения, довольно распространенные в ассиро-вавилонских памятниках искусства и объединенные сюжетом, связанным с культом воды. Речь идет, безусловно, не о прямых связях между столь далекими и хронологически и территориально памятниками, а о существовавшей, видимо, в древневосточном мире длительной традиции, откуда и почерпнули образец для своего божества хорезмийцы.

Связанный с культом воды сюжет очень древний; в ассиро-вавилонском искусстве он часто выражался в сценах, изображающих процедуру передачи вод небесных земле. Представлен он главным образом на печатях, есть подобный рельеф на посвятительном сосуде Гудеа, и в инвеститурной сцене настенной росписи дворца в Мари, и на рельефах. В одних случаях главное действующее лицо — мужской персонаж, в других — женский, трактуемый иногда как богиня земли, хотя струящиеся, подобно воде, складки платья позволяют предположить, что богиня если не была только водным божеством, то совмещала разные функции [19].

На всех этих памятниках струи воды показаны в виде изгибающихся параллельных полос, в ряде случаев обвивающих плечи и грудь божества и устремляющихся в узкую высокую горловину шаровидных сосудов. Вдоль струй воды часто изображены рыбы, иногда составляющие как бы цепочку. Перекинутый через плечи и грудь складчатый шарф «богини с шарфом», древнего Хорезма удивительно похож на эти струящиеся вокруг божеств, часто также обвивая их плечи, струи воды, причем сходство увеличивается благодаря тому, что хорезмийская богиня придерживает шарф поднятой к груди рукой.

Среди древнехорезмийских терракот «богиня с шарфом» была наиболее широко известным иконографическим типом, сохранявшимся на всем протяжении античного периода истории Хорезма; другие же образы женского божества или существовали сравнительно короткое время, или были менее распространены.

Среди терракот, в одеяниях которых присутствует шарф, есть различные варианты, иногда сосуществовавшие во времени на обширной территории, иногда служащие хронологическим признаком. Так, встречаются изображения с цепочкой ромбов в вертикальном положении на платье, возможно, заменявших изображения с цепочкой плывущих вдоль водных потоков рыб, о которых упоминалось выше, на древневосточных печатях и сосудах. Встречаются изображения в одежде с поперечными складками или имитирующей их отделкой, отчасти напоминающей одеяния женских персонажей Амударьинского клада, или, напротив, платья изображены гладкими, украшенными по подолу зубцами или вертикальными черточками, что также сближает их с одеждой, изображавшейся на древневосточных прототипах. Однако при всем разнообразии вариантов положение рук и шарф остаются неизменными, причем шарф приобретает значение атрибута.

В позднеантичное время, или в кушанский период истории Хорезма, этот тип терракот также был распространен, хотя и меняется стиль изображений в сторону увеличения орнаментальности в одежде, становится другой прическа, приобретают новые черты лица, появляется иной головной убор — вместо традиционного накинутого на голову покрывала голову украшает повязка с бантом или узлом спереди, хорошо известная по памятникам искусства кушанского периода. Этот головной убор типичен для этого времени; в Хорезме он кроме терракот представлен на росписях во дворце Топрак-калы [20].

Несмотря на появление в Хорезме в первых веках нашей эры новых женских образов, тип «богини с шарфом» по-прежнему наиболее многочислен. Сейчас учтено 64 изображения этого типа из ранних и поздних наслоений античного периода.

Как упоминалось, иных изображений значительно меньше. Среди других фигурок следует отметить на первом месте обнаженную богиню — тип, также существовавший на протяжении всего античного периода, но менее многочисленный (14 фрагментов). Второе место занимает женский персонаж с зеркалом в руке; образ этот также проходит через весь античный период, но в коллекции насчитывается только девять фрагментов фигурок. Таким образом, «богиня с шарфом» занимает явно преимущественное положение, и ее, очевидно, позволительно связывать с главным хорезмийским женским божеством.

Вопрос о функциях великой богини древнехорезмийского пантеона частично может решаться на основании ее иконографии, в которой, как можно было видеть из характеристики образа и приведенного сравнительного материала, основное место занимали символы водной стихии, выраженные похожим на водяные струи шарфом и цепочкой ромбов, обычно интерпретируемой как замещающий цепочку рыб символ женского божества.

Выше указывалось, что в Хорезме терракотовые изображения появились в период, совпадавший с капитальной перестройкой ирригационной системы, что было связано с перенесением голов каналов непосредственно на Амударью. Естественно, что в этот период должна была возрасти роль водного божества, почитание которого, судя по Авесте, в среде среднеазиатского населения занимало большое место и связывалось в основном с образом богини вод Анахиты. Не исключено, что и в «богине с шарфом» запечатлен этот образ, основной функцией которого было покровительствовать обеспечивающим плодородие земель древнего Хорезма водам единственного источника орошения — полноводной, но и очень трудной для освоения Амударьи. Возможно, не случайно в иконографии этой богини многое заимствовано у образов водных божеств Двуречья, для которого проблема воды стояла достаточно остро.

В конце античного периода вместе с появлением в Хорезме нового керамического комплекса, коренным образом отличающегося от известного с конца V в. до н. э., на всей территории распространяется новый тип терракот, одетых и обнаженных, сначала сосуществовавших с исконными хорезмийскими, а позже частично вытеснившими их, частично слившимися с ними. Этот тип почти так же многочислен, как и «богиня с шарфом»: в коллекции насчитывается 55 фрагментов. Это женщина, сидящая в так называемой азиатской позе (одна нога подогнута, вторая согнута в коленке и поставлена на ступню), в длинном платье, поверх которого изображено накинутое на плечи покрывало, конец которого зажат в руке, поднятой к груди, вторая рука согнута в локте и прижата к талии. Голова не покрыта, волосы расчесаны на прямой пробор и фестонами обрамляют лоб, на шею спускаются перевитые спиралями локоны, по одному с каждой стороны.

Этот образ соперничает с образом «богини с шарфом», но по функциям, видимо, обе богини были близки, что могло привести к их слиянию в сознании населения Хорезма. Намеком на это может служить хранящаяся в Каракалпакском государственном музее искусств Министерства культуры Каракалпакской АССР (г. Нукус) женская фигурка, сочетающая в своем облике черты обеих богинь. Она представляет собой сидящую в азиатской позе женщину, одетую в длинное платье, но вместо покрывала через плечи и грудь перекинут струящийся складчатый шарф, оттягиваемый правой рукой, совершенно так же, как показано на изображениях «богини с шарфом». Налицо совмещение двух образов, причем новому придан атрибут, традиционный для Хорезма. Фигурка найдена вне слоя и, видимо, наиболее поздняя из всех учтенных сидящих богинь, о чем помимо позы могут свидетельствовать ее пышный головной убор, похожий на богатый венец, и три точки под венцом, встречающиеся на некоторых коронах раннесредневековых царей на

хорезмийских монетах и над изображением Анахиты на реверсах некоторых сасанидских монет.

Обеим богиням в длинных одеждах — и «богине с шарфом», и сидящей с покрывалом — сопутствуют образы обнаженных богинь. В раннеантичное время их немного (всего учтено пять), в позднеантичных материалах известно пока в два раза больше. Для ранней поры трудно определить, та же ли это богиня в разных ее ипостасях или две близкие по функциям, поскольку связь с водой и для образа обнаженной богини можно предположить по наличию сосуда в руке божества. В позднеантичный период одетая «богиня с шарфом» и сопутствующая ей обнаженная связываются между собой одинаковым головным убором в виде уже упоминавшейся повязки с бантом или узлом спереди. В свое время С. П. Толстов связывал не имевшие тогда голов фигурки обнаженной и одетой в пышное платье богинь с образом Анахиты, что вызывало возражения. Приведенные новые данные, возможно, усиливают аргументы в пользу высказывавшегося С. П. Толстовым предположения.

В заключение можно отметить, что в Хорезме, безусловно, существовала весьма почитаемая богиня, которой поклонялись в течение всего античного периода, что богиня эта, судя по приведенным иконографическим признакам, скорее всего, была связана с водной стихией и вполне могла отождествляться в сознании ее адептов с Ардви Сурой Анахитой. Кроме главной богини существовали и другие, гораздо менее распространенные, имена которых пока назвать трудно.

Следует также предположить, что в конце античного периода в Хорезме появляется новый, также весьма популярный образ женского божества, видимо близкий по функциям «богине с шарфом», возможно слившийся с последней и частично изменивший ее иконографию. Однако перешедший к сидящей богине складчатый шарф — основной атрибут традиционного женского божества Хорезма — и появление в венце нового божества символа, иногда придаваемого Анахите на сасанидских монетах, связывают с водной стихией и это новое божество, а возможно, и включают его в число претендентов на это имя.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, с. 196—210.

[2] Следует отметить, что иногда датировки и интерпретация хорезмийских терракот в специальной и даже популярной литературе расходятся с предложенными исследователями тех памятников, при раскопках которых были найдены терракоты. Основания для передатировок или иного истолкования образов, как правило, не приводятся, как не приводятся и точки зрения, высказанные авторами публикации, что вряд ли допустимо, особенно для популярных работ.

[3] Ю. А. Рапопорт. Из истории религии древнего Хорезма.— ТХАЭЭ. Т. 6. М., 1971.

[4] М. Г. Воробьева. Керамика.— ТХАЭЭ. Т. 5. Кои-Крылган-кала — памятник IV в. до н. э.— IV в. н. э. М., 1967, с. 106, 108, 122; она же. Терракоты, рельефы, алебастровые статуэтки.— Там же, с. 201—207.

[5] В частности, это относится к налепам в виде львиных голов, сделанных грубо от руки, обнаруженных на Кой-Крылган-кале.

[6] М. Г. Воробьева. Ранние терракоты древнего Хорезма.— История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968, с. 136, 138.

[7] М. Г. Воробьева. Керамика, с. 102 и сл., табл. I—III.

[8] С. А. Трудновская. Изделия из металла, кости, камня, стекла и других материалов.— Кой-Крылган-кала, с. 132—172; о датировке вещей из нижнего слоя см. с. 172.

[9] Кой-Крылган-кала, с. 251—264; о дате — с. 261.

[10] Там же, с. 220—222.

[11] Устное сообщение В. А. Лившица при просмотре материалов Хорезмской экспедиции.

[12] К. Ф. Смирнов. Савроматы. М., 1964, с. 280.

[13] С. П. Толстов. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962, с. 89, 91.

[14] O. M. Dalton. The Treasure of the Oxus. L., 1964.

[15] Интересно разработана эта проблема В. Г. Лукониным; см.: В. Г. Луконин. Искусство древнего Ирана. М., 1977, с. 8—72; там же указана основная литература.

[16] A. Parrot. Sumer. P., с. 292, 359; ср.: Кой-Крылган-кала, с. 204—205, рис. 76, 78, 79.

[17] L. Legrain. Terra-Cottas from Nippur. Philadelphia, 1930, tabl. VIII. 53, с. 3, 7, № 48; 49; с. 16, № 53.

[18] I. B. Pritchard. The Ancient Near East in Pictures. Princeton — New Jersy, 1954, с. 157—158, fig. 456.

[19] A. Parrot. Sumer, с. 280, fig. 346; A. Godar. Umetnost Irana. Beograd, 1965, рис. 15, 30; 37; Н. Д. Флитнер. Искусство Двуречья и соседних стран. Л., 1958, с. 153. Этими примерами сюжет воды, струящейся через фигуру божества, известный с III тысячелетия до н. э., далеко не исчерпывается (см., в частности: D. J. Wiseman. Götter und Menschen im Rollsiegel Westasiens. Prage, 1958, Taf. 36).

[20] С. П. Толстов. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция Академии наук СССР (1945—1948 гг.).— ТХАЭЭ. Т. 2. М., 1952, рис. 28а между с. 40 и 41.

Б. А. Литвинский, И. Р. Пичикян

ТАХТИ-САНГИН — КАМЕННОЕ ГОРОДИЩЕ (РАСКОПКИ 1976—1978 гг.)

В отечественной литературе Каменное городище рассматривалось в двух аспектах: как крепость, обороняющая переправу через Амударью, и как предполагаемое место находки Амударьинского клада. Параллельно обсуждалась проблема датировки Каменного городища: в литературе по этому поводу уже сложилось правильное представление, хотя результаты работ Б. П. Денике в 1928 г. и А. М. Мандельштама в 1956 г. не были опубликованы.

Каменное городище очень точно определено Д. Н. Логофетом как крепость: «Крепость теперь имеет вид беспорядочно набросанных груд белого известкового камня. Когда-то, как говорят, крепость и золотые россыпи эти принадлежали грекам или, вернее, бактрийцам»[1]. В отчетах археологической экспедиции Музея восточных культур за 1926 и 1927 гг. дважды высказывалось пожелание осуществить разведки в верховье Амударьи[2]. Впоследствии на городище была найдена колонна, на которой сохранилась надпись: «Отправить в Московский музей». Как справедливо считает М. М. Дьяконов, сотрудники музея могли там работать только в 1928 г.[3]. М. М. Дьяконов неоднократно упоминал о Тахти-Сангине[4]. М. М. Дьяконов назвал это городище Каменным, включил его в комплекс, охраняющий древнюю переправу против устья Кундуздарьи, датировал Тахти-Кубад и Каменное городище античным временем, подчеркнув: «Этот памятник, судя по описанным выше остаткам архитектуры, представляет совершенно исключительный интерес для историка и археолога»[5]. Позже в своей популярной книге М. М. Дьяконов уточняет датировку Каменного городища I в. до н. э. А. М. Мандельштам, производивший раскопки на городище в 1956 г., наиболее полно их осветил в главе «Датировка Тулхарского могильника»[6]. А. М. Мандельштам отмечает: «...городище отличается четкой стратиграфией, что в значительной мере обусловлено преобладанием каменных построек. Установлено наличие шести строительных периодов; кроме того, подстилающий слой, лежащий на материке, несомненно, связан с какими-то зданиями из сырцового кирпича, остатков которых в пределах заложенных шурфов не оказалось»[7]. Из этого явствует, что А. М. Мандельштам считает, что раскопки в заложенных им шурфах доведены до материка. Исследователь, сопо-

ставляя находки на Каменном с находками на Кобадиане, приходит к заключению, что «два нижних слоя Каменного городища относятся к какой-то части промежутка времени, соответствующего III—II вв. до н. э.»[8].

Тахти-Сангин и находящийся рядом Тахти-Кубад часто упоминаются в связи с локализацией места находки Амударьинского клада. Побывавший в этих местах Н. А. Маев через несколько лет после его находки в 1877 г. свидетельствовал, что клад был найден на Тахти-Кубаде. Забытая идея Н. А. Маева о месте находки была вновь возрождена Т. И. Зеймаль и Е. В. Зеймалем[9]. Вслед за ними Е. Е. Кузьмина, так же как и большинство современных исследователей, считает, что клад был найден на Тахти-Кубаде. Правда, Е. Е. Кузьмина ошибочно утверждает, что в отчете М. М. Дьяконова это городище названо Каменным городищем[10]. Б. Я. Ставиский же говорит, что место находки клада следует локализовать на Каменном городище, так как именно оно расположено в месте слияния Вахша с Пянджем, а Тахти-Кубад находится ниже слияния, в 5 км[11].

Раскопки Тахтикубадского отряда ЮТАЭ 1976—1978 гг. на городище, названном М. М. Дьяконовым Каменным из-за выхода на дневную поверхность каменных стен (возможно, не совсем точный перевод местного названия Тахти-Сангин), показали справедливость утверждения М. М. Дьяконова о перспективности изучения этого памятника[12]. В задачу Тахтикубадского отряда входило топографическое изучение Каменного городища и стратиграфическое исследование центрального холма крепости. Каменное городище состоит из собственно города прямоугольной формы (165×235 м), сельскохозяйственной округи, расположенной с севера и юга и огражденной дополнительными стенами на расстоянии соответственно по 500 м, и некрополя к западу от городища, состоящего из наусов и курганов. Городище построено на правом берегу Амударьи, у самого слияния Вахша с Пянджем. С запада оно примыкает к Тешик-Ташскому хребту. Типологически его следует отнести к небольшим, хорошо защищенным крепостям. Древний сай давал естественное заполнение рва водой (глубина — 3 м). Таким образом, крепость, с запада защищенная горным хребтом, с востока — Амударьей, с севера и юга — двойным рядом оборонительных стен, была неприступна с суши благодаря стратегически продуманному выбору места. Кроме того, пешеходный перевал сквозь ущелье Тешик-Таша с запада исключал эффективность осады. В восточной половине крепости расположена площадь, вымощенная сырцовыми кирпичами 50×50 см. В западной половине, в целом значительно более возвышенной, находятся дворцово-храмовые постройки (разница более 3 м), здесь выделяются четыре холма: центральный, северо-западный, северный и южный (последний отождествлялся М. М. Дьяконовым с цитаделью).

В результате раскопок 1976—1978 гг. на центральном холме

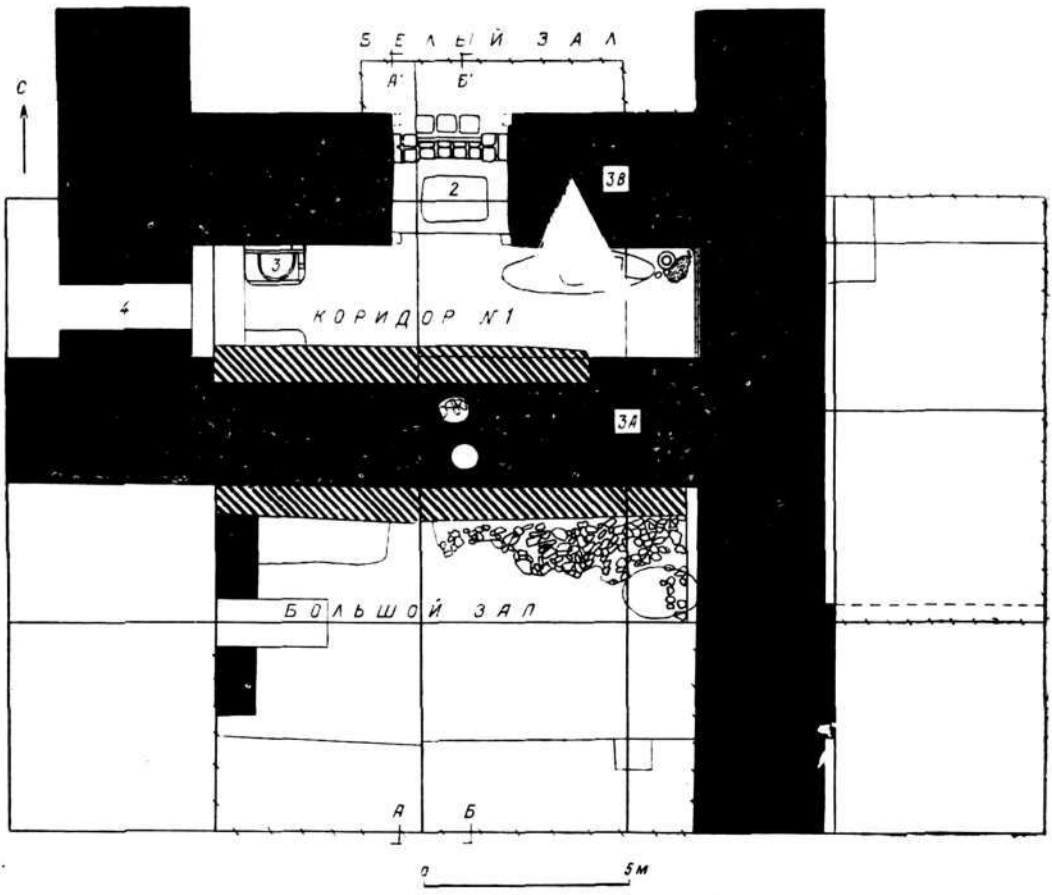

Рис. 39. Каменное городище. План центрального раскопа:

1 — ботрос № 1; 2 — ботрос № 2 в дверном проеме № 1; 3 — жертвенник; 4 — дверной проем № 2. АА¹, ББ¹ — размеры С—Ю

цитадели Каменного городища (центральный раскоп 30×25 м) было вскрыто четыре помещения, из которых только один коридор № 1 раскопан полностью, два зала — Белый и Большой — лишь частично, а в четвертом помещении — коридоре № 2 — раскопки только начаты. Поэтому в статье будут рассмотрены коридор № 1, расположенный между Белым и Большим залами, дверной проем № 1, ведущий из коридора в Белый зал, со всеми постройками трех строительных периодов. О Большом зале, длина и ширина которого неизвестны нам даже по верхнему третьему строительному периоду, можно только сказать, что он был вчетверо больше парадного четырехколонного Белого зала, так как его длина превышала 22 м, а размеры Белого (144 м²) близки к квадрату со сторонами около 11—12 м. Мощные культурные напластования холма около 5 м разделены на 10 ярусов.

Самые монументальные сооружения, открываемые на центральном раскопе, принадлежат первому строительному периоду. Коридор образован стоящими на материке и сложенными из

сырцовых кирпичей (0,48×0,48×0,13 до 0,5×0,5×0,15 м) оштукатуренными стенами высотой до 5 м, возвышающимися до современной дневной поверхности: южная стена — 3А, отделяющая коридор от Большого зала, открыта на длину 12 м, восточная — 3Б (длина до 3 м), ограждающая в своем продолжении с востока Большой зал (длина открытой части — 7 м), и северная — 3В (4,5 м + дверной проем 2,8 м + 5 м) (рис. 39).

В центре открытой части коридора, в его северной стене, был открыт дверной проем, щеки которого были фланкированы шестью пилонами, по три с каждой стороны, от которых сохранились заглубленные в материк на 16 см прямоугольные квадры известняка (20,5—21×26×14 см). Ширина проема поверху — около 3 м, внизу же — 2,80 м. Его заполнение от уровня современной дневной поверхности до глубины 3,60 м составляла пахса коричнево-желтого цвета и развал кирпичей с фрагментами белой обмазки и штукатурки. Стены были трижды оштукатурены (общая мощность одной обмазки — до 4 см) и многократно побелены. В северной части, в дверном проеме, на глубине 0,3 м над материком, был открыт порог длиной 1,55 м, сложенный из трех квадратных плит известняка: 0,45×0,45×0,10 м. В северном коридоре и центральном дверном проеме первый строительный период представлен четырьмя ярусами 0—2 м над материком, соответствующими уровням полов (первый — 0,1 м, второй — 0,3 м, третий — 0,9 м и четвертый — 1,40—1,45 м над материком). Над каждым из полов культурный слой в 0,1 м перекрыт натеком мощностью до 0,30 м. Обмазки полов четырех уровней отличаются друг от друга. Это связано с разной длительностью и интенсивностью жизни на различных уровнях коридора, качеством полов и другими сопутствующими обстоятельствами (рис. 40).

Первый уровень пола — 0,1—0,15 м — выражен тонкой глиняной обмазкой темно-коричневого цвета, закругляющейся вверх при переходе в первую штукатурную обмазку стен коридора и дверного проема. Он плохо отличим из-за рыхлости грунта, связанной с сыростью подстилающих его камней материковой вскрыши. Находки на первом полу редки и невелики по размерам, что очень контрастирует с обилием следующего уровня, где крупные предметы намеренно разбросаны по полу. Очевидно, коридор после первого периода жизни был почищен. От этого периода сохранились лишь блоки основания шести пилонов, фланкирующих с севера, по центру и с юга дверной проем, и лежащая на материке в северо-восточной части прямоугольная плита (0,45×0,45×0,1 м), над которой был впоследствии поставлен ботрос № 1.

Находки на уровне первого пола по датирующим параметрам не очень выразительны. При полном отсутствии керамики найдены три перстня, бронзовая пряжка и большое количество (около 50) бронзовых гвоздей длиной 10—13 мм со следами тон-

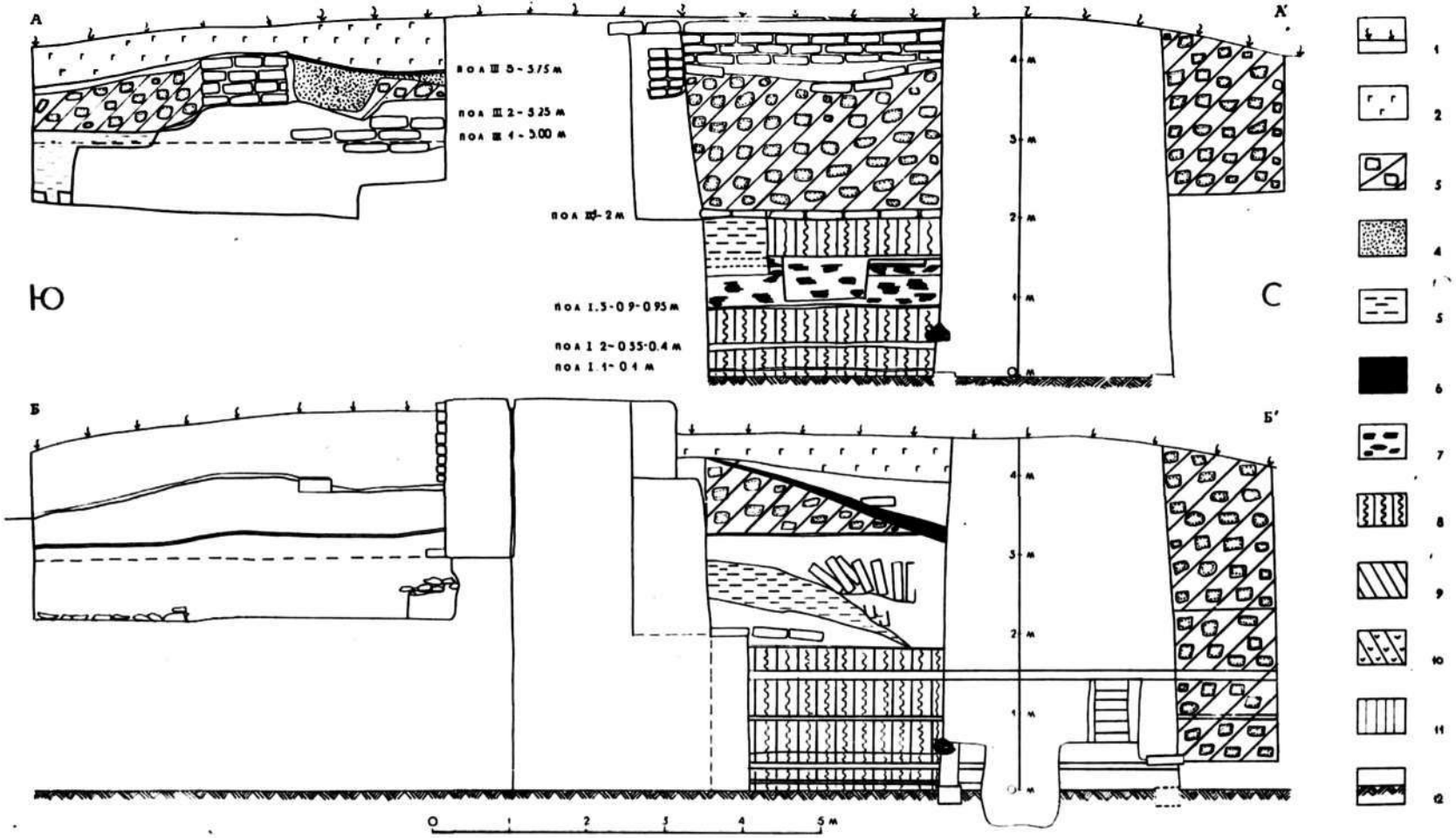

Рис. 40. Центральный раскоп, разрезы по АА′ и ББ′. Условные обозначения:

1 — современная дневная поверхность; 2 — гумус; 3 — развал сырцов; 4 — мусорный слой; 5 — глина; 6 — зола, горелый слой; 7 — очаг, печина; 8 — натечно-надувной слой; 9 — рыхлый суглинок; 10 — рыхлый суглинок с органическими включениями и керамикой; 11 — плотный забутовочный суглинок; 12 — материк

кого листового золота у шляпок, две серьги с золотыми щитками, два конических золотых завершения шнура, две золотые пуговицы. На овальном щитке бронзового перстня с плоско-выгнутым ободком греческая буква «гамма» между двумя свастиками. Второй перстень железный, массивный, с овальным щитком 3×2 см и с круглой бронзовой вставкой, помещенной в центре. Третий перстень с тремя пастовыми вставками зеленоголубого цвета на накладном щитке в центре между двумя малыми по краям.

Основная жизнь в коридоре протекала на уровне второго пола (0,30—0,40 м). Твердая глиняная обмазка пола и белая в несколько слоев штукатурка стен выделяет этот период. Уровень второго пола (0,35 м) связан с устройством в дверном проеме фависсы — загородки, отгораживающей сброс посвятительного инвентаря путем пристройки к внутренним оштукатуренным щекам прямоугольных останцов. В это же время между ними была вставлена дверная коробка шириной 1,40 м с железной решеткой из завитков-спиралей. Дверь запиралась на задвижку, которая была найдена у ее основания. Каменная вымостка порога на севере проема из трех плит известняка перед дверью оформляла парадный вход в Белый зал. Аналогичные сбросы целого, реставрированного и сломанного посвятительного материала, накапливавшегося в храме в течение одного-двух столетий, широко известны как в античном мире, так и на Востоке. Все они по аналогиям восходят к значительно более раннему времени [13]. Подобные сбросы непригодного инвентаря в культовых сооружениях и вне их встречаются в специально сделанных углублениях — ботросах или в пришедших в негодность подвалах, цистернах, водоемах. Бывают и единовременные сбросы, где характер засыпи верхней части совершенно совпадает с материалом, найденным на дне, что позволяет рассматривать сброс как единый комплекс.

Второй пол (0,30—0,4 м) был средоточием вотивного сброса (рис. 41). В фависсе (южная часть проема № 1 за загородкой) на площади менее 2 кв. м среди сброса посвятительных предметов заслуживают упоминания бронзовые изделия: чеканенные изображения на пластинках гиппокампа или гиппалектриона [14], трех виноградных гроздей, лотоса, крыльев, несколько бронзовых бляшек [15], фрагментированная пиала, браслет, несколько пластин разнообразной формы; костяные предметы: обкладка лиры (длиной 37 см), часть составной флейты, большая бутероль и целая и фрагментированная обоймы ножей мечей — ксифоса и махайры с краями, оформленными в виде сходящихся и расходящихся волют [16], костяная застежка [17]; железные детали вооружения: около 60 наконечников стрел, рукоять меча с грибовидным навершием, клинок кинжала, втулка пилума. Тут же была найдена квадратная (10,5×10,5 см) каменная пластина с пятью сферическими углублениями, кру-

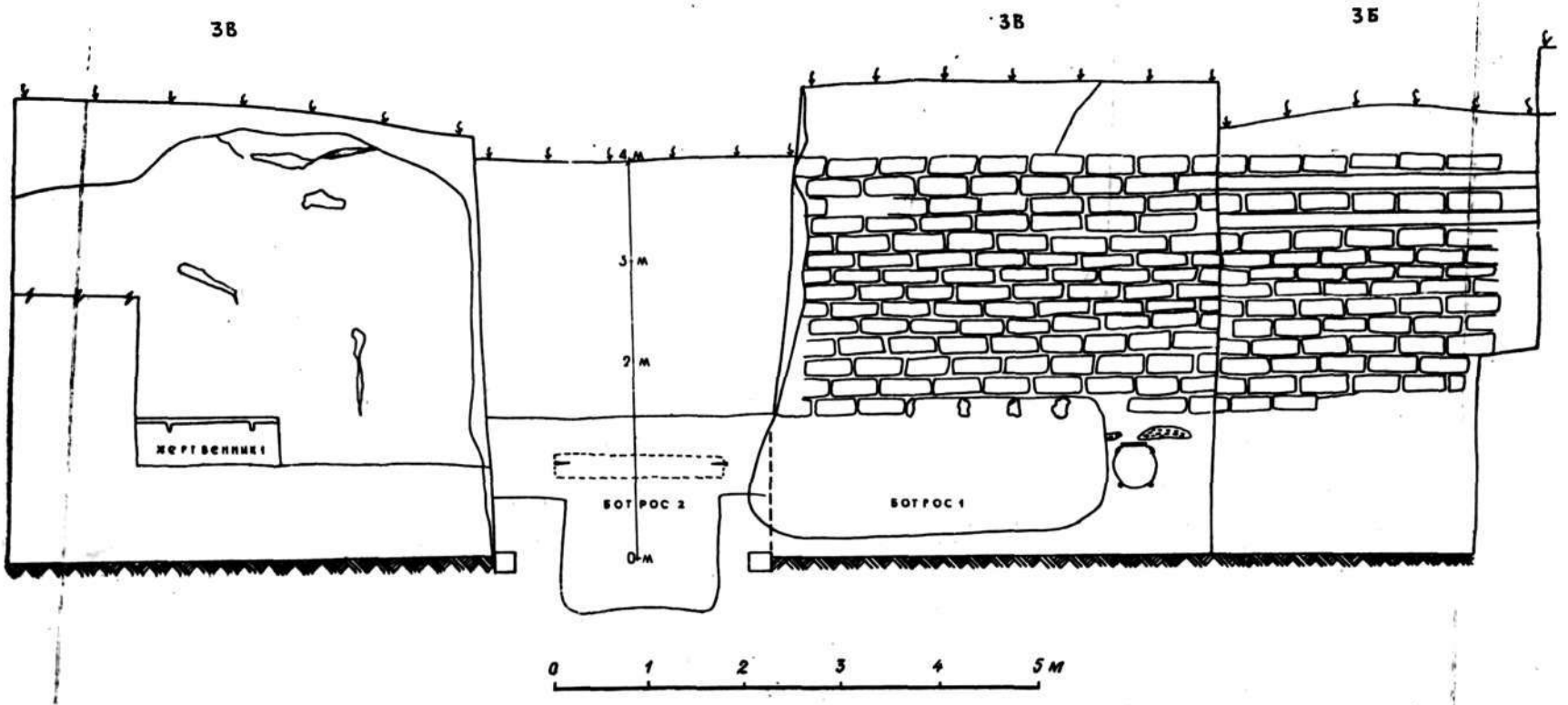
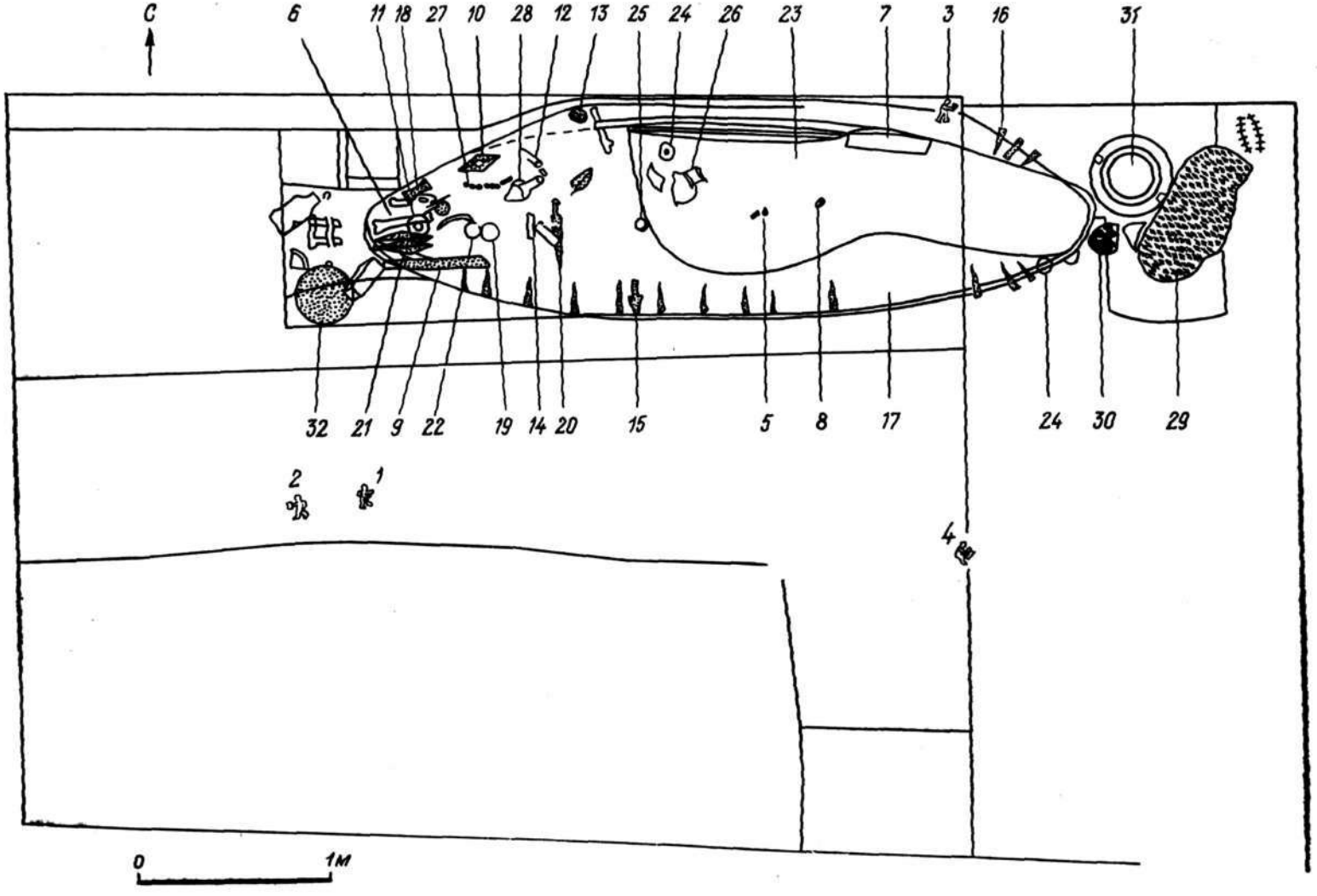

Рис. 41. Центральный раскоп, коридор № 1. Фасады стен ЗБ и ЗВ с ботросами № 1 и № 2 и жертвенником

С
6
11
18
27
10
28
12
13
25
24
26
23
7
3
16
31
32
21
9
22
19
14
20
15
5
8
17
24
30
29
2
1
4
0
1м

гом в центре и прямоугольной в профиле и плане углубленной каймой на лицевой поверхности, идущей вдоль скошенных краев, и каменный цилиндр со сквозным круглым каналом в центре. В северной части дверного проема на уровне плит порога лежали монета Канишки и три костяные обкладки сложно-составного лука, а также несколько бронзовых изделий, одно из которых представляет собой навершие булавы или жезла биконической формы с железной и деревянной основой. В восточной части коридора было найдено около 20 малых панцирных пластин и в 1976 г. круглый бронзовый щитообразный предмет со сквозными отверстиями от проковок и местами крепления для рукояти.

Уровень третьего пола (0,8—1 м) связан с полной закладкой дверного проема (1,55 м) невысокой (0,8 м) загородкой из пяти рядов сырцовых кирпичей между останцами и устройством южнее ее основания заклада 0,30 м прямоугольной со скругленными углами ямы глубиной 1,20 м, прорезающей материк на 0,50 м. Яма была перекрыта крышкой и подтесанной под конус базой аттического типа, о чем свидетельствуют остатки дерева, найденные у краев ямы железные гвозди (длиной 0,11 м), направленные к центру ямы, и база, стоящая у ее устья. На этом же уровне третьего пола был устроен алтарь для сожжений в западной части открытого коридора, приставленный к северной стене первого строительного периода. Он возвышался над третьим полом на 0,55 м. Жертвенник покоился на небольшом оштукатуренном постаменте прямоугольной формы, сложенном из поставленных торцами кирпичей темно-серого цвета [18]. Ширина постаментов — 1 м, длина — 1,6, они сужали коридор до 1 м.

На уровне третьего пола в северо-восточном углу проема был найден фрагмент золотой тении — ленты налобной повязки, состоящей из двух сложенных вдвое параллельных золотых полос с соединяющими их серебряными перемычками. В дверном проеме находки оформляли устье ямы. Помимо золотой пронизи и конгломерата бронзовых монет (50 экземпляров чекана Вимы Кадфиза, Канишки и Хувишки) у северо-восточного угла и положенных друг на друга двух рогов оленя у ее северо-запад-

---

Рис. 42. Ботрос № 1 с найденными в нем находками:

1 — Эрот с протянутыми руками; 2 — Эрот с гроздью винограда, бегущий влево; 3 — Эрот с гроздью винограда, бегущий вправо; 4 — Эрот, играющий на лире; 5 — птицы, чеканка на бронзовых пластинах, 2 экз.; 6 — монета; 7 — стенка ларца, кость; 8 — пластина с растительным орнаментом, серебро с позолотой; 9 — ажурная обкладка ножен или колчана, бронза, кора; 10 — умбон щита ромбовидный, бронза; 11 — бронзовая курильница; 12 — ручка патеры, бронза; 13 — пряжка круглая, бронза; 14 — пластины панциря, железо; 15 — пластинчатый железный предмет с бронзовыми гвоздями: 16 — обкладка лука, кость, 2 экз.; парча с меандром, нити золотые; 17 — пирон, бронза; 18 — пирон или слиток бронзовый; 19 — зеркало бронзовое; 20 — меч; 21 — наконечники копий, 3 экз.; 22 — навершие ножен ксифоса, кость; 23 — пряжка прямоугольная, кость; 24 — наглазники, раковина; 25 — чирог; 26 — горшок гончарный; 27 — бусины бронзовые, 9 экз.; 28 — стеклянный бальзамарий; 29 — наконечники стрел железные, конгломерат из 666 экз.; 30 — штукатурка расписная; 31 — хумча; 32 — щитообразный предмет со сквозными отверстиями

ного угла, у юго-восточного и юго-западного углов ямы лежало по железному наконечнику копья с дротиком, направленным острием от ямы.

В центре южной половины дверного проема, в открытом ботросе № 2 борта ямы, были обмазаны глиной без облицовки алебастром, покрытым золотой фольгой, хотя большое количество золотой фольги было найдено у устья ямы в ее заполнении. Заполнение ямы составляла однородная щебенка светло-коричневого цвета с небольшими белыми камешками. Находки костей отсутствуют, исключение составляют лопатка и ребро крупного рогатого скота. В яме было найдено несколько бронзовых предметов: монета Сотер Мегаса, прямоугольные со скругленными углами пластины, бронзовая рукоять кинжальчика, около 100 наконечников стрел. Большинство предметов вотивного инвентаря в фависсе и ботросе № 2 перекликаются с находками из ботроса № 1, хотя в целом содержание ботроса № 2 значительно более скудное, чем заполнение ботроса № 1, открытого в 1976—1977 гг. в северо-восточной четверти коридора № 1, слева от входа в коридор из Белого зала (рис. 42).

Ботрос № 1 помещался в ладьевидном сооружении формы эллипсоидного цилиндра с ганчево-алебастровыми бортами, изнутри покрытыми золотой фольгой. Первоначальное назначение сооружения осталось неясным [19]. Его дно на глубине 0,40 м над материком, борта возвышались до 1,5 м, т. е. на 0,5 м над третьим полом, сброс культового заполнения — 1,85 м, т. е. на 0,35 м выше бортов. Вторично оно использовалось как ботрос — вместилище для сброса костей жертвенных животных и как свалка пришедшего в негодность вотивного инвентаря. Кости (более 6000 определимых), преимущественно передние конечности мелкого рогатого скота, образовали плотное заполнение, среди которого были брошены украшения, оружие, детали мебели, изделия из кости, стекла и металла.

При зачистке дна сооружения были обнаружены рухнувшие алебастрово-фольговые борта облицовки. На 3—5 см над ними были уложены предметы из бронзы, стекла и железа, преимущественно оружие и украшения. Такое расположение находок могло произойти только вследствие того, что ладьевидное, облицованное ганчем и фольгой сооружение потеряло первоначальное свое назначение и стало забрасываться посвятительным инвентарем, который нельзя было выносить за пределы храма. Яма, сохранившая форму цилиндрического эллипса, была заполнена, вероятнее всего, единовременно на высоту 1,50 м, т. е. выше бортов на 30 см. Ее заполнение разбиралось по слоям в 20 см, но совершенно однотипные находки встречены были в разных по уровню слоях.

Из наиболее интересных находок устья ямы (1,50—1,40 м над материком) следует отметить монету Сотер Мегаса, бронзовую пластину с вычеканенным изображением Эрота, бегущего

вправо с цветком лотоса в вытянутых руках. В центре ямы были найдены хорошо сохранившаяся стенка крупного костяного ларца [20], полированный костяной тор базы, наконечники 44 стрел и две железные панцирные пластины. Впервые на этой глубине в комках земли и на мелких обломках алебастра и ганча появились фрагменты золотой фольги. Рядом с устьем ганчевого сооружения на том же уровне были найдены три бронзовые пластинки с силуэтами изображений двух птиц, уток, и фигурка Эрота, играющего на лире [21].

Основные находки в ботросе № 1 были сделаны на глубине 1,40—1,20 м над материком. Особый интерес представляют изделия из бронзы: ромбовидный умбон от щита, ажурная обивка ножен меча или торца колчана, полая цилиндрическая ручка патеры, курильница с вертикальными стенками и выгнутым дном и пряжка, а также серебряная с позолотой нашивная бляшка с растительным орнаментом. Среди этих предметов были найдены фрагменты стеклянных бальзамариев I в., навершие каменной булавы, каменный пестик и железные предметы — правда, очень фрагментированные и плохой сохранности. Большое количество железных гвоздей-костылей, обращенных к центру заостренными краями,— вероятно, остатки деревянной крышки — были уперты в борт ботроса шляпками на расстоянии 30 см.

С глубины 1,20 до 0,40 м над материком участились находки фольги, наконечников стрел и совершенно расслоившихся железных изделий. Бронзовые предметы — зеркало с небольшой ручкой, фрагменты браслетов, пластина с вычеканенным изображением лотоса, девять бусин, бронзовый слиток, возможно пирон [22], расширяющийся к краям в форме ласточкиного хвоста (вес до очистки окислов 622 г 740 мг, после их снятия — 543 г.), и 16 маленьких гвоздиков — были уложены над рухнувшими на дно бортами сооружения. Кость представлена пластиной, являющейся завершением нижней части ножен греческого меча — ксифоса [23], и прямоугольной пряжкой пояса с неподвижным язычком. Тут же были найдены две овальные раковины с отверстиями в центре, трактуемые как «наглазники» [24]. Интересна находка каменной микробазы с круглым основанием 11,4 см. В этой же нижней части ботроса найдены лежащие веером три наконечника копий, два ножа, 150 наконечников стрел, панцирные пластины и другие железные предметы, неопределимые из-за плохой сохранности, и воткнутый острием вниз железный меч. К находкам у дна сооружения относятся стеклянный бальзамарий и открытый чирог из тонко отмученной обожженной светлой глины. Большой интерес для оценки античного влияния на искусство кушан представляют найденные куски золотой парчи с каймой меандра, плетенного из золотых нитей.

Рядом, у восточного окончания ботроса, на вымостке из сырцового кирпича, в углу, между стенами 3в и 3б, на уровне 1 м

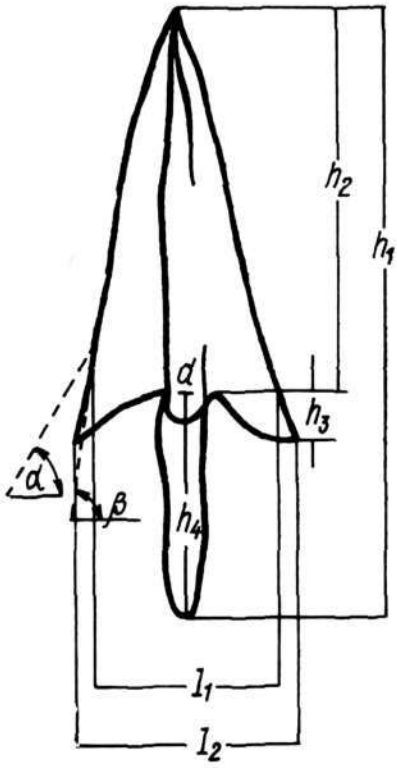

Рис. 43. Наконечник стрелы

над материком, был врыт хум на трех ножках. Плечики хума по кольцу между двумя ручками украшены фризом, в центре которого располагается волна, а по краям — врезные кружки. Фриз покрыт ангобом темно-красного цвета. На уровне 1,10—1,20 м над материком, над устьем хума, лежали фрагменты расписанной геометрическим орнаментом штукатурки и скопление из 666 стрел, выкованных из железа, и одной стрелы — бронзовой, двухперой, втульчатой.

Обработка и исследование этого конгломерата стрел вызвали значительные трудности. До находок на Каменном городище в Средней Азии при раскопках на тех или иных объектах встречались одиночные экземпляры, редко — десятки наконечников стрел. Здесь же лишь в одном первом сезоне (1976 г.) было найдено около тысячи наконечников (рис. 43), причем около половины из них являлись практически целыми. Поэтому было решено прибегнуть к формализации описания наконечников стрел. Разработка схемы такого описания — непростое дело. Она должна включать как основные описательные признаки, так и размеры и индексы, которые практически исчерпывали бы все характеристики наконечника. Разумеется, речь шла не о железном наконечнике вообще, а лишь о наконечниках, входивших в состав изучаемой коллекции, и, следовательно, предлагаемая схема представляет лишь подход к более общему, универсальному коду описания железных наконечников стрел в целом. Нам представляется, что создание такой схемы — значительно более реальная задача, чем универсальный код описания керамики.

Схема формализованного описания железных наконечников стрел

а. Класс стрелы
1. Двугранная плоская черешковая.
2. Трехлопастная черешковая.
3. Трехгранная черешковая.
4. Четырехгранная с ромбическим сечением, черешковая.

5. Пулевидная черешковая.

б. Головка
1. Трехугольная (по боковому контуру подразделяется на. 1А — прямая; 1Б — вогнутая; 1В — выпуклая).
2. Лавролистная.
3. Ромбическая.
4. Башневидная.
5. Усеченно-ромбическая.
6. Усеченно-лавролистная.
7. С уступом.

в. Жальце в отношении к лопасти
1. Продолжение лопасти.
2. Отклоняется к черешку от линии лопасти.
3. Отклоняется от черешка от линии лопасти.

г. Форма жальца (см. таблицу)

д. Базис
1. Перпендикулярный черешку
2. Поднятый

е. Черешок
1. Округлый
2. Граненый
3. Уплощенный

Размеры стрелы

h_1 — высота стрелы
h_2 — высота лопасти
h_3 — высота жальца
h_4 — высота черешка
l_1 — разлет головки (по самой широкой части лопасти)
l_2 — разлет головки (по жальцам)
α — угол наклона лопасти к горизонту
β — угол наклона жальца к горизонту
δ — максимальный диаметр черешка

Индексы

$$А = \frac{h_2 + h_3}{h_1} \qquad Б = \frac{h_1}{h_1}$$

$$В = \frac{l_1}{h_1} \qquad Г = \frac{l_2}{h_1} \qquad Д = \frac{l_1}{h_2}$$

Таким образом, кодовое обозначение наконечника *а*(1) *б*(1,В) *в*(1) *г*(1А) *д*(*е*)1 означает: наконечник плоский, с треугольной головкой, имеющий выпуклый контур, с жальцами, представляющими прямое продолжение лопасти, очертания жальца варианта 1А, базис отсутствует, черешок округлый в сечении. Высшей таксонометрической единицей в этой классифи-

кации является «класс», в который объединяются все наконечники, имеющие одинаковое поперечное сечение головки. В качестве типообразующих внутри класса используются вторая группа признаков *б*, в том числе три подразделения признака *б*—1, а также наличие или отсутствие признака *в*, как и три другие группы признаков (*г, д, е*) используются для выявления подтипов и вариантов.

Приведем характеристику одного, наиболее распространенного типа стрел, а именно *а*(2)—*б*(1А)—*в*(1)—*г*(1А,1Б,2А,2Б,3А, 3Б,4А,4Б,5Б)—*д*(—)—*е*(1) — наконечники трехлопастные, с треугольной головкой, имеющей прямой контур, с жальцами, представляющими прямое продолжение лопасти, очертания жалец 1А—5Б, базис отсутствует, черешок округлый.

Размеры линейные — в миллиметрах, угловые — в градусах [25]

h_1 — 35—65 (большинство 45—60)

h_2 — 25—57. Варьирование: от 25 до 27 — 9 экз., от 28 до 42—87 экз., от 43 до 57 — 20 экз.

h_3 — 1—5 (большинство 2—5)

h_4 — 9—29 (большинство 15—23)

l_2 (=l_1) — 11—29 (большинство 14—19)

α(=β) — 78—88 (большинство 85—87)

δ — 4—7 (большинство 5)

Индексы

А — 0,55—0,95. Варьирование: от 0,55 до 65—3 экз., от 0,66 до 0,87—49 экз., от 0,88 до 0,93 — 2 экз.

Б — 0,18—0,47. Варьирование: от 0,18 до 0,28 — 9 экз., от 0,29 до 0,39 — 29 экз., от 0,40 до 0,47 — 17 экз.

В — 0,19—0,53. Варьирование: от 0,19 до 0,29 — 18 экз., от 0,30 до 0,40 — 35 экз., 0,41 и выше — 2 экз.

Г — 0,20—0,52. Варьирование: от 0,20 до 0,29 — 13 экз., от 0,30 до 0,39 — 32 экз., от 0,40 и выше — 8 экз.

Д — 0,28—0,65. Варьирование: от 0,28 до 0,49 — 65 экз., от 0,50 до 0,65 — 50 экз.

При этом следует иметь в виду, что у части наконечников, сохранивших черешки, их концы могли иметь трудноразличимые и неравновеликие утраты, в силу чего их длина, иногда заниженная, могла отразиться на некоторых индексах. По длине большинство наконечников нужно считать средними, длиной 4,5 — 6 см. Лишь два наконечника могут быть отнесены к мелким, 3,5—3,9 см, и десять — к крупным, 6,1—6,5 см. По сохранившейся головке (собственно, по длине лопасти — h_2) можно выделить три варианта величин, причем преобладают (75%) средние размеры, меньше с большой лопастью (17%) и совсем

немного с малой (8%). Индекс Д показывает вытянутость головки, свидетельствуя, что узких стрел было несколько больше половины (56,5%), остальные средние, широких же стрел в этом типе нет.

Оценка комплекса в целом представляет значительные сложности. Дело в том, что ни типология, ни эволюция среднеазиатских железных наконечников стрел детально еще не изучены. Опубликованные работы, в том числе наиболее полные из них, положили лишь начало разработке этой проблемы [26]. Естественно, что в наших знаниях в этой области очень много лакун и неясностей, не бесспорны и данные некоторых общих линий развития.

Так как наконечники с уступчатым или скорее с уступообразным основанием боевой части представлены всего несколькими экземплярами, к тому же уступ на них весьма нечеткий, можно считать, что комплекс стрел сложился до широкого распространения стрел с уступом, датированных III — началом IV в. И хотя основная масса наконечников, бесспорно, относится к I в. до н. э.— III в. н. э., не вполне ясно, нет ли еще более древних наконечников. Это, в частности, относится к пяти плоским наконечникам, количество которых до сих пор насчитывалось единицами, причем наиболее поздние из них датировались IV—III вв. до н. э.[27].

Безусловно, эллинистическим временем должны быть датированы бронзовые двух- и трехлопастные втульчатые стрелы. Неожиданным является сравнительно высокий процент (около 10) трехгранных железных наконечников. Тем самым подтверждается предположение, высказанное почти полтора десятилетия назад, о том, что этот тип, обильно представленный в раннесредневековых комплексах, имеет местный генезис [28]. Очень много интересного обещает исследование и других групп коллекции наконечников стрел, являющихся вместе с наконечниками копий, дротиков, греческими мечами, панцирными пластинами, умбонами щитов, коротким акинаком и большим количеством бронзовых изделий уникальным комплексом вооружения кушан, сброшенным в качестве вотивного посвящения в культовые ямы-хранилища на территории храма.

В общих чертах складывается представление о датировке открываемого памятника и связанных с ней трудностями. Самыми ранними находками являются обоймы ножен мечей из слоновой кости, время которых по аналогиям восходит к архаическому периоду [29]. Подобные костяные обкладки бытовали и в раннеэллинистическое время, существуют очень точно датированные совершенно аналогичные вотивные бронзовые отливки рукоятей махайр в Додоне (234/3—219/8 гг. до н. э.) [30]. Хотя подобный тип верхней части ножен и встречается на более поздних изображениях, это, по мнению Е. В. Черненко, «еще не является свидетельством о позднем их применении» [31]. Форма

ромбовидного умбона от овального щита-тюреоса из ботроса № 1 датируется не позднее I в. до н. э.[32]. Стеклянный бальзамарий малоазийского производства (остальные три были разбиты и измельчены в древности) и реберчатая стенка чашечки могут быть датированы наиболее надежно из всех находок в коридоре — второй четвертью — серединой I в.[33].

Заслуживают особого внимания бронзовые пластинки с изображениями Эротов, так как они крайне редки. Совершенно аналогичен Эротам Каменного городища Эрот с распростертыми крыльями на бронзовой инкрустационной вставке из Карлсруэ. По обеим сторонам шеи, как и у наших Эротов, у него ниспадают локоны. К. Шумахер датирует его римским временем. Еще один маленький Эрот, выгравированный на четырехугольной пластинке, известен нам только по описанию. Это шагающий Эрот римского времени, также из Карлсруэ, по замечанию К. Шумахера, очень ординарной работы[34].

Эроты античные и восточные лишь I в. находят наибольшее сходство с кушанскими Эротами. Самые близкие аналогии датируются как А. Грейфенхагеном, посвятившим им специальные исследования, так и другими крупнейшими экспертами античного искусства I в.[35].

Уровень вымостки в коридоре № 1 второго строительного периода (2 м над материком), как и прежде, был примечателен находками на нем рогов оленей и коз[36]. Между первым и вторым строительными периодами натек в коридоре достиг 0,35 м. Его перекрывают камни средней и небольшой величины, разбросанные нерегулярно по всей площади коридора для укрепления вымостки из кирпичей и трамбованной глины. Находки керамики в заполнении почти полностью отсутствуют. Во втором периоде жизни дома северный выход из коридора был заложен кирпичами. Заполнение в коридоре составляли почти стерильный твердый суглинок темно-коричневого цвета и развал рухнувших кирпичей.

О дворцово-культовом характере открываемого монументального комплекса говорит и весь состав находок. Обращает на себя внимание обилие бронзовых изделий, в том числе рельефных пластин и украшений, большое количество оружия, инструментов и монет, что полностью соответствует составу вотивов в крупных греческих святилищах (например, в Додоне[37], Артемисионе[38]) этого и более раннего времени.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Д. Н. Логофет. На границах Средней Азии. Путевые очерки в трех книгах. Кн. 3. СПб., 1909, с. 57.

[2] Б. П. Денике. Экспедиция Музея восточных культур в Термез. Предварительный отчет.— Культура Востока.— СМВК. 1. М., 1927, с. 18; он же. Экспедиция Музея восточных культур в Среднюю Азию 1927 года.— Культура Востока.— СМВК. 2. М., 1928, с. 14.

[3] М. М. Дьяконов. Археологические работы в нижнем течении реки Кафирнигана (Кобадиан) (1950—1951).— МИА. № 37, 1953, с. 254 и сл. В 1977 г. мы нашли там же большой фуст колонны — правда, без надписи.

[4] М. М. Дьяконов. Работы Кафирниганского отряда.— МИА. № 15, 1950, с. 183; он же. Археологические работы, с. 254; он же. У истоков культуры Таджикистана. Сталинабад, 1956, с. 69.

[5] М. М. Дьяконов. Археологические работы, с. 265.

[6] А. М. Мандельштам. Кочевники на пути в Индию.— МИА. № 136, 1966, с. 146—148; он же. Памятники кочевников кушанского времени в Северной Бактрии. Л., 1975, с. 135—136.

[7] Там же.

[8] Там же.

[9] O. M. Dalton. The Treasure of the Oxus. L., 1964; Е. В. Зеймаль. Амударьинский клад. Каталог выставки. Л., 1979; Т. И. Зеймаль, Еще раз о месте находки Амударьинского клада.— ИООН АН ТаджССР. 1962. Вып. 1 (28), с. 40—45.

[10] Е. Е. Кузьмина. В стране Кавата и Афрасиаба. М., 1977, с. 47, 124; она же. Семантика изображения на серебряном диске и некоторые вопросы интерпретации Амударьинского клада.— Искусство Востока и античность. М., 1977, с. 16.

[11] Б. Я. Ставиский. Кушанская Бактрия. Проблемы истории и культуры. М., 1977, с. 74, 93; он же. Заметки об Амударьинском кладе.— Искусство Востока и античность. М., 1977, с. 16.

[12] Начальник Тахтикубадского отряда — И. Р. Пичикян. Отряд работал в составе Южно-Таджикистанской археологической экспедиции (начальник экспедиции Б. А. Литвинский). См.: И. Р. Пичикян, В. Е. Войтов, А. Ф. Дубровин, С. Ф. Арабов, А. А. Колпаков. Раскопки Шаартузского разведывательного отряда на Каменном городище.— АО 1976 г. М., 1977, с. 571; И. Р. Пичикян, А. Ф. Дубровин, В. Д. Сарабьянов. Открытие ботроса на Каменном городище.— АО 1977 г. М., 1978, с. 560; И. Р. Пичикян. Фависса центрального здания Каменного городища.— АО 1978 г. М., 1979, с. 582; И. Р. Пичикян. Ножны ксифосов и махайр в Северной Бактрии.— СА. 1980, № 4.

[13] Устройство фависсы с ямой, закрывающейся крышкой в виде детали колонны, находит близкие аналогии в Афинах на агоре (различия: в Афинах использована подтесанная дорическая капитель, на Каменном — база аттического типа, но также подтесанная под конус). H. A. Thompson. Activities in the Athenian Agora. T. 2. Hesperia, 1958, № 2, с. 145. Об античных фависсах см.: D. Burr. A Geometric House and a Proto-Attic Votive Deposit. T. 2. Hesperia, 1933, № 4, с. 542; на Самофракии: K. Lehman. Samothraka. 19. Hesperia, 1950, № 1, с. 12, tab. 9; о фависсах в Северном Причерноморье: М. М. Худяк. Из истории Нимфея. Л., 1962, с. 22, 26, 47, 54; Е. И. Леви. Ольвийская агора.— МИА. 50, 1956, с. 41; она же. Новые посвятительные надписи Аполлону Дельфинию.— История и культура античного мира. М., 1977, с. 96; о восточных: В. Г. Луконин. Искусство древнего Ирана. М., 1977, с. 18.

[14] W. H. Roscher. ML. Bd 1, *2*, с. 2662—2664, с. 2674.

[15] Подобный тип встречается довольно рано, см.: И. И. Алиханов. Геленджикские подкурганные дольмены.— СА. 1961, № 1, с. 145, рис. 146.

[16] Е. В. Черненко. Ножны греческого меча из Ольвии.— Скифы и сарматы. М., 1977, с. 120; И. Р. Пичикян. Ножны ксифосов и махайр.— СА. 1980, № 4.

[17] Аналогичные трехдолевые застежки известны еще у ранних кочевников и киммерийцев: А. И. Тереножкин. Киммерийцы. Киев, 1976, с. 30, рис. 6 (11), 5 (6).

[18] Об алтарях с основанием из вертикально поставленных кирпичей см.: A. Parrot. Les fouilles de Mari.— «Syria». 32, 1955, № 3—4, с. 208, fig. 13; «Syria», 21. 1940, с. 10, pl. III—IV.

[19] В крепости Зивие, представляющей собой резиденцию правителя, был найден клад в большой бронзовой ванне: R. H. Dyson. Archaeological Search

Glimpses of History of Ziwiye.— «Expedition». 1963, № 5, с. 32—35. В. Г. Луконин приводит аналогии подобным бронзовым ваннам с «захоронениями», открытым в Уре персидского времени (середина VII — самое начало VI в. до н. э.). См.: В. Г. Луконин. Искусство древнего Ирана, с. 18 и сл. Подобное использование ванны вне зависимости от того, были ли это захоронения или клады, вне зависимости от различия во времени и материале резервуаров находит сходство с ботросом на Каменном городище: вещи, перед тем как попасть в ванну, были оторваны от разных парадных кресел и лож, от ларцов, повреждены и лишены своего первоначального функционального назначения.

[20] Аналогичные по орнаментации костяные пластины были найдены в административном квартале Ай Ханум: Ph. Gouin. Les petite objets.— Fouilles d'Ai Khanoum (Campagnes 1965, 1966, 1967, 1968).— MDAFA. T. 21, 1973, с. 201, рис. 44 (0,21a).

[21] Б. А. Литвинский, И. Р. Пичикян. Кушанские Эроты.— ВДИ. 1979. № 2, с. 89—109.

[22] Аналогичный по размерам пирон был извлечен из пилястра в административном квартале Ай Ханум: Ph. Gouin. Object divers.— Fouilles d'Ai Khanoum, с. 197, рис. 42.

[23] Е. В. Черненко. Ножны греческого меча из Ольвии.— Скифы и сарматы. М., 1977, с. 120 и сл., рис. 1 (2, 5) и 2 (2—4).

[24] Б. А. Литвинский. Древние кочевники «Крыши мира». М., 1972, с. 141, табл. 47.

[25] Измерения проведены Т. А. Шерковой, она же вычислила и индексы.

[26] Б. А. Литвинский. Среднеазиатские железные наконечники стрел.— СА. 1965, № 2, с. 75—91.

[27] Б. А. Литвинский. Древние кочевники «Крыши мира». М., 1972, с 101—104, табл. 35—37.

[28] Б. А. Литвинский. Среднеазиатские..., с. 88.

[29] Е. В. Черненко. Ножны греческого меча, с. 124.

[30] G. Daux. Chronique des fouilles et découvertes archéologiques en Grèce en 1965.— BCH. 90, 1966, 2, с. 847, fig. 5(a, b).

[31] Е. В. Черненко. Ножны греческого меча, с. 124.

[32] В. П. Толстиков. Надгробие воина с Ахтанизовского лимана.— ВДИ. 1976, № 1, с. 85 и сл., рис. 3, второй ряд; Н. И. Сокольский. О боспорских щитах.— КСИИМК. Вып. 58, 1955, с. 16—25, рис. 2 (1—3).

[33] Н. З. Кунина. Сирийские выдутые в форме стеклянные сосуды из некрополя Пантикапея.— Памятники античного прикладного искусства. Л., 1973, с. 130.

[34] K. Schumacher. Beschreibung der Sammlung antiken Bronzen. Karlsruhe. 1890, с. 188, № 991.

[35] Christie's Auktion. Illustrated Catalogue. Fine Antiquities. 6 July 1976, pl. 8, № 33; Auktion 40. Kunstwerke der Antike. Stadtcasino, Basel. 13 Dezember 1969, № 146; S. Boucher. Bronzes romains figurés du Musée des Beaux-Arts de Lyon. Lyon, 1973, № 1—10. Подробнее об этом см.: Б. А. Литвинский, И. Р. Пичикян. Кушанские Эроты.

[36] Аналогичное хранилище рогов жертвенных животных было открыто Ю. М. Гагошидзе в юго-восточном коридоре храма Дедоплис Миндори I в. до н. э., стоящем, по справедливому утверждению исследователя, в одном ряду со множеством храмовых и дворцовых зданий древнего и эллинистического Востока: Ю. М. Гагошидзе. Раскопки храма в Дедоплис Миндори (Восточная Грузия).— КСИА. Вып. 151, 1977, с. 107.

[37] C. Carapanos. Dodone et ses Ruines. P., 1878.

[38] R. M. Dawkins. The Sanctuary of Artemis Orthia at Sparta. L., 1929.

А. М. Беленицкий

ХОРЕЗМИЙСКИЙ ВСАДНИК — ЦАРЬ ИЛИ БОГ?

С выходом в свет книги «Монеты древнего Хорезма» Б. И. Вайнберг[1] нумизматическая наука Средней Азии отмечает свой незаурядный успех. Действительно, как по заключенному в ней фактическому материалу — по объему информации, по тщательности его обработки и в такой же степени по интересу его интерпретации — можно без преувеличения сказать об этой книге как о событии выдающемся. Нельзя вообще не отметить того общего большого места, которое заняла и продолжает занимать в историографии Средней Азии советская нумизматическая литература, и ее роли в воссоздании исторического прошлого страны в древности.

Мое сообщение, посвященное только одному сюжету, затронутому в книге, понуждает меня ограничиться лишь самыми необходимыми замечаниями по поводу всей книги.

Книга представляет собой солидный монографический труд. Она состоит из двух исследовательских разделов и полного каталога известных до настоящего времени монетных находок. О непреходящей ценности последнего нет необходимости особо упоминать. Что касается исследовательских разделов, то о них представление может дать оглавление.

Приведенный перечень разделов книги показывает серьезность и значительный исторический интерес затрагиваемых автором проблем. Все они исторически достаточно важны и актуальны, и по каждой из этих проблем автором книги сказано новое слово.

В своей статье я хочу коснуться раздела, озаглавленного «Хорезмийский всадник».

Понятие «Хорезмийский всадник», как известно, было введено в науку С. П. Толстовым. Если не ошибаюсь, впервые о хорезмийском всаднике им сделан доклад в 1938 г.[2].

Этот доклад вызвал немало толков. Пафос доклада сводился к указанию на важность всадника для реконструкции обширных связей Хорезма как на юге — с кушанами, Индией, так и на севере — с Казахстаном и Сибирью, а также с Восточной Европой, но не с сасанидским Ираном. Этот последний момент был сформулирован так: «Хорезмийский всадник отразил сасанидский жертвенник огня». Имеется в виду наличие на реверсе хорезмийских монет вместо жертвенника сасанидских монет изображения всадника. В развернутом виде С. П. Толстов

свои взгляды по поводу хорезмийского всадника изложил в одном из экскурсов в «Древнем Хорезме»[3].

Основные положения С. П. Толстова в отношении хорезмийских монет с всадником на реверсе в самом кратком изложении сводятся к следующему: наиболее ранние монеты Хорезма имеют своим прототипом монеты, чеканенные греко-бактрийским царем Евкратидом, с конными Диоскурами на реверсе. Но именно в реверсе хорезмийских монет, по словам С. П. Толстова, тип монет пережил глубокое изменение: место греческих Диоскуров занял хорезмийский всадник — символ божественного предка династии Сиявуша.

Вслед за этим С. П. Толстов обращается к монетам, известным под именем Герая, которые незадолго до этого были исследованы в специальной работе А. Н. Зографом[4]. Согласно Толстову, такие типы хорезмийских монет, как монета с Топраккалы и из коллекции Кастальского, являются связующим звеном между монетами Герая и основным господствующим типом хорезмийских монет с всадником на реверсе в III—VIII вв. Вместе с тем анализ греческой надписи заставил С. П. Толстова выдвинуть теорию, что именно монета топраккалинского типа является прототипом монет Герая.

Эти положения С. П. Толстова вызвали возражение Б. И. Вайнберг. По ее мнению, всадник на хорезмийских монетах должен рассматриваться не как бог Сиявуш, а как царь[5]. Возражает она и по поводу зависимости чекана монет Герая от монет Хорезма. Впервые с критикой этого положения С. П. Толстова выступила еще в 1965 г. Г. А. Пугаченкова[6]. Б. И. Вайнберг, соглашаясь с мнением Г. А. Пугаченковой, пишет: «Ее основной вывод о том, что чекан Герая возник как самостоятельная эмиссия, независимая от хорезмийской, должен быть нами принят»[7]. Отметим, что к критическим замечаниям Г. А. Пугаченковой Б. И. Вайнберг добавляет от себя еще и следующее: «...скорее всего, именно монеты Герая, чеканившиеся в Бактрии, откуда пришел исходный тип монет Хорезма, послужили прототипом монет Хорезма в изображении всадника на оборотной стороне»[8].

В приводимых названными авторами возражениях С. П. Толстову фигурирует вопрос об искажении греческих надписей на монетах. Первоначально С. П. Толстов хотел видеть в искаженной легенде на хорезмийских монетах «идеограмму» собственного титула хорезмийских царей. Оспаривая это мнение, его оппоненты справедливо утверждают, что в данном случае перед нами попросту одна из форм искажения первоначальной греческой легенды[9].

Собственные титулы и имена хорезмийских царей проявляются на реверсах монет начертанными арамейским шрифтом. Основываясь в значительной степени на этом факте, Б. И. Вайнберг полагает, что всадник должен изображать собой, вопреки

мнению С. П. Толстова, как указано выше, не бога-всадника, а самого царя.

Б. И. Вайнберг пытается десакрализовать всадника, привлекая и другие наблюдения и соображения. С иконографической точки зрения, по ее мнению, об этом говорит характер короны на всаднике, на ряде типов монет сходной с короной царя на аверсе монет. Довод малоубедительный, хотя бы из-за миниатюрности и потому неясности изображения мелких деталей на реверсах монет. То же самое можно сказать и в отношении других мелких и мельчайших деталей, рассматриваемых Б. И. Вайнберг, которым она придает явно излишнее значение в своем анализе.

Между тем Б. И. Вайнберг упускает из виду при анализе хорезмийского чекана тот бесспорный и фундаментальный факт, что в основе монетарных систем, сложившихся в государствах, наследовавших греческим государствам, и в интересующем нас регионе — греко-бактрийскому царству, прообразом для их чеканов послужил чекан именно греко-бактрийского государства в лице тех или иных царей (Евкратид или Геолиокл). И если отвлечься от частных иконографических деталей, для всех типов монет Греко-Бактрии характерна следующая организация монетного кружка: на аверсе изображается портрет царя, а на реверсе или божество, или символическая фигура, заменяющая его (например, фригийские колпаки Диоскуров).

Именно эта особенность греко-бактрийского чекана является наиболее очевидной на всех типах монет государств — наследников греко-бактрийского царства. Меняются имена царей, меняются и фигуры их божественных покровителей, но принцип размещения их остается устойчивым, как и в хорезмийском чекане. И поэтому положение Б. И. Вайнберг о наличии повторного портрета царя на реверсе, после того как его можно было видеть на аверсе, неубедительно. Для прокламации престижа царя отсутствие его божественного покровителя и замена последнего своей собственной персоной явно было бы невыгодным. Таким образом, уже теоретически трудно согласиться с оппонентами С. П. Толстова о том, что в образе всадника следует видеть повторное изображение царя.

Но обратимся к образу самого всадника. На греко-бактрийских монетах искать прообраз для аналогичного конного всадника, подобного хорезмийскому, было бы тщетно. Каково же его происхождение, откуда он появился? Пожалуй, наиболее удивительно то, что этот образ всадника продержался в течение почти целого тысячелетия.

Здесь мы снова должны вернуться к теории С. П. Толстова. К важной заслуге С. П. Толстова в данном вопросе следует отнести то, что он с полной определенностью указал на связь изображения хорезмийского всадника с миром искусства Причерноморья. Исходным моментом в его построении послужил

установленный им факт общности сходства тамг на монетах Хорезма с таковыми на монетах Боспорского царства. Связь эта, разумеется, не случайна. О древних скифо-сарматских связях с сако-массагетским миром, а позже об алано-хорезмийских связях писалось достаточно много, и здесь нет необходимости повторно об этом говорить. Для нас важно другое, а именно что Причерноморье оставило нам целый мир памятников искусства, одним из ведущих персонажей которого на протяжении многих веков оставался конный всадник. Заслугой С. П. Толстова и является то, что он указал на связь хорезмийского всадника с последним, хотя он, несомненно, несколько переоценивал роль Хорезма. Это увлечение объясняется общим прохорезмийским энтузиазмом автора. Для нас важна данная связь сюжета всадника потому, что на основании причерноморского материала семантика образа конного всадника получает адекватное разъяснение.

Литература, посвященная образу всадника в областях Причерноморья, чрезвычайно обильна, и, разумеется, в настоящем сообщении ее касаться не представляется возможным. Основополагающими исследованиями остаются замечательные работы М. И. Ростовцева, имеющие прямое отношение к нашей теме, хотя, когда писал Ростовцев, собственно о хорезмийском всаднике речи быть и не могло. Напомню его работу: «Бог-всадник на юге России, в Индо-Скифии и в Китае» [10]. Нет ничего более оправданного, чем привлечение С. П. Толстовым именно этой работы в первую очередь. Однако С. П. Толстов не остановился на положениях, выдвинутых Ростовцевым. С. П. Толстов дал, как мы видим, собственное имя всаднику Хорезма. Заслугу или вину за это наречение собственным именем всадника — Сиявушем — С. П. Толстов должен разделить с Бируни. Следует ли окончательно отказаться от такой идентификации хорезмийского всадника с популярным мифическим героем среднеазиатской мифологии? Оставим под вопросом. Но, разумеется, мнение С. П. Толстова о том, что именно Хорезм является исходным пунктом сложения образа всадника и его семантики, не может быть признано убедительным. Однако, по моему мнению, хорезмийский всадник принадлежит к миру образов, сложившихся в обширной зоне, охватываемой географическими пунктами, названными в работе Ростовцева. Поэтому мне кажется недостаточно убедительным, когда оппоненты С. П. Толстова при обсуждении его теории, касающейся Сиявуша и его «хорезмоцентризма», оставили вне поля рассмотрения саму идею толкования образа, предложенного С. П. Толстовым, именно как божественного всадника, воплощенного в «предке-герое».

В связи со сказанным особо большой интерес представляет оставшееся не замеченным оппонентами сопоставление С. П. Толстовым имени фракийского всадника «Герой» с именем царя на монетах кушанского правителя Герая.

В нумизматической литературе в отношении имени Герая, известном только по монетным легендам, написанным греческим алфавитом, существуют различные мнения как в смысле прочтения легенды, так и ее значения [11].

Действительно, имя это не вписывается в нумизматическую ономастику династий эпохи. По словам А. Н. Зографа: «Герай— одно из наиболее вероятных чтений, но наряду с Герай можно прочесть „Эрий". Не следует увлекаться внешним сходством с греческим словом и не считать Герая греком». Это последнее замечание относится к мнению нумизмата Отто Вальтера о том, что Герай — грек по имени.

Но, как мне кажется, к разъяснению этого имени следует подойти с другой стороны и рассматривать его не как собственное имя, а как нарицательное. Уже при самом поверхностном знакомстве с нумизматикой эпохи обращает на себя внимание появление анонимных монет так называемых «безымянных царей»; такие монеты известны в Хорезме, известны в кушанской нумизматике. На них вместо имен собственных фигурируют такие эпитеты, как «бог великий, спаситель» [12]. На западе, в Причерноморье, параллельно можно указать на эпитет «Бог высочайший», и, что для нас наиболее важно, на западе наиболее широкое распространение получили эпитет «Герой» в качестве обозначения обожествленного или героизированного предка. Именно такими эпитетами обозначаются изображения всадников [13].

С моей точки зрения, такие обозначения характеризуют переходную стадию, когда имена греческого пантеона сошли со сцены и новые боги получают вместо собственного имени тот или иной эпитет, будь то «Великий спаситель», «Бог величайший» или «Герой», но неизменно сочетающийся с образом конного всадника. Нет нужды отмечать при этом, что иконография последнего может оказаться в разных областях весьма различной.

Хорезмийский всадник является одним из таких божеств. И не лишено вероятности, что в Хорезме его называли «Сиявшем».

Заканчивая на этом свое краткое сообщение, считаю необходимым подчеркнуть, что мои замечания касаются в общем частного вопроса и едва ли очень существенного с точки зрения собственно нумизматики как науки, которой посвящена книга Б. И. Вайнберг. На взгляд автора этих строк, сам нумизматический анализ материала и его историческая интерпретация, особенно в отношении его хронологического упрядочения, заслуживают самой высокой оценки и признательности.

В заключение я хочу сказать следующее: выход в свет книги Б. И. Вайнберг «Монеты древнего Хорезма» достойно отмечает юбилей экспедиции и вместе с тем отражает чувство долга автора книги перед памятью С. П. Толстова, основателя экспедиции и хорезмийской нумизматики.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Б. И. Вайнберг. Монеты древнего Хорезма. М., 1977.
[2] С. П. Толстов. Хорезмийский всадник.— КСИИМК. 1. М.—Л., 1939.
[3] С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, с. 173—211.
[4] А. Н. Зограф. Монеты Герая. Таш., 1937.
[5] Б. И. Вайнберг. Монеты древнего Хорезма, с. 44—47.
[6] Г. А. Пугаченкова. Монеты Герая.— ВДИ. 1965, № 1, с. 130.
[7] Б. И. Вайнберг. Монеты древнего Хорезма, с. 45.
[8] Там же.
[9] Там же.
[10] М. И. Ростовцев. Бог-всадник на юге России, в Индо-Скифии и в Китае.— «Seminarum Kondakovianum». 1. Praha, 1927. Ср. также: М. И. Ростовцев. Представления о монархической власти в Скифии и на Боспоре. СПб., 1913; он же. Святилище фракийских богов и надписи бенефициариев в Айтодоре.— ИАК. Вып. 40, 1911.
[11] А. Н. Зограф. Монеты Герая, с. 15 и сл.
[12] М. Е. Массон. Происхождение безымянного «Царя царей, великого спасителя».— «Труды Среднеазиатского государственного университета». Н. С. Вып. 11. Гуманитарные науки. Таш., 1950.
[13] Из недавно опубликованных работ обширная литература по этому вопросу приведена в работе: А. Н. Щеглов. Фракийские посвятительные рельефы из Херсонеса Таврического.— Древние фракийцы в северном Причерноморье. М., 1969.

Е. Е. Неразик

К ПРОБЛЕМЕ РАЗВИТИЯ ГОРОДОВ ХОРЕЗМА

В трудах С. П. Толстова создана стройная концепция развития хорезмийских древних и средневековых городов, поднят широкий круг вопросов, охвативших все важнейшие стороны их развития [1]. И хотя в основу исследований С. П. Толстова лег главным образом материал рекогносцировок, прекрасная в то время сохранность археологических памятников Хорезма сделала их важным (если не основным) источником представлений о среднеазиатском древнем городе вообще. Так, А. Ю. Якубовский даже писал, что «материалы античных городов Хорезма, от Джанбас-калы до Топрак-калы, дали возможность всестороннего изучения городской жизни в рабовладельческую эпоху» [2]. Топрак-кала, по его мнению, являла собой классический образец античного города [3].

Археологические исследования в Средней Азии за последнее десятилетие принесли с собой буквально поток информации о разновременных городах, среди которых выделяются первостепенной важности сведения о раннегородских (или протогородских) центрах Южной Туркмении и Южного Узбекистана [4], чрезвычайно интересные данные о древнебактрийских городах [5] и многие другие. Эти материалы позволили по-новому подойти к исследованию важнейших проблем, городской жизни и процессов урбанизации в Средней Азии, что нашло выражение в появлении ряда обобщающих работ (труды В. М. Массона, А. М. Беленицкого, Д. Г. Большакова, В. Л. Ворониной и др.) и монографий, посвященных отдельным древним городам (Г. А. Пугаченковой, И. Т. Кругликовой). В свете этих исследований появилась возможность с позиций сегодняшнего дня попытаться оценить некоторые результаты изучения хорезмийских городов, имея в виду также и существующие в литературе версии по ряду проблем их развития. К тому же к имевшимся о них сведениям за последние годы добавились интересные данные, полученные в результате раскопок средневековых Садвара и Джигербента, а также античной Топрак-калы, сообщения о которых уже кратко опубликованы.

Необходимо отметить, что темой данной статьи является не сколько-нибудь полный обзор итогов исследований городов Хорезма, что даже кратко, учитывая ограниченный объем статьи, сделать было бы невозможно, а вопросы их исторической топо-

графии, прежде всего касающиеся путей сложения хорезмийских городов и их типологической структуры. Это в первую очередь объясняется тем, что при отсутствии подробных данных письменных источников и больших вскрытых площадей застройки всякий «выход» в область социально-экономического содержания урбанистических процессов может быть лишь в большей или меньшей степени умозрительным. В этих случаях, как известно, даже типологическая классификация археологических памятников, отнесение того или иного из них к городским поселениям носит условный характер. Вместе с тем давно установлено, что историческая топография может служить прекрасным источником для исследования многих важных проблем развития городов.

Основой для данной статьи явились главным образом материалы археолого-топографического обследования Хорезма, предпринятые Б. В. Андриановым, занимавшимся динамикой ирригационной сети страны, и мной — в процессе работы над темой «Сельское жилище в Хорезме (I—XIV вв.)».

Всего археологически и по данным письменных источников на территории Хорезма зафиксировано не менее 64 археологических памятников, которые принято называть городами (имеется в виду период от IV в. до н. э. до XIV в. н. э.). Но только о 32 из них есть в разной степени подробные сведения, причем на 20 велись стационарные работы сравнительно небольшого масштаба. Это главным образом памятники на окраинах страны. Важнейшие города центральных приамударьинских районов исследовались, к сожалению, мало: из 34 городов, перечисляемых средневековыми географами, 20 известны только благодаря кратким упоминаниям этими авторами. Древние города данной зоны скрыты под позднейшими многовековыми напластованиями.

Большинство хорезмийских городов располагалось на больших караванных путях, шедших с юга, из Хорасана, Джурджана и Мавераннахра, через центральные оазисы страны по левому и правому берегам Амударьи.

Часть городов возникла на окраинах страны, в зоне контакта земледельческого населения оазисов и кочевой степи. Можно выделить три зоны урбанизации страны: 1) центральные приамударьинские районы. Археологические исследования выявляют здесь большую устойчивость населенных пунктов, существовавших на одном месте в течение многих столетий; 2) низовья Амударьи — дельта, где городского типа поселения появляются много позже, не ранее VII—IX вв., и расцветают в XII — начале XIII в.; 3) северо-западные и западные окраины страны, междуречье Северного Даудана и Дарьялыка, где отдельные городские центры существовали в разное время, но расцвет их приходится на конец XIII—XIV в., когда эти районы входят в состав улуса Джучи. Тогда здесь появляются новые торгово-

ремесленные селения городского типа или же значительно расширяются старые.

Обе последние зоны — области тесного соприкосновения земледельцев и скотоводов, населения более пестрого в этническом отношении, чем в центральных оазисах. В дельте Амударьи большую градообразующую роль играло, видимо, население, родственное сырдарьинскому. Те же сырдарьинские связи выступают в культуре населения междуречья Северного Даудана и Дарьялыка, где также было много выходцев из сырдарьинских районов, скорее всего огузско-кипчакского происхождения[6]. Сформировавшиеся здесь в средневековье поселения городского типа имели свои особенности. Таким образом, размещение хорезмийских городов еще раз подтверждает подчеркивавшуюся К. Марксом мысль об огромной роли торговли, в частности караванной, в развитии городов Востока[7]. Уже в IV—III вв. до н. э. на основных торговых трассах страны существовали какие-то населенные пункты. Раскопки Садвара и особенно Джигербента дали интересные сведения об истории этих городов. В основе Джигербента находилось небольшое укрепленное сооружение с двойными стенами, стрелковой галереей и открытого типа башнями[8], типологически весьма близкое стоявшим на окраинах страны и большею частью тоже на возвышенностях укреплениям Калалыгыр II, Малый Кырк-кыз, Бурлы-кала и др. Типологически им близок и ранний Шах-Сенем, значительно больший по площади. Другим типом поселений этого времени являются построенные на равнине крепости правильной четырехугольной формы, среди которых крупнейшим был Хазарасп (10,2 га).

Таким образом, уже в этот период отчетливо прослеживаются определенные, вполне выработанные планировочные, фортификационные и строительные приемы, что характерно и для последующего кушанского времени истории страны и что свидетельствует, видимо, о большой градообразующей роли государства. Следует отметить, что пока древнейшим из выявленных слоев во всех многослойных хорезмийских городах является так называемый кангюйский (IV—III вв. до н. э.), однако до сих пор неясно, где была столица страны в это время. Архаический слой там пока не обнаружен, и, таким образом, поселения данного времени (VI—V вв. до н. э.) известны только на периферии страны. Случайна ли эта география древнейших хорезмийских поселений (уже вызвавшая ряд толкований), покажут дальнейшие исследования многослойных городских поселений, сопряженные, однако, с большими трудностями, прежде всего с высоким уровнем грунтовых вод, что до сих пор делало попытки достигнуть нижних слоев малоуспешными.

Археолого-топографические работы в Хорезме внесли много нового в существующее представление об облике и путях сложения местных городов. Поскольку в этой связи мне уже прихо-

дилось писать о древних городских центрах Хорезма[9], здесь я коснусь этого вопроса очень кратко. Обобщая материалы о древних городах Средней Азии, исследователи отмечали следующие особенности хорезмийских городов: отсутствие четко выраженных ремесленных кварталов; отсутствие или малое количество цитаделей; отсутствие пригородов; своеобразие сложных предвратных сооружений[10]. Эти представления сложились на основании исследования окраинных городов, по существу еще не являвшихся настоящими городскими центрами, а только зародышами таковых, возникавшими возле военно-административных пунктов или пограничных государственных крепостей. Поэтому, например, больших ремесленных кварталов, подобных открытым в крупных среднеазиатских городах, они могли не иметь. Эти ремесленные производства, и прежде всего гончарное, существовали в их округе, в радиусе 3—4 км, возле водных источников (например, в районе Джанбас-калы). Есть много оснований считать, что если бы были известны крупные античные хорезмийские города, то вряд ли пришлось говорить вообще о каких-то их важных особенностях. Так, даже небольшие раскопки Хазараспа открыли остатки гончарного производства IV в. до н. э. внутри городских стен[11], хотя его размеры и условия существования неясны. Но так или иначе, о наличии или отсутствии ремесленных кварталов в античных городах Хорезма еще говорить рано. Зато можно с полной определенностью утверждать, что пригород они имели. Как уже давно заметил Я. Г. Гулямов, отличительной чертой многих крепостей Хорезма на всем протяжении его истории является наличие возле них открытых поселений[12]. Они зафиксированы у подножия Гульдурсуна, Акча-Гелина, Куня-Уаза, Топрак-калы и т. д. Более того, в свете археолого-топографических исследований хорошо вырисовывается осевая система античных хорезмийских оазисов, вытянутых вдоль каналов. Внутри каждого выделялся один наиболее крупный центр и несколько мелких. В структурном отношении эту систему можно сопоставить с оазисами-номами Месопотамии и древней Бактрии, но если в последней, как пишет В. М. Массон, сельские поселения представляли собой как бы город в миниатюре с крепостными стенами, башнями, цитаделью[13], то в хорезмийских оазисах среди мелких неукрепленных сельских построек резко выделялись компактные укрепленные города или поселения городского типа. Таким образом, уже в эту пору прослеживается та разница в сельском расселении на территории различных районов Средней Азии, которая столь отчетливо проявилась в эпоху средневековья.

Такую же структуру с четким выделением главного городского центра имели средневековые хорезмийские оазисы. Эта прочная связь города со своим определенным каналом запечатлена и в их одинаковых названиях: Хазарасп и канал Хаза-

расп, Мадра и селение Мадра и др. В названия некоторых хорезмийских городов вошел компонент *кан/хан*, означающий «родник», «источник», «канал» (Миздахкан, Вайхан). Ал-Истахри специально подчеркнул: «И у каждого селения между Кердером и главным городом есть свой канал, выходящий из Джейхуна, и вообще все эти каналы из Джейхуна» [14].

Вопрос о соотношении хорезмийского города и его сельской округи многосторонен и пока еще почти не разработан, хотя в результате обследования оазисов Хорезма получены интересные сведения по этому поводу. Одновременно получены и новые данные о путях сложения городов Хорезма — основной теме данной статьи. Эти материалы прежде всего показывают, что С. П. Толстов был, несомненно, прав, считая формирование средневековых городов у замков феодалов одним из характернейших путей их развития [15], хотя он (и это справедливо отметил О. Г. Большаков [16]) несколько переоценил масштабы данного явления. Кроме того, по-прежнему, как и в более древние периоды истории Хорезма, города формировались у пограничных государственных крепостей (например, Пулжай или Гит письменных источников). Еще большее значение, видимо, имело развитие за счет роста старых городских центров; однако, пока не будет ясно, что собой представляли эти старые центры, например древние Садвар, Джигербент, Хива, Миздахкан и другие города, вывод О. Г. Большакова: «В Хорезме, как и во всей Средней Азии, развитие городов в VII—XII вв. шло не по линии возникновения новых городов, а в основном за счет старых городов» [17] — мне кажется преждевременным. Новые археолого-топографические данные вносят уточнения в существующие характеристики хорезмийских средневековых городов. Например, О. Г. Большаков пишет: «Археологически зафиксировано интенсивное строительство в XI—XII вв. крепостей на границах оазиса и возникновение новых городов. Впрочем, размеры последних очень невелики. Из всех этих городов (Гульдурсун, Каваткала, Даудан-кала, Джанпык-кала) только Гульдурсун может быть назван городом, остальные — крепости. Городище Шахрлик, отождествляемое с Яны-шехром, занимает 15 га и не имеет укреплений, Ярбекир-кала — крохотный городок (4,8 га) на территории античного поселения» [18]. Ограниченный объем статьи не позволяет подробно остановиться на описании топографии каждого из этих пунктов. Следует лишь указать, что такие города, как Ярбекир-кала, вовсе не замыкались в средневековье четырехугольником древних крепостных стен, а вышли далеко за их пределы. Вокруг них по крайней мере на 1—1,5 км шла довольно плотная застройка. Иногда постройки были украшены алебастром и поливными плитами. О росте городов в эпоху хорезмшахов говорит предпринятое здесь строительство крупного здания, предположительно караван-сарая [19], но особенно интенсивно он разросся в эпоху Золотой Орды.

Что же касается Кават-калы и Даудан-калы (кстати, удивительно близких по общим очертаниям ломаной линии внешней стены и даже габаритам), то их исследование еще впереди, но, видимо, историю этих укреплений нельзя рассматривать отдельно от истории их округи. Возможно, что они являются примером сложения города на территории слившихся с первоначальным центром сельской округи селений. О таких городах (Ургут, Джизак) пишет О. А. Сухарева [20]. Аналогичный путь сложения города упоминает В. В. Бартольд, ссылаясь на Якута: в Пендинском оазисе главное селение Пендже в XIII в. состояло из пяти деревень, объединившихся в город, причем прежние деревни сделались кварталами, хотя город, по мнению В. В. Бартольда, занимал, конечно, не всю территорию оазиса [21].

Очень ценным источником для исследования городов Хорезма могут явиться местные топонимы, к истолкованию которых историки этой области пока почти не обращались. Разумеется, для использования требуются лингвистические знания, и я чрезвычайно признательна В. А. Лившицу за помощь и очень ценные сведения, которые он мне любезно сообщил. Все приводимые мной в дальнейшем чтения принадлежат В. А. Лившицу.

Уже давно отмечено, что большинство названий хорезмийских городов нельзя вывести из современных среднеазиатских языков, что указывает на их большую древность [22]. Целый ряд названий включает компонент, означающий «дом», «жилище», «город», «селение», например *maeθana* — Ардахуш-митан, Хушмитан или «Кат», «Кас» — типично восточноиранское «город»; как известно, так назвали свою древнюю столицу жители Хорезма; В. И. Абаев показал, что авест. *kata* («погреб», «склеп»), пехл. *katak*, перс. *kada*, *kad* — «дом», «город», согд. *kt'k*, *kty'k* — «дом» не следует отделять от глагола *kan*, известного в иранских языках и обозначавшего «копать», «рыть», а также «насыпать». Тогда *kata*, *kanta* — это поселения, обнесенные стеной, т. е. укрепленные поселения [23].

Возможно, что и в названиях других хорезмийских городов отразилось представление о них как об укрепленных пунктах (например, Садвар, Нузвар). Вторая часть этих слов, *-вар*, могла бы объясняться, по В. А. Лившицу, как «стена», «укрепление», хотя он и отмечает, что в хорезмийских текстах этот термин пока не засвидетельствован. Если не исключать возможности такого толкования, то оно легко увязывается с переводом М. Н. Боголюбовым названия Хорезм (*hu-warazam*, древнеперс. *huvarazmi*, авест. *xvairizam*) — «страна, где хорошие укрепления для скота», «земля, где укрепленные поселения», «страна с хорошими варами» [24]. Как уже отмечалось выше, раскопки Садвара показали большую древность лежавшего в основе средневекового города укрепления; местонахождение Нузвара пока неизвестно.

Таким образом, итоги самых первых попыток проникнуть в

суть семантики названий хорезмийских городов сводятся к следующему: в древних хорезмийских топонимах отразилось прежде всего важнейшее значение источников воды и укреплений для жизни населения страны. Следует также обратить внимание на распространение термина «кат» в древнем Хорезме: это и столица, и «дома мертвых», и отсеки на нарах в своеобразных и только в Хорезме зафиксированных погребальных постройках больших семей, которые заметил и исследовал Г. П. Снесарев[25]; это и деревянная кровать — «тахт»; наконец, это огороженное пространство в степи (хотя бы внутри и ничего не было)[26]. Это тема для специального исследования, которое, вероятно, было бы важно для понимания прежде всего мировоззрения хорезмийцев. Непосредственно для истории городов Хорезма имеет значение другой момент: наличие «парных» названий: Хива — Ардахива, Хушмитан — Ардахушмитан, Кердер — Кардаранхас, Джурджания — Малая Джурджания. Этот факт дает представление о том, что в Хорезме, как и в других районах Востока, имело место «отпочкование» одних городов от других, основание новых городов переселенцами из старых, причем города эти иногда лежали по разные стороны реки. Особенно активно этот процесс шел в районе древней столицы страны — Кята. Обратим внимание на последовательность перечисления названий ближайших к ней пунктов в дорожнике ал-Макдиси («от места, где река суживается до Миздахкана»). Это два рабата, Маш и Сенде, а также Бакырган, Шурахан, Кят, Хас, Нузкат, Вайхан, Нуг, Фаг, Миздахкан. В другом дорожнике, на дороге, ведущей из Кята, упоминаются Гардман, Вайхан, Ардахива, Нукбаг[27]. Если учесть, что на левом берегу Амударьи, на отрезке пути между Хивой и Кятом, в нескольких переходах от последнего, находились еще Кардаранхас и Дасканхас, то получается на сравнительно небольшой площади много «хасов» («хас» в данном случае, по В. А. Лившицу, «селение», «поселение», хотя возможно этимологическая связь с согдийским *kand — kat — kaθ* — город), причем имелся Нузкат — «новый город» и Нукбаг — «новый участок», «новый сад». Тут же находилось «райское место» — Гардман, а ряд других — Вайхан, Шурахан — включали компонент «хан» (как уже указывалось, обозначает «родник», «канал», «арык» — источник процветания страны), хотя, конечно, связь город — канал может быть исследована в различных и очень важных аспектах, но на значительно более широком материале.

Особо остановимся на термине «хас», включенном в упоминавшиеся выше названия городов. Топонимика Южного Хорезма пестрит этим термином, как отметил Г. П. Снесарев, занимаясь изучением расселения узбеков в Хорезмской области, что нашло отражение в объяснительной записке к карте конца XIX — начале XX в. Здесь разбросаны селения, называемые: Наухас, Пирнаухас, Зенонхас, Найзахас, Чорхас и др.[28]. Вряд

ли вероятно, что названия этих современных селений восходят к древнехорезмийскому *хас-кас* и что, если допустить видоизменение *хас-кас*, эти маленькие поселки жители называли городами. Если их объяснить из арабского *хас* — «личный», «собственный», то география этих селений может представить интерес с точки зрения расположения частновладельческих земель — мульков. Известно, кстати, что именно эти земли (по Гиршфельду и Галкину, Г. И. Данилевскому) являлись средоточием данной категории земельных владений[29]. Конечно, было бы заманчиво связать «хас'ы», упоминаемые средневековыми географами, с собственными доменами государя, которые обозначались, как известно, арабским термином «хасс» — «хассэ»[30], и возникновение «хасов» вблизи столицы Кята могло бы тогда объясняться строительством городов на землях правителя — распространенный путь их возникновения[31]. Однако такая интерпретация встречает с лингвистической стороны большие трудности.

Отметим, наконец, такие названия, как Джигербент и Джит («переправа» — «бенд» , «банд»; «переход», «переправа» — «джит»), указывающие на особенности местоположения города, что соответствует реальной географической обстановке: Джигербент находится на берегу Амударьи, Джит — на окраине Хорезма, откуда начинался переход через пустыню. Чрезвычайно интересно сохранение в названии «Сафардиз» компонента «диз», что, как известно, обозначает «крепость» (ср. «кухендиз» «старая крепость»). Это уже определенное указание на конкретную черту топографической структуры данного города. Все это, конечно, лишь первая попытка привлечь топонимику как источник для исследования истории хорезмийских городов. Дальнейшая углубленная работа над этими материалами с привлечением других сведений может дать важные результаты как в плане рассматриваемых вопросов, так и для истории Хорезма в целом.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948, с. 115—116, 157—159; он же. Древний Хорезм. М., 1948, с. 270—275, 283; он же. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962, с. 248—249, 251.

[2] А. Ю. Якубовский. Главные вопросы истории развития городов Средней Азии.— Труды ТФАН. Т. 29. Сталинабад, 1951, с. 8.

[3] Там же, с. 7.

[4] В. М. Массон. Протогородская цивилизация юга Средней Азии.— СА, 1967, № 3; А. Аскаров. Саппалитепа. Таш., 1973.

[5] В. И. Сарианиди. Становление городской жизни в южной Бактрии.— Древний город Средней Азии. Л., 1973.

[6] Об этом подробнее см.: Е. Е. Неразик. Сельское жилище в Хорезме (I—XIV вв.).— ТХАЭЭ. Т. 9. М., 1976, с. 202—203.

[7] К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству.— К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 46, с. 464.

[8] О. А. Вишневская. Отчет о раскопках Джигербента в 1976 году.— Архив Ин-та этнографии АН СССР.

[9] Е. Е. Неразик. Проблемы исследования хорезмских городов античного периода.— Древний город Средней Азии. Л., 1973, с. 34—37.

[10] Г. А. Пугаченкова. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. М., 1958, с. 58.

[11] М. Г. Воробьева, М. С. Лапиров-Скобло и Е. Е. Неразик. Раскопки Хазараспа в 1958—61 гг.— МХЭ. Вып. 6. М., 1963, с. 168—171.

[12] Я. Г. Гулямов. История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней. Таш., 1957, с. 83, 86, 101.

[13] В. М. Массон. Проблема древнего города и археологические памятники Северной Бактрии.— Древняя Бактрия. Л., 1974, с. 9.

[14] МИТТ. Т. 1. М.—Л., 1939, с. 179.

[15] С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации, с. 240, 241.

[16] А. М. Беленицкий, И. Б. Бентович, О. Г. Большаков. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973, с. 171.

[17] Там же, с. 176.

[18] Там же.

[19] О. А. Вишневская. Археологические разведки на средневековых поселениях Левобережного Хорезма.— МХЭ. Вып. 7. М., 1963, с. 68—72.

[20] О. А. Сухарева. Квартальная община позднефеодального города Бухары. М., 1976, с. 318.

[21] В. В. Бартольд. К истории орошения Туркестана.— Сочинения. Т. 3. М., 1965, с. 144—145.

[22] P. Lerch. Khiva oder Khārezm. St.-Pbg., 1873, с. 16.

[23] В. И. Абаев. Этимологические заметки.— «Труды Института языкознания». VI. М., 1956, с. 447.

[24] М. Н. Боголюбов. Древнеперсидские этимологии.— Древний мир. М., 1962, с. 368—370.

[25] Г. П. Снесарев. Большесемейные захоронения у оседлого населения Левобережного Хорезма.— КСИЭ. Вып. 33, 1960, с. 60—71.

[26] В. В. Бартольд. Туркестан при исламе.— Сочинения. Т. 2. Ч. 1. М., 1963, с. 209.

[27] В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия.— Сочинения. Т. 1. М., 1963, с. 204—205.

[28] Г. П. Снесарев. Объяснительная записка к «Карте расселения узбеков на территории Хорезмской области (конец XIX — начало XX в.)».— Хозяйственно-культурные традиции народов Средней Азии и Казахстана. М., 1975, с. 88.

[29] Г. И. Данилевский. Описание Хивинского ханства, составленное в 1843 году подполковником штаба Г. И. Данилевским.— ЗИРГО. Кн. V. СПб., 1851, с. 155; Гиршфельд и Галкин. Военно-статистическое описание Хивинского оазиса. СПб., 1903, с. 53.

[30] И. П. Петрушевский. Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII—XIV веков. М., 1960, с. 149.

[31] А. М. Беленицкий, И. Б. Бентович, О. Г. Большаков. Средневековый город Средней Азии, с. 240—241.

Ю. А. Рапопорт

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ ДВОРЦА НА ГОРОДИЩЕ ТОПРАК-КАЛА

Дворец, раскопанный С. П. Толстовым [1] и дополнительно исследовавшийся нами [2],— часть обширного и сложного по своей структуре комплекса (рис. 44). Его составляют хорошо укрепленный город, где помимо жилых кварталов открыт квартал с храмами [3]; рассматриваемый в этой статье дворец, который замыкает северо-западный угол крепости; прилегающий к нему участок, отделенный от остальной территории города мощной стеной (здесь были отмечены следы храма огня [4]); большой дворцовый массив к северу от города; значительное незастроенное пространство, ограниченное высоким насыпным валом. Все это возводилось практически одновременно, о чем свидетельствуют многие археологические данные [5], единство ориентировки [6], близость ряда планировочных элементов и художественного убранства в двух дворцах. Поэтому достаточно глубоко понять каждый из компонентов Топрак-калы можно, видимо лишь учитывая связь между ними.

Археологическая история дворца на городище сейчас представляется так. Его ядро — Центральный массив, поднятый на кирпичный цоколь, который имеет форму усеченной пирамиды с площадью поверхности 80×80 м и высотой 14,5 м. К граням этого стилобата примыкают ранние укрепления города. Стены дворца, отступавшие на 1,5 м от края цоколя, были покрыты алебастровой побелкой и обработаны системой ниш и выступов в соответствии с традициями древневосточной, прежде всего храмовой, архитектуры. Над поверхностью платформы дворец поднимался еще на 8—9 м. Внутри квадрата наружных стен было заключено свыше ста дворцовых помещений первого этажа; сохранилось также несколько комнат, лежавших над ними. Первоначальный планировочный замысел был изменен, точнее, дополнен пристройкой трех массивов, значительно превысивших первоначальный дворец по высоте (их цоколи достигают высоты 25 м). Произошло это уже в начале первого периода истории памятника. В целом этот период мы склонны относить ко второй половине II—III в.

Затем дворец без видимых следов военной катастрофы запустевает и начинает ветшать. Преднамеренного разрушения настенных росписей и скульптур нет, хотя многие из них изображали богов и царей; отмечены даже попытки консервации не-

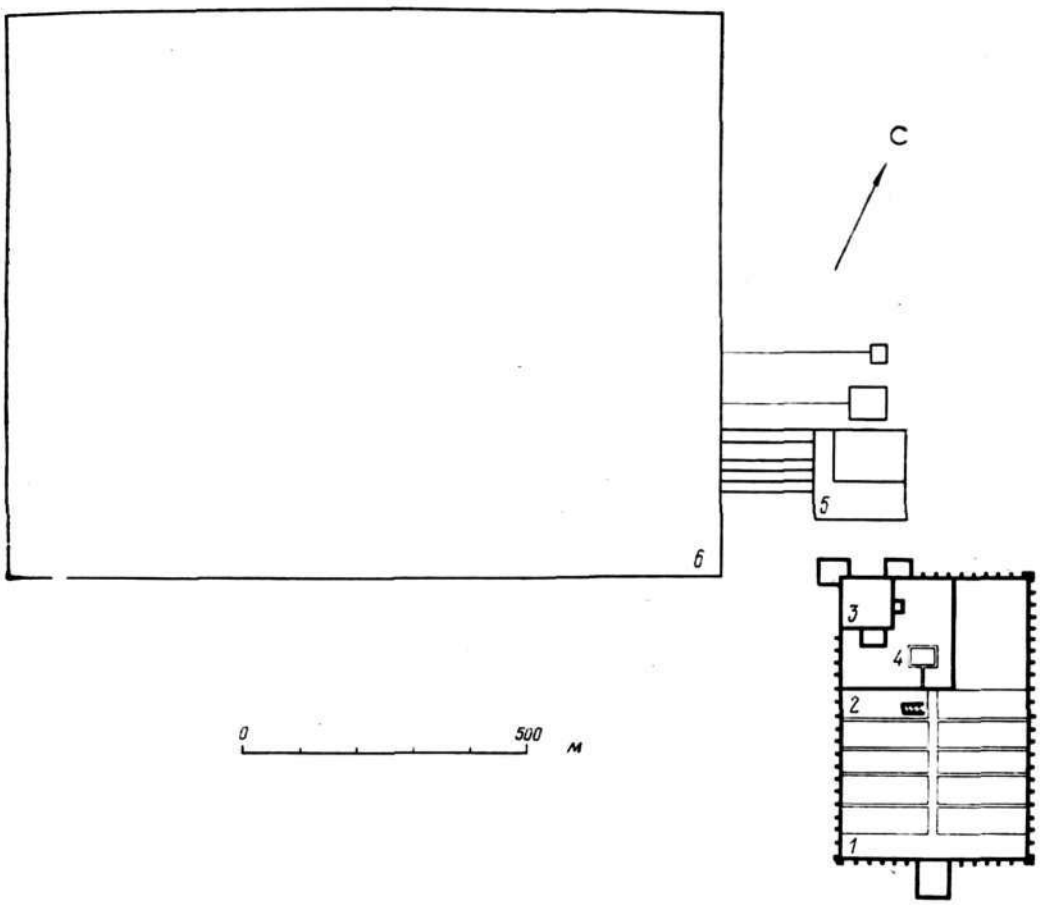

Рис. 44. Схематический план археологического комплекса Топрак-калы:

1 — город; 2 — храмовый квартал; 3 — дворец; 4 — следы храма огня; 5 — открытый дворец (Северный комплекс); 6 — обвалованное незастроенное пространство

которых скульптурных групп посредством их закладки кирпичами. Однако, видимо, в то же время упраздняются некоторые важнейшие, имевшие символическое значение элементы дворцовой архитектуры (трехарочный портал и центральная ниша в тронном ансамбле). Следов переселения из города, продолжавшего существовать, не обнаружено. Можно думать, что старый династический центр был покинут[7], но новые правители проявляли какую-то минимальную заботу о его сохранении. Сравнительно короткий период запустения лежит, видимо, на рубеже III и IV вв.

Третий период отмечен ремонтными работами и некоторыми перестройками. Новые стены (как правило, уменьшающие габариты обширных помещений) нередко выкладывали по рухнувшей штукатурке и небольшим наносным слоям. Стены покрывают глиняной обмазкой, иногда белят, но никогда не рас-

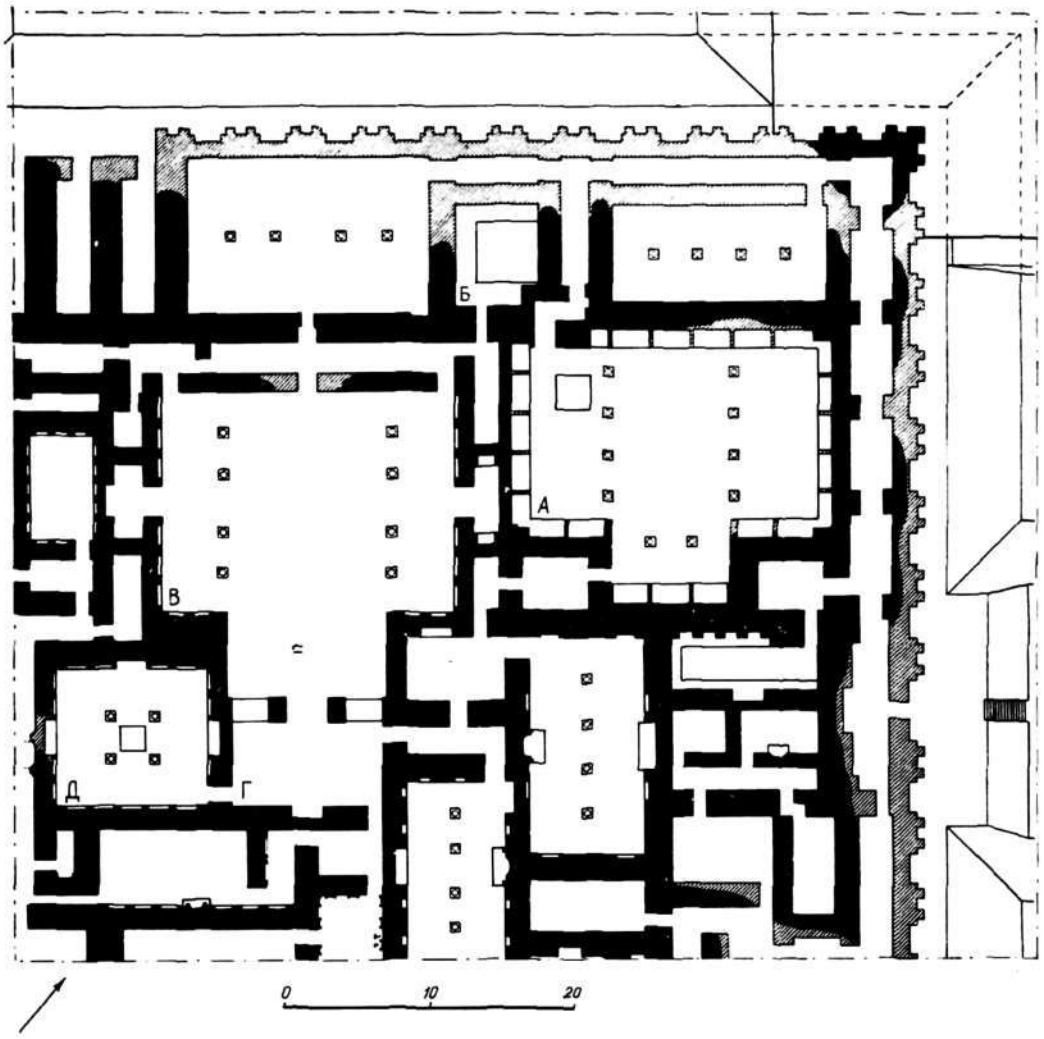

Рис. 45. Фрагмент плана центрального массива дворца (с элементами реконструкции):

А — Зал царей; Б — комната с шахтой; В — парадный двор; Г — айван; Д — Зал танцующих масок

писывают. Значительная часть помещений продолжает пустовать и разрушаться. Вокруг стилобата на насыпях и завалах возводят укрепления. Подчеркнем, что раньше их не было и, несмотря на высокий крутой цоколь, дворец к обороне был приспособлен мало; это не позволяет считать, что сооружение было задумано как дворец-убежище. Вероятно, тогда же, в начале IV в., коренным образом перестраивались стены города. Массив дворца, утративший былое значение, видимо, был превращен в городскую цитадель. К третьему периоду, лежащему в пределах IV—V вв., относится подавляющая масса бытовых находок.

Далее мы будем говорить лишь о материалах первого периода. Они дают многое для понимания социальной и полити-

ческой истории страны, ее искусства, религии и культурных связей. Охватить все это в небольшой статье невозможно, поэтому коснемся отмеченных вопросов лишь в связи с попыткой уточнить назначение памятника, который до сих пор безоговорочно называли дворцом.

На Центральный массив поднимались по лестнице, которая огибала входную башню, расположенную с восточной стороны. Эта крутая и довольно узкая лестница явно не предназначалась для торжественных процессий и в то же время была бы крайне неудобной для повседневной жизни многолюдного дворца.

Неподалеку от входа, в юго-восточной части массива, находилась обособленная группа из 12 помещений, которые в отличие от всех остальных не были расписаны. Этот комплекс хотелось бы рассматривать как хозяйственный, но здесь обнаружены лишь одна комната с пятью хумами и другая, соседняя, с четырьмя керамическими тазиками, имеющими отверстие в центре. Как представляется, этого мало для хранения запасов жилого дворца и тем более дворца-убежища. Может быть, отмеченные помещения предназначались для каких-то омовений?

Двинувшись от входа в северном направлении, посетитель дворца по богато украшенному коридору приближался к так называемому Залу царей (рис. 45, А). Вдоль его стен были расположены высокие суфы, разделенные перегородками на 23 ложи. В центре каждой из них некогда восседала глиняная статуя, выполненная в полторы натуральные величины. Удалось установить, что окружавшие ее горельефные фигуры во всех уцелевших ложах располагались в одном порядке: справа — два женских изваяния (одно на небольшом пьедестале), слева у края суфы — мужское. Все эти стоящие фигуры имели натуральный размер. Угол ложи занимало ступенчатое возвышение. Оно могло нести какую-то небольшую скульптуру или изображать основание жертвенника, к которому в этом случае могла быть протянута, как на кушанских монетах, рука мужчины.

Судя по дошедшим головам больших статуй, их шапкам и коронам, в центре каждой скульптурной группы был царь. Некоторые сомнения вызывает фигура из осевой ложи. Ее одежда окрашена в розовый цвет, что для хорезмийских мужских изображений нехарактерно. Здесь же найдена очень большая кисть руки, в которой лежит крошечная ручка. Изображения царей с наследниками достаточно известны, но вряд ли этот последний мог быть передан в младенческом возрасте[8]. Может быть, центральную ложу занимала царица или богиня? Не исключено, что здесь было изображение царственной четы: на тыльной стороне упомянутой кисти сохранился палец другой большой руки; примечательно, что центральная ложа несколько шире остальных. Изображение мужчины и женщины с маленьким ребенком, восседающих на троне, перед которым пылает огонь, можно видеть на барельефе из Кой-Крылган-калы[9].

Всего в Зале царей, как показывают подсчеты, было не менее 115 (вернее же, 138) статуй. При входе в зал нами была расчищена большая кирпичная платформа с расписанными гранями и обожженной поверхностью. Трудно сомневаться, что это алтарь или подиум жертвенника, возжигавшегося в честь всех обоготворенных царских предков, реальных и легендарных. Таким образом, Зал царей имел не только прокламативное, но и культовое значение, являясь, очевидно, династическим святилищем.

Почти всю площадь соседнего помещения (рис. 45, Б) занимает шахта, очень толстые стены которой вертикально уходят в глубь цоколя. Небольшим шурфом мы опустились на 7 м и дна не достигли. Несомненно, эта шахта, раскопки которой технически очень трудны, остается одной из наиболее волнующих загадок дворца. Она может вести к каким-то камерам, скрытым внутри кирпичной горы стилобата, или, достигнув материка, перейти в колодец. В таком случае это будет священный колодец [10], так как источник обычного водоснабжения не стали бы располагать рядом с династическим святилищем и тронным ансамблем.

Этот ансамбль, являвшийся планировочным центром дворца, состоял из парадного двора и айвана (рис. 45, В, Г). Такое сочетание, как известно, было весьма характерным для древневосточных дворцов и храмов. Часть айвана была отделена трехарочным порталом, облицованным алебастром и, вероятно, украшенным алебастровой скульптурой. Площадь ансамбля достигает 450 кв. м — цифра достаточно внушительная для сооружения, где каждый квадратный метр подстилается примерно двадцатью тоннами кирпичей.

С главным айваном непосредственно связан Зал танцующих масок (рис. 45, Д), и это указывает на его особое место во дворце. Планировка и убранство этого помещения также весьма примечательны [11]. Остатки алтаря, обнаруженные в центре зала, свидетельствуют, что это было святилище. Стены были украшены шестнадцатью барельефными панно с изображением пляшущих попарно женщин и мужчин с козлиными ушами. Между панно располагались одиночные фигуры танцовщиц. Эти персонажи — второстепенные, судя по их размещению и повороту пляшущих пар в сторону больших ниш,— заставляют предположить, что культ имел оргиастический, дионисийский (в широком смысле этого понятия) характер.

Большие ниши в трех стенах святилища, где, несомненно, располагались главные изображения, позволяют думать, что оно было посвящено трем божествам. Обломки скульптуры, найденные в завале (крупные складки платья и большая лапа хищника), показывают, что одним из них была богиня с хищным зверем. Изображения такого рода характерны для богинь круга Нану-Анахиты. Как храмовые служительницы великой богини

плодоносящих сил рассматриваются обычно танцовщицы, переданные на «восточном серебре» [12].

Пытаясь поддержать и конкретизировать выводы, к которым привели раскопки Зала танцующих масок, мы обратились также к некоторым письменным источникам. Один из них — известное сообщение Бируни о хорезмийском празднике «ночь Мины» и сопутствующая легенда: опьяневшая царица ранней весной вышла из дворца, заснула и умерла. Совершенно очевидно, что это отзвуки ритуала и мифа вегетативного цикла, связанного с виноделием. Сопоставление их с хорошо изученными празднествами такого рода — Анфестериями — показало совпадение сроков, некоторых обрядов и удивительную близость образов Мины и Ариадны (Миноиды). Роль ее в афинских мистериях играла «царица» (басилина) — жена архонта-басилея, унаследовавшего сакральные функции древнего царя-жреца. Свадьба басилины с Дионисом в старом дворце составляла центральный эпизод ритуала. Весьма вероятно, что повсеместно распространенный магический обряд священной свадьбы совершался и в хорезмийском дворце, хотя отмеченные средиземноморские параллели для «ночи Мины» я склонен объяснять отражением в культе сходных аграрных циклов и социальных институтов, а не эллинистическим воздействием.

Другая группа сообщений об оргиастических праздниках, которые могли быть известны хорезмийцам, связана с так называемыми Сакеями (Σάκαῖοι). Они ежегодно отмечались в многочисленных святилищах Анахиты, которая иногда имела общий алтарь с двумя другими богами. Участники «сакского праздника» плясали в скифской одежде, «непристойно заигрывая друг с другом и пирующими с ними женщинами» [13]. Есть сведения о Сакеях в Вавилоне и об участии в них «временного царя» [14]. Греческие авторы обычно воспринимали шумный ритуал как своего рода патриотический фарс, представляющий пир саков перед избиением их персами. По ряду причин это маловероятно. Страбон недаром называет Сакеи «вакхическим праздником» — очевидно, это действительно было сезонное оргиастическое торжество, как всегда связанное с культом плодородия и соответствующими божествами. Название и этническая окраска Сакеев, которые греки нередко просто именовали «сакскими праздниками» или «скифскими праздниками», позволяют предположить, что и в Персию, и в Понт, и в Вавилон именно саками они и были занесены. В таком случае хорезмийцы, саки по происхождению [15], издавна знали их; позднее праздник мог лишь получить передневосточное храмовое оформление. Но, даже исключив местную основу, следует думать, что длительные контакты с Ираном должны были познакомить хорезмийцев с этим важным культовым торжеством, с тем магическим значением, которое ему, несомненно, приписывали. Поэтому связь Зала танцующих масок с «сакскими праздниками» весьма вероятна.

Одного из двух богов, имеющих общий алтарь с Анахитой в ее святилище, Страбон называет Анадатом. Исследователи довольно единодушно отождествляют его с зороастрийским «бессмертным святым» — Амэрэтатом, покровителем растений [16]. Поэтому, пытаясь представить, для каких божеств были предназначены большие ниши в боковых стенах нашего святилища, я смог обратиться к многочисленным записям легенд о Харуте и Маруте [17] — падших ангелах: их обольстила, заставила пьянствовать в своем доме, убить мужа и поклониться идолу прекрасная женщина, которая может быть названа Анахитой (Нахид), Иштарью, Зухрой (Венерой), «дочерью бога», небесной плясуньей, блудницей и т. д. За всем этим отчетливо проступает ритуал храма, а в уникальном варианте, записанном Г. П. Снесаревым в Хорезме, страсти бушуют вокруг ожившей деревянной статуи, взятой во дворец [18].

Сказанное выше позволяет предположить, что Зал танцующих масок был святилищем Анахиты и здесь происходила какая-то часть мистерии священной свадьбы царя Хорезма и царицы, которая, как и в Иране, могла отождествляться с этой великой богиней.

Как известно, культ Анахиты был тесно связан с огнем, и рассмотренное святилище в самом деле достаточно похоже на целлу храмов огня. Будь оно расположено на одной оси с парадным двором и айваном, вся эта планировка оказалась бы чрезвычайно близкой той, которая для таких храмов характерна [19]. Можно предположить, что хорезмийские зодчие в данном случае пошли на некоторое изменение традиционного решения по той причине, что они создавали своеобразный храмово-дворцовый комплекс, и в южной стене айвана была необходима ниша, предназначенная, вероятно, для трона. В то же время, очевидно, айван в необходимых случаях выполнял функции пронаоса, куда из целлы (или других святилищ дворца) переносилась та часть церемонии, которую должны были наблюдать люди, допущенные в парадный двор.

Здесь необходимо подчеркнуть, что именно под трехарочным порталом пересекались диагонали квадрата, в который был первоначально вписан весь дворец. Геометрический центр сооружения, таким образом, был совмещен с символическим и функциональным центром в тот момент, когда под средней аркой появлялся царь, стоял алтарь или другой кумир.

К числу важнейших святилищ дворца следует, видимо, отнести небольшое помещение, расположенное на пересечении диагоналей юго-восточной четверти Центрального массива. В середине его кирпичный подиум или алтарь, в числе обломков росписи — очень крупная женская голова с диадемой, украшенной полумесяцем. Но особенно интересна роспись, находившаяся в преддверии этой комнаты: человек, направляющийся в нее, с величайшим почтением несет на подушке два очень больших

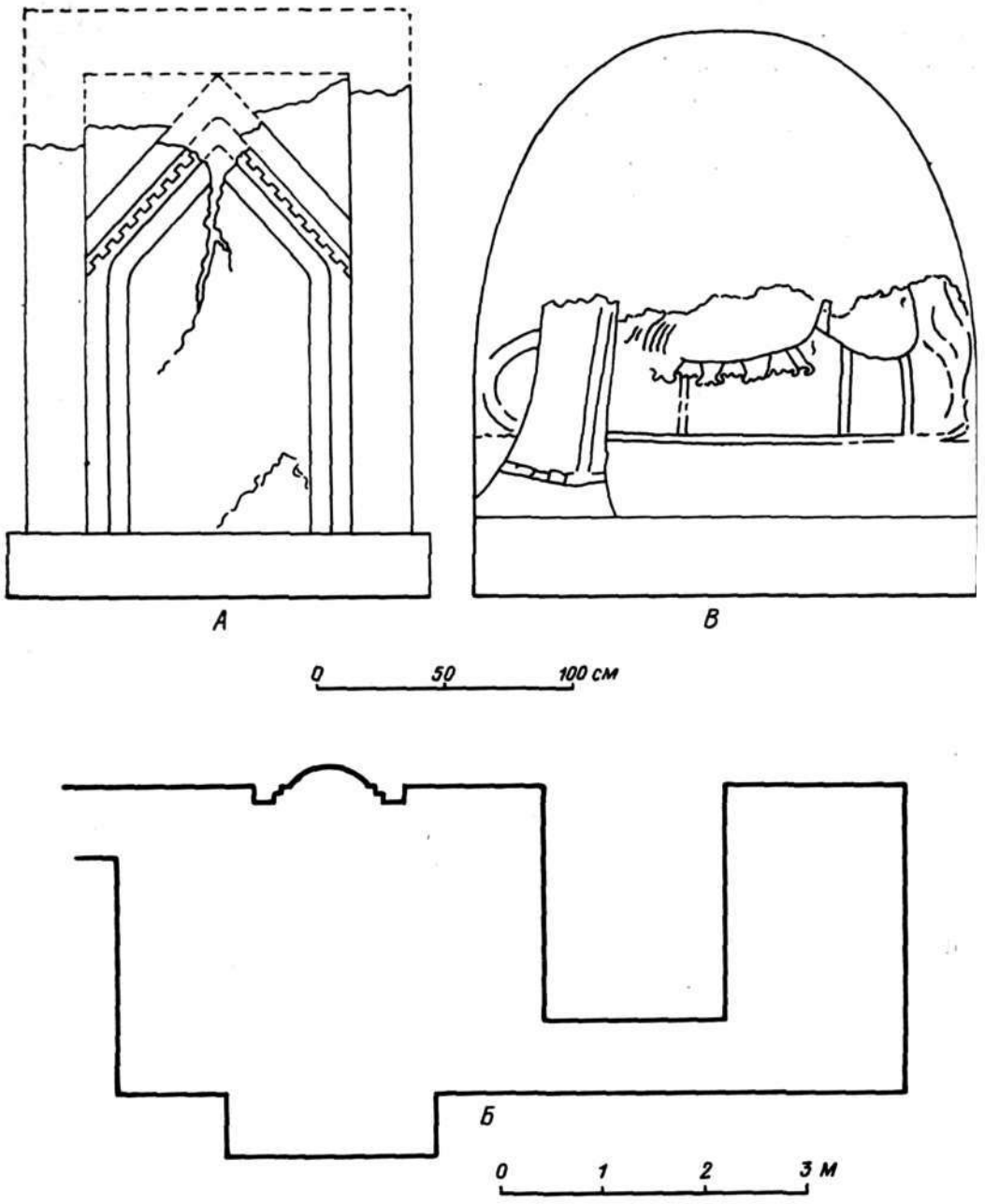

Рис. 46. Комплекс Зала с кругами:

А — пристенный алтарь; Б — роспись в нише (прорисовка); В — план двухкамерного блока

свитка [20]. Думается, это не простой писец. Некогда фигура, высота которой превышала 2 м, располагалась под дугообразной полосой росписи с громадными трехлепестковыми цветами [21]; на головном уборе — знак весьма близкий тем, которые свойственны зороастрийским жрецам высшего ранга [22]; сочетание красного и белого цвета в одежде изображенного персонажа может указывать на его царственность [23]. Весьма вероятно, что

роспись изображала царя-жреца, несущего сакральные тексты к месту их хранения[24] или к священному огню.

Остатки алтарей, расположенные посередине помещения или, если быть точным, отделенные от стен, обнаружены только в упомянутой выше Комнате жреца, в Зале царей и в Зале танцующих масок, явно связанном с культом плодородия. Видимо, такое распределение алтарей не случайно. Разумеется, не следует утверждать, что в этих помещениях постоянно горели Огни жрецов, воинов и земледельцев. Но отнюдь не исключено, что три святилища были связаны с представлением о царе как о главе трех «сословий», с его соответствующими сакральными функциями и аспектами царского культа.

Во многих помещениях были однотипные пристенные устройства для установки каких-то переносных очагов. Это очень неглубокие ниши со слегка скругленной обмазкой, которая прокалена. Ниши обрамлены декоративными порталами, опирающимися на невысокие вымостки-площадки (рис. 46, А). В связи с соответствующими материалами из Пенджикента В. Л. Воронина высказала предположение, что и на Топрак-кале мы имеем дело с пристенными алтарями[25]. Давно определив подобным образом ниши с выкладками (правда, более высокими) на Калалы-гыре (V—IV вв. до н. э.) и Гуяр-кале (I в. н. э.), мы и сейчас не решимся назвать все топраккалинские «камины» алтарями. Ибо, сделав это, невозможно указать во дворце ни одного жилого помещения. И в то же время необходимо сказать, что в процессе камеральной работы с копиями росписей из комнат комплекса Зала с кругами, как предполагалось — гарема, мы пришли к выводу, что на самом деле эти помещения (а соответственно и «камины» в них) имеют культовое назначение.

Схема устройства четырех блоков, соединяющихся с залом, такова: первая комната имеет в одной стене глубокую арочную нишу, напротив нее «камин»; очень низкая дверь ведет во второе узкое и маленькое помещение, перекрытое сводом (рис. 46, Б). Роспись, частично сохранившаяся лишь в одной нише, была скопирована в 1949 г. Мне представляется несомненным, что на ней изображен саркофаг с отверстием в головной части[26], покров с него сдвинут, подле гроба женщина в черном платье (рис. 46, В). Ясно, что такой сюжет совершенно неуместен в жилой комнате. Найденные здесь же изображения женщин с наклоненным стеклянным сосудом и музыкальным инструментом, струны которого оборваны, получают теперь непривычное, но вполне естественное объяснение. Становятся уместными изображения небесных светил, уцелевшие по сторонам арки в другом помещении. Еще в одном блоке, очевидно, были изображены плакальщицы: три полуобнаженные фигуры с распущенными волосами (одна из женщин, видимо, отрезает прядь ножом). В свете сказанного можно полагать, что пристенные

вымостки с нишами-экранами предназначались в рассматриваемом комплексе для переносных алтарей, зажигаемых в честь умерших. Не исключено, что саркофаги некогда действительно стояли в маленьких сводчатых камерах, примыкавших к «часовням» с алтарями [27]. Однако более вероятным кажется мне другое предположение.

Учреждение и поддержание огней в честь умерших, совершение в течение долгого времени многих заупокойных обрядов, в том числе и связанных с огнем,— все это четко фиксируется и старыми текстами, и этнографическими наблюдениями среди современных зороастрийцев [28]. Их весьма скромные храмы, следуя традиции, уходящей в глубь веков, имеют, как правило, два помещения. В одном из них *(adurian)*, изолированном и темном, огонь хранят, в другое иногда выносят отпочкованное от него пламя, чтобы разжечь на алтаре для жертвоприношения, в том числе и для жертвоприношения умершим. Это помещение называется *dare mehr* («комната Митры») или *mihrab* [29].

Исходя из этих материалов, видимо, и следует рассматривать сдвоенные помещения вокруг Зала с кругами.

Добавим, что форма хорезмийских культовых ниш и расположение их в помещениях, сопоставимых с «михрабами» («комнатами Митры») у современных зороастрийцев, могут свидетельствовать в пользу мнения, согласно которому домусульманские пристенные алтари были прототипом михрабов в мечетях [30].

Во дворце есть два зала, в которых напротив большой глубокой ниши располагаются очажные устройства, аналогичные рассмотренным. Однако они значительно больше. Судя по сохранившемуся основанию (при соблюдении обычных пропорций), высота их должна была превышать 3 м. Тем больше причин считать их алтарями, а сами залы — святилищами. Скульптурное оформление позволяет строить определенные догадки об их назначении, но это особая тема.

Пора подвести некоторые итоги.

Здание, доминировавшее над всем комплексом Топрак-калы, видимо, следует рассматривать прежде всего как священный дворец. Здесь в органическом архитектурном и функциональном единстве была сосредоточена группа святилищ, связанных с различными аспектами царского культа.

В их числе отчетливо прослеживается почитание обожествленных или героизированных предков, представление о магическом воздействии владыки на плодоносящие силы страны, идея божественности и легитимности власти царя. Есть основания полагать, что он выступал и в роли верховного жреца.

Повсеместно во дворце прослеживается высочайшее значение женских божеств или различных ипостасей одной великой богини. В культах, локализованных в святилищах, большое значение имел огонь.

Не исключено, что в самом сооружении или в его цоколе находились царские гробницы. В пользу этого, в частности, свидетельствует огромное огороженное пространство к северо-западу от дворца, напоминающее большие обвалованные прямоугольные участки близ курганных групп и мавзолеев Приаралья [31].

Похоже, что культы, сосредоточенные во дворце, носили мистериальный характер. Во всяком случае, наличие городских храмов свидетельствует, что социальный стратификации соответствовали определенные различия в религиозной сфере.

Некоторые наши предположения могут быть подтверждены или опровергнуты дальнейшими раскопками. Так, проводимые сейчас исследования архитектурного ансамбля к северу от города покажут, был ли это жилой дворец, функционировавший наряду с тем, которому мы приписываем прежде всего сакральное значение. Бесспорно одно: дворец на Топрак-кале и весь комплекс в целом являются выдающимся памятником среднеазиатской и мировой культуры.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] С. П. Толстов. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962, с. 204—206 (с библиографией).

[2] См. информацию о раскопках в «Археологических открытиях» за 1967, 1969, 1970 и 1972 гг.

[3] Е. Е. Неразик. Раскопки городища Топрак-кала.— КСИА. 132. 1972, с. 28—30; E. E. Nerazik, Ju. A. Rapoport. Die Festung Toprak-Kala in Choresmien.— «Das Altertum». Bd 24, 1978, H. 2, с. 85.

[4] С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, с. 123, рис. 62.

[5] Отметим только, что в Открытом дворце наиболее ранние монеты относятся к чекану Вимы Кадфиза, тогда как в другом это монеты Канишки; в обоих дворцах представлен чекан Хувишки.

[6] Поскольку памятник строили на равнине, ориентировка его не диктовалась рельефом; для комплекса такого масштаба и значения, как Топрак-кала, случайной она быть не могла. Заметное отклонение оси планировки от севера требует поэтому своего объяснения. Ориентировка полностью совпадает с вавилонским «севером» *(iltanu)*, и это, видимо, свидетельствует о переживании месопотамской традиции.

[7] Сходная картина наблюдается в Открытом дворце. Весьма вероятно, что все это можно объяснить исходя из сообщения Бируни (в его «Памятниках минувших поколений») о приходе к власти в начале IV в. новой ветви хорезмийской династии и о постройке царем Афригом новой резиденции близ города Кята (Бируни. Избранные произведения. Т. 1. Таш., 1957, с. 47—48).

[8] Ср.: Herod., 1, 136.

[9] Кой-Крылган-кала — памятник культуры Хорезма IV в. до н. э.— IV в. н. э. М., 1967, с. 203—204, рис. 77 (ТХАЭЭ. Т. 5).

[10] О связи колодца и «горы» (зиккурата) в Месопотамии см.: Е. Г. Рабинович. Колодец Шамаша.— ВДИ. 1973, № 2, с. 103 и сл.

[11] Подробнее об этом см.: Ю. А. Рапопорт. К вопросу о дионисийском культе в священном дворце Топрак-калы.— Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов советского Востока. М., 1978, с. 275 и сл. Эта статья является частью специальной работы, посвященной Залу танцующих масок, которая подготовлена к печати. Некоторые положения ее в тезисной форме излагаются ниже.

[12] Для трактовки Топраккалинского святилища особенно интересно блюдо Национальной библиотеки в Париже, принадлежавшее П. Д. Солтыкову и, несомненно, найденное где-то в Приуралье (Я. И. Смирнов. Восточное серебро. СПб., 1909, табл. XVII, 40; В. П. Даркевич. Художественный металл Востока. М., 1976, с. 36—38). Богиню с чудовищем, имеющим голову козла и тулово льва, окружают четыре танцующие пары со священными атрибутами; два лунарных мужских божества расположены у краев блюда, по его оси. Не исключено, что эпизод мистерии, подобный тем, которые совершались в Зале танцующих масок, передает блюдо, найденное у починка Верхне-Березовского в Прикамье (Я. И. Смирнов. Восточное серебро, табл. XVIII, XIX, 45; В. П. Даркевич. Художественный металл Востока, с. 113). Перед алтарем изображен человек с козлиной головой, держащий виноградную гроздь и тирс. По ряду причин я, как и В. П. Даркевич, предположил, что это хорезмийский царь-жрец в маске бога в момент жертвоприношения. Сходными могли быть также изображения в больших боковых нишах (см. ниже). Поздняя датировка упомянутых сосудов не является, на мой взгляд, препятствием для привлечения их к истолкованию топраккалинских материалов. Дело в том, что ряд сюжетов, которые представлены на раннесредневековых сосудах, были предвосхищены на барельефах хорезмийских керамических фляг V—III вв. до н. э. Таковы, например, полиморфная птица (см. мою статью в сб. «Средняя Азия в древности и средневековье». М., 1977, с. 51—71), сцена с охотником (и, возможно, его спутницей) на верблюде и т. д. Все это свидетельствует о мифологической и художественной традиции, восходящей к значительно более давним временам, чем Топрак-кала.

[13] Strabo. XI, 8, *4*, *5*; XV, 3, *15*.

[14] Dio Chrisostom. Peri basileias IV. 67; Atheneus. Deipnosophiste. XIV, 639 c.

[15] Strabo. XI, 8, *8*.

[16] Второй бог назван «Оман». Э. Бэнвенист на основании ряда лингвистических и историко-культурных построений считал возможным отождествление его с Хаурвататом — другим зороастрийским божеством, покровителем вод (E. Benveniste. The Persian religion according to the chief Greek texts. P., 1929, с. 64—68). Действительно, Хаурватат, как правило, выступает в паре с Амэрэтатом, причем, как считают, среди индоиранских «функциональных богов» им предшествовали Ашвины, в свою очередь сближаемые с Диоскурами (сравнительно недавно вопрос о взаимосвязи индийской, иранской и греческой близнечных пар вновь привлек внимание благодаря публикации сасанидского блюда из музея Метрополитен с Диоскурами, крылатыми конями и богиней вод). Чаще, однако, Оман приравнивается к Воху Мана («Благая мысль» — одна из эманаций верховного божества в зороастрийской теологии), покровителю скота.

[17] Так трансформированы в Коране авестийские имена.

[18] Г. П. Снесарев. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М., 1969, с. 205. После всех злоключений дева вернулась в дерево. Это показывает, что героиня хорезмийской легенды, как Ариадна и Елена (сестра Диоскуров),— древесная богиня.

[19] K. Schippmann. Die iranische Feuerheilligtümer. B.—N. Y., 1971, с. 496, Abb. 83.

[20] С. П. Толстов. Работы Хорезмской экспедиции 1949—1953 гг.— ТХАЭЭ. Т. 2. М., 1958, с. 214, рис. 99.

[21] Подобные изображения иногда рассматриваются как жреческий символ. О символике цветов см.: The Sacred Books of the East. Vol. 5. Ox., 1880, с. 104 (Bundahišn, XXVII, 24); J. Dushesne-Guillemin. Symbolik des Parsismus. Stuttgart, 1961, с. 48—50.

[22] В. Г. Луконин. Иран в эпоху первых Сасанидов. Л., 1961, с. 53, 54; А. Я. Борисов, В. Г. Луконин. Сасанидские геммы. Л., 1963, с. 39, 44.

[23] Как полагают, такое сочетание символизирует связь царя со жречеством и воинами (G. Widengren. Die Religionen Irans. Stuttgart, 1965, с. 240).

[24] В восточной стене комнаты имеется неширокая ниша, глубина которой

соответствует длине изображенных свитков (примерно 75 см). Ни в одной другой комнате дворца такой ниши нет.

[25] В. Л. Воронина. Архитектура древнего Пенджикента. — МИА. № 124, 1964, с. 71.

[26] Саркофаг сильно напоминает парфянские, так называемые «туфлеобразные» керамические гробы.

[27] В одной камере был найден человеческий череп; дверь в другую камеру прорезает стену там, где должен быть угол частично сохранившегося живописного панно. Не была ли дверь замурована, а по закладке дана роспись?

[28] M. Boyce. The pious foundations of the zoroastrians.— «Bulletin of the School of Oriental and African Studies University of London». Vol. 30. P. 2, 1968, с. 52; G. Gropp. Die Funktion der Feurtemples der Zoroastrier.— «Archeologische Mitteilungen aus Iran». Bd 2, 1969, с. 149.

[29] M. Boyce. The Fire-temples of Kerman.— «Acta Orientalia». XXX. Copenhagen, 1966, с. 51.

[30] В. Л. Воронина. Архитектура древнего Пенджикента, с. 72. Не может ли уравнение *dare mehr=mihrab* способствовать разъяснению спорной до сих пор этимологии слова «михраб»? Ср.: О. А. Вишневская, Ю. А. Рапопорт. Следы почитания огня в средневековом хорезмском городе.— Этнография и археология Средней Азии. М., 1979, с. 105—112.

[31] См.: Ю. А. Рапопорт, С. А. Трудновская. Курганы на возвышенности Чаш-тепе.— Кочевники на границах Хорезма. М., 1979, с. 156 (ТХАЭЭ. Т. 11).

М. С. Лапиров-Скобло

О НЕКОТОРЫХ ПРИЕМАХ ПОСТРОЕНИЯ ФОРМЫ СВОДОВ В ДРЕВНЕМ ХОРЕЗМЕ

Как известно, в древнем Хорезме и во всей Средней Азии благодаря специфике основного строительного материала (сырцовый кирпич и пахса) выработалась своеобразная строительная техника. Это особенно проявилось в возведении сводчатых конструкций.

Элементами, входящими в понятие сводчатой конструкции, являются структура свода и форма — характер кривой, по которой он возведен. Формы сводов в древнем Хорезме приобрели, как правило, характерные очертания в виде многоцентровых кривых — овалов, близких кривым эллиптическим, а порой представляющих собой такие кривые.

Эллипс — это частный случай овала, отличительным свойством которого является равенство суммы расстояний от любой точки его контура до двух определенных точек на его большой оси — фокусов, причем сумма этих расстояний равна размеру оси. Благодаря этому его свойству он практически довольно просто расчерчивался на месте, что, по-видимому, и привлекало древних строителей. Для этого вовсе не нужно было составлять его контур из сопрягающихся дуг, эта кривая получалась автоматически при помощи бечевы, закрепленной своими концами в точках фокусов.

Из небольшого числа сводов, которые удалось обнаружить in situ в руинах архитектурных сооружений Хорезма античного времени (рамками которого ограничиваемся), рассмотрены будут лишь те, которые принадлежат памятникам, дающим серии этих сводов. Это своды, перекрывавшие помещения нижнего этажа Кой-Крылган-калы, и своды, перекрывавшие помещения дворца и галереи крепостных стен на Топрак-кале.

Трудно переоценить значение данных по строительной технике, особенно касающихся возведения сводчатых конструкций, полученных в результате исследования этих памятников. Ведь помимо того, что они дают наиболее массовые и полные сведения по этим конструкциям, они к тому же представляют большой интерес еще и потому, что первый из них является одним из самых ранних памятников рассматриваемого периода, а другой — сооружением, его завершающим. Таким образом, на материале этих памятников можно проследить начальную и за-

вершающую стадии в конструировании сводчатых перекрытий целой эпохи.

На обоих памятниках удалось произвести расшифровку методов построения формы сводов.

Контуры сводов, перекрывавших все восемь помещений нижнего этажа Кой-Крылган-калы, по своим очертаниям принадлежат двум типам, каждый из которых имел свойственное только ему построение [1]. По кривой первого типа были выведены своды, перекрывавшие два помещения, расположенные на главной оси сооружения. Они имели более уплощенную форму, нежели в сводах второго типа, перекрывавших боковые помещения, так как при одинаковой высоте помещений пролеты первых были больше. Кривые этих сводов имеют в центральной части радиус больший, чем при переходе их в линии стен. В остальных сводах, наоборот, радиусы кривых при переходе в линии стен больше, чем в центральной части. Все эти кривые трехцентровые. При анализе было обнаружено, что они не только имеют эллиптический вид, но и представляют собой половины геометрически правильных эллипсов. В центральных помещениях эллипс был рассечен по своей большой оси и совмещен с этой осью по линии, соединяющей пяты. В боковых помещениях эллипс был других размеров и рассечен при этом по малой оси, которая также, разумеется, располагалась по линии пят. Расчерчивание этих кривых на месте производилось зодчим, по-видимому, с учетом вышеописанных свойств эллипса путем использования их фокусов, а не сопряжением дуг, составляющих кривую. Ведь вряд ли можно приписать случайному совпадению тот факт, что, например, один из фокусов эллипса, по контуру которого возводились своды в боковых помещениях, имеет нарочито четкую привязку — он находится в точке пересечения вертикальной оси с поверхностью пола. Разница в расчерчивании обоих типов эллиптических кривых состоит не только в различном местоположении фокусов, в которых закреплялись концы бечевы (в одном случае на линии пят, в другом — на вертикальной оси), но в связи с этим и в длине самой бечевы. Для вычерчивания кривой первого типа она должна была быть длиной в пролет свода, для второго типа ее длина должна была быть равной удвоенному размеру стрелы подъема свода (его высоты).

Строители Кой-Крылган-калы, имея дело с перекрытием всего восьми помещений, разделяющихся по величине пролетов на две группы, при выведении сводов на одну высоту применили и два типа очертаний, выполненных двумя различными приемами.

На Топрак-кале же при огромном количестве перекрывавшихся сводами и имеющих различную ширину помещений дворца и галерей внешних стен города необходимо было какое-то другое решение — унифицированное.

Всего во дворце было вскрыто до 150 помещений, подав-

ляющее число из которых было перекрыто сводами. Правда, остатки этих сводов, представляющие во многих случаях их поперечные сечения, были обнаружены лишь в 18 местах, но о существовании сводчатых перекрытий и во многих других помещениях можно было судить по таким признакам, как обнаружение в завалах характерных для сводчатых конструкций кирпичей трапециевидной формы, плоских фрагментов керамики и осколков черного камня с Султан-Уиздага, служивших для расклинки сводов, а также по следам пят и примыкания колец сводов на стенах и т. д.

При визуальном наблюдении сохранившихся в полном сечении фрагментов сводов обратило на себя внимание то обстоятельство, что, несмотря на разные размеры перекрываемых пролетов — в пределах от 1,8 до 3,65 м,— все они имеют общий характер очертаний кривой. Следовательно, в начертании этих кривых заложена определенная закономерность, вскрыв которую можно было бы понять не только каким методом это было сделано, но и для чего.

Поскольку разные по своим размерам своды имеют идентичный, как было отмечено выше, характер очертаний, то естественно предположить, что именно между основными параметрами — пролетом и высотой — и существует некая взаимозависимость. Чтобы ее вскрыть, необходимо было определить отношения стрел подъемов сводов — их высот (f) к пролетам (l).

Для этого соотношения (f : l) вместо установившегося термина «подъем свода» нами применено выражение «коэффициент формы», и вот почему. Если термин «подъем» арки или свода вполне пригоден для выражения характера вертикально расположенной конструкции, то для кривых, начертанных в горизонтальной плоскости, как это часто встречается в крепостной архитектуре (планы башен), он вряд ли будет уместен, в то время как «коэффициент формы» — отношение взаимно перпендикулярных осей,— не искажая сути, будет не менее точен и вместе с тем приемлем в обоих случаях.

После деления значения размеров стрелы подъема каждого из сводов на величину его пролета мы во всех случаях получили коэффициент формы в виде числа 0,8. Здесь следует оговорить, что поскольку обмеры дали не совсем удобные для вычислений размеры, то они несколько округлены (до второго десятичного знака). Для получения конечного результата это не имеет существенного значения, так как не следует забывать, что все же мы имеем дело с обмерами руин, и притом сырцовых конструкций. То же можно сказать и в отношении коэффициента формы — он также несколько округлен.

Этот коэффициент — 0,8 — привлекает внимание тем, что может быть представлен в виде простой дроби: $^4/_5$. Такое сочетание цифр вряд ли является случайным, и в этой дроби, пожалуй, заложен определенный смысл. Ведь отношение числителя

дроби к ее знаменателю, т. е. высоты свода к его пролету, не что иное, как отношение большего из катетов к гипотенузе в так называемом египетском треугольнике.

В свое время В. Л. Воронина уже отмечала случаи построения трехцентровых кривых в Хорезме на основе египетского треугольника[2] — приема, широко применявшегося в строительной технике древнего Востока. Ею было обнаружено, например, что в одном из сооружений беркуткалинского оазиса (в замке № 36) отношение высоты свода к пролету было равно отношению катетов в египетском треугольнике — 3 : 4.

С использованием приемов, основанных на этих же соотношениях, мы встретились и при исследовании плана Кой-Крылган-калы[3]. Было открыто, что его пропорции зависят от построений, основанных на величине пролетов сводов.

При анализе основных промеров этого круглого в плане сооружения было обнаружено, что они взаимосвязаны и к тому же являются производными от изначальных геометрических построений. Эти построения были положены древними зодчими в основу пропорций планов двух главных помещений путем применения приема, известного в истории архитектуры под названием «метод диагоналей». Исходя из этих пропорций, нам удалось построить размерную шкалу, которая, по всей видимости, являлась основой для разметки мерного инструмента (бечевы).

Бечева эта, длиной в половину пролета помещения, делилась на два отрезка, соотносящиеся между собой как катеты в египетском треугольнике — 3 : 4. Этих двух делений оказывается достаточно для нанесения в натуре всех промеров плана (что было показано в соответствующей таблице). Эта же мерная бечева могла существовать и в другом варианте: при длине в $^1/_4$ диагонали помещения она делилась на три отрезка, соотносившиеся между собой как все стороны в том же египетском треугольнике — 3 : 4 : 5, что позволило в этом случае не только откладывать все размеры, но и производить с ее помощью разбивку прямых углов, без чего, естественно, невозможно построение плана на местности.

Все это удалось обнаружить благодаря установлению модуля, примененного строителями при проектировании, позволившего придать элементам плана точную соизмеряемость. Его величина была нами найдена исходя из предположения, что в случае, если пропорции плана сооружения действительно выражены в модульной системе, то прежде всего это должно было найти отражение в соразмерности пролетов сводов, перекрывающих помещения, поскольку, как известно, перекрытию принадлежала ведущая роль в формировании древней архитектуры.

Поэтому отношение высоты кривой сводов на Топрак-кале к их пролетам, равное, как было отмечено выше, отношению двух сторон в египетском треугольнике, привлекает особое внимание. Не здесь ли ключ ко всей планировке? К сожалению,

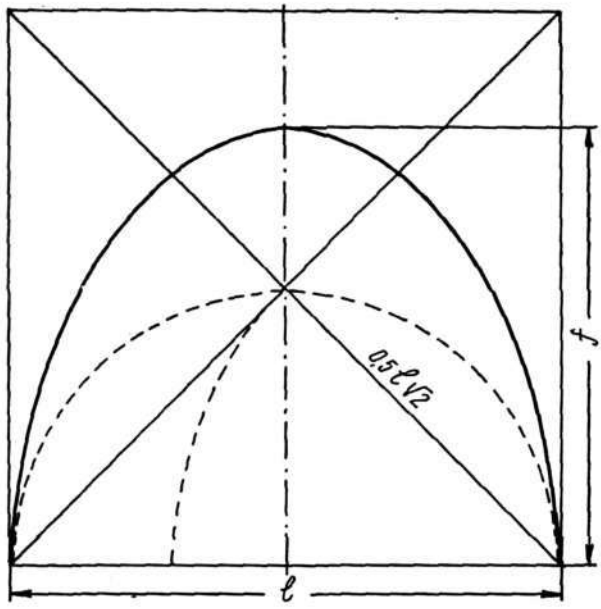

Рис. 47. Очертание кривой свода, выполненное методом построения овала по заданной ширине

пока нельзя ответить на это вполне утвердительно, так как исследование вопроса еще не завершено.

Попробуем ответить на вопросы, как же графически могут быть построены очертания этих кривых с коэффициентом формы 0,8, т. е. каким способом строители расчерчивали их в натуре, и как наличие общего для всех кривых коэффициента формы помогло вывести шелыги разных по пролету сводов на одном уровне. Прежде всего по набору зафиксированных при обмерах точек одной из кривых наиболее сохранившегося свода она была вычерчена, а затем по двум ее осям построен полуэллипс. Участки кривой оказались внутри контура этого полуэллипса, хотя и очень близко к нему. Это означает, что кривая все же не эллиптическая и построена не методом фокусов, а методом, известным в геометрии под названием «построение овала по заданной ширине»,— путем сопряжения дуг, описанных каждая из своего центра (рис. 47).

При условии, что центры боковых дуг находятся в точках пят (а это наиболее удобное и четкое по привязке к элементам помещения их расположение), центры всех средних дуг бесчисленных полуовалов, которые можно построить, опираясь на точки пят, будут находиться на вертикальной оси в пределах ее отрезка, началом которого является точка пересечения с линией, соединяющей пяты, а концом — точка пересечения с диагоналями квадрата, построенного на пролете как на стороне. Другими словами, расстояние от этих центров до линии пят будет

находиться в пределах от 0 до размера, равного по величине половине пролета. Если центр средней дуги будет находиться на линии пят, то длина боковых дуг сведется к 0 и полуовал в данном случае становится полуокружностью, которая, как и эллипс, является частным случаем овала. При перемещении центра средней дуги в указанных пределах коэффициент формы кривой будет расти, а кривая — приобретать форму от полуокружности до наибольшей по стреле подъема. Поэтому в данном случае высота стрелы подъема свода при условии расположения центров боковых дуг в точках пят, а средней — в точке пересечения диагоналей квадрата, сторона которого равна пролету, является оптимальной.

Попробуем определить коэффициент формы такой кривой. Из чертежа видно, что стрела подъема — f — состоит из двух отрезков: расстояния от линии пят до центра средней дуги и радиуса этой дуги. Первый равен по размеру половине пролета — $0{,}5l$, другой определяется как разность между величиной пролета и размером стороны квадрата, вписанного в окружность радиусом $0{,}5l$. Он будет равен 0,31 (l—$0{,}5l\sqrt{2}$, где $\sqrt{2}$ = =1,4 и, следовательно, l—$0{,}7l = 0{,}3l$). В таком случае стрела подъема будет равна: $0{,}5l + 0{,}3l = 0{,}8l$, а коэффициент формы — $f : l = 0{,}8$, т. е. для коэффициента формы мы получили то же выражение, что и в случае, когда делили полученные при обмерах кривых значения их высот на размеры пролетов. Следовательно, строители при расчерчивании кривых применили именно этот прием: проводили боковые дуги из точек пят, а среднюю — из точки, находящейся на вертикальной оси в расстоянии от линии, соединяющей пяты, равном половине размера между ними.

Основное преимущество этого метода помимо необычайной простоты разметки заключается в том, что, установив единый для начертания кривых всех сводов коэффициент формы, строители, задавшись предварительно единой же высотой для группы перекрываемых помещений, могли точно выдерживать эту высоту, несмотря на разницу в ширине помещений. Практически возведение сводов начиналось, естественно, с определения уровня местоположения пят. Если обозначить высоту помещения через H, а высоту расположения пят над полом через h, то высота помещения $H = h + f$, или $H = h + 0{,}8l$, откуда $h = H—0{,}8l$, т. е. определение уровня пят в конечном счете, как мы видим, сводилось к простому арифметическому действию — из заданной заранее высоты помещения вычитался размер высоты будущего свода (как $^4/_5$ от его пролета). На торцовых стенах помещений из найденных таким образом точек пят известным способом, буквально в три приема, расчерчивались все кривые, причем их вершины в каждом из помещений автоматически оказывались на одном уровне. Такая элегантная, мы бы сказали, простота была достигнута зодчими, подчеркиваем, только благодаря установлению единого для всех кривых коэффициента формы.

Изменение характера формы этих кривых по сравнению с кривыми, образующими своды на Кой-Крылган-кале, повлекло за собой и изменение формы кирпича. Своды на Топрак-кале, как и повсеместно в Хорезме, возводились, как известно, из специально сформованного кирпича трапециевидной формы, но если размеры обычных стеновых кирпичей почти не изменились, то в изготовлении трапециевидных проявился новый стандарт: они стали более узкими с изменившимся углом наклона боковых граней. При оставшейся почти без изменений высоте кирпича его верхнее и нижнее основания стали соответственно 20 и 17 см, в то время как на Кой-Крылган-кале они составляли 28 и 25 см.

Чтобы уяснить причины, побудившие зодчих изменить в данном случае пропорции трапециевидного кирпича, напомним, в чем заключается конструктивный смысл придания такой формы кирпичам, употреблявшимся для возведения сводов.

При образовании кривой свода кирпичи в кольце располагаются под углом друг к другу, и в случае их прямоугольной формы швы между ними приобретают форму клиновидную, что, разумеется, приводит к ослаблению конструкции. Ведь материал, из которого выполнен свод, работает на сжатие, а удельная прочность на сжатие у раствора значительно меньше, чем у кирпича. И хотя по внешнему контуру свода в такие клиновидные швы вставляются расклинки, этот прием имеет исключительно монтажное значение: пока раствор в швах не затвердел, эти расклинки предохраняют его от выдавливания из швов под действием собственного веса конструкции, что приводит к просадке свода еще во время его возведения. Трапециевидные же кирпичи благодаря разнице в размерах его верхнего и нижнего оснований уменьшают клиновидность швов. В идеальном случае клиновидность шва вообще должна отсутствовать, что дает возможность свести его толщину до минимума и сделать кладку практически «бесшовной». Это может произойти лишь тогда, когда боковые грани кирпичей будут идти в направлении радиусов дуг, составляющих кривую свода.

Очевидно, это обстоятельство и было принято строителями во внимание при выработке нового стандарта кирпича, так как швы в сводах получились у них идеальными — очень тонкими и равномерными. Они учли связь между формой кирпича и характером кривой, строгое соответствие которых между собой ликвидировало к тому же необходимость в устройстве наклонных пят, что усложняет конструкцию и, естественно, ее выполнение в натуре (это имело место на Кой-Крылган-кале).

Поскольку каждая кривая состоит из дуг двух радиусов и к тому же пролеты этих кривых разные, то, естественно, строители не могли изготовлять кирпичи для каждого случая. Они в своих расчетах взяли за основу средний пролет и в нем участки больших дуг, поскольку их суммарная протяженность со-

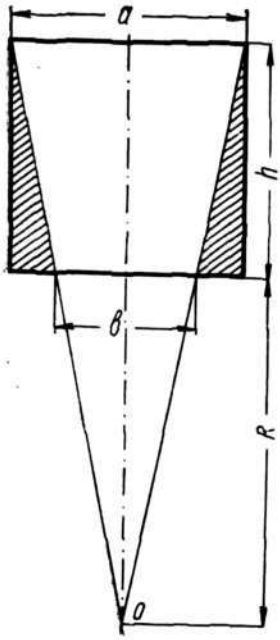

Рис. 48. Определение характера формы и пропорций кирпичей, употреблявшихся для возведения сводчатых конструкций

ставляет большую часть общей длины кривой, а именно $^7/_9$. Поэтому в участках кривых, где радиус закругления значительно меньше (в верхней части кривой), все же имели место клиновидные швы, куда строители были вынуждены вставлять расклинки.

Отмеченное выше строгое соответствие между формой кирпича и кривых, по которым они выкладывались, убеждает в том, что строители произвели предварительно какие-то расчеты.

Попробуем пройти по их следам, для чего обратимся к чертежу (рис. 48). Соединим концы верхнего основания — a — прямоугольного кирпича с центром, из которого описана дуга, и, отбросив «лишние» части (они заштрихованы), получим искомые габариты трапециевидного кирпича, где надо определить размер его нижнего основания — b (на чертеже пропорции кирпича для наглядности изменены). Обозначив его высоту через h и радиус дуги через R, из подобия треугольников получим, что $\frac{a}{b}=\frac{R+h}{R}$, откуда $b=\frac{a\times R}{R+h}$. Этот расчет сделан в общем виде. Поставим в эту формулу соответствующие размеры, полученные в результате обмеров. Для значения радиуса нами выбран средний по перекрываемому пролету размер — 2,30 м (ширина помещения № 9, 214, 215 и др.). Верхнее основание кирпича равно 20 см, высота — 40 см. Искомый размер нижней грани равен: $(20\times230) : (230+40) = 4600 : 270 = 17$ см.

Получилось число, соответствующее подлинному размеру нижнего основания кирпича, что подтверждает правильность нашего предположения о проведении строителями предварительных расчетов его формы.

Таким образом, мы видим, что как установление стандарта кирпича, основанного на строгом соответствии с очертанием кривых, по которым он укладывался, так и выбор самой формы кривых в конечном счете свелись к весьма простому и удобному для выполнения в натуре приему (притом единому, подчеркиваем, для всех сводов).

Его применение стало возможным лишь потому, что для всех них был установлен единый коэффициент формы, причем он был выбран таким образом, чтобы в результате получилось практически весьма простое построение кривой с четкой привязкой центров сопрягаемых дуг к поперечному профилю. Приме-

няя этот прием и отталкиваясь во всех случаях от размера ширины каждого из перекрываемых сводами помещений, строители в результате автоматически получали единую их высоту.

Причем и характер очертаний сводов становился единообразным, что имело немаловажное значение и в эстетическом восприятии интерьера: он приобретал благодаря этому определенный и притом единый стиль. Однако это вовсе не означает, что такое обстоятельство служило для зодчих целью в их расчетах, становилось во главу угла. Наоборот, разумное и четкое решение чисто инженерных задач, которые были поставлены перед ними невиданным дотоле в Хорезме грандиозным по тому времени строительством, отразилось и на более высоком художественном уровне полученных результатов.

Рассмотренный небольшой пример из практики древних строителей еще раз показывает, что строительное искусство в Хорезме, в частности искусство возведения сводов, как это всякий раз отмечали исследователи, обращавшиеся к его архитектуре, достигло высокого совершенства. Оно отличается той технической простотой и продуманностью, которые особенно характерны для сооружений, завершающих античный период в истории архитектуры Хорезма, каким и является Топрак-кала.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Кой-Крылган-кала — памятник культуры древнего Хорезма IV в. до н. э.— IV в. н. э.— ТХЭ. 5, 1967, с. 286—288, рис. 116, 117.

[2] В. Л. Воронина. Строительная техника древнего Хорезма.— ТХЭ. 1, 1952, с. 95.

[3] М. С. Лапиров-Скобло. Анализ построения древним зодчим плана Кой-Крылган-калы.— Этнография и археология Средней Азии. М., 1979, с. 58.

Г. А. Пугаченкова

УНИКАЛЬНАЯ ГРУППА МОНЕТ ЧАГАНИАНСКОГО ЧЕКАНА VI в.

Нумизматические комплексы раннесредневековой Средней Азии предшествующего арабскому завоеванию времени выявлены с большей или меньшей полнотой для Хорезма и Согда, Шаша и Семиречья, но еще очень слабо для Северного Тохаристана, территория которого охватывала современную Сурхандарьинскую область УзССР и юг Таджикистана. В этой связи любые новые монетные находки данного периода в этом регионе приобретают особый интерес.

К числу таковых относятся монеты клада с городища Бедрач в Денауском районе УзССР. Клад был найден в 1977 г. при вспашке земли под хлопок и разошелся по рукам, однако большинство монет было постепенно собрано учителем местной школы А. Худжановым, который передал их Узбекистанской искусствоведческой экспедиции, ведущей систематические работы в Шурчинском и Денауском районах.

Экспедиция уже давно обратила внимание на городище Бедрач, лежащее в долинной зоне правобережья Сурхандарьи, у впадения в нее р. Кизилсу. Разведки, осуществленные автором этой статьи в 1960—1961 гг., показали, что наряду с Дальверзин-тепе это — крупнейшее городище на землях древнего Чаганиана — Саганиана. Причем, если по археологическим данным Дальверзин-тепе представляет памятник античного времени, жизнь на котором уже едва теплилась в VI—VII вв. (и то лишь в пределах былой цитадели), то Бедрач именно в эту пору слагается как город и особенно разрастается с IX—X вв., когда обведенная внешней крепостной стеной площадь его достигает 70 га.

Сопоставление расстояний от Термеза, приведенных в арабских дорожниках IX—X вв.; обилие фрагментов характерной средневековой керамики, стекла, жженого кирпича; отсутствие в округе Денау иных столь значительных средневековых городищ (при обилии остатков сельских поселений) дали все основания к отождествлению Бедрача со столицей средневекового Чаганиана, носившей то же наименование[1]. Тотальное обследование археологических памятников по всей долине Сурхандарьи, осуществленное за последние годы членами нашей экспедиции, лишь подтвердило это отождествление. Таким образом, совершенно необоснованно утверждение О. А. Большакова, буд-

то вопрос о местонахождении Чаганиана остается нерешенным [2].

На городище Бедрач выделяются: первоначальное ядро доарабского времени — цитадель, вероятно с кешком владетеля, Ак-Мазар-тепе; первый шахристан — Дуньо-тепе; разросшаяся в северо-восточном направлении территория более позднего второго шахристана, охваченного стеной; пригородная и сельскохозяйственная зона за пределами этой стены. Нелишне отметить, что, как и ряд других городищ Средней Азии, Бедрач-Чаганиан не укладывается в стандартную и якобы универсальную схему средневековых городов «арк-шахристан-рабад».

Культурные слои Ак-Мазар-тепе и Дуньо-тепе (они хорошо прослеживаются в обрывах над Кизилсу) содержат в своей нижней половине археологические материалы доарабского времени, а над ними напластования IX—XII вв. Территория второго шахристана еще в 60-х годах была покрыта всхолмлениями былых строений и ремесленных производств, но затем почти вся пошла под хлопковое поле. Тем не менее и поныне земля при распашке полна керамических черепков, гончарных и металлических шлаков, кусков жженого кирпича и т. п. Заложенный в 1977 г. нашим сотрудником М. Исхаковым на втором шахристане, притом в пониженной зоне, шурф выявил полутораметровый культурный слой, в основном с материалами X—XII вв.

На одном из участков поля трактором был вывернут из земли упомянутый клад монет однородного вида, представляющих собой подражания чекану сасанидского царя Хосрова I Ануширвана. Материал их — серебро с большой примесью меди, покрывшей поверхность плотной зеленой окисью. Контуры неровные. При изучении изображений выделяются две эмиссии, которые обозначаем буквами А и Б. Обращает внимание большая потертость монет эмиссий Б, в то время как в группе А изображения гораздо более четки и лишь несколько смяты надчеканами. Монет эмиссии А — пятьдесят девять, эмиссии Б — пять.

Эмиссия А: Д — 27—28 мм, вес — от 2,35 до 2,67 г (рис. 49, 50).

Лицевая сторона. В обрамлении широкого ободка кружок из крупных ромбиков (внутренний диаметр — 17 мм). В кружке бюст государя лицом в профиль, плечи в развороте прямо. Тиаровидная корона с двумя зубцами о трех уступах (над виском и на затылке), с украшенной шариками перевязью, скрепленной за затылком тремя шариками; вверху на поле ободка поднимается венчающий корону полумесяц с тремя вертикальными штрихами и точками. Лицу государя присущи правильные черты, прямой нос, усы, небольшая мелкоточечная бородка; на затылке букля наподобие розетки с точками вокруг центрального кружка. В ухе серьга с тремя шариками, на шее гривна с подвеской. Ворот кафтана выделен рельефной отороч-

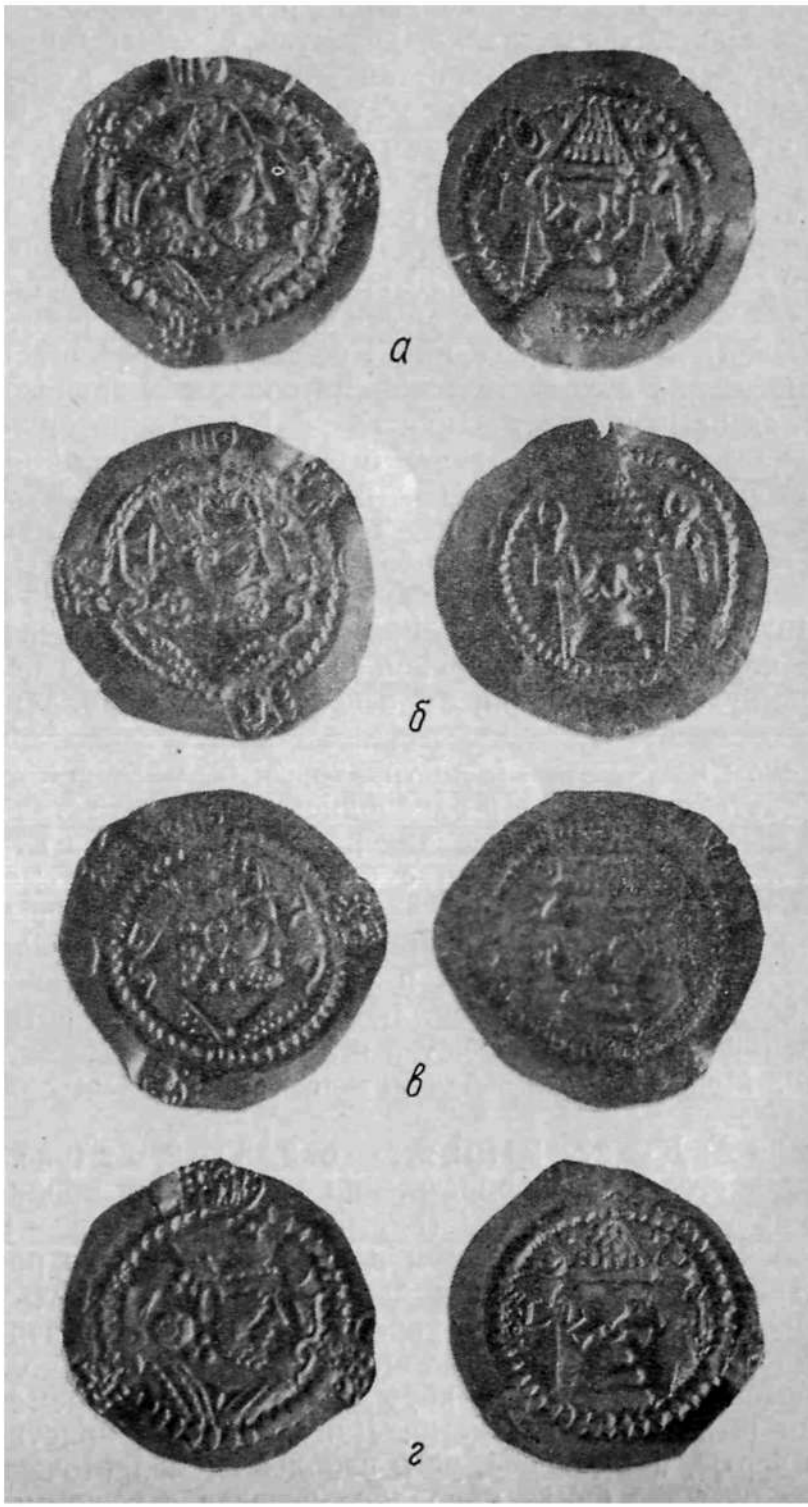

Рис. 49. Эмиссия А, варианты штемпелей *а—г*

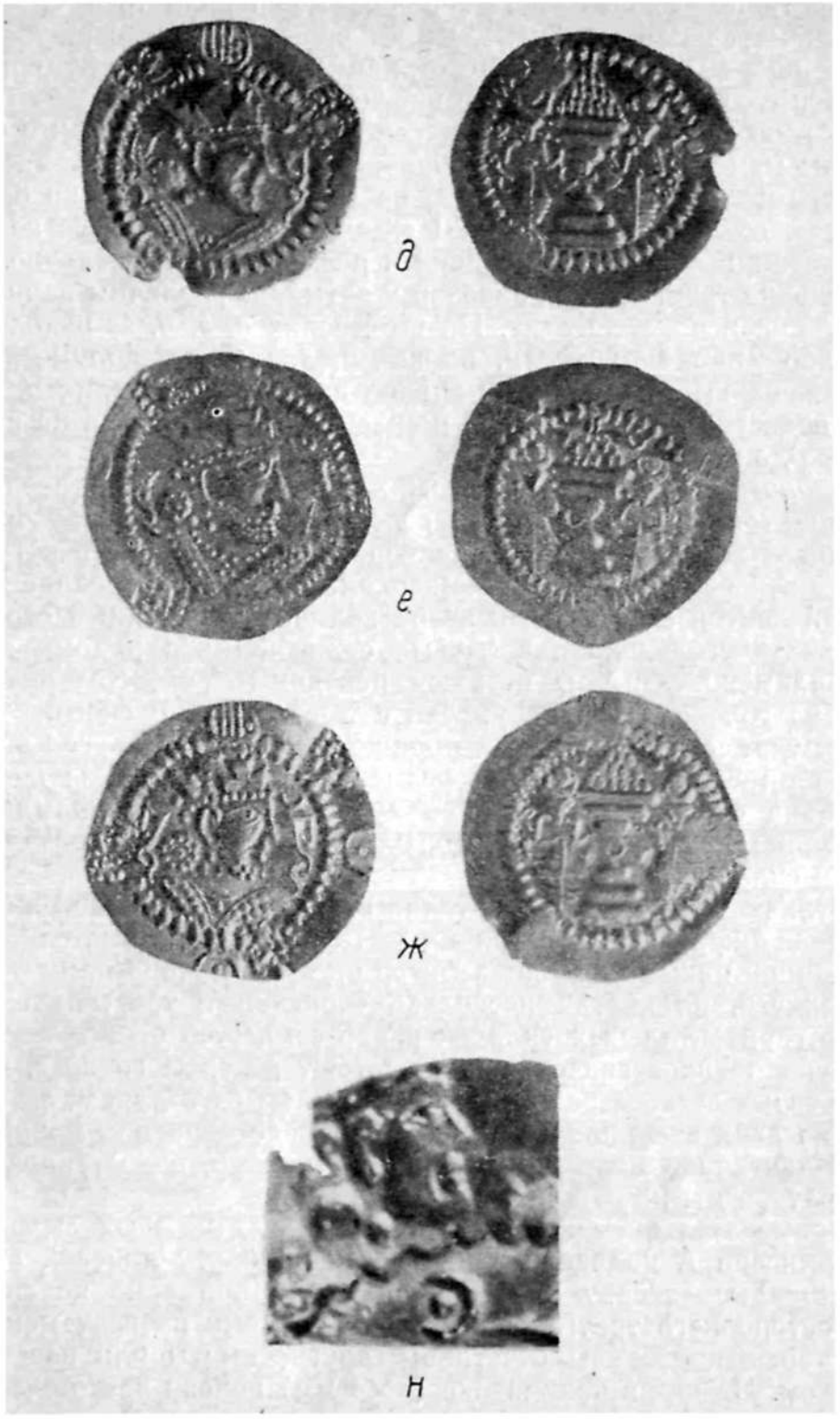

Рис. 50. То же. Варианты штемпелей *д—ж*;
н — надчекан (увеличен)

кой, а ткань его на плечах заполняют два ряда точек (нашивные жемчуга или камни). От плеч поднимаются вверх две извивающиеся ленты. На ободке примыкают к кружку справа, внизу и слева полумесяцы, но иногда их нет.

В эмиссии А насчитывается семь штемпелей, которыми биты аверсы монет (обозначим их буквами от *а* до *ж*). Штемпель *а* нанесен на 24 экземплярах, *б* — на 13; *в* — на 10, *г* — на 6, *д* — на трех, *е* — на двух, *ж* — на 1 экземпляре. Отмечается некоторая разница черт лица государя и размера букли; отлично расположение трехточечной завязки у затылка; различны варианты очертания и наклона лент. На штемпелях *а, г, д, ж* в поле перед лбом царя полумесяц, на штемпелях *б, е* — полумесяц с точкой, на штемпеле *в* этих знаков нет. На штемпелях *а, б, в, г, ж* подвеска на гривне царя в виде одного шарика, а на штемпелях *д, е* их три.

Оборотная сторона. В таком же кружке, как на аверсе,— алтарь-аташдан с пылающим огнем, по обе стороны которого стоят два жреца или стражника-фраваша. Алтарь с трехступенчатым основанием и таким же верхом, ствол его посредине перехвачен лентой с загнутыми вверх концами, священный огонь — в виде треугольника с четырьмя сужающимися рядами язычков пламени. Фигуры стражей переданы силуэтом почти в фас; на голове у них полумесяц с точкой, над плечами букли, одна рука, согнутая в локте, обращена к алтарю, другая опирается на меч (или жезл для размешивания топлива?); нижняя половина фигуры, подчиненная криволинейному обрамлению, передана треугольником, который рассекают горизонтальные линии складок шаровар.

Отличия штемпелей: очертания аташдана то более стройные, то более широкие; треугольник пламени то вытянутый, то равносторонний; нижняя половина фигур стражей имеет форму равнобедренного, но иногда несколько скошенного треугольника, а число горизонтальных складок равно семи или шести.

Существенное значение приобретают реверсы групп *г, д, ж*, на которых есть подражание пехлевийским сигнатурам, а на одном из двух экземпляров группы *е* в поле справа — монограмма. Идентичной монограммы, как и сигнатур, в доступной нам литературе мы не нашли [3].

Примечательную особенность составляет на всех экземплярах эмиссии А надчекан. Он нанесен на борту лицевой стороны трижды — вверху и в нижней трети, примерно по фигуре равностороннего треугольника, но по-разному на всех монетах. Некоторые надчеканы отчетливы, другие смяты или вошли не целиком. На них в квадратике (4×4 мм) вписан резко очерченный мужской профиль вправо. Облик этого персонажа совершенно иной, чем у царя: короткий нос, отсутствие усов, энергичный подбородок, открытое ухо с шариком серьги, волосы обрамляют лицо восемью выпуклыми бугорками прядей.

Рис. 51. Эмиссия Б. 1—5 — аверсы монет с двумя разновидностями надчеканов; 6—7 — варианты штемпелей реверса

Эмиссия Б: Д — 25 мм (при сильном ударе штемпеля — до 26 мм), вес — 2,62—2,67 г (рис. 51).

Лицевая сторона. В обрамлении широкого ободка кружок д — 17 мм из цепочки ромбиков. В нем бюст государя в профиль вправо, плечи в развороте прямо. Корона того же типа, что и в предыдущей эмиссии, но в поле справа от тиары полумесяц с шестилучевой звездочкой, а слева — одиночная звездочка о шести лучах. Венчания короны не разобрать, здесь надчеканы. Лицо царя более удлиненное, чем в эмиссии А, сильнее выступает борода. У затылка три точки и С-образный знак (или полумесяц вправо?). Букли нет. На шее ожерелье, в ухе подвеска из трех точек. Одежда гладкая. Над плечами поднимаются две извивающиеся ленты, причем над правой лентой Э-образный знак (тамга или монограмма?). На разных экземплярах в поле ободка просматриваются примыкающие к кружку полумесяцы — справа, слева, внизу (в большинстве перекрытые надчеканами).

Надчеканы двух видов. Более ранний представляет собою надпись позднебактрийского письма; на всех экземплярах она нанесена по-разному — справа, или вверху справа, или вверху слева, притом не всегда попав целиком. Последующий надчекан тот же, что и на монетах эмиссии А: мужской профиль, трижды нанесенный на каждом экземпляре по фигуре треугольника.

Оборотная сторона. Судя по некоторым деталям, она бита двумя штемпелями. Тот же мотив, что и в эмиссии А, но при иной трактовке ряда элементов. Очень стройный алтарь о двух уступах в основании и в верхней части, соединенных тонким стержнем, перехваченным лентами с поднятыми вверх концами. Пламя узкоконической формы в четыре ряда вертикальных языков; на трех экземплярах справа от него шестилучевая звезда, слева полумесяц, а на двух, наоборот, слева полумесяц, справа звезда. Стражи стоят прямо, опершись двумя руками на меч (жезл?). Складки шаровар у них переданы горизонтальными ромбиками, раздельно на каждой ноге. Вдоль фигур по обе стороны рельефные извилистые линии (ленты?).

Монеты обеих эмиссий представляют собой какой-то локальный чекан, в основу которого положено подражание дирхемам Хосрова I Ануширвана (531—579). Но при общем совпадении изображений лицевой и оборотной стороны сопоставление с государственным чеканом Хосрова I выявляет ряд отличий[4]. Метрические показатели дирхемов этого правителя — 27—28 мм, а в более позднем чекане — 29—32 мм, вес — от 3,909 до 3,945 г[5]. На лицевой и оборотной стороне дирхемов Хосрова Ануширвана обязательно имеются надписи, каковые на аверсах бедрачских монет отсутствуют, на реверсе же имеются лишь на 8 экземплярах из 59. В изображении царя на наших монетах иная, чем в сасанидском чекане, передача лент над плечами; подвеска на гриве у Хосрова обычно с двумя или тремя шариками, в основном

же составе монет эмиссии А один шарик (и лишь на пяти экземплярах их три), а в эмиссии Б подвески нет вообще. Одежда Хосрова с точечной оторочкой вдоль ворота, а у нас в эмиссии А двухрядным точечным заполнением, а в эмиссии Б одежда гладкая. На оборотной стороне сасанидских монет жрецы опираются на меч (жезл?) обеими руками, а в эмиссии А из бедрачского клада — лишь одной; над плечами каждого из них в сасанидском чекане поднимается лента, каковой на наших монетах нет. Металл монет из клада, как указано, низкопробного сплава, между тем как дирхемы Хосрова Ануширвана из высококачественного серебра.

Подражания сасанидским эмиссиям появляются с V в. в среднеазиатских и афгано-индийских землях, входивших во владения эфталитов. Однако среди обильных эмиссий этого рода автор классической монографии об эфталитских монетах Р. Гёбль отыскал в мировых нумизматических собраниях лишь четыре монеты из группы подражаний Хосрову Ануширвану[6]. Но и из них на одном экземпляре эмиссии 262 аверс следует чекану Ковада I, а реверс — типу монет пятого года правления Хосрова I, и лишь на трех экземплярах эмиссии 263 аверс и реверс аналогичны (с незначительными отклонениями) чекану Хосрова I последних лет его правления[7]. На всех опубликованных экземплярах имеются сигнатуры, в которых Р. Гёбль усматривает даты 30 и 46 гг. Отметим, что в ряде деталей монеты эти отличны от бедрачских.

Принадлежит ли наш клад эфталитскому чекану? В пользу этого как будто говорят сигнатуры-надчеканы на монетах эмиссии Б того искаженного бактрийского письма, которое употреблялось на эфталитских монетах и которое представляет большую сложность для дешифровки. Прочтение сигнатур на монетах бедрачского клада остается за специалистами — идентичных им в каталоге Гёбля мы не нашли[8]. Заметим, однако, что трактовка эфталитских сигнатур в ряде случаев доныне остается предметом дискуссий между крупнейшими авторитетами[9].

Но бактрийское письмо могло употребляться на территории былой Бактрии не только (а может быть, даже и не столько) эфталитами, а ее коренным населением. Прояснить вопрос о чекане бедрачских монет позволяет историческая ситуация.

История Северного Тохаристана VI—VII вв., в основном ее долинных зон Сурхандарьинской области УзССР, рассмотрена А. М. Мандельштамом главным образом по данным «Шах-наме». Для интересующего нас отрезка времени он принимает версию Фирдоуси о подчинении чаганианского правителя Фаганишта, эфталита по происхождению, Хосрову I, занявшему области к югу от Амударьи. Северный же Тохаристан, по его мнению, представлял в это время буферное эфталитское государство, зависимое от тюрков[10]. Эти выводы приняты и Б. И. Вайнберг, посвятившей специальное исследование группе эфталитских мо-

нетных подражаний чекану Пероза в связи с некоторыми вопросами истории Хорезма V—VII вв.[11].

Между тем, по данным ряда восточных авторов, историческая ситуация была несколько иной. В 554 г. Хосровом I был отвоеван у эфталитов не только Южный Тохаристан, но и весь Тохаристан, после чего сасанидский шах положил с помощью тюрков конец их обладанию Средней Азией. При этом, хотя основной границей сасанидских владений стала Амударья, некоторые ее правобережные области также на какое-то время вошли в вассальную зависимость от Хосрова[12]. В числе таковых был и Чаганиан, прямое указание чему дают письменные источники. По данным Динавери, Талиби и Мирхонда, подчинив страну эфталитов, Хосров вступил со своей армией в Тохаристан, Кабулистан и Саганиан[13]. Тюркские же владения располагались за их пределами (вероятно, за грядой Байсуна и Дербентским перевалом).

Это подтверждает бедрачский клад. Если бы Чаганиан принадлежал в VI в. тюркам, здесь не чеканились бы подражания монетам Хосрова I. Лишь при условии фактического или номинального подчинения сасанидскому шаху чаганианский владетель — ставленник Хосрова мог использовать право выпуска монет по типу общегосударственного сасанидского чекана. Причем этот местный чекан не был эпизодическим явлением, коль скоро в составе лишь одного нашего клада установлено две эмиссии и использование восьми несколько варьирующих матриц аверса.

Мы полагаем, что нет оснований усматривать владычество эфталитов в Чаганиане со второй половины VI в. Бедрачский клад свидетельствует в пользу правления местных чаган-худдатов, вступивших в альянс с Хосровом Ануширваном, а после его смерти в 579 г. обретших на протяжении конца VI — первой половины VII в. полную самостоятельность.

О престиже местных правителей в VII в. говорят данные ал-Белазури о хорасанском походе арабов во главе с ал-Ахнафом, когда против них выступило войско Тохаристана, во главе которого были «люди Саганиана». Сообщение о поединке арабского военачальника с «царем Саганиана» свидетельствует об особой роли, принадлежавшей ему в тохаристанской антиарабской коалиции[14]. Никаких указаний, что «царь Саганиана» был эфталитом, в арабском источнике нет.

Возвращаясь к бедрачскому кладу, отметим, что из двух его эмиссий более ранней была, очевидно, эмиссия Б. В пользу этого говорит нанесение на монетах данной группы двух надчеканов, из которых надчекан с портретом наслаивается на надчекан с сигнатурой, какового на монетах эмиссии А (составляющей до 99% общего состава) нет.

Когда же появляются они на бедрачских монетах? Как известно, нанесение надчеканов применялось в денежном хозяйст-

ве в разные эпохи с целями политическими или спекулятивными, а иногда с теми и другими. Значение надчеканов-сигнатур на монетах эмиссии Б, возможно, прояснится после дешифровки. Но характерно, что на трех из пяти экземпляров они наслаиваются на полумесяц, венчающий корону Хосрова I, а столь непочтительное отношение к царскому символу могло иметь место лишь в пору фактического прекращения власти Сасанидов в зоне хождения этих монет. Скорее всего, это произошло после смерти Хосрова (579 г.), когда Саганиан уже вышел из подчинения иранским шахам.

Второй надчекан, трижды выбитый на монетах обеих эмиссий, отмечает какое-то особое историческое событие. Ибо обычно надчеканы передают либо надпись, либо тамгу или иной династический знак. А здесь перед нами портрет, который противопоставлен портрету сасанидского государя. Обращает внимание отсутствие у персонажа надчекана каких-нибудь царских регалий — нет ни короны, ни диадемы, ни лент. Очевидно, надчекан этот отражает обретение полной независимости чаганианским княжеством от какой-либо центральной власти и, чтобы подчеркнуть это, изображение местного чаган-худдата было трижды выбито на каждом монетном кружке. Монетный же двор, где изготовлялись подражания чекану Хосрова I, а затем были нанесены упомянутые надчеканы, находился, скорее всего, в главном городе Чаганиана — ныне городище Бедрач.

Небезынтересно отметить появление мелких надчеканов-портретов на некоторых (единичных пока) монетах из числа эфталитских подражаний чекану Пероза (V в.). Одна из них найдена у Каптар-ханы в Термезском районе[15], а 18 монет без точного местонахождения, но, как убедительно показала Б. И. Вайнберг, принадлежащих тохаристанскому чекану, хранятся в Государственном историческом музее в Москве[16]. Профильные изображения данных надчеканов не совпадают с бедрачскими, но характерно, что они также лишены знаков царского достоинства. Надчеканы эти были, очевидно, тоже нанесены в VII в., но не в Чаганиане, а в других районах Северного Тохаристана. Таким образом создается как бы зримая картина сосуществования в этом регионе отдельных вполне самостоятельных княжеств, лишь иногда вступавших в коалицию.

В числе других монетных находок из Бедрача упомянем медную монету (д — 20 мм, вес — 2,4 г), на лицевой стороне которой два лица щека к щеке, в головных уборах, увенчанных полумесяцем с точкой, а на обороте — тамга в виде ромба с двумя противоположно загнутыми крючками.

Монеты этого типа широко известны в чекане Согда, Шаша и областей Семиречья с конца VI—VII в. В долине Сурхандарьи они пока представлены единичными находками (такова, например, подъемная монета из Халчаяна[17]), и потому было бы преждевременно говорить об их местном чекане, хотя в пользу

этого, пожалуй, свидетельствует тамга, отличная от тех, что известны в чекане Согда конца VI — начала VIII в.[18]. Иконография аверса на монетах этого типа связана, по-видимому, с византийским прототипом, где встречается изображение двух лиц — государя и царицы.

Если напомнить также о «китаеобразных» монетах тюркосогдийского чекана (круглых с квадратным отверстием), то невольно возникает вопрос: почему в Средней Азии VI—VIII вв. монеты чеканились в подражание ирано-сасанидским, византийским, китайским (исключение составлял Хорезм[19], может быть, в силу своего несколько изолированного положения)? Ведь монетное дело и денежное обращение, судя по нумизматическим находкам, здесь в эту пору были весьма развитыми, а общая культура шла на подъем. Последнее красноречиво засвидетельствовано, в частности, произведениями пластического искусства и живописи, и, таким образом, создание собственных изобразительных стандартов и штемпелей для чеканки монет для художников не составило бы труда.

По-видимому, объяснение в том, что в отличие от раннефеодальных монархий типа византийской, сасанидской, вэйскотанской раздробленность Средней Азии на отдельные княжества (даже при номинальном вхождении их в состав Тюркского каганата, частью — сасанидского Ирана) не смогла бы обеспечить локальным монетным эмиссиям той зримой всеобщности широкого денежного обращения, которую запечатлевали подражания монетным знакам, имевшим международное хождение. Вместе с тем уменьшение веса, ухудшение сплава, изображение локальной тамги или нанесение надчеканов на этих монетах-подражаниях в ряде случаев открывали местным правителям возможности спекулятивной игры на произвольно установленном ими курсе.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Г. А. Пугаченкова. Некоторые итоги экспедиционных исследований Института искусствознания АН УзССР в 1960 году.— «Общественные науки в Узбекистане». 1961, № 3, с. 67; она же. К исторической топографии Чаганиана.— Труды ТашГУ. Вып. 200. Таш., 1963, с. 58 сл.; она же. Халчаян. Таш., 1966, с. 18 и сл.

[2] А. М. Беленицкий, И. Б. Бентович, О. А. Большаков. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973, с. 180.

[3] См.: B. Dorn. Collection de monnaies sassanides J. de Bartolomaie. St.-Pbg., 1873; J. de Morgan. Contribution à l'étude des ateliers sous la dinastie des Rois Sassanides de Perse.— «Revue numismatique». 1913; D. J. Paruck. Sasanian Coins. Bombay, 1924.

[4] Ср.: B. Dorn, t. 23—24; D. J. Paruck, Pl. XIX—XX.

[5] D. J. Paruck, c. 35, 38.

[6] R. Göbl. Dokumente zur Geschichte der iranischen Hunnen in Baktrien und Indien. Wiesbaden, 1967, Bd 1, c. 180; Bd 3. Taf. 71 (далее — R. Göbl).

[7] R. Göbl. Bd 1, c. 180—181; Bd 3, Taf. 71.

[8] R. Göbl. Bd 4. Taf. 22—48.

[9] Ср.: H. F. Junker. Die Hephtalitischen Münzinschriften. Sitzberichte der Preuss. Akademie der Wissenschaft, Phil.-Hist. Klasse, 27, B., 1930; R. Ghirschman. Les Chionites-Hephtalites. Le Caire, 1948; R. Göbl. Bd 1, с. 180—181; Bd 2, с. 89 и сл.

[10] А. М. Мандельштам. О некоторых вопросах сложения таджикской народности в среднеазиатском междуречье.— СА. 20, 1954, с. 84 и сл.; он же. Материалы к историко-географическому обзору Памира и припамирских областей.— Труды Института истории, археологии и этнографии АН ТаджССР, т. 8. Сталинабад, 1957, с. 134 и сл.; он же. Средняя Азия в VI—VII вв. — «Очерки по истории СССР, III—IX вв.». М., 1958, с. 352 и сл.

[11] Б. И. Вайнберг. Эфталитская династия Чаганиана и Хорезм (по данным нумизматики). — «Нумизматический сборник», ГИМ, ч. 4, в. 1, М., 1971, с. 8 и сл.; она же. Некоторые вопросы истории Тохаристана в IV—V вв.— Буддийский культовый центр Кара-тепе в Старом Термезе. М., 1972, с. 143 и сл.; она же. Монеты древнего Хорезма. М., 1977, с. 91 и сл.

[12] М. Е. Массон. Распространение монетных кладов чекана династии Сасанидов на территории советских республик Средней Азии.— История иранского государства и культуры. М., 1971, с. 227 и сл.

[13] E. Chavannes. Documents sur les Tou-Kiou (Turks) Occidentaux.— Сборник Трудов Орхонской экспедиции. VI. СПб., 1903, с. 223, 229.

[14] Ал-Белазури. Извлечения из «Китаб футух ал-булдан».— МИТТ. Т. 1. М.—Л., 1939, с. 68—69.

[15] Л. И. Альбаум. Балалык-тепе. Таш., 1960, с. 45, 47, рис. 22, *9*.

[16] Б. И. Вайнберг. Эфталитская династия, с. 4 и сл.

[17] Г. А. Пугаченкова. Халчаян, с. 122, рис. 78.

[18] О. И. Смирнова. Каталог монет с городища Пенджикент. М., 1963, табл. XIX—XXI.

[19] См.: Б. И. Вайнберг. Монеты древнего Хорезма. М., 1977, с. 58 и сл. и табл. XXIII—XXVII, группа «Г».

Н. С. Сычева

ТРАДИЦИИ И НОВАТОРСТВО В СОВРЕМЕННОЙ КЕРАМИКЕ ХОРЕЗМА

Основными центрами гончарного искусства в Хорезме в настоящее время являются Хива, Ханки, Каттабаг, Кошкупыр и Ургенч. К хорезмийской керамике исследователи обычно также относят изделия гончаров Ходжейли, Чимбая, Турткуля, Куня-Ургенча, Ташауза — каракалпакских и туркменских городов, в которых ведущую роль играют керамисты, выходцы из Хорезма [1].

В литературе уже не раз отмечалось, что одной из наиболее характерных черт современной хорезмийской керамики является ее традиционность [2]. Однако раскрытию конкретного содержания этого положения, как нам кажется, уделялось недостаточно внимания. Если сравнить, например, образцы хорезмийской керамики IX—XI вв. из Замахшара [3] с работами современного мастера Р. Матчанова [4], то вряд ли можно найти что-нибудь общее между ними. Попытаемся на основе анализа современной керамики, археологических и этнографических материалов показать соотношение традиционного и нового в творчестве хорезмийских керамистов нашего времени.

Следуя традиции, современные гончары выделывают те же виды посуды, что и мастера прошлого столетия. Это в основном бадии разных размеров, кувшины для воды, маслобойки, хумы, кринки для молока, небольшие чашечки. Ведущей формой среди них, как и в XIX в., является бадия — сосуд типа большой (до 30—35 см в диаметре) чаши на сравнительно высоком поддоне, с вогнутым или плоским дном и прямыми вертикальными или расходящимися кверху бортиками, который использовался для самых разнообразных целей.

В современной керамике Хорезма преобладающей является сине-бело-голубая колористическая гамма. Ее используют такие мастера, как Р. Матчанов, Б. Ваисов, Е. Сапаев, А. Якубов, К. Досчанов, А. Матъякубов, Р. Зарипов, С. Райимбергенов, Ю. Хаитмурадов. Вместе с тем ряд мастеров — С. Машарипов, Э. Разаков, М. Бекчанов — работают в желто-зеленых и коричневатых тонах. Чимбайский керамист Р. Зарипов и его сын С. Райимбергенов применяют черную роспись под бирюзовой глазурью.

Сине-бело-голубая гамма, появившись еще во времена Тимура, становится преобладающей при его преемниках и, по-види-

мому, переходя из поколения в поколение, доходит до наших дней. Таким образом, ее можно назвать истинно традиционной чертой хорезмийской керамики.

Роспись в желто-зелено-коричневых тонах была характерна для керамики Хорезма IX—XI вв., но крайне редко встречается в более позднее время.

Традиции черной росписи под бирюзовой поливой, которой пользовались в Хорезме в XII—XVII вв., очевидно, позднее были также прерваны. Следовательно, отход ряда мастеров с конца 1960-х годов от сине-голубой гаммы следует рассматривать как новаторство, представляющее собой возрождение старых, забытых традиций. Поэтому традиционность их творчества в этом отношении принципиально отличается от традиционности творчества мастеров, использующих сине-голубой цвет.

Современная керамика по характеру украшающего ее орнамента делится на две большие группы. К первой группе относится посуда, роспись которой воспроизводит арабесковый узор. В его основе лежит сложное переплетение геометрических и геометризованных растительных форм, восходящих к стилизованному изображению вьющегося стебля. К другой группе относятся сосуды, покрытые орнаментом, который мы для удобства в отличие от арабескового называем просто растительным. В нем преобладают стилизованные изображения листа и лепестка.

Арабесковый узор, тесно связанный с традиционным архитектурным декором, ранее был несвойствен керамике Хорезма. Для украшения керамики его начали использовать в 1950-е годы мастера, которые участвовали в работах по реставрации архитектурных памятников Хивы. Этим гончарам приходилось много экспериментировать в области создания глазурованных плит для облицовки зданий. Одним из первых среди тех, кто успешно применил мотивы архитектурного орнамента при росписи керамики, был Б. Ваисов, принимавший непосредственное участие в реставрации мавзолея Палван-Ата в Хиве. Арабесковый узор, восходящий в своей основе к майоликам и резному дереву XIX в., является излюбленным у его учеников и последователей — И. Балтаева и Р. Матчанова.

Центр композиции арабесковых росписей составляет, как правило, квадрат, стороны которого являются основанием для сложной, разветвленной системы пересекающихся арочек и бутонов, заполненных причудливым измельченным растительным узором. Декоративный эффект усиливается чередованием бирюзового и сиреневато-фиолетового или синего фона, на котором четко выступает сложная вязь белой росписи.

Поскольку керамика с арабесковым узором была раньше нехарактерна для Хорезма, такую керамику можно рассматривать как новаторскую. В то же время можно говорить о ее традиционности, имея в виду при этом ее ярко выраженный национальный стиль, который определяется наличием в ней эле-

ментов и черт, традиционных для других видов искусства Хорезма.

В отличие от арабесковой росписи растительный орнамент воспринят современными гончарами непосредственно от предшествующих поколений керамистов. Появившись практически одновременно с глазурованной расписной керамикой, он был всегда наиболее распространенным типом узора, хотя и претерпевал на протяжении веков определенные изменения.

В современной керамике растительный орнамент в основе своей сводится к многолепестковой розетке, которая занимает всю поверхность бадии, кроме бортика, украшенного чаще всего геометрическим узором. Розетка, как правило, крупная — либо четырех-, либо шестилепестковая. Традиции классического растительного орнамента развивают М. Бекчанов, А. Якубов, Р. Зарипов, Ш. Каландаров, Е. Сапаев, М. Матъякубов и др. Часть мастеров тяготеет к графической манере росписи с четкими резными контурами и строгой симметричностью композиционного построения. Работы этих керамистов, с одной стороны, продолжают традицию графичных, несколько суховатых композиций XIX — начала XX в., а с другой стороны, демонстрируют новые черты — подчеркнутую плоскостность, укрупненность, лаконичность орнаментальных форм, в чем сказывается влияние искусства выделки узорных войлоков и кошм. В такой манере работают Е. Сапаев и Ю. Хаитмурадов — мастера из Туркмении [5].

Многие керамисты предпочитают более живописную манеру росписи. Рисунок А. Матъякубова отличается особой мягкостью, сочностью линий, легкой размытостью цветового пятна [6]. Виртуозная скорописность штриха присуща росписи К. Досчанова [7]. Полная свобода и смелость, порой даже нарочитая небрежность живописных мазков и пятен характерны для работ Э. Разакова и С. Машарипова [8]. Творчество этих мастеров порывает в известном смысле с традицией XIX в., но зато возрождает живописность средневековой керамики Хорезма.

Всех современных керамистов объединяет использование одинаковых принципов композиционного построения росписей, базирующихся на традиционном понимании орнаментируемой поверхности.

Самое главное заключается в том, что орнамент всегда подчинен форме и наносится таким образом, что подчеркивает основные членения сосуда. На протяжении веков гончары, орнаментируя посуду, выделяли донце и бортик сосуда. Роспись, как правило, наносилась в виде четко разграниченных ярусов. Таковы, например, поливные чаши из Замахшара X—XI вв.[9], поливные сосуды XIII—XIV вв. из Шемаха-калы [10], сосуды XV—XVII вв. из Ургенча [11]. Нанесение орнамента в виде ярусов было свойственно не только для поливной керамики, но и для неполивной посуды. Как правило, таких ярусов было 3—4 и более.

Большинство современных мастеров, отказавшись от мелкого рисунка и тяготея к укрупненным элементам орнамента, дающим возможность получить больший декоративный эффект, вычленяют в росписи только два яруса, включая в первый ярус дно и стенки, а во второй — бортик. Такова керамика М. Бекчанова, Э. Разакова, С. Машарипова, Р. Матчанова, М. Матъякубова. Это новое явление в керамике, ибо еще в начале XX в. на хивинских блюдах орнамент измельченный, а роспись отличается многоярусностью [12]. В то же время современные керамисты сохраняют традиционное плоскостное решение центральной зоны орнаментальной росписи. В прошлом эта зона была ограничена практически плоским дном глубокой бадии, что полностью оправдывало плоскостное решение узора. Теперь же, когда она распространилась и на круто поднимающиеся стенки сосуда, сохранение такого характера орнамента можно объяснить только устойчивостью традиции.

Характерной и традиционной чертой современной керамики Хорезма является также обязательное выделение центра, который является отправной точкой росписи и уравновешивает композицию, делает ее симметричной, позволяя равномерно нанести узор.

Иногда этот центр обозначен просто точкой, квадратом, системой вписанных квадратов с перекрестьем внутри или без такового (Р. Матчанов, И. Балтаев) [13], многолепестковой розеткой (И. Каландаров, М. Искандаров, К. Досчанов, А. Матъякубов, Е. Сапаев и др.) [14]. Эта черта проявляется даже в работах, на первый взгляд совсем далеко отходящих от традиций, как, например, в бадие М. Матъякубова, опубликованной И. Жданко [15]. В ней, как нам кажется, крест и четыре крупных мазка представляют собой реминисценцию традиционной четырехлепестковой розетки.

Столь же традиционными являются основные элементы, составляющие орнамент растительного типа в современной керамике. Другие его детали восходят к античности и классическому средневековью, а часть — к традициям керамики Хорезма конца XIX — начала XX в. Так, например, ходжейлинский мастер И. Машарипов в росписи бортика бадии часто воспроизводит фигуру «треф» [16], а гончар из Ханки Р. Матчанов основным элементом орнамента выбирает фигуру, своими очертаниями повторяющую знак «червь» [17].

Знаки карточных мастей, в частности знаки «пики» и «червы», хорошо известны по настенным росписям III в. н. э. из Топраккалы [18]. В более позднее время они также встречаются в настенной живописи в других районах Средней Азии. Практически все знаки карточных мастей можно видеть в настенных росписях и украшении тканей в Балалык-тепе [19]. Претерпев некоторые изменения, они стали особенно часто употребляться в орнаменте Средней Азии в конце XIX — начале XX в [20]. Они известны по

керамике[21], встречаются в коврах[22], в настенных росписях Бухары[23], в вышивке сузани[24].

Знаки карточных мастей играли значительную роль в орнаментике раннесредневекового Востока и хорошо известны нам, например, по узорам коптских тканей[25]. Они были связаны с растительно-цветочной орнаментацией. Так, знак «червы» передавал в древности изображение цветка в искусстве некоторых народов Востока[26], знак «трефы», соответствовал изображению ветки с тремя цветами, знаки «бубны» и «пики» воспроизводили лист[27]. Некоторые исследователи считают знак «пики» изображением древа жизни, которое на протяжении веков претерпевало изменения[28].

Элементом орнамента, восходящим к античности, который используется в настоящее время, является сетчатая штриховка. Чаще других мастеров его использует Е. Сапаев из Куня-Ургенча[29]. Этим узором он расписывает внутреннее поле лепестков розетки или заполняет фон между ними. Сам мотив штриховки, сделанной лощением, появился в керамике Хорезма в кушанское время[30]. В III—IV вв. он широко применялся в Северной Бактрии[31], в меньшей степени в Согде[32]. Орнамент оказался очень устойчивым. Выполненный в разной технике (гравировкой, росписью), он встречается в керамике Хорезма вплоть до XV—XVII вв.[33]. В конце XIX — начале XX в. сетчатая штриховка также довольно часто украшает керамическую посуду Средней Азии[34].

Некоторые элементы орнамента известны по средневековью. Значительная их часть украшает бортики сосудов. Это два ряда треугольников, обращенных друг к другу вершинами и разграниченных ломаной линией или без таковой (Р. Матчанов, К. Досчанов, М. Матъякубов)[35], смыкающиеся ромбы (Р. Зарипов, Б. Вансов, Р. Матчанов)[36], звездочки (А. Якубов, А. Матъякубов, Р. Зарипов, Е. Сапаев, Г. Самандаров. И. Машарипов, Ш. Каландаров, С. Райимбергенов, А. Бекчанов)[37], свободно разбросанные пятна (К. Досчанов, Р. Исмаилов, Э. Разаков)[38]. Все вышеперечисленные элементы орнамента известны по керамике Куня-Ургенча XV—XVII вв.[39], а первый и последний — по керамике IX—XI вв. из Куня-Уаза и Замахшара[40].

Современные гончары старшего поколения иногда отдают дань традициям предметно-изобразительного орнамента, который появился в искусстве Средней Азии, в том числе и в Хорезме, в конце XIX — начале XX в. Мастера народного декоративно-прикладного искусства того времени довольно часто использовали в своем творчестве изображения дутара, ружья, гребня, ножа или пары ножей[41]. В 30-е годы предпринимались попытки ввести в узор такие новые элементы, как изображения самолетов и машин[42]. Традицию предметно-изобразительного орнамента XIX в. плодотворно развивал недавно умерший К. Досчанов. В его работах чередование изображений традиционных

предметов (ножей, ружей, кумганов, сабель) вызывает ассоциации с эпиграфическим декором средневековой керамики [43]. Совершенно по-иному переосмысливается традиция в творчестве М. Бекчанова, который органически включает повторяющиеся изображения ножа в композицию растительной розетки [44]. Из элементов зооморфного орнамента, известного в конце XIX—начале XX в.[45], до настоящего времени используется изображение змеи, к которой у народов Средней Азии всегда было особое отношение. Многие из них верили в змею как в вечное жизненное начало и считали ее оберегом. Рисунок змеи украшает бортики сосудов Р. Матчанова и И. Балтаева [46].

Таким образом, почти о любом произведении современного гончарного искусства Хорезма можно сказать, что оно традиционно. Однако в каждом случае конкретное содержание такого определения различно. Иногда оно означает, что те или иные черты и элементы дошли до нас из глубины веков, непрерывно передаваясь от мастера к мастеру, из поколения в поколение. В других случаях под традиционностью понимается то, что современный керамист, стремясь внести что-то новое, обращается к мотивам и приемам украшения керамики, которые уже когда-то использовались, но затем были забыты. Такая традиционность их творчества, по существу, равнозначна новаторству и свидетельствует о том, что сейчас мастера Хорезма находятся в состоянии поиска. Это, по-видимому, объясняется как влиянием перемен, происходящих в нашей жизни вообще, так и изменившимися условиями творчества хорезмийских мастеров в частности. Прежде всего другими стали потребитель керамики, его вкусы и запросы, изменилось и назначение керамики. Если раньше она рассматривалась как предмет чисто утилитарный, то сейчас это не только и даже не столько бытовая вещь, сколько произведение декоративного искусства. Если раньше роспись керамики по своему характеру была рассчитана на рассматривание с близкого расстояния в процессе практического пользования посудой, когда любая ее часть, открывавшаяся по мере освобождения сосуда от пищи, представляла самостоятельную эстетическую ценность, то теперь узор рассчитан главным образом на то, чтобы восприниматься в целом и с известного расстояния. Хотя современная керамика и используется в быту, все же главной ее функцией стало украшение интерьера. Немалую роль в этом играет то, что часть керамики, в особенности работы ведущих мастеров, предназначена для музеев, выставок и художественных салонов. Это заставляет мастеров искать новые средства выразительности, повышать декоративные качества изделий, вырабатывать свой индивидуальный почерк, уделяя в то же время особое внимание сохранению ярко выраженного национального стиля. Оставаясь сугубо национальной по своему характеру, в целом современная керамика Хорезма демонстрирует ряд совершенно новых черт, не свойст-

венных старой гончарной посуде. Так, укрупнение традиционного растительного орнамента привело к детализированной разработке внутреннего пространства такого классического элемента, каким является многолепестковая розетка. Иногда она сплошь залита краской и акцентирована четким контуром, иногда в ее лепестки помещается изображение змейки или звездочки. Зачастую розетка меняет свои очертания, превращаясь в ромбовидные фигуры или принимает вид удлиненных бутонов со звездочкой внутри, обращенных широким концом к бортику, либо ее очертания приобретают характер фигурного листа [47].

Воспринимая керамику как вещь не только чисто утилитарную, но и декоративную, некоторые мастера особое внимание стали уделять оформлению наружной части бортика, который до сего времени редко орнаментировался. Сейчас он расписывается с такой же тщательностью, как и его внутренняя сторона. Особенно интересны росписи ханкинского мастера И. Балтаева, который вводит в оформление наружной стороны бортика изображения змейки и цветы [48].

Поиски нового в отдельных работах хорезмийских мастеров приводят к полному разрыву с национальной традицией, как, например, в одной из чаш керамиста из Каттабага А. Бекчанова [49], которая напоминает произведения дальневосточного гончарного искусства.

Таким образом, говоря о традиционности современной хорезмийской керамики, как нам кажется, во-первых, не следует недооценивать то новое, что в ней появилось в последнее время, а во-вторых, необходимо различать, что является развитием непрерывной традиции, а что представляет собой новаторское возрождение забытых и умерших традиций прошлого.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Современная керамика народных мастеров Средней Азии. М., 1974, с. 37—41; Л. Жадова. Современная керамика Узбекистана. М., 1963, с. 124—140.

[2] Л. Жадова. Современная керамика Узбекистана, с. 128—129.

[3] Н. Н. Вактурская. Классификация средневековой керамики Хорезма (IX—XVII вв.).— ТХАЭЭ. Т. 4. М., 1959, рис. 8 на цветной вклейке между с. 286—287.

[4] См., например, бадию с номером 27 153 кп из собрания ГМИНВ.

[5] См., например, бадию № 22 109 кп из собрания ГМИНВ; Современная керамика народных мастеров, ил. 47.

[6] Современная керамика народных мастеров, ил. 25—26.

[7] Там же, ил. 24.

[8] См., например, бадию № 23 616 кп из собрания ГМИНВ.

[9] Н. Н. Вактурская. Классификация средневековой керамики Хорезма, с. 287, рис. 9, цветная вклейка между с. 286—287, рис 8,2.

[10] Там же, с. 321, рис. 32, цветная вклейка между с. 318—319, рис. 29.

[11] Там же, с. 335, рис. 40, цветная вклейка между с. 336—337, рис. 41, 42.

[12] И. М. Джаббаров. Новые материалы к истории гончарного ремесла Хорезма.— ТХАЭЭ. Т. 4. М., 1959, с. 393, рис. 6, *1*, *4*.

[13] См., например, сосуды № 27 152 кп, 27 153 кп из фондов ГМИНВ.

[14] См., например, сосуд № 27 155 кп из фондов ГМИНВ.

[15] Современная керамика народных мастеров..., ил. 32.

[16] Л. Жадова. Современная керамика Узбекистана, с. 139.

[17] См., например, бадию № 27 156 кп из собрания ГМИНВ.

[18] Г. А. Пугаченкова, Л. И. Рempель. История искусств Узбекистана. М., 1965, ил. 85.

[19] Л. И. Альбаум. Балалык-тепе. Таш., 1960, рис. 145—147.

[20] Л. И. Рempель. Архитектурный орнамент Узбекистана. Таш., 1961, с. 229, с. 127, рис. 47, *1*, *4*, с. 129, рис. 48, *2*, с. 130, рис. 49, *1—6*, *8*, *11*, с. 131, рис. 50, *14*, с. 175, рис. 77, *2—4*, с. 135, рис. 53, *2*, *6*, с. 132, рис. 51, *9*, *12*, с. 150, рис. 64, *3*.

[21] См. блюда из собрания ГМИНВ с инвентарными номерами 1162 III, 1514 III, 912 III, 1759 III, 178 III, 1182 III.

[22] В. Г. Мошкова. Ковры народов Средней Азии конца XIX — начала XX в. Таш., 1970, табл. IV, *7*; V, *17*; LXXXIX, *13*.

[23] Н. Симаков. Искусство Средней Азии. СПб., 1883, табл. 23.

[24] Г. Л. Чепелевецкая. Сузани Узбекистана. Таш., 1961, рис. 44, *2—5*.

[25] Н. Н. Соболев. Очерки по истории украшения тканей. М.—Л., 1934, с. 102, 106, 110.

[26] Г. А. Пугаченкова. Искусство Туркменистана. М., 1967, ил. 67; Г. А. Кошеленко. Родина парфян. М., 1977, ил. 78—81.

[27] Л. И. Рempель. Архитектурный орнамент Узбекистана, с. 88.

[28] Н. Н. Соболев. Очерки по истории украшения тканей, с. 122.

[29] См., например, бадию № 22 107 кп из собрания ГМИНВ.

[30] М. Г. Воробьева. Керамика Хорезма античного периода.— ТХАЭЭ. Т. 4. М., 1959, с. 158, рис. 35, *5*, *13*.

[31] Н. С. Сычева. Керамика Кара-тепе.— Новые находки на Кара-тепе в Старом Термезе. М., 1975, с. 128, 134, 138.

[32] Б. Я. Ставиский. Раскопки на городище Кулдор-тепе в 1956—1957 гг.— СА. 1960, № 4, с. 119.

[33] Н. Н. Вактурская. Классификация средневековой керамики Хорезма, цветная вклейка между с. 286—287, рис. 7, *3*, с. 288, рис. 10, *1*, с. 295, рис. 17, *2*, цветная вклейка между с. 316—317, рис. 27, *3*, с. 335. См. также фрагменты посуды из раскопок улицы Караван-сарая в Куня-Ургенче, хранящиеся в фондах Хорезмской археолого-этнографической экспедиции с шифрами $\frac{52\ К—Ур}{4737}$, $\frac{52\ К—Ур}{2629}$.

[34] См. блюда из собрания ГМИНВ с инвентарными номерами 495 III, 4487 III, 4493 III, 1182 III.

[35] Современная керамика народных мастеров, ил. 19, 23, 24. См. также сосуды из фондов ГМИНВ с номерами 27 156 кп, 27 153 кп, 27 155 кп, 27 152 кп, 27 178 кп.

[36] Современная керамика народных мастеров, ил. 34, 18. См. также бадию из фондов ГМИНВ с номером 27 164 кп.

[37] Современная керамика народных мастеров, ил. 8, 25, 29, 35, 36, 41, 47, 49. См. также сосуды из фондов ГМИНВ с номерами 22 105 кп, 22 107 кп, 22 108 кп, 22 109 кп, 23 620 кп, 23 621 кп.

[38] Современная керамика народных мастеров, ил. 22, 51. См. также бадию из фондов ГМИНВ с номером 23 616 кп.

[39] Данные фрагменты хранятся в фондах Хорезмской археолого-этнографической экспедиции под шифрами $\frac{52\ К—Ур}{9130}$, $\frac{52\ К—Ур}{8871}$, $\frac{52\ К—Ур}{8355}$, $\frac{52\ К—Ур}{8576}$.

[40] Н. Н. Вактурская. Классификация средневековой керамики Хорезма, цветная вклейка между с. 286—287, рис. 7, *1—3*.

[41] В. В. Екимова. Гончарное производство в Хивинском районе. — ТХАЭЭ. Т. 4. М., 1959, с. 367, рис. 12; М. К. Рахимов. Художественная керамика Узбекистана. Таш., 1961, с. 90.

[42] Л. Жадова. Современная керамика Узбекистана, с. 140.

[43] Современная керамика народных мастеров, ил. 23.

[44] См. бадию с номером 27 161 кп из собрания ГМИНВ.

[45] В. В. Екимова. Гончарное производство, с. 367.

[46] См. бадии с номерами 24 376 кп, 24 377 кп, 24 378 кп, 27 178 кп.

[47] См., например, сосуд с номером 23 621 кп из собрания ГМИНВ; Современная керамика народных мастеров, ил. 8, 35, 46, 47, 51.

[48] Сосуд хранится в ГМИНВ под номером 27 178 кп.

[49] Современная керамика народных мастеров, ил. 28.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО — Археологические открытия.
АРТ — Археологические работы в Таджикистане.
БФК — Большой Ферганский канал.
ВДИ — «Вестник древней истории». М.
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры.
ГИМ — Государственный исторический музей. М.
ГМИНВ — Государственный музей искусства народов Востока. М.
ДАН — «Доклады Академии наук СССР».
ЗКВ — «Записки Коллегии востоковедов при Азиатском музее Российской Академии наук (Академии наук СССР)».
ЗИРГО — «Записки Имп. Русского географического общества». СПб.
ИАК — «Известия Археологической комиссии». СПб.
ИМКУ — История материальной культуры Узбекистана. Таш.
ИООН АН ТаджССР — «Известия отделения общественных наук Академии наук Таджикской ССР», Душ.
ИЭ — Институт этнографии АН СССР. М.
КСИА — «Краткие сообщения Института археологии АН СССР».
КСИИМК — «Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР». М.—Л.
КСИЭ — «Краткие сообщения Института этнографии АН СССР». М.
МАЭ — Музей антропологии и этнографии Института этнографии АН СССР.
МГУ — Московский государственный университет. М.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. М.—Л.
МИТТ — Материалы по истории туркмен и Туркмении.
МХЭ — Материалы Хорезмской экспедиции АН СССР. М.
ОНУ — Общественные науки в Узбекистане.
Рв — Ригведа.
РГО — Русское географическое общество.
СА — «Советская археология». М.
САИ — Свод археологических источников. М.
СВМК — Сообщения музея восточных культур. М.
СОН — Серия общественных наук.
СЭ — «Советская этнография». М.
ТашГУ — Ташкентский государственный университет. Таш.
ТГЭ — Труды Государственного Эрмитажа. Л.
ТИИ — Труды Института истории АН ТаджССР. Душ.
ТИИАЭ — Труды Института истории, археологии и этнографии. М.
ТИЭ — Труды Института этнографии. М.
ТМИ — Труды музея истории Узбекской ССР. Таш.
ТХАЭЭ — Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. М.
УСА — Успехи среднеазиатской археологии.
ХЭ — Хорезмская экспедиция.
ЮТАКЭ — Южнотуркменистанская археологическая комплексная экспедиция. Аш.
BCH — «Bulletin de correspondance hellénique». P.
BMFEA — «Bulletin of the Far Eastern Antiquities».
ML — «W. H. Roscher. Ausführliches Lexikon der griechischen und römischen Mythologie. B., 1886—1890.
MDAFA — Mémoires de la Délégation Archéologique française en Afghanistan.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 3
М. А. Итина (Москва). Хорезмская экспедиция — основные итоги и перспективы исследований 4
Т. А. Жданко (Москва). Этнографические исследования Хорезмской экспедиции (народы, проблемы, труды) 21
С. К. Камалов (Нукус). Хорезмская экспедиция и развитие исторической науки в Каракалпакии 41
Н. Н. Негматов (Душанбе). История и археология Хорезма в трудах А. Ю. Якубовского 48
Б. В. Андрианов (Москва). Археологическая карта Хорезма . . . 60
А. С. Кесь (Москва). Антропогенное воздействие на формирование рельефа аллювиально-дельтовых равнин Амударьи 72
Э. Мамедов (Ташкент). Палеоэкология человека каменного века в пустынях Средней Азии 81
А. В. Виноградов (Москва). Новые материалы по периодизации и хронологии неолита Кызылкумов 88
А. А. Аскаров (Самарканд). К передатировке культуры Заманбаба . 99
А. В. Оськин (Москва). Символика небесных светил в петроглифах Внутренних Кызылкумов 111
Б. И. Вайнберг (Москва). Скотоводческие племена в древнем Хорезме 121
Х. Ю. Юсупов (Ашхабад). Памятники древних кочевников Заузбойского плато (Чолинкыр) 131
К. А. Акишев, А. К. Акишев (Алма-Ата). К интерпретации символики иссыкского погребального обряда 144
А. В. Гудкова (Одесса), *Ю. П. Манылов* (Нукус). Могильник у городища Базар-кала 154
Л. М. Левина (Москва). Среднеазиатские связи джетыасарской культуры в первой половине I тысячелетия н. э. 170
Н. Г. Горбунова (Ленинград). Древний ферганский косметический прибор 178
М. Г. Воробьева (Москва). Хорезмийские терракоты 184
Б. А. Литвинский, И. Р. Пичикян (Москва). Тахти-Сангин — Каменное городище (раскопки 1976—1978 гг.) 195
А. М. Беленицкий (Ленинград). Хорезмийский всадник — царь или бог? 213
Е. Е. Неразик (Москва). К проблеме развития городов Хорезма . . 219
Ю. А. Рапопорт (Москва). Некоторые итоги изучения дворца на городище Топрак-кала 228
М. С. Лапиров-Скобло (Москва). О некоторых приемах построения формы сводов в древнем Хорезме 241
Г. А. Пугаченкова (Ташкент). Уникальная группа монет чаганианского чекана VI в. 250
Н. С. Сычева (Москва). Традиции и новаторство в современной керамике Хорезма 262
Список сокращений 271

1 р. 90 к.